

ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№1
2026

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X

Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Коркунов Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.01.2026 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ	
Социальные сети как инструмент коммуникации органов власти с гражданами: стратегии взаимодействия и противодействие дезинформации. Герасимова Л.А., Губернаторова Н.Н.	4
Теоретико-методологические основы исследования процесса институциализации лоббизма в современной России. Литвиненко Д.В., Файзулина А.А., Чиркова А.О., Чайкин И.А., Терешина А.Н.	10
Динамика и перспективы развития партийной дипломатии в современной России. Фомичев И.А.	12
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ	
Особенности функционирования и законодательное регулирование «врачающихся дверей» в политической системе США. Литвиненко Д.В., Файзулина А.А., Чиркова А.О., Чайкин И.А., Терешина А.Н.	16
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
Стратегии взаимодействия с неарктическими государствами: pragматическая логика арктической политики Сингапура. Цуй Лун	19
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА	
Ранний буддизм в истории бурят-монголов. Жамбаев Б.Ц., Жамбаева У.Б.	23
РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ	
Институт искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права. Иванов С.В.	26
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ	
Современные методы защиты информации ограниченного доступа в государственных органах, включая органы критической информационной инфраструктуры. Романычев Н.О.	31
Организации публичной власти России: институциональные границы, механизмы координации и критерии оценки единой системы. Тензин В.Р.	35
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Об административной ответственности в строительной сфере. Столярова З.Н., Бажин Г.М.	39
Правовые основы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности Китайской Народной Республики. Бондарева Н.А.	45
Конституционно-правовой статус социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемные аспекты. Веселый И.Н.	48
Особенности правового регулирования энергетических рынков интеграционных объединений. Гуляева Т.К.	53
Соглашение о финансировании участия в кредите как самостоятельный договорный тип. Егоров Д.П.	59
О необходимости внедрения проекта «Открытые лицензии России» в контексте достижения технологического суверенитета. Зелинский В.Е.	62
Субсидиарная ответственность по долгам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ, и «брошенных» юридических лиц. Исаев К.М.	65
Правовая доктрина и цивилистическая характеристика квалифицированной электронной подписи в контексте оборота цифровых финансовых активов. Кадырова С.Д.	69
Внедрение электронных кадровых технологий в муниципальной службе: инновации и правовые вызовы. Кудинов А.С.	72
Отдельные аспекты налогообложения личных фондов в России. Кузнецов А.А.	75
Право автора на вознаграждение в договорах, в которых он не является стороной. Малыхин В.Д.	79

Запрет на осуществление предпринимательской деятельности государственными гражданскими служащими: тенденции и перспективы правового регулирования. Пермяков М.В., Банных С.Г., Сарапульцева А.В.	82
Анализ инцидентов информационной безопасности в государственных органах Российской Федерации: возможные пути улучшения уровня защиты конфиденциальной информации. Романычев Н.О.	85
Правовое регулирование логистической деятельности: соотношение императивных и диспозитивных начал. Рунова Е.И.	90
Экологический вред: понятие и сущность, обеспечение эффективности действующего правового механизма возмещения экологического вреда. Собянин А.А.	94
Рекомендации по изменению понятия «Видеогра» в законопроекте о деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации. Хасанов А.А.	98
Государственно-правовое регулирование деятельности естественных монополий. Чевылтыко В.В., Белобородов М.В.	102
Договор цессии как инструмент обхода законодательных ограничений по ОСАГО в практике Приморского края. Черных В.С., Леонов М.Р.	108
Перспективы реализации проекта «Восток-Ойл»: правовой статус и правовое регулирование. Чикира Е.В.	111
СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Единство практики или судебское усмотрение: проблемы обеспечения предсказуемости в арбитражном судопроизводстве. Ахматов Ш.-М.Ш.-М.	114
Применение цифровых технологий в информационно-аналитической деятельности прокуратуры Российской Федерации. Гайдуков И.Ю.	117
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Правовые механизмы защиты от вторичных санкций в M&A. Пуховский А.И.	122
Конституционные основы информационной безопасности в зарубежных странах: права личности, пределы вмешательства государства и гарантии контроля. Толокнова А.А.	128
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Контрабанда наличных средств и криптовалюты: сравнительно-правовой анализ (ст. 200.1 УК РФ). Евсеев А.Д., Евсеев Ф.Д., Гнаузер М.	131
Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Заливин А.Н.	136
Криминологическая политика в механизме противодействия экономической преступности. Засепин М.Н., Засепин А.М.	140
Организация незаконной миграции как угроза национальной безопасности России: уголовно-правовое и криминологическое измерение. Исаев М.Ф.	145
Искусственный интеллект как инструмент организации детских суицидов: новый вызов для уголовного права и криминологии. Чурсин Р.С.	150
Обеспечение общественной безопасности в эпоху цифровизации: некоторые проблемные аспекты. Шеншин В.М.	153
Историко-правовые аспекты ответственности за экстремистские правонарушения в период становления советского государства. Яценко Н.А.	157
КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
История и теория прав и свобод человека и гражданина в ходе оперативного опроса. Лыско Е.А.	161
Криминалистическая характеристика деяний, связанных с организацией «групп смерти» в мессенджере «Telegram»: проблемы выявления и расследования. Чурсин Р.С.	165

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

Social Media as a Communication Tool for Government Bodies and Citizens: Interaction Strategies and Countering Disinformation.	
L. A. Gerasimova, N. N. Gubernatorova	4
Theoretical and Methodological Foundations of Research into the Institutionalization of Lobbying in Contemporary Russia.	
D. V. Litvinenko, A. A. Fayzulina, A. O. Chirkova, I. A. Chaikin, A. N. Tereshina	10
The Dynamics and Prospects of Party Diplomacy Development in Contemporary Russia. I. A. Fomichev	12

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

The Functioning and Legislative Regulation of "Revolving Doors" in the US Political System.	
D. V. Litvinenko, A. A. Fayzulina, A. O. Chirkova, I. A. Chaikin, A. N. Tereshina	16

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Strategies for Interaction with Non-Arctic States: The Pragmatic Logic of Singapore's Arctic Policy.	
Tsui Loong	19

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

Early Buddhism in the History of the Buryat-Mongols.	
Zhambayev B.Ts., Zhambaeva U.B.	23

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

The Institute of Artificial Intelligence in Foreign Public Law Systems.	
Ivanov S.V.	26

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: THEORY AND HISTORICAL ISSUES

Modern Methods of Protecting Restricted Information in Government Agencies, Including Critical Information Infrastructure Agencies.	
N.O. Romanichev	31
Public Authorities in Russia: Institutional Boundaries, Coordination Mechanisms, and Criteria for Assessing a Unified System.	
V.R. Tenzin	35

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

On Administrative Liability in the Construction Sector.	
Z.N. Stolyarova, G.M. Bazhin	39
Legal Foundations of State Regulation of Foreign Economic Activity in the People's Republic of China.	
N.A. Bondareva	45
Constitutional and Legal Status of Socially Oriented Non-Commercial Organizations: Problematic Aspects.	
I.N. Veselyi	48
Characteristics of Legal Regulation of Energy Markets in Integration Associations.	
T.K. Gulyaeva	53
Loan Participation Financing Agreement as an Independent Contractual Type.	
Egorov, D.P.	59
On the Need to Implement the "Open Licenses of Russia" Project in the Context of Achieving Technological Sovereignty.	
Zelinsky, V.E.	62
Subsidiary Liability for the Debts of Legal Entities Excluded from the Unified State Register of Legal Entities and "Abandoned" Legal Entities.	
K.M. Isaev	65
Legal Doctrine and Civil Law Characteristics of Qualified Electronic Signatures in the Context of Digital Financial Asset Circulation.	
S.D. Kadyrova	69
Implementation of Electronic HR Technologies in Municipal Service: Innovations and Legal Challenges.	
A.S. Kudinov	72
Certain Aspects of Taxation of Personal Funds in Russia.	
A.A. Kuznetsov	75
The Author's Right to Remuneration in Contracts to Which He or she is Not a Party.	
V.D. Malykhin	79

Prohibition of Entrepreneurial Activity by State Civil Servants: Trends and Prospects of Legal Regulation.

Permyakov, M.V., Bannykh, S.G., Sarapultseva, A.V. 82

Analysis of Information Security Incidents in Government Agencies of the Russian Federation: Possible Ways to Improve the Level of Confidential Information Protection.

Romanichev, N.O. 85

Legal Regulation of Logistics Activities: The Relationship between Mandatory and Optional Principles.

Runova, E.I. 90

Environmental Damage: Concept and Essence, Ensuring the Effectiveness of the Current Legal Mechanism for Compensation for Environmental Damage.

Sobyanin, A.A. 94

Recommendations for Amending the Definition of "Video Game" in the Bill on the Development and Distribution of Video Games in the Russian Federation.

Khasanov, A.A. 98

State and Legal Regulation of the Activities of Natural Monopolies.

Chevlytko, V.V., Beloborodov, M.V. 102

Assignment Agreements as a Tool for Circumventing Legislative Restrictions on Compulsory Motor Liability Insurance in Primorsky Krai Practice.

V.S. Chernykh, M.R. Leonov. 108

Prospects for the Implementation of the Vostok-Oil Project: Legal Status and Legal Regulation.

E.V. Chikirka. 111

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Unity of Practice or Judicial Discretion: Problems of Ensuring Predictability in Arbitration Proceedings.

Sh.-M.Sh.-M. Akhmatov. 114

Application of Digital Technologies in the Information and Analytical Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

I.Yu. Gaidukov. 117

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Legal Mechanisms for Protection from Secondary Sanctions in M&A.

A.I. Pukhovsky. 122

Constitutional Foundations of Information Security in Foreign Countries: Individual Rights, Limits of State Intervention, and Guarantees of Control.

Toloknova A.A. 128

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Smuggling of Cash and Cryptocurrency: A Comparative Legal Analysis (Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Evseev A.D., Evseev F.D., Gnauzer M. 131

Some Issues in Initiating Criminal Cases for Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies.

Zalivin A.N. 136

Criminological Policy in the Mechanism of Counteraction Economic Crime.

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. 140

Organization of Illegal Migration as a Threat to Russia's National Security: Criminal Law and Criminological Dimensions.

Isaev M.F. 145

Artificial Intelligence as a Tool for Organizing Child Suicides: A New Challenge for Criminal Law and Criminology.

Chursin R.S. 150

Ensuring Public Safety in the Digital Age: Some Problematic Aspects.

Shenshin V.M. 153

Historical and Legal Aspects of Liability for Extremist Offenses during the Formation of the Soviet State.

Yatsenko N.A. 157

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

History and Theory of Human and Civil Rights and Freedoms during an Operational Survey.

Lysko E.A. 161

Forensic analysis of acts related to the organization of "death groups" in the Telegram messenger: problems of detection and investigation.

Chursin R.S. 165

Социальные сети как инструмент коммуникации органов власти с гражданами: стратегии взаимодействия и противодействие дезинформации

Герасимова Лариса Александровна

Магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калужский филиал), gerasimova0707@yandex.ru

Губернаторова Наталья Николаевна

к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калужский филиал)

Статья посвящена анализу социальных сетей как институционализированного канала коммуникации органов государственной и муниципальной власти с гражданами в условиях цифровизации публичного управления. Цель исследования – систематизировать отечественные научные подходы к цифровым публичным коммуникациям и на этой основе предложить типологию стратегий взаимодействия власти с аудиторией в социальных сетях, а также модель противодействия дезинформации, релевантную задачам государственного и муниципального управления. Методологическая база включает теоретико-обзорный анализ российских публикаций по проблематике государственных коммуникаций в соцмедиа, сравнительно-институциональный анализ организационных практик ведения официальных страниц и качественный анализ типовых коммуникативных сценариев (формирование, работа с обратной связью, реагирование на информационные инциденты). В результате обоснованы четыре базовые стратегии присутствия органов власти в социальных сетях: информационная, сервисная, диалоговая и кризисная; показаны их управленические эффекты и ограничения. Предложен «антидезинформационный контур» публичных коммуникаций, включающий мониторинг, верификацию, реагирование и закрепление доверия через повторяемые разъяснения и стандартизацию сообщений. Научная новизна работы состоит в интеграции управленического и коммуникационного подходов к анализу госпабликов и в разработке модели устойчивости публичной коммуникации к дезинформационным воздействиям. Практическая значимость заключается в возможности применения результатов для проектирования регламентов ведения официальных страниц, повышения качества обратной связи и выстраивания протоколов антикризисного реагирования.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление; публичные коммуникации; социальные сети; госпаблики; обратная связь; доверие; кризисные коммуникации; дезинформация; информационная устойчивость.

Введение

В современную цифровую эпоху социальные сети стали неотъемлемым инструментом публичных коммуникаций между органами власти и гражданами. Государственные структуры все активнее выходят в онлайн-среду, стремясь к более открытому и оперативному взаимодействию с населением. По мнению Э.Л. Сидоренко, И.Н. Барциц и З.И. Хисамова государственная коммуникация в цифровой среде требует не только скорости, но и институциональной устойчивости [9]. Это означает, что помимо быстрой реакции на запросы общества, важна системность и надежность каналов коммуникации. Социальные медиа предоставляют власти уникальные возможности: они стирают границы времени и пространства, обеспечивая сиюминутную обратную связь аудитории [5]. Как отмечает Бабаева А.А., в условиях цифровизации именно социальные сети стали уникальным инструментом для изучения общественного мнения и реакции граждан на события. Открытое общественно-политическое взаимодействие сегодня рассматривается не как дань моде, а как необходимое условие эффективного функционирования власти. Организация продуктивного, прозрачного партнерского диалога между государственными органами и населением способствует укреплению гражданского общества [3].

В Российской Федерации особое значение имеет социальная сеть «ВКонтакте» (далее – VK) как основная платформа для органов власти. Именно VK обладает крупнейшей аудиторией русскоязычного населения и предоставляет инструменты для официальной работы с гражданами. В последние годы наблюдается институционализация присутствия госорганов в соцсетях – введены нормативные требования, регламенты и механизмы верификации. Все это формирует новый ландшафт государственных коммуникаций, требующий анализа стратегий взаимодействия и мер по противодействию дезинформации.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном теоретическом обзоре российского опыта коммуникации власти и граждан в социальных сетях, с акцентом на платформу VK как доминирующий канал. В работе предложена авторская типология стратегий взаимодействия органов власти в соцсетях (информационная, сервисная, диалоговая, кризисная) применительно к современному российскому контексту, а также проанализированы институциональные механизмы, такие как обязательная верификация аккаунтов и противодействие дезинформации.

Теоретическая значимость обзора состоит в развитии представлений о цифровой государственной коммуникации: обобщены новейшие подходы (2018–2024 гг.) и выявлены особенности публичного взаимодействия в сети в условиях обязательного присутствия власти онлайн.

Практическая значимость работы связана с тем, что выводы и рекомендации обзора могут быть использованы государственными органами и специалистами пресс-служб для оптимизации работы в соцсетях VK, повышения качества обратной связи с населением и эффективного реагирования на информационные угрозы (фейки, дезинформацию).

Теоретические подходы к коммуникации власти в социальных сетях

Активное использование социальных сетей органами власти опирается на ряд теоретических концепций в области электронной демократии, публичного управления и коммуникационных исследований. В фокусе научного внимания находится переход от односторонней модели информирования к двустороннему диалогу. Развитие интернета и социальных медиа радикально трансформировало традиционные схемы коммуникации «власть – общественность». Если раньше преобладала модель топ-даун (государство транслирует информацию массам), то теперь благодаря соцсетям формируется полиморфная коммуникационная система, в которой граждане не только получают информацию, но и становятся активными участниками обсуждений и соавторами контента. Как подчеркивают О.Ю. Голуб и Е.В. Сергеева, расширение цифрового пространства заменило одностороннюю передачу информации на взаимодействие, где население может прямо участвовать в политических процессах, а открытый диалог становится критерием эффективности власти [4]. Тем самым подтверждается вывод, что цифровая среда повышает требования к прозрачности и подотчетности государственных институтов.

Многие российские исследователи отмечают востребованность новых форм электронного взаимодействия власти с населением. Так, по мнению А.В. Зaborовой, в современном обществе существует объективная потребность внедрения электронных каналов при решении управленических задач и предоставлении услуг гражданам [6]. Действительно, присутствие органов государственного управления в социальных сетях сегодня рассматривается как необходимость для обеспечения информационной прозрачности и обратной связи. Е.А. Зиятдинова подчеркивает, что органам местного самоуправления важно занять позицию оперативного и официального источника информации для жителей на платформах соцмедиа [7]. Тем самым реализуется концепция «открытого государства», где власть активно коммуницирует с гражданами в онлайн-пространстве.

Особый акцент в теоретических работах делается на природе диалога власти и общества в интернете. Е.О. Чугаева характеризует интернет-коммуникации как современные методы диалога, раскрывая культуру взаимодействия государственных структур с населением в сети [11]. А.А. Старцев и Н.В. Гришанин анализируют роль социальных сетей в процессе коммуникации между властью и обществом, отмечая, что соцсети создают новую площадку для публичной дискуссии и согласования интересов [10]. Вовлечение граждан через цифровые платформы рассматривается ныне как важнейшая задача: формируется парадигма партисипаторного управления, при которой население участвует в выработке решений онлайн. Как отмечают В.В. Зотов и А.В. Губанов, сегодня возникает необходимость анализировать именно диалоговые площадки между жителями и органами власти [8]. То есть, речь идет о переходе от информирования к взаимодействию, когда гражданин из пассивного потребителя информации превращается в активного участника коммуникационного процесса.

Социальные сети исследуются также как фактор укрепления социального капитала и доверия. Наличие прямого контакта с официальными лицами (через комментарии, личные сообщения, онлайн-приемы) способно повышать уровень доверия граждан к институтам власти, если коммуникация ведется эффективно. В то же время теоретики подчеркивают риски цифровой среды – от информационной перегрузки до появления недостоверной информации. Эти вызовы требуют от государства новых компетенций: умения управлять цифровым контентом,

modерировать дискуссии, поддерживать устойчивость коммуникационных институтов. Таким образом, теоретический дискурс сходится в том, что социальные сети – это двойственный инструмент, способный как усилить диалог власти и общества, так и породить новые проблемы (фейки, радикализация дискурса и пр.).

Резюмируя, современные подходы рассматривают социальные медиа как мощный ресурс цифровой трансформации государственного управления. Они расширяют возможности партисипации граждан, ускоряют обратную связь и требуют от власти адаптации стратегий коммуникации. Далее обратимся к тому, как эти подходы воплощаются в российских институциональных условиях – какие правила и нормы определяют деятельность госорганов в соцсетях, в первую очередь во «ВКонтакте».

Институциональный контекст коммуникаций органов власти в VK

В последние годы в России сформирована нормативно-правовая база, стимулирующая и регулирующая присутствие органов власти в социальных сетях. Кульминацией этого процесса стало вступление в силу с 01.12.2022 требований об обязательном ведении официальных аккаунтов государственных структур в соцсетях. Согласно распоряжению Правительства РФ, федеральные органы власти, органы местного самоуправления, подведомственные организации и суды обязаны создать и регулярно обновлять официальные страницы в отечественных социальных сетях – прежде всего во «ВКонтакте» и «Одноклассниках» [2, 21]. Данное нововведение реализовано в развитие изменений в Федеральный закон №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», внесенных в июле 2022 года. Таким образом, на законодательном уровне закреплена обязанность органов власти использовать социальные сети для взаимодействия с гражданами, публикации актуальной информации о своей работе, отчетов, комментариев по ключевым вопросам и контактных данных [1]. Это институционально оформило то, что ранее было лишь рекомендуемой практикой.

Одновременно были определены и технические платформы для такого присутствия: правительство утвердило перечень соцсетей, отвечающих требованиям закона (в их число вошли российские VK и «Одноклассники», удовлетворяющие ст. 10.6 ФЗ «Об информации...»). Фактически VK стала основной сценой официальной коммуникации, что обусловлено ее массовой популярностью (аудитория VK в России – около 70 млн пользователей) и юридической юрисдикцией в РФ. К началу 2022 г. подавляющее большинство федеральных органов исполнительной власти уже имело свои сообщества во VK: по данным аналитического отчета, 63 федеральных ведомства вели официальные страницы, суммарная аудитория которых росла ускоренными темпами (в среднем +33% подписчиков за полгода) [14]. Региональные администрации и муниципалитеты также массово создали свои паблики. С 2023 года это обязательное присутствие распространяется даже на бюджетные учреждения (школы, больницы и пр.), что способствует формированию единого цифрового пространства госкоммуникаций.

Для поддержания доверия к официальным аккаунтам введены механизмы подтверждения их подлинности. В 2022 году Минцифры РФ совместно с VK запустили систему дополнительной верификации сообществ госорганизаций через портал «Госуслуги» [18]. Суть в том, что администратор страницы, имеющий право действовать от имени учреждения в Госуслугах, может подтвердить статус сообщества специальным способом. Как сообщается, такой подход помогает снизить риск появления фейковых

страниц и обеспечивает пользователей гарантией безопасности. После прохождения проверки официальные паблики получают особую отметку государственной организации. Это стало ответом на волну случаев, когда злоумышленники создавали поддельные аккаунты чиновников. Например, в Оренбургской области в 2025 году зафиксирован рост числа фейковых профилей, имитирующих страницы должностных лиц органов власти [16]. В таких аккаунтах использовались реальные фото и биографии чиновников, а граждан вводили в заблуждение ложными объявлениями о госуслугах и выплатах, что могло породить неоправданные ожидания у населения. Верификация через Госуслуги призвана пресечь подобные случаи, четко отделяя официальные каналы от самозванцев.

Помимо технической верификации, институциональная сторона включает регламенты работы и методические рекомендации для ведения соцсетей. Существенный вклад в эту область вносит автономная некоммерческая организация «Диалог Регионы», созданная для развития цифровых коммуникаций власти. АНО «Диалог» проводит обучающие программы для государственных пресс-секретарей, выпускает типовые рекомендации по контенту и модерации (например, как быстро реагировать на сообщения граждан, в каком стиле писать посты). Следование рекомендациям «Диалога» побуждает органы власти использовать разные форматы организации медиаконтента, повышающие привлекательность официальных страниц. Например, рекомендуется публиковать видеоролики, инфографику, использовать живой язык вместо канцелярии – все это направлено на лучшее вовлечение аудитории.

Отдельно стоит отметить метрики эффективности и учет обратной связи. Практически при каждом министерстве и регионе созданы центры управления (ЦУР), которые мониторят обращения граждан, в том числе через соцсети. В рамках концепции «Цифрового государства» внедрены системы вроде «Инцидент-менеджмента», отслеживающие упоминания проблем в соцсетях и перенаправляющие их в ответственные органы для решения. Счетная палата РФ с 2019 г. публикует доклад «Открытость государства в России», где одним из критериев открытости является как раз активность в соцсетях и качество взаимодействия (ответы на вопросы, своевременное обновление информации) [14]. Число ведомств с высокой степенью открытости благодаря соцсетям выросло значительно. Иными словами, присутствие в VK теперь не формальность, а показатель эффективности ведомства.

Таким образом, институциональный контекст на 2023–2024 годах определяется:

- юридической обязательностью присутствия власти в социальных сетях (VK/OK) и нормативной подотчетностью этой деятельности;
- техническими средствами удостоверения официальных аккаунтов и защиты от фейков,
- методической поддержкой и регламентацией, направленными на выработку единых стандартов публичной коммуникации.

Все эти условия создают базу для реализации различных стратегий взаимодействия с гражданами, о которых речь пойдет ниже.

Стратегии взаимодействия органов власти в социальных сетях

Практика показывает, что одного присутствия органа власти в соцсетях недостаточно: решающее значение имеет **выбранная коммуникационная стратегия**. На основе анализа отечественных исследований целесообразно выделять четыре базовые стратегии ведения официальных аккаунтов – **информационную, сервисную, диалоговую и кризисную**, различающиеся целями и инструментами взаимодействия с аудиторией.

1. Информационная стратегия предполагает использование соцсетей как канала трансляции официальной позиции и разъяснения решений. В рамках этой модели публикуются новости, отчеты, анонсы, пресс-релизы, разъясняющие материалы и ответы на типовые вопросы. Формат «онлайн-газеты» повышает прозрачность за счет доступа к первоисточнику и позволяет контролировать повестку; слабое место – риск низкой вовлеченности при отсутствии реакции на отклики аудитории.

2. Сервисная стратегия ориентирована на практическую пользу для граждан и работу с обращениями: консультации, маршрутизация запросов, помощь в получении услуг, запись на прием, использование бюджетов и чат-ботов. Эта модель усиливает клиентоориентированность, но требует ресурсов (модерация, компетентные ответы) и организационной поддержки; в практике встречается неравномерно – от закрытых комментариев до высоких показателей отклика в отдельных ведомствах.

3. Диалоговая стратегия нацелена на двустороннюю коммуникацию и вовлечение граждан: ответы в комментариях, интерактивные форматы (прямые эфиры, опросы), персонализированный и более понятный стиль. Эффект – снижение дистанции «власть–общество», рост доверия и легитимности; ограничение – необходимость развитой культуры публичного общения и готовности работать с критикой.

4. Кризисная стратегия реализуется в условиях ЧС, социальных напряжений, эпидемий и информационных атак. Соцсети используются для оперативного информирования, опровержения слухов и управления общественными настроениями; ключевые задачи кризисных коммуникаций – «управление восприятием рисков и поддержание доверия» [12]. Важный элемент – постоянный мониторинг и подготовленные сценарии реакции. Как отмечал представитель МИД России С.Н. Налобин, «если ... появляется фейк, ... создается команда, которая его переводит, анализирует и формирует антитезис» [13], что иллюстрирует проактивную модель реагирования.

На практике стратегии редко встречаются в «чистом виде»: органы власти обычно комбинируют информационный контур (как базовый), сервисные элементы (в зависимости от функций), диалоговые практики (по мере развития компетенций) и кризисные протоколы (по ситуации). Дополнительно может проявляться **имиджевая** линия (формирование позитивного образа власти), пересекающаяся с информационной и диалоговой стратегиями.

В целом российская практика 2018–2024 гг. подтверждает, что соцсети стали **многофункциональным инструментом** публичных коммуникаций власти. Однако расширение возможностей сопровождается ростом рисков, прежде всего – дезинформации, что требует системных мер противодействия, рассматриваемых далее.

Риски дезинформации и механизмы противодействия

Дезинформация в социальных сетях – одна из наиболее острых угроз для органов власти, ведущих коммуникацию онлайн. Распространение заведомо ложных или искаженных сведений подрывает доверие, провоцирует панику и может использоваться для манипуляции общественным мнением. Российская практика последних лет показывает широкий спектр форм – от слухов и «фейк-ньюс» в кризисах до целенаправленных информационных атак.

Ключевой риск – **поддельные аккаунты и сообщества**, имитирующие официальные паблики должностных лиц. В 2025 г. отмечался рост фейковых страниц, используемых

зуемых для дезинформации и мошенничества (в т.ч. «вымышленные выплаты», сбор персональных данных под видом записи на прием). Такие случаи дезориентируют граждан и наносят репутационный ущерб власти; поэтому усиливаются меры верификации и информирование населения о признаках фейков (например, предупреждения региональных администраций «Осторожно: фейки!») [16].

Второй существенный риск – **вирусное распространение ложных сведений в период кризисов**. Пандемия COVID-19 показала, что фейки (о лечении, целях ограничений и т.п.) способны быстро охватывать массовую аудиторию, требуя оперативных опровержений и опережающих разъяснений. Эксперты форума «Диалог о фейках» подчеркивают, что дезинформация стала инструментом, способным «посеять панику», а фейки становятся все более изощренными [13]. Дополнительное усложнение создают **дипфейки** (разновидность *синтетического медиа*: аудио-, видео- или мультимодальный контент, который **искусственно сгенерирован или существенно изменен с помощью ИИ** так, что у зрителя/слушателя создается впечатление подлинной записи реальных событий или речи человека), повышающие сложность верификации и требования к технологиям и медиаграмотности аудитории.

Механизмы противодействия дезинформации можно представить как многоуровневую систему:

- **Оперативное информирование и опровержение.** Наиболее эффективная тактика – быстрое представление официальной, проверенной информации и публичное опровержение слухов. МИД РФ использует командный формат реагирования: «Если где-то в интернете появляется фейк, мы создаем команду, которая переводит, анализирует, создает антитезис», – отметил представитель МИД РФ С.Н. Налобин на форуме «Диалог о фейках 2.0» [13]. Также используются постоянные рубрики и хэштеги (например, «StopFake»).

- **Юридические меры и модерация.** С 2019 г. предусмотрена административная ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации (ст. 13.15 КоАП РФ). Прокуратура и Роскомнадзор могут требовать удаления фейкового контента; параллельно администраторы официальных сообществ осуществляют модерацию (удаление провокаций, пометки о недостоверности). Платформа VK в кризисных ситуациях может повышать видимость официальных оповещений.

- **Верификация и технологические решения.** Верификация официальных аккаунтов через Госуслуги снижает риск подмены источника, а выявленные фейковые страницы блокируются по запросам. Дополнительно развиваются инструменты мониторинга аномальных всплесков и кампаний дезинформации; в 2023 г. сообщалось о разработке системы на базе ИИ для выявления таких кампаний и оценки их влияния [19].

- **Повышение медиаграмотности населения.** Долгосрочный контур противодействия связан с обучением критическому восприятию информации. «Чтобы противостоять фейкам, необходимо повышать медиаграмотность и общий образовательный уровень населения», – подчеркнул директор медиахолдинга ТОО «Dara Consult» (Казахстан) Ержан Богдатов на международном форуме «Диалог о фейках 2.0» [13]. Используются памятки, информационные кампании, занятия по цифровой безопасности; экспертные форумы АНО «Диалог» выступают площадкой обмена практиками.

- **Международное сотрудничество.** Поскольку дезинформация трансгранична, обсуждаются подходы и этические нормы противодействия на международных площадках и в формате обмена практиками (в т.ч. ОДКБ, ООН, ЮНЕСКО) [15].

Важно соблюдать баланс: защита общества от опасных ложных воздействий не должна превращаться в подавление критики и свободы выражения. В отечественной научной дискуссии подчеркивается необходимость прозрачных критериев и опоры на открытую, своевременную, фактологичную коммуникацию как на базовую профилактику слухов.

В целом российский опыт 2018–2024 гг. показывает рост институциональной готовности к дезинформационным рискам в VK: от верификации и протоколов опровержений до просветительских мер. При этом развитие дипфейков и генеративного ИИ требует постоянного совершенствования инструментов мониторинга, верификации и коммуникационных практик.

Выводы

Социальные сети институционально закрепились как значимый канал публичных коммуникаций органов власти, при этом «ВКонтакте» и «Одноклассники» определены в качестве площадок для ведения официальных страниц, а обязанность их создания и обновления нормативно закреплена и сопровождается требованиями к открытости и взаимодействию с пользователями. Проведенный обзор подтверждает сдвиг от преимущественно одностороннего информирования к интерактивной модели: соцсети становятся пространством прямого диалога, потенциально повышающим прозрачность и подотчетность публичного управления. На этой основе систематизирована типология стратегий присутствия органов власти в соцсетях – информационная, сервисная, диалоговая и кризисная, – которые на практике чаще комбинируются в зависимости от функций органа и уровня коммуникационной зрелости. Эффективное использование соцмедиа позволяет одновременно решать задачи информирования о мерах и инициативах, формирования публичного образа, сбора обратной связи и вовлечения граждан, сервисного сопровождения, антикризисного реагирования и снижения эффекта информационных угроз; вместе с тем сохраняются ограничения, включая неравномерность вовлеченности и качества ответов, дефицит кадров и компетенций, а также устойчивые риски дезинформации. Оптимизация цифровых коммуникаций предполагает развитие компетенций у сотрудников, регламентацию сроков и стандартов реакции на обращения, использование понятного «человеческого» языка, развитие межведомственного мониторинга обращений и сигналов в соцсетях, а укрепление доверия обеспечивается, в том числе, верификацией официальных страниц через инфраструктуру «Госуслуг» и регулярной актуализацией информации. Противодействие дезинформации требует комплексного подхода, сочетающего коммуникационные меры (прозрачность, опровержения, просвещение), технологические решения (верификация, мониторинг) и правовые инструменты; в конкурентной медиасреде устойчивее оказываются модели, основанные на своевременной и проверяемой информации. В целом социальные сети остаются «двойным» инструментом: при грамотной стратегии они усиливают доверие и управляемую эффективность, при ошибках – повышают конфликтность и риски, поэтому дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на уточнении критериев эффективности стратегий, разработке метрик устойчивости к дезинформации и описании оптимальных моделей коммуникации для муниципального уровня.

Полученные выводы имеют значение для развития теории государственного управления в цифровую эпоху и могут быть полезны для практикующих чиновников, стремящихся выстроить эффективный диалог с обществом на платформе VK и других социальных медиа.

Литература

1. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009 г. - № 7. - Ст. 776 с изм. и дополн. в ред. от 14.07.2022.
 2. Распоряжение Правительства РФ «Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц» от 02.09.2022 № 2523-р // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2022 г. - № 37. - Ст. 6381.
 3. Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов Правительства Москвы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. №3. С. 198–215.
 4. Голуб О. Ю., Сергеева Е. В. Кризисная коммуникация власти и общества в социальных медиа: определение проблемных зон // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 257–263.
 5. Ермоленко М. А. Структура медиаобращений органов местного самоуправления: опыт комплексного анализа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 3 (57). С. 20–29.
 6. Зaborova E. N. Взаимодействие власти и населения: электронные реалии // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 2. С. 117–126.
 7. Зиятдинова Э. М. Социальные сети как инструмент коммуникации власти и общества: состояние и тенденции развития (на примере органов местного самоуправления РФ) // Казанский социальногуманитарный вестник. 2021. № 2 (49). С. 13–18.
 8. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа // Цифровая социология. 2021. № 4. С. 28–39.
 9. Сидоренко Э.Л., Барциц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.
 10. Старцев А.А., Гришанин Н.В. Социальные сети в процессе коммуникации между властью и обществом // Коммуникология. 2018. Том № 6. № 5. С. 108-119.
 11. Чугаева Е.О. Интернет-коммуникации как современные методы диалога власти и общества // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 85-92.
 12. Шарков Ф.И. Управление кризисными коммуникациями (анализ рисков и реагирование на угрозы) // Коммуникология: электронный научный журнал. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 8-21.
 13. «Вы нужны нам»: международные эксперты обсудили методы совместной борьбы с дезинформацией. – Текст : электронный // Официальный сайт АНО по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» : [сайт]. – URL: <https://dialog.info/vy-nuzhny-nam-mezhdunarodnye-eksperty-obsudili-metody-sovmestnoj-borby-s-dezinformacijej/#:~:text=%20из%20организаций%20западных%20правительств> (дата обращения: 29.12.2025).
 14. Глобальные принципы ООН в области информационной безопасности. – Текст : электронный // Официальный сайт Организации Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/en/information-integrity/global-principles?utm_source= (дата обращения: 29.12.2025).
 15. В Секретariate ОДКБ состоялись консультации руководителей пресс-служб (информационных подразделений) министерств иностранных дел государств – членов Организации. – Текст : электронный // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности : [сайт]. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-sekretariate-odkb-sostoyalis-konsultatsii-rukovoditeley-press-sluzhb-informatsionnykh-podrazdeleni/#loaded (дата обращения: 29.12.2025).
 16. В соцсетях появляются поддельные паблики должностных лиц органов власти. – Текст : электронный // Сетевое издание PRICHAGANIE.RU : [сайт]. – URL: <https://prichaganie.ru/v-socsetyah-pojavljajutsja-poddelenye-pabliki-dolzhnostnyh-lic-organov-vlasti/#:~:text=B%20интернет,распространения%20дезинформации%2C%20мо> (дата обращения: 29.12.2025).
 17. Глобальные принципы ООН в области информационной безопасности. – Текст : электронный // Официальный сайт Организации Объединенных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/en/information-integrity/global-principles?utm_source= (дата обращения: 29.12.2025).
 18. Госучреждения смогут верифицировать свои сообщества "ВКонтакте" на "Госуслугах". – Текст : электронный // Информационное агентство ТАСС : [сайт]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/15069633> (дата обращения: 29.12.2025).
 19. График робота: фейки в Сети по запросу властей найдет алгоритм. – Текст : электронный // Информационный портала Известия iz.ru : [сайт]. – URL: <https://iz.ru/1370015/valerii-kodachigov/grafik-robota-feiki-v-seti-po-zaprosu-vlastei-naidet-algoritm#:~:text=%> (дата обращения: 29.12.2025).
 20. О консультациях МИД стран СНГ по информационным вопросам . – Текст : электронный // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь : [сайт]. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b90c91b24531ef86.html?utm_source= (дата обращения: 29.12.2025).
 21. Органы власти РФ будут обязаны вести официальные аккаунты в «Одноклассниках» и VK. – Текст : электронный // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ) : [сайт]. – URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/ (дата обращения: 29.12.2025).

the analysis of official government social media accounts and in developing a model of public communication resilience to disinformation. The practical significance of the findings consists in their applicability to designing regulations for managing official accounts, improving the quality of feedback, and developing crisis-response protocols.

Keywords: state and municipal governance; public communication; social media; official government accounts; feedback; trust; crisis communication; disinformation; information resilience.

References

1. Federal Law "On Providing Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies" No. 8-FZ of 09.02.2009 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2009. No. 7. Art. 776 (as amended and supplemented; as revised on 14.07.2022).
2. Order of the Government of the Russian Federation "On Designating VKontakte and Odnoklassniki as Information Systems and (or) Computer Software Used by State Bodies (including courts, the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation and its territorial departments), as well as by local self-government bodies and organizations subordinate to state bodies and local self-government bodies, for Creating Official Pages" No. 2523-r of 02.09.2022 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2022. No. 37. Art. 6381.
3. Babaeva, A. A. Public authorities on social networks: an analysis of the Moscow Government's accounts // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 10. Journalism*. 2021. No. 3. P. 198–215.
4. Golub, O. Yu., Sergeeva, E. V. Crisis communication between government and society in social media: identifying problem areas // *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*. 2020. Vol. 20, issue 3. P. 257–263.
5. Ermolenko, M. A. The structure of media messages of local self-government bodies: evidence from a comprehensive analysis // *Znak: the Problem Field of Media Education*. 2025. No. 3 (57). P. 20–29.
6. Zaborova, E. N. Government–population interaction: electronic realities // *Scientific Result. Sociology and Management*. 2024. Vol. 10, No. 2. P. 117–126.
7. Ziyatdinova, E. M. Social networks as a tool for government–society communication: current state and development trends (the case of local self-government bodies of the Russian Federation) // *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2021. No. 2 (49). P. 13–18.
8. Zотов, В. В., Губанов, А. В. Social media as dialogue platforms for citizens and public authorities of the constituent entities of the Central Federal District // *Digital Sociology*. 2021. No. 4. P. 28–39.
9. Sidorenko, E. L., Bartsits, I. N., Khisamova, Z. I. The effectiveness of digital public administration: theoretical and applied aspects // *Public Administration Issues*. 2019. No. 2. P. 93–114.
10. Startsev, A. A., Grishanin, N. V. Social networks in the communication process between government and society // *Communicology*. 2018. Vol. 6, No. 5. P. 108–119.
11. Chugaeva, E. O. Internet communications as modern methods of dialogue between government and society // *Communicology: Electronic Scientific Journal*. 2018. Vol. 3, No. 3. P. 85–92.
12. Sharkov, F. I. Crisis communication management (risk analysis and response to threats) // *Communicology: Electronic Scientific Journal*. 2020. Vol. 5, No. 4. P. 8–21.
13. "You Need Us": international experts discussed methods of joint countering disinformation. — Text: electronic // Official website of the ANO for the development of digital projects in public relations and communications "Dialog Regions": [website]. — URL: <https://dialog.info/vy-nuzhny-nam-mezhunarodnye-eksperty-obsudili-metody-sovmestnoj-borby-s-dezinformacij/#:~:text=,нам%20из%20организаций%20запад-ны%20правительств> (accessed: 29.12.2025).
14. In contact with citizens. How federal executive authorities manage social media. — Text: electronic // vc.ru: [website]. — URL: <https://vc.ru/marketing/458139-v-kontakte-s-grazhdanami-kak-vedut-socseti-federalnye-organy-ispolnitelnoi-vlasti> (accessed: 29.12.2025).
15. The CSTO Secretariat hosted consultations of heads of press services (information units) of the foreign ministries of the Member States. — Text: electronic // Official website of the Collective Security Treaty Organization: [website]. — URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-sekretariate-odkb-sostoyalsi-konsultatsii-rukovoditeley-press-sluzhb-informatsionnykh-podrazdeleni/#loaded (accessed: 29.12.2025).
16. Fake public pages of government officials are appearing on social networks. — Text: electronic // PRICHAGANIE.RU online media outlet: [website]. — URL: <https://prichaganie.ru/v-socsetyah-pojavljautsja-poddelye-pabliki-dolzhnostnyh-ljic-organov-vlasti/#:~:text=B%20интернет,распространения%20дезинформации%2C%20мо> (accessed: 29.12.2025).
17. UN Global Principles for Information Integrity. — Text: electronic // Official website of the United Nations: [website]. — URL: https://www.un.org/en/information-integrity/global-principles?utm_source= (accessed: 29.12.2025).
18. Government agencies will be able to verify their VKontakte communities on Gosuslugi. — Text: electronic // TASS News Agency: [website]. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/15069633> (accessed: 29.12.2025).
19. Robot schedule: an algorithm will find online fakes at the request of the authorities. — Text: electronic // Izvestia (iz.ru) information portal: [website]. — URL: <https://iz.ru/1370015/valerii-kodachigov/grafik-roboti-feiki-v-seti-po-zaprostu-vlastei-naidet-algoritm#:~:text=%D0%93%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D0%B%A%20%D1%80%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D3A%20%D1%84%D0%B5%D0%BA%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%A1%D0%85%D1%82%D0%B8,%D1%81%D1%82%D0%85%D0%BF%D0%BB%D0%BD%D1%8C%20%D0%B2%D0%BB%D0%BB%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D1%84%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0> (accessed: 29.12.2025).
20. On consultations of the foreign ministries of the CIS countries on information issues. — Text: electronic // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus: [website]. — URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/b90c91b24531ef86.html?utm_source= (accessed: 29.12.2025).
21. Russian authorities will be required to maintain official accounts on Odnoklassniki and VK. — Text: electronic // Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI): [website]. — URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20220905/308248733.html#:~:text=%D0%9C%D0%9E%D0%

Теоретико-методологические основы исследования процесса институциализации лоббизма в современной России

Литвиненко Даниил Валерьевич
магистрант Дальневосточного федерального университета

Файзулина Адель Андреевна
магистрант Дальневосточного федерального университета

Чиркова Алина Олеговна
магистрант Дальневосточного федерального университета

Чайкин Иван Андреевич
магистрант Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна
магистрант Дальневосточного федерального университета

Политические технологии лоббизма на современном этапе следует рассматривать не только как инструмент влияния на государственные решения, но и как сложный институциональный феномен, встроенный в логику репрезентации интересов и перераспределения власти в постиндустриальных обществах. Лоббизм в этом контексте выступает как особая форма посредничества между различными социальными, экономическими и политическими группами, обеспечивающая легитимное участие негосударственных акторов в процессе выработки государственной политики.

Их эволюция отражает общие трансформации политического управления и соотношения публичного и частного в политической системе. Лоббизм изменяется параллельно с институциональными реформами, цифровизацией управления и ростом значимости негосударственных структур. Новые формы лоббистской активности проявляются в усилении роли экспертных сообществ, аналитических центров и специализированных консалтинговых агентств, которые активно участвуют в формировании общественной повестки и политических решений, опираясь на данные, аналитику и стратегические коммуникации.

Ключевые слова: лоббизм, политические технологии, политическая система, группы интересов, институциализация

В условиях институциональной гибкости и сетевой децентрализации власти лоббистские технологии становятся неотъемлемой частью «мягкой инфраструктуры» политики, формируя каналы влияния, которые часто не попадают под действие формализованных процедур, но оказывают существенное влияние на принятие решений. Эти технологии включают в себя широкий спектр методов: от скрытого информационного сопровождения и организации публичных кампаний до непосредственного взаимодействия с должностными лицами через официальные или неформальные каналы. Влияние лоббизма проявляется также в правотворчестве, когда через участие в разработке нормативных актов осуществляется формирование выгодной нормативной среды для определённых интересов. Кроме того, современный лоббизм характеризуется институционализацией и профессиоанализацией. Появление ассоциаций лоббистов, этических кодексов, реестров и механизмов прозрачности свидетельствует о попытке встроить эту деятельность в правовые рамки. В то же время границы между легитимным лоббизмом и коррупцией остаются размытыми, что требует чёткой нормативной дифференциации и эффективного институционального контроля.

На фоне сложившихся условий российская лоббистская практика всё чаще приобретает черты теневого института, функционирующего посредством неформальных каналов взаимодействия между экономическими, политическими и бюрократическими субъектами. Д.В. Логвиненко в своих исследованиях справедливо указывает на специфическую форму лоббизма в России, которую он характеризует как институт «закулисного взаимодействия». По его мнению, основными субъектами в такой системе выступают не только традиционные группы интересов, такие как крупный бизнес, корпорации или отраслевые ассоциации, но и профессиоанальные медиаторы — посредники, обладающие доступом к административному ресурсу, информацией об актуальных политических конфигурациях и навыками стратегической манипуляции. Эти медиаторы не просто представляют интересы — они превращают доступ к органам власти в актив, который может быть конвертирован в политический или экономический капитал.

Принципиальное значение для научного анализа имеет разграничение между нормативной легитимностью лоббистской деятельности и её фактической функциональной эффективностью. Такая дихотомия позволяет лучше понять причины устойчивости неформальных лоббистских практик в условиях слабой институционализации. В рамках политологических концепций подчеркивается, что эффективность лоббизма определяется не столько правовым признанием, сколько способностью субъекта встроиться в сложную архитектуру принятия решений, используя персональные связи, патронажные отношения и кулачные договорённости. Исследователи Н.Н. Меньшикова и М.В. Черноскутова особо акцентируют внимание на том, что в российской практике наблюдается трансформация GR-деятельности в инструмент легализации неформального влияния, при этом формальные механизмы взаимодействия с органами власти (публичные слушания, экспертные заключения, участие в рабочих группах) зачастую используются как фасад, скрывающий реальный механизм лоббистского давления. Авторы подчеркивают, что такие механизмы часто служат легитимации решений, уже принятых в результате неформальных переговоров и компромиссов между заинтересованными акторами[1].

Одной из важнейших тенденций развития лоббизма в современной России становится не только расширение палитры применяемых методов, но и смещение акцентов с традиционного *government relations* на более агрессивные формы воздействия, включая элементы политического PR, информационных кампаний, а в отдельных случаях — провокаций, направленных на целенаправленное дестабилизирование политико-административной среды. Л.Е. Ильичева обращает внимание на использование провокации как осознанной тактики, применяемой для разрушения существующего институционального равновесия. Провокация в этом контексте не является случайным действием — напротив, она тщательно сконструирована с целью спровоцировать предсказуемую реакцию со стороны власти или общества и тем самым создать условия, благоприятные для принятия нужного решения или легитимации позиции оппонента. Особенно востребованной такая стратегия становится в условиях скрытой конкуренции между ветвями власти, а также между формально подконтрольными, но де-факто автономными квазигосударственными образованиями, чьи интересы часто вступают в конфронтацию, не имея возможности быть выражеными в рамках официального дискурса.

Современные эмпирические исследования показывают, что российская политическая система, несмотря на декларируемую открытость и подотчетность, остаётся закрытой для публичного лоббирования в классическом западном смысле. В этих условиях усиливается значимость таких характеристик, как инсайдерский статус, принадлежность к административным кланам, наличие «входов» в исполнительную вертикаль. Это приводит к воспроизведению клиентелистских структур, где институциональный лоббизм подменяется системой неформальных обязательств, распределением ресурсов через непрозрачные каналы и отсутствием полноценного общественного контроля. Таким образом, в России складывается уникальная модель лоббистской активности, в которой эффективность определяется не институциональной прозрачностью, а способностью к интеграции в закрытые механизмы власти, часто в обход формальных процедур.

Заключение

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что лоббизм в российском контексте не только продолжает функционировать в условиях правового вакуума, но и формирует собственную логику воспроизведения, в которой слабо институционализированные формы давления на власть становятся нормой, а легальные формы — прикрытием. Это создает парадоксальную ситуацию: с одной стороны, публично осуждаются любые проявления лоббизма как коррупционные практики, с другой — на уровне повседневной политической деятельности они воспринимаются как неизбежный и даже необходимый элемент функционирования системы. Учитывая это, можно говорить о наличии устойчивого институционального дуализма, где де-юре отсутствующий институт де-факто выполняет ключевые функции в процессе формирования государственной политики.

Следует особо подчеркнуть, что в российской политико-правовой деятельности институт лоббизма до сих пор не подвергся полноценному институциональному оформлению, не нашел закрепления в рамках кодифицированных нормативно-правовых актов и, как следствие, продолжает существовать в правовом вакууме. На протяжении нескольких десятилетий тема лоббизма периодически поднимается в экспертных кругах, однако инициативы по его легализации, включая проекты федерального закона «О лоббистской деятельности в органах государственной власти Российской Федерации», в том числе внесенные на рассмотрение Государственной Думы в 1990-х и 2000-х годах, так и не были

приняты. Это свидетельствует не только о низкой политической воле по институционализации данной сферы, но и о глубинных структурных барьерах, мешающих ее нормативному оформлению. Таким образом, лоббизм в России оказался в положении «невидимого института»: он активно функционирует, оказывает реальное воздействие на процесс принятия политических и управленческих решений, но при этом остается вне правового регулирования, что делает его недоступным для общественного контроля и юридической подотчетности.

Российская модель лоббистской деятельности формировалась в особых политico-исторических условиях, на стыке позднесоветского наследия, олигархического капитализма 1990-х годов и формирующейся вертикали исполнительной власти начала 2000-х. Отсутствие реального разделения властей, институциональная слабость парламента, непрозрачность процедур принятия нормативных решений, а также высокая зависимость бюрократии от политических и экономических элит обусловили укоренение лоббизма вне рамок правового поля. В таких условиях произошло смещение акцента с открытых процедур представления интересов на неформальные практики, при которых ключевым ресурсом становится не аргументация позиций, а доступ к принятию решений, основанный на личных связях, корпоративной лояльности и использовании административного ресурса

Литература

1. Семин А.Н. Ограничение права госслужащих на выполнение иной оплачиваемой работы: опыт СНГ // Административное и муниципальное право. – 2024. – № 2.
2. Стариев Ю.Н. Служебное право в России: новеллы законодательства 2020–2022 гг. // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2022. – № 4
3. Уксусова А.С. "Revolving door" как канал рекрутования в США // Скиф. Вопр. студенческой науки. – 2018. – № 6
4. Федорченко С.Н. Анализ эверсивных политических технологий // Проблемный анализ и гос.-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3, № 6.
5. Хабибулина О.В. К вопросу о видах ограничений для публичных служащих РФ // АТР: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26, № 3.

Theoretical and Methodological Foundations of Research into the Institutionalization of Lobbying in Modern Russia

Litvinenko D.V., Fayzulina A.A., Chirkova A.O., Chaikin I.A., Tereshina A.N.
Far Eastern Federal University

Political lobbying technologies today should be viewed not only as a tool for influencing government decisions, but also as a complex institutional phenomenon embedded in the logic of interest representation and power redistribution in post-industrial societies. Lobbying in this context acts as a special form of mediation between various social, economic, and political groups, ensuring the legitimate participation of non-state actors in the process of public policy development. Their evolution reflects the general transformation of political governance and the relationship between public and private in the political system. Lobbying is changing in parallel with institutional reforms, the digitalization of governance, and the growing importance of non-governmental organizations. New forms of lobbying activity are manifested in the growing role of expert communities, think tanks, and specialized consulting agencies, which actively participate in shaping the public agenda and political decisions, relying on data, analytics, and strategic communications.

Keywords: lobbying, political technologies, political system, interest groups, institutionalization

References

1. Semin, A.N. "Restricting the Right of Civil Servants to Perform Other Paid Work: The CIS Experience" // Administrative and Municipal Law. 2024, No. 2.
2. Starilov, Yu.N. "Service Law in Russia: Legislative Amendments for 2020–2022" // Vestnik of the Voronezh State University. Law Series. 2022, No. 4.
3. Uksusova, A.S. "Revolving Door" as a Recruitment Channel in the USA // Skif. Issues of Student Science. 2018, No. 6.
4. Fedorchenko, S.N. "Analysis of Eversive Political Technologies" // Problem Analysis and Public Administration Design. 2010, Vol. 3, No. 6.
5. Khabibulina, O.V. On the issue of types of restrictions for public servants of the Russian Federation // Asia-Pacific Region: economics, politics, law. – 2024. – Vol. 26, No. 3.

Динамика и перспективы развития партийной дипломатии в современной России

Фомичев Игорь Алексеевич

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН им. Патрика Лумумбы, 1142230417@rudn.ru

Актуальность исследования «Динамика и перспективы развития партийной дипломатии в современной России» обусловлена происходящими политическими изменениями и глобальными вызовами, с которыми сталкивается Россия. В условиях растущей международной напряженности и необходимости поиска новых форм взаимодействия с зарубежными партнерами, партийная дипломатия становится важным инструментом для формирования внешнеполитического курса страны. Объектом исследования в работе «Динамика и перспективы развития партийной дипломатии в современной России» является партийная дипломатия как особая форма внешнеполитической активности политических партий в Российской Федерации, а предметом — её современные тенденции и прогнозы на будущее.

Исследование, включает динамику развития партийной дипломатии, специфику функционирования партийной дипломатии и ее влияние на международные отношения, позволяет глубже осмысливать механизмы взаимодействия между государствами и политическими партиями, а также предсказать возможные тенденции в развитии международной политики. Целью исследования в работе «Динамика и перспективы развития партийной дипломатии в современной России» является анализ современных тенденций, влияющих на формирование и развитие партийной дипломатии в России. Задачи исследования включают выявление ключевых факторов, определяющих её современное состояние, а также прогнозирование возможных направлений её развития в контексте внутренней и внешней политики страны, между государствами и политическими партиями на международной арене. Методы исследования включают: контент анализ, качественный анализ, метод кейс стади, метод анализа источников и сравнительный анализ.

Ключевые слова: партийная дипломатия, политические партии, внешняя политика, государственная дипломатия, межпартийное взаимодействие, глобализация, мировой порядок, акторы. многополярный мир.

Современная партийная дипломатия в России характеризуется сочетанием формальной интеграции в государственную внешнюю политику и ряда автономных практик, которые отражают специфику отечественной партийной системы, медийного пространства и институциональных ограничений. Одной из ключевых особенностей является сильная зависимость международной активности партий от госзаказа — как прямого, так и косвенного. Для партий, близких к власти, внешние контакты часто служат продолжением официальной линии: они используются для укрепления geopolитических связей, продвижения экономических интересов и создания платформ для переговоров в неофициальном формате. В свою очередь оппозиционные и маргинальные силы стараются выстраивать международные связи через цивильные сети, тематические и экспертные площадки, зачастую фокусируясь на вопросах прав человека, миграции или экономического сотрудничества, что накладывает отпечаток на характер их взаимодействия с зарубежными партнёрами и ограничивает возможности для массовой мобилизации через внешние связи.

В институциональном плане партийная дипломатия приобретает выражение через несколько основных каналов: межпартийные соглашения, делегации в рамках парламентских связей, международные конференции и форумы, а также экспертные и гуманитарные проекты, организуемые партийными фондами и платформами. При этом растёт роль специализированных структур внутри партий — международных отделов, аналитических центров и внешних советников. Эти структуры, как правило, выступают координаторами мероприятий, готовят повестки, поддерживают контакты с зарубежными коллегами и занимаются коммуникацией в соцсетях. Их професионализация позволяет партиям действовать более системно и предсказуемо, но одновременно подчёркивает разницу между реальной внешней автономией партий и их подчинённостью общенациональной внешней стратегии [3].

Другим важным отличием современной партийной дипломатии является её многоуровневость. Партии действуют не только на уровне центра, но и через региональные отделения, муниципальные сети и молодежные организации. Это даёт возможность параллельно развивать «парадипломатические» инициативы: обмены между регионами, культурно-образовательные проекты, деловые миссии с участием представителей бизнеса и муниципалитетов. Такие практики расширяют инструментальный набор партийной дипломатии и снижают риски изоляции: взаимодействие с муниципальными администрациями зарубежных городов, участие в совместных проектах по урбанистике или экологии создают позитивное прикладное поле для международных контактов вне политической риторики [12].

Значительную роль в современном формате играют информационные и цифровые инструменты. Партии используют социальные сети, видеоконференции и мультимедийные кампании для поддержания контактов с международной аудиторией, проведения онлайн-форумов и обмена экспертными материалами. Цифровизация снизила барьеры для мелких инициатив и позволила проводить регулярные мероприятия с зарубежными коллегами при ограниченных бюджетах. В то же время она усилила уязвимость партнёров к информационным атакам, цензуре и

санкциям, что требует от партий развития навыков информационной безопасности и медиаграмотности [13].

Финансирование и ресурсная база партийной дипломатии в современной России представляют собой ещё одну отличительную черту. Государственная поддержка, донорские сети, корпоративные и элитные связи часто определяют возможности для международной активности. Законодательные ограничения на иностранное финансирование, усиление контроля за внешними связями и репутационные риски заставляют партии искать альтернативные модели поддержки: партнёры с российскими фондами, коммерческими структурами и международными организациями, лояльными к официальной политике. Это влияет и на тематику проектов: предпочтение отдается экономическим, культурным и гуманитарным направлениям, которые легче «продать» аудитории и международным партнёрам в условиях политической напряжённости.

Идеологическая дифференциация партийной дипломатии также становится выраженной особенностью. Партии различного профиля — от коммунистических и социалистических до либеральных и националистических — используют внешние контакты по-разному: первые стремятся к возрождению международных левых сетей и восстановлению связей со странами с похожей политической культурой; вторые — к интеграции в европейские и трансатлантические структуры; третьи — к поиску единомышленников среди консервативных и популистских движений в мире. Это создает сложную картину международных связей, где одни и те же зарубежные акторы могут одновременно взаимодействовать с представителями разных российских партий, ориентируясь на pragматические цели, а не на идеологическую идентичность.

Особая роль возлагается на деятельность партий в отношении российской диаспоры и соотечественников за рубежом. Партии использовали и продолжают использовать диаспору как ресурс для формирования позитивного имиджа страны, оказания социальной поддержки и организации культурно-образовательных проектов. В условиях ограничений официальной дипломатии и ростом взаимного недоверия это направление становится одним из элементов «мягкой силы», где партийные структуры дополняют действия государственных институтов, действуя через национальные сообщества, православные общины и культурные центры.

Нельзя обойти вниманием и проблему легитимности международной активности самих партий. Внутренний раскол доверия к политическим институтам, законодательные барьеры и доминирование отдельных политических сил приводят к тому, что многие международные партнёры оценивают контакты с российскими партиями через призму политической климата внутри страны. Это создает дополнительные ограничения на сотрудничество с западными и международными организациями и стимулирует ориентацию на страны и политические силы, менее подверженные внешнему давлению и санкциям.

Наконец, современная партийная дипломатия в России характеризуется повышенной адаптивностью к внешнеполитическим шокам и кризисам. Механизмы быстрой мобилизации международных контактных сетей, переформатирование тематики встреч (с политической на экономическую или гуманитарную), использование цифровых каналов и региональных платформ позволяют партиям поддерживать внешние связи даже в условиях геополитической изоляции. Вместе с тем способность к самостоятельной инициативе часто ограничена институциональными рамками и рисками для партийной репутации, что делает партийную дипломатию одновременно гибким и уязвимым инструментом внешнеполитической активности.

Партийная дипломатия становится все более заметным фактором, определяющим характер международных взаимодействий России, и её влияние проявляется через ряд взаимосвязанных механизмов, которые в ближайшие годы, вероятно, усиливаются. Один из таких механизмов — функциональное дополнение официальной дипломатии: партийные структуры способны быстро формировать неформальные каналы общения, выстраивать связи с политическими классами других государств и мобилизовать экспертные и общественные ресурсы по конкретным темам. В условиях, когда традиционные каналы дипломатии могут быть ограничены политическим давлением или санкциями, межпартийные контакты служат альтернативным окном для переговоров, обмена информацией и отработки сценариев сотрудничества, особенно в экономической, гуманитарной и экспертно-аналитической сферах. При этом их эффективность будет зависеть от степени профессионализма и репутационной устойчивости российских партий, а также от готовности зарубежных партнёров взаимодействовать с ними вне рамок официальной повестки.

Другая существенная составляющая влияния партийной дипломатии — способность формировать тематические повестки и нормативные наработки. Через участие в международных партийных сетях и форумах российские политические силы могут продвигать собственные интерпретации глобальных проблем (энергетика, миграция, традиционные ценности, суверенитет), влияя на позиции неформальных коалиций и региональных клубов. В перспективе усиление российских инициатив в рамках много极ных площадок (БРИКС, ШОС, Евразийские форматы) и на уровне партийных ассоциаций может способствовать созданию альтернативных международных дискурсов, где российские трактовки будут иметь больше веса. Однако такой эффект сработает только при условии устойчивой кооперации с зарубежными партиями и цивильными институтами, а также при соблюдении прагматической тематики, востребованной партнёрами [9].

Партийная дипломатия также влияет на межгосударственные отношения через экономические и деловые треки. Партийные делегации зачастую выступают связующим звеном между бизнес-сообществами и госструктурами, инициируя деловые миссии, выставки и проекты регионального сотрудничества. В среднесрочной перспективе это может способствовать диверсификации экономических связей, привлечению инвестиций и реализации совместных инфраструктурных инициатив, особенно с регионами Азии, Ближнего Востока и Африки. В то же время усиление такого влияния требует аккуратного балансирования между интересами бизнеса и публичной ответственностью партий, чтобы не усугублять коррупционные риски или конфликт интересов [7].

Партийная дипломатия оказывает заметное воздействие на управление кризисами и конфликтными ситуациями. Партии способны выступать медиаторами в переговорах, когда официальные отношения между странами приостановлены или находятся под сильным политическим давлением. Неформальные переговоры и трекинговые контакты через партийные каналы иногда открывают возможности для деэскалации, обмена заложниками или организации гуманитарных коридоров. Именно поэтому развитие профессиональных навыков переговоров в партийных аппаратах и создание механизмов координации с внешнеторговыми и гуманитарными институтами становятся ключевыми задачами в повышении вклада партийной дипломатии в международную стабильность [17].

Влияние партийной дипломатии просматривается и в работе с диаспорой и транснациональными сообществами. Через коммуникацию с российскими общинами за рубежом партии формируют позитивные представления о

своей стране, оказывают социальную и культурную поддержку, что в долгосрочном счёте может усиливать мягкую силу России. Однако эффективность этих инициатив коррелирует с уровнем доверия к самим партиям: в условиях внутренней политической поляризации и дефицита публичной легитимности диаспора может воспринимать партийные проекты скептически, что снижает их транснациональный эффект.

Среди тенденций, определяющих перспективы партийной дипломатии, стоит выделить дальнейшую институционализацию и профессионализацию. Появление специализированных аналитических площадок, образовательных программ для партийных дипломатов, совместных исследований и обменов опытом способствует повышению качества взаимодействия и его предсказуемости. Одновременно ожидается рост роли негосударственных акторов — университетов, аналитических центров, бизнес-ассоциаций — в партнёрских проектах, что создаёт условия для более гибких и результативных форм сотрудничества.

Технологическая составляющая будет усиливать как возможности, так и риски. Цифровые платформы и социальные сети облегчают коммуникацию, позволяют проводить масштабные кампании и снижать транзакционные расходы на поддержание международных контактов. Но они же усиливают уязвимость к информационным операциям и подрыву доверия со стороны иностранных аудиторий. Поэтому одной из перспективных областей развития станет формирование компетенций в информационной безопасности и медиакоммуникации, а также выработка стандартов прозрачности внешних проектов партий, чтобы минимизировать риски репутационного ущерба.

Политические риски остаются значительными. Нарастающая международная поляризация, санкционные режимы и правовые барьеры усложняют партнёрство с европейскими и североамериканскими организациями, что способствует ориентации на страны глобального юга и регионы, менее зависимые от западных институтов. Такая переориентация имеет свои достоинства, но также ограничивает масштабный обмен политическими технологиями и опытом. Кроме того, усиление влияния партий на внешнюю повестку может вызывать недовольство внутри страны, если международные инициативы партий воспринимаются как инструмент внешнего влияния или продвижения личных интересов политэлиты.

Для того чтобы партийная дипломатия приносила устойчивые положительные результаты в международных отношениях, необходимо сочетание нескольких подходов: прозрачность финансирования и целей внешней работы, согласованность с общегосударственной внешней политикой там, где это необходимо, и автономность партнёров в проектах неполитического характера. Важным направлением является развитие оценочных механизмов эффективности международных инициатив, которые позволят измерять реальные бенефиты для национальных интересов и репутации. Наконец, открытость к многосторонним форматам, фокус на практических сферах сотрудничества (наука, здравоохранение, экология, образование) и накопление кадрового потенциала создадут прочную основу для того, чтобы партийная дипломатия стала не только инструментом политического влияния, но и устойчивым компонентом внешнеполитической архитектуры России.

Литература

1. Ахимюк М. Ю. Евро-атлантическое и российское направления во внешнеполитических концепциях чешских парламентских партий (1993–2021 гг.). URL: https://inislav.ru/sites/default/files/2025_dissertaciya_anhimyuk.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
2. Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы // СПб.: Балт. гос. техн. ун-т. — 2008. URL: <http://www.nicbar.ru/monografia2.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).
3. Ваславский Я. И. Парламентаризм И Парламентская Дипломатия // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. — Litres, 2020. — С. 85. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=8pbaDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA85&ots=NcpRgIRKRg&sig=58RN09wNfYUD9RcJ7Co4jqXYdcU> (дата обращения: 06.01.2026).
4. Гуськов В. В. История новейшего времени. URL: [https://bgpu.ru/vikon/sveden/files/46_B1.V.01.09_Istoriya_noveyshego_vremeni\(1\).pdf](https://bgpu.ru/vikon/sveden/files/46_B1.V.01.09_Istoriya_noveyshego_vremeni(1).pdf) (дата обращения: 06.01.2026).
5. Зуборева М. А. Трансформация политических партий в Германии на современном этапе // Москва. — 2021. URL: http://www.dipacademy.ru/documents/2222/Диссертация_М.А.Зуборева_2021.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
6. Иванов И. С. Новая российская дипломатия: десять лет внешней политики страны. — ОЛМА Медиа Групп, 2002. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=JWOx10Hle-sC&oi=fnd&pg=PA1&ots=ePHpXjKMzo&sig=NmuPolziXSgyv7kYvRK9R9eUdQw> (дата обращения: 06.01.2026).
7. Касымов А. А. Доминирующие тенденции и перспективы партийного строительства в Республике Таджикистан // Душанбе: Таджикский национальный университет. — 2021. URL: <https://tnu.tj/avtorefi/avtorefKasymovAA.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).
8. Кулинченко А. В. Политические партии и развитие демократии: опыт России и Германии // Полис. Политические исследования. — 2004. — №. 2. — С. 156–169. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9164364> (дата обращения: 06.01.2026).
9. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2. 0» во внешней политике Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2014. — №. 3. — С. 95–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-2-0-vo-vneshney-politike-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 06.01.2026).
10. Нарышкин А. А. Экономическая дипломатия во внешнеполитической деятельности Российской Федерации в период современной трансформации международных отношений : дис. — М., 2023, 2023. URL: http://dipacademy.ru/documents/8310/Дис_НАРЫШКИН_АА_для_размещения.pdf (дата обращения: 06.01.2026).
11. Омельченко Н. А. Институт парламентских партий в Российской Федерации: факторы трансформации в контексте современных политических инноваций : дис. — государственный университет управления, 2024. URL: <https://diss.unn.ru/files/2024/1427/diss-Stepanova-1427.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).
12. Пашковский П. И. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы // Симферополь: ИП Бровко АА. — 2023. URL: <https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2021/10/текст.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).
13. Син Л., Хуэй Л. Ч., Яньхун Х. Анализ взаимоотношений между правящими партиями Китая и России в контексте дипломатии глав государств // Российско-китайские исследования. — 2023. — Т. 7. — №. 3. — С. 258–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vzaimootnosheniy-mezhdu-pravyaschimi-partiyami-kitaya-i>

rossii-v-kontekste-diplomatii-glav-gosudarstv (дата обращения: 06.01.2026).

14. Слуцкий Л. Э. Многопартийность и внешняя политика РОССИИ // Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2025. – Т. 16. – №. 1 (46). – С. 51-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogopartiynost-i-vneshnaya-politika-rossii> (дата обращения: 06.01.2026).

15. Смирнов Н. А. Роль публичной дипломатии в современных политических процессах // Москва. – 2017. URL: https://iphras.ru/uplfile/aspir/autoreferat/smirnov/dis_smirnov.pdf (дата обращения: 06.01.2026).

16. Степанова С. С. Перспективы и тенденции развития института парламентских партий в современной России // Управление. – 2022. – Т. 10. – №. 3. – С. 98-104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-tendentsii-razvitiya-instituta-parlamentskikh-partiy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 06.01.2026).

17. Уляшкина Е. Г. Политические партии во внешнеполитическом процессе Российской Федерации: механизмы участия : дис. – Российский университет дружбы народов, 2020. URL: <https://mydissser.com/dfiles/70189195.pdf> (дата обращения: 06.01.2026).

18. Шульце П. Развитие политической системы в современной России и сравнение ее с политической системой Германии // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 1999. – №. 7. – С. 035-053. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21092467> (дата обращения: 06.01.2026).

Dynamics and prospects for the development of party diplomacy in modern Russia

Fomichev I.A.

RUDN named after Patrice Lumumba

The relevance of the study "Dynamics and Prospects for the Development of Party Diplomacy in Modern Russia" is due to the ongoing political changes and global challenges facing Russia. In the context of growing international tension and the need to search for new forms of interaction with foreign partners, party diplomacy is becoming an important tool for shaping the country's foreign policy. The object of research in the work "Dynamics and Prospects for the Development of Party Diplomacy in Modern Russia" is party diplomacy as a special form of foreign policy activity of political parties in the Russian Federation, and the subject is its modern trends and forecasts for the future.

The study includes the dynamics of the development of party diplomacy, the specifics of the functioning of party diplomacy and its impact on international relations, allows a deeper understanding of the mechanisms of interaction between states and political parties, as well as predicting possible trends in the development of international politics. The purpose of the study in the work "Dynamics and prospects for the development of party diplomacy in modern Russia" is to analyze modern trends affecting the formation and development of party diplomacy in Russia. The objectives of the study include identifying key factors that determine its current state, as well as predicting possible directions for its development in the context of the country's domestic and foreign policy, between states and political parties in the international arena. Research methods include: content analysis, qualitative analysis, herd case method, source analysis method, and benchmarking.

Keywords: party diplomacy, political parties, foreign policy, state diplomacy, inter-party interaction, globalization, world order, actors. a multipolar world.

References

1. Ankhimyuk M. Yu. Euro-Atlantic and Russian Directions in the Foreign Policy Concepts of Czech Parliamentary Parties (1993–2021). URL: https://inslav.ru/sites/default/files/2025_dissertaciya_anhymyuk.pdf (date of access: 06.01.2026).
2. Baranov N. A. Evolution of Modern Russian Democracy: Trends and Prospects // St. Petersburg: Baltic State Tech. University – 2008. URL: <http://www.nicbar.ru/monografia2.pdf> (date of access: 06.01.2026).
3. Vaslavsky Ya. I. Parliamentarianism and Parliamentary Diplomacy // Trajectories of Russia's Political Development: Institutions, Projects, Actors. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference of the Russian Academy of Political Sciences, Moscow, Moscow State Pedagogical University, December 6–7, 2019. – Litres, 2020. – P. 85. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=8pbaDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PA85&ots=NcpRgIRKrg&sig=58RN09wNfYUD9Rcj7Co4jqXYdcU> (accessed: 06.01.2026).
4. Guskov V. V. History of Modern Times. URL: [https://bgpu.ru/vikon/sveden/files/46_B1.V.01.09_Istoriya_noveyshego_vremenii\(1\).pdf](https://bgpu.ru/vikon/sveden/files/46_B1.V.01.09_Istoriya_noveyshego_vremenii(1).pdf) (accessed: 06.01.2026).
5. Zuboreva M. A. Transformation of Political Parties in Germany at the Current Stage // Moscow. – 2021. URL: http://www.dipacademy.ru/documents/2222/Dissertation_M.A.Zuboreva_2021.pdf (date of access: 06.01.2026).
6. Ivanov I. S. New Russian Diplomacy: Ten Years of the Country's Foreign Policy. – OLMA Media Group, 2002. URL: <https://books.google.com/books?hl=ru&lr=&id=JWOx10Hle-sC&oi=fnd&pg=PA1&ots=ePHpXjKMzo&sig=NmuPolziXSgyv7kYvRK9R9eUdQw> (date of access: 06.01.2026).
7. Kasymov A. A. Dominant trends and prospects of party building in the Republic of Tajikistan // Dushanbe: Tajik National University. - 2021. URL: <https://tnu.tj/avtoref/avtorefKasymovAA.pdf> (date of access: 06.01.2026).
8. Kulichenko A. V. Political parties and the development of democracy: the experience of Russia and Germany // Polis. Political studies. - 2004. - No. 2. - P. 156-169. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9164364> (date of access: 06.01.2026).
9. Marchukov A. N. "Public diplomacy 2. 0" in the foreign policy of the Russian Federation: problems and prospects of development // Bulletin of Moscow University. Series 25. International relations and world politics. – 2014. – No. 3. – P. 95-114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-2-0-vo-vneshney-politike-rossiyskoy-federatsii-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (date of access: 06.01.2026).
10. Naryshkin A. A. Economic diplomacy in the foreign policy activities of the Russian Federation during the modern transformation of international relations: diss. – M., 2023, 2023. URL: http://dipacademy.ru/documents/8310/Dis_NARYSHKIN_AA_dlya_razmeshcheniya.pdf (date of access: 06.01.2026).
11. Omelchenko N. A. Institute of Parliamentary Parties in the Russian Federation: Transformation Factors in the Context of Modern Political Innovations: Diss. – State University of Management, 2024. URL: <https://diss.unn.ru/files/2024/1427/diss-Stepanova-1427.pdf> (accessed: 06.01.2026).
12. Pashkovsky P. I. Foreign Policy Activities of the State Duma of the Russian Federation: Genesis, Evolution, Prospects // Simferopol: IP Brovko AA. – 2023. URL: <https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2021/10/text.pdf> (accessed: 06.01.2026).
13. Xing L., Hui L. C., Yanhong H. Analysis of the Relations between the Ruling Parties of China and Russia in the Context of the Diplomacy of Heads of State // Russian-Chinese Studies. - 2023. - Vol. 7. - No. 3. - Pp. 258-282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vzaimootnosheniy-mezhdupravlyaschimi-partiyami-kitaya-i-rossii-v-kontekste-diplomati-glav-gosudarstv> (date of access: 06.01.2026).
14. Slutsky L. E. Multiparty System and Foreign Policy of RUSSIA // Bulletin of the University of World Civilizations. - 2025. - Vol. 16. - No. 1 (46). – P. 51-60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogopartiynost-i-vneshnaya-politika-rossii> (date of access: 06.01.2026).
15. Smirnov N. A. The role of public diplomacy in modern political processes // Moscow. – 2017. URL: https://iphras.ru/uplfile/aspir/autoreferat/smirnov/dis_smirnov.pdf (date of access: 06.01.2026).
16. Stepanova S. S. Prospects and trends in the development of the institution of parliamentary parties in modern Russia // Management. – 2022. – Vol. 10. – No. 3. – P. 98-104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-tendentsii-razvitiya-instituta-parlamentskikh-partiy-v-sovremennoy-rossii> (date of access: 06.01.2026).
17. Ulyashkina E. G. Political parties in the foreign policy process of the Russian Federation: mechanisms of participation: diss. – Peoples' Friendship University of Russia, 2020. URL: <https://mydissser.com/dfiles/70189195.pdf> (date of access: 06.01.2026).
18. Schulze P. Development of the political system in modern Russia and its comparison with the political system of Germany // Diary of the Altai School of Political Research. – 1999. – No. 7. – P. 035-053. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21092467> (accessed: 06.01.2026).

Особенности функционирования и законодательное регулирование «вращающихся дверей» в политической системе США

Литвиненко Даниил Валерьевич

магистрант Дальневосточного федерального университета

Файзуллина Адель Андреевна

магистрант Дальневосточного федерального университета

Чиркова Алина Олеговна

магистрант Дальневосточного федерального университета

Чайкин Иван Андреевич

магистрант Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна

магистрант Дальневосточного федерального университета

В статье анализируется феномен «вращающихся дверей» как институционализированная практика кадровой мобильности между государственным и частным секторами в политической системе США. Авторы прослеживают историческую эволюцию механизма от прогрессивистских реформ конца XIX века до современного этапа, выделяя его связь с формированием регулирующих агентств и накоплением экспертного капитала у госслужащих. Особое внимание уделяется многоуровневой системе правового регулирования, включающей уголовную норму § 207 раздела 18 Свода законов США, «охлаждающие периоды», а также ключевые акты: Закон об этике 1978 г., Закон о раскрытии лоббистской деятельности 1995 г. и Закон о честном лидерстве 2007 г. Исследование демонстрирует двойственную природу института: при наличии развитой нормативной базы реальное регулирование сталкивается с проблемами контроля и социальной легитимации переходов. Показано, что американская модель не запрещает, а регулирует мобильность, стремясь балансировать эффективность управления и защиту публичного интереса.

Ключевые слова: вращающиеся двери, лоббизм, политическая технология, правовое регулирование лоббизма, лоббистский проект

Введение

Формирование механизма «вращающихся дверей» в политической системе Соединённых Штатов Америки является результатом глубокой исторической эволюции, сопряжённой с трансформацией роли государства в экономике и обществе — в политике. Первоначально американская административная модель формировалась в условиях доминирования идеи минимального вмешательства государства в экономическую сферу, что соответствовало классическим либеральным принципам. Однако уже с конца XIX века, в период прогрессивистских реформ, происходит постепенный переход к институционализации государственного контроля, в том числе через создание регулирующих агентств. Эти агентства — такие как Interstate Commerce Commission, созданная в 1887 году, или Federal Trade Commission, учреждённая в 1914 году, — стали первыми структурами, в которых чиновники приобрели уникальные отраслевые знания, незаменимые для бизнеса. Возникла ситуация, в которой эксперт, обладающий доступом к внутренней логике государственного регулирования, оказывался крайне ценным для частных корпораций. Так сформировался фундамент для будущей институциональной практики «вращающихся дверей».

Правовое регулирование

К 1930–1940-м годам, на фоне «Нового курса» Ф. Рузвельта и последовавшей волны создания новых регулирующих агентств, формируется принципиально новый тип государственного служащего — не просто административного исполнителя, но носителя отраслевой компетенции. Эти компетенции всё чаще становятся предметом интереса со стороны частных компаний, стремящихся адаптироваться к усложняющейся системе государственного контроля. При этом государственный аппарат по-прежнему сохраняет признаки высокой текучести кадров: политико-административные назначения, как и ранее, осуществляются в логике патронажной системы. Таким образом, возникает институционально обусловленная текучесть между публичным и частным секторами: не только допускаемая, но и поощряемая в рамках управлеченческой рациональности. Одним из ключевых факторов институционализации данной практики стало признание политико-административной мобильности как формы «вторичного капитала», который накапливается чиновником в период государственной службы и впоследствии реализуется в частном секторе. Становление сложных регуляторных сфер, таких как оборонно-промышленный комплекс, фармацевтический рынок или энергетика, сопровождалось экспансией экспертного знания, неравномерно распределённого между секторами. В этих условиях частные корпорации начинают рассматривать бывших госслужащих как стратегический ресурс — не только в силу их профессиональной подготовки, но и благодаря их связям, инсайдерским знаниям и способности ориентироваться в сложной системе административного принятия решений. На уровне публичного восприятия феномен «вращающихся дверей» получает наибольшую видимость в 1970–1980-е годы, когда на фоне роста корпоративного лоббизма и политического PR возникает устойчивый образ «K-Street» — квартала в Вашингтоне, где концентриру-

ются крупнейшие лоббистские компании. Бывшие сенаторы, министры, советники Белого дома становятся топ-менеджерами GR-структур, объединяющих интересы транснационального капитала. Эта трансформация сопровождается не столько критикой, сколько функциональной нормализацией процесса: фигура «технократа с опытом госслужбы» легитимизируется в общественном сознании как носитель рациональности и компетентности. Переход в бизнес не воспринимается как девиация, напротив — как подтверждение эффективности. Однако уже в этот период начинают формироваться и критические дискурсы, указывающие на риски институционализации конфликта интересов. Отсутствие прозрачности в переходах между секторами, использование служебной информации в частных интересах, а также возможность влияния бывших чиновников на регуляторные процессы вызывают беспокойство как в гражданском обществе, так и среди законодателей. В результате активизируется работа по кодификации ограничений на пост служебную деятельность. Тем не менее, сама практика «врачающихся дверей» не подвергается запрету: напротив, она регулируется через институт «охлаждающего периода» (cooling-off period), в рамках которого устанавливаются временные ограничения на лоббистские контакты после увольнения с государственной службы. Это свидетельствует о том, что в американской правовой культуре идея ротации между государством и бизнесом признаётся неотъемлемой частью политico-экономической логики.

Ключевым элементом правового регулирования является федеральный уголовный закон, зафиксированный в статье 207 раздела 18 Кодекса Соединённых Штатов, который вводит систему временных ограничений на лоббистскую активность бывших государственных служащих. Закон дифференцирует несколько видов запретов в зависимости от уровня должности и характера выполняемых функций. Так, высшие федеральные чиновники, включая руководителей агентств и министров, подпадают под двухлетний «охлаждающий период» (cooling-off period), в течение которого они не вправе вступать в контакт с бывшим ведомством от имени третьих лиц с целью влияния на решения. Помимо этого, существует пожизненный запрет на лоббистское представительство по тем вопросам, в которых данный чиновник принимал личное участие в период государственной службы.

В развитие данной нормы действует целый ряд подзаконных актов и этических регламентов, в том числе предписания, разрабатываемые Управлением по государственным этическим нормам (Office of Government Ethics, OGE). Это ведомство публикует руководства и методические разъяснения, а также контролирует исполнение требований, предъявляемых к поведению государственных служащих, включая правила раскрытия доходов, запрет на участие в решениях, затрагивающих собственные экономические интересы, и обязательство уведомлять о возможных конфликтах интересов. По данным самого Управления, за 2023 год было возбуждено более 300 дисциплинарных и уголовных дел о нарушении § 207, при этом преобладали случаи скрытого лоббистского воздействия через консалтинговые структуры.

Важным этапом в эволюции правового регулирования стал принятие в 1978 году Закона об этике в органах государственной власти (Ethics in Government Act), который впервые ввёл обязательное раскрытие финансовой информации для высших должностных лиц. Этот закон заложил основы подотчётности и транспарентности, позволив контролировать наличие имущественных или профессиональных связей, способных повлиять на принимаемые решения. Особую значимость приобрело требование раскрывать потенциальные трудоустройства после

завершения службы, что стало инструментом предварительного анализа возможных конфликтов интересов^[2].

Следующим важным нормативным шагом стал Закон о раскрытии лоббистской деятельности (Lobbying Disclosure Act, 1995), положивший начало обязательной регистрации всех лоббистов и их клиентов в Конгрессе. В его рамках были введены критерии признания лица лоббистом, а также требования по подаче отчётности о контактах с должностными лицами, размере вознаграждения и характере оказываемых услуг. Это позволило идентифицировать случаи, когда бывшие государственные служащие непосредственно влияют на политику, действуя в интересах коммерческих структур.

В 2007 году, в контексте роста общественного запроса на борьбу с коррупцией, Конгресс принял Закон о честном лидерстве и открытом правительстве (Honest Leadership and Open Government Act), который усилил ранее установленные ограничения. Так, для бывших членов Конгресса был установлен двухлетний запрет на лоббистскую деятельность, а для их сотрудников — одиннадцати. Закон также ввёл более жёсткие требования по раскрытию информации и усилил ответственность за несоблюдение регистрационного режима. Одновременно были расширены полномочия по ведению проверок со стороны Сенатского и Палатного комитетов по этике.

Дополнительный уровень регулирования вносится через президентские указы, устанавливающие так называемые «этические клятвы» (ethics pledges), обязательные для политических назначников в администрации. Эти клятвы обычно включают в себя добровольные обязательства не участвовать в делах, затрагивающих прежних работодателей, и не заниматься лоббизмом в течение срока до пяти лет после ухода со службы. Их содержание варьируется в зависимости от администрации, однако их юридическое значение признаётся в качестве условий допуска к государственной должности. Контроль за исполнением установленных правил возлагается на ряд институтов, в том числе на генеральные инспекции агентств, Комитеты по этике Конгресса, Министерство юстиции, а также Управление по государственным этическим нормам. В дополнение к этому действует процедура рассмотрения гражданских жалоб, позволяющая НКО и частным лицам инициировать расследования в случае подозрений в нарушениях. Особое место в системе контроля занимает Правительство по подотчётности (Government Accountability Office), осуществляющее аудит агентств по соблюдению норм § 207. Так, в 2021 году было опубликовано специальное исследование по оборонному сектору, в котором указывалось, что более 40% переходов между Минобороны и подрядчиками сопровождались потенциальными конфликтами интересов, при этом система контроля оказалась неспособной к своевременному реагированию.

Заключение

Таким образом, нормативно-правовая архитектура, регулирующая практику «врачающихся дверей» в США, представляет собой сложную, многоуровневую систему. Её сила заключается не только в наличии прямых запретов, но и в комплексной системе прозрачности, подотчётности и превентивного регулирования. Именно это позволяет в условиях институционализированной кадровой мобильности сохранять баланс между эффективностью управления и защитой публичного интереса. Законодательство не исключает переходов между секторами, но вводит надлежащие барьеры и процедурные фильтры, минимизируя риски злоупотреблений и подрыва легитимности публичной власти. Анализ практики применения законодательства, регулирующего технологию «врачаю-

щихся дверей» в США, демонстрирует двойственную природу данной институциональной конструкции: с одной стороны, нормативная база является разветвлённой, продуманной и опирающейся на прецедентную логику регулирования; с другой — реальные механизмы её реализации сталкиваются с рядом вызовов, связанных как с трудностями контроля, так и с социальной легитимацией самих переходов между государственным и частным секторами.

Литература

1. Restrictions on former officers, employees, and elected officials of the executive and legislative branches // Legal Information Institute: [сайт]. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/207>
2. Honest Leadership and Open Government Act of 2007. 110th Congress (2007–2008) // Congress.gov: [сайт]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/2316>
3. Lobbying Disclosure Act of 1995. 104th Congress (1995–1996) // Congress.gov: [сайт]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/1060>
4. Ethics in Government Act of 1978. 95th Congress (1977–1978) // Congress.gov: [сайт]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/senate-bill/555>
5. Логвиненко Д.В. Политические технологии лоббирования во взаимодействии групп интересов с российским государством // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 8.

Functioning Features and Legislative Regulation of "Revolving Doors" in the US Political System

Litvinenko D.V., Fayzulina A.A., Chirkova A.O., Chaikin I.A., Tereshina A.N.
Far Eastern Federal University

This article analyzes the phenomenon of "revolving doors" as an institutionalized practice of personnel mobility between the public and private sectors in the US political system. The authors trace the historical evolution of this mechanism from the progressive reforms of the late 19th century to the present day, highlighting its connection with the formation of regulatory agencies and the accumulation of expert capital among civil servants. Particular attention is given to the multi-layered system of legal regulation, including the criminal provision of 18 U.S.C. § 207, "cooling-off periods," and key legislation: the Ethics Act of 1978, the Lobbying Disclosure Act of 1995, and the Honest Leadership Act of 2007. The study demonstrates the dual nature of the institution: despite a well-developed regulatory framework, effective regulation faces challenges in monitoring and socially legitimizing transitions. It is shown that the American model does not prohibit, but rather regulates mobility, seeking to balance governance effectiveness and the protection of the public interest.

Keywords: revolving doors, lobbying, political technology, legal regulation of lobbying, lobbying project

References

1. Restrictions on former officers, employees, and elected officials of the executive and legislative branches // Legal Information Institute: [website]. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/207>
2. Honest Leadership and Open Government Act of 2007. 110th Congress (2007–2008) // Congress.gov: [website]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/2316>
3. Lobbying Disclosure Act of 1995. 104th Congress (1995–1996) // Congress.gov: [website]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/senate-bill/1060>
4. Ethics in Government Act of 1978. 95th Congress (1977–1978) // Congress.gov: [site]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/senate-bill/555>
5. Logvinenko D.V. Political lobbying technologies in the interaction of interest groups with the Russian state // Society: politics, economics, law. – 2016. – № 8.

Стратегии взаимодействия с неарктическими государствами: прагматическая логика арктической политики Сингапура

Цуй Лун

заместитель директора Высшей школы международных отношений (ВШМО) по научной работе с университетами Китайской Народной Республики, руководитель Центра российско-китайских исследований, СпбПУ

Статья посвящена прагматической логике арктической политики Сингапура и его практикам кооперации с внешнерегиональными партнёрами при нарастании конкуренции вокруг управления Арктикой и транспортных маршрутов. Актуальность связана с трансформацией площадок многостороннего диалога после 2022 г., что повышает значение гибридных форматов — экспертных сетей, отраслевых режимов и проектной кооперации. Научная новизна связана с реконструкцией связки «логистика — нормотворчество — научная дипломатия» как основы сингапурского присутствия на арктическом треке. В рамках работы описаны институциональные каналы участия наблюдателя, изучены мотивы вовлечения, систематизированы инструменты взаимодействия с иными неарктическими участниками, проведена оценка прикладных решений морского кластера Сингапура в привязке к дискуссиям о Северном морском пути. Особое внимание уделено механизмам координации «азиатской пятёрки» наблюдателей и ограничениям, заданным текущим состоянием Арктического совета. Цель исследования — определить набор устойчивых стратегий Сингапура при изменяющейся архитектуре арктического управления. Применены анализ источников, сравнительный и институциональный методы. Статья ориентирована на исследователей международных отношений и специалистов по арктической политике и морской логистике.

Ключевые слова: Арктический совет, Сингапур, неарктические государства, азиатские наблюдатели, научная дипломатия, Северный морской путь, морская логистика, цифровизация портов, Полярный кодекс, прагматическая политика.

Введение

Актуальность темы определяется расширением круга внешнерегиональных участников арктических процессов при одновременном усложнении многостороннего взаимодействия в 2022–2023 гг. В подобных условиях возрастает значение прикладных интересов — транспортных коридоров, экологических стандартов судоходства, научных программ мониторинга и технологических сервисов, обеспечивающих функционирование морских цепочек поставок. Сингапур занимает особое положение среди азиатских наблюдателей: государство не опирается на территориальные претензии и фокусирует активность на режимах регулирования, инфраструктурных технологиях и экспертной кооперации.

Цель исследования — выявить и описать стратегии Сингапура по выстраиванию взаимодействия с неарктическими государствами и наднациональными площадками при сохранении прагматического профиля арктической линии. Задачи:

1. раскрыть мотивационную структуру сингапурского присутствия на арктическом треке через связку «логистика — климатическая повестка — нормы судоходства»;
2. систематизировать каналы кооперации Сингапура с внешнерегиональными участниками и институтами арктического управления;
3. оценить прикладные инструменты морского и технологического сектора Сингапура, применимые к дискуссиям о транзите по СМП и к проектной дипломатии наблюдателей.

Новизна исследования состоит в аналитической реконструкции сингапурского набора инструментов как «сервисной» модели внешнерегионального участия, где приоритет отдан нормам, данным мониторинга и технологической совместимости, а не ресурсной экспансии.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили научные и аналитические публикации последних лет, раскрывающие институциональное устройство Арктического совета и режимы участия наблюдателей, динамику дискуссий о будущем Совета, логистические параметры СМП и трансформацию морской инфраструктуры Сингапура: А.О. Баранникова [1] описала сравнительную траекторию вовлечения азиатских наблюдателей в арктическую проблематику с привязкой к транспортным мотивам; А.Н. Вылегжанин и соавт. [2] представили развернутый анализ статуса Арктического совета, процедур и практик работы, а также взаимодействия с наблюдателями; А.Н. Вылегжанин, М.Н. Лысенко, Н.С. Вяжирева, А.А. Снятков [3] рассмотрели сценарии сохранения и модификации деятельности Совета в новых политико-правовых условиях; А.В. Киргизов-Барский [4] зафиксировал проблемные узлы международной кооперации на арктическом направлении и институциональные предпосылки успешности арктических форматов; А.В. Макушенко, Д.А. Пахомчик [5] исследовали инфраструктурные ограничения СМП и набор мер по их преодолению; А.Ч. Мокрецкий [6] систематизировал арктические стратегии «неарктической азиатской пятёрки», выделив мотивы и инструменты Сингапура в группе наблюдателей; Т.А. Мустафин [7] проанализировал инновационное развитие портового комплекса Сингапура на примере проекта Tuas и его технологические решения; А.А. Спиридовонов, Т.А. Чисталёва, К.Ю. Эйдемиллер [8] сопоставили

линии продвижения стран Южной и Юго-Восточной Азии в арктическом направлении и конкуренцию интересов; Г.Р. Шинкарецкая, Т.В. Редникова [9] описали регламентные параметры деятельности наблюдателей и их процедурные ограничения; Ч.И. Нг, Х. Юй [10] рассмотрели экономическую и стратегическую значимость СМП как маршрута между Азией и Европой и практики двусторонней кооперации вокруг маршрута.

Применены анализ источников и нормативных документов, институциональный анализ, сравнительный метод (сопоставление моделей поведения наблюдателей), проблемно-ориентированная аналитика транспортно-логистических параметров, элементы контент-анализа (выявление повторяющихся мотивов и инструментов в описаниях национальных линий).

Результаты

Сингапурская линия в Арктике формируется через институциональную «встраиваемость» в режимы управления, а не через территориальную вовлечённость. Для наблюдателя Арктического совета поле легитимного участия задают процедуры и практики вспомогательных органов: проектная поддержка рабочих групп, экспертный вклад, участие в мероприятиях при сохранении ограничений на формирование повестки и принятие решений [2; 9]. В работах по будущему Совета отдельно фиксируется сужение регулярных форматов после заявлений 2022 г., что смещает значимую часть кооперации в сторону гибких каналов — двусторонних контактов, экспертных сетей и отраслевых режимов регулирования, сохраняющих функциональность при снижении интенсивности классической многосторонней дипломатии [3].

Прагматическая логика Сингапура опирается на транспортно-логистическую чувствительность экономики и на компетенции морского кластера. Проект Tuas, описанный в исследовании Т.А. Мустафина, задаёт технологическую рамку: автоматизация, цифровое управление операциями, интеграция данных, развитие СПГ-бункеровки и сервисов «единого окна» для судоходства [7]. Подобные решения формируют экспортную «пакетную» компетенцию — не сырьевую, а сервисно-технологическую, пригодную для международных проектов по стандартизации процедур, снижению операционных рисков и повышению предсказуемости морских цепочек. На сингапурском треке арктическая проблематика сопрягается с дискуссиями о новых маршрутах между Азией и Европой: исследования по СМП описывают маршрут как потенциально значимый канал, но подчёркивают инфраструктурные и организационные ограничения, требующие устойчивых механизмов сопровождения судоходства, портового сервиса, страхования и информационной поддержки [5; 10]. В аналитической интерпретации сингапурская специализация здесь связана с «надстроечными» технологиями морской логистики, где экономическая выгода достигается через сервисы управления потоками и соблюдение стандартов, а не через прямую добычу ресурсов [7; 10].

Взаимодействие Сингапура с неарктическими государствами в арктическом направлении разворачивается через координацию «азиатской пятёрки» наблюдателей и через тематические коалиции вокруг норм судоходства и научных программ. В докладе А.Ч. Мокрецкого «неарктическая азиатская пятёрка» рассматривается как группа, где общий интерес связан с доступом к международным площадкам, с поддержкой научных исследований и с наблюдательским участием в многосторонних форматах [6]. На этой базе формируется стратегия «коллективной легитимации» присутствия: сингапурские аргументы строятся вокруг вклада в безопасность судоходства, климато-экологическую повестку и технологические решения мор-

ской отрасли. В исследованиях, сравнивающих линии азиатских участников, подчёркнут транспортный мотив как один из стимулов интереса к арктическим маршрутам, при этом для Сингапура и ряда иных наблюдателей транзит рассматривается прежде всего как предмет оценки применимости, а не как гарантированный проект перераспределения потоков [1]. Соответственно, стратегия кооперации с внешнерегиональными партнёрами сводится к усилению экспертного участия и к продвижению процедурной совместимости — согласованию практик и норм, снижению фрагментации требований к судоходству, формированию доверия к техническим стандартам [6; 1].

Отдельный пласт результатов связан с конкуренцией внешнерегиональных линий в Азии и её влиянием на дипломатический инструментарий Сингапура. В работе А.А. Спиридонова и соавторов продвижение государств Южной и Юго-Восточной Азии описано через призму соперничества интересов, где Сингапур и Индия названы активными участниками, способными усиливать конкуренцию вокруг арктических проектов и экспертных ниш [8]. Для сингапурской стратегии такой фон задаёт рациональный выбор: кооперация с неарктическими участниками чаще строится не на политических декларациях, а на «нейтральных» темах — научных программах, морской безопасности, технологических решениях, подготовке кадров, обмене данными мониторинга. Переход к подобному набору инструментов повышает устойчивость присутствия при сокращении интенсивности классических многосторонних механизмов, что согласуется с выводами исследований по будущему Арктического совета о смещении центра тяжести в сторону альтернативных и проектных форматов взаимодействия [3; 8].

Институциональная рамка для подобной «сервисной» модели задаётся ограничениями и возможностями статуса наблюдателя. В докладе РСМД о статусе и деятельности Арктического совета подчёркнуты практики участия наблюдателей через проекты и взаимодействие со вспомогательными органами, где значимость определяется вкладом в конкретные программы [2]. Шинкарецкая и Редникова фиксируют процедурную сторону: наблюдатели действуют в пределах регламентов и не располагают механизмами решения по повестке и итоговым документам, поэтому эффективность достигается через экспертьность, подготовку материалов и участие в проектной работе [9]. В сочетании с аналитикой А.Ч. Мокрецкого данная рамка описывает прагматический выбор Сингапура: усиление экспертных каналов и технологических партнёрств, координация с неарктическими наблюдателями, аккуратное использование регуляторных сюжетов судоходства и экологических стандартов как «универсального языка» кооперации [6; 2; 9].

Наконец, сопоставление логистической и институциональной линий позволяет выделить типологию сингапурских стратегий взаимодействия с неарктическими государствами.

1. Коалиционная стратегия наблюдателей. Сингапур укрепляет позиции через синхронизацию аргументации с другими внешнерегиональными участниками, минимизируя политические риски и концентрируясь на технических и научных основаниях присутствия [6; 1].

2. Технологически-сервисная стратегия. Развитие цифровых портовых решений и экологически ориентированных морских сервисов формирует компетенции, вос требованные партнёрами независимо от их географии, что повышает переговорный ресурс Сингапура в проектных форматах кооперации [7].

3. Регуляторно-нормативная стратегия. Через работу в экспертных сетях и участие в дискуссиях о стандартах судоходства Сингапур поддерживает предсказуемость

требований к операциям в высоких широтах, сближая интересы внешнерегиональных участников на технической основе [2; 9].

4. Логистико-маршрутная стратегия. Оценка применимости СМП и участие в дискуссиях о его экономике опираются на анализ ограничений маршрута и на поиск решений по снижению транзакционных издержек, где сингапурские компетенции сосредоточены на управлении потоками и цифровой координации [5; 10; 7].

Перечисленные стратегии образуют «портфель», рассчитанный на сохранение участия при нестабильности политических форматов. Присутствие Сингапура приобретает характер «инфраструктурной дипломатии», где экспортируемыми ресурсами выступают сервисы, нормы и данные, а не физические объёмы сырья.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют рассматривать сингапурскую модель как разновидность внешнерегионального участия, основанную на функциональной совместности и технологическом посредничестве. При сравнении с ресурсно ориентированными траекториями части внешнерегиональных акторов заметно, что Сингапур не нуждается в прямом закреплении на добычных проектах для обоснования интереса к арктической повестке. Достаточно поддерживать устойчивость морской торговли и заранее готовиться к изменениям в географии маршрутов и требований к безопасности судоходства.

В условиях сокращения интенсивности многосторонних арктических форматов усиливается конкуренция «проектных экосистем»: сети экспертов, научные консорциумы, технологические пилоты, отраслевые стандарты, профессиональные площадки судоходства. Для Сингапура подобные экосистемы удобны: государство располагает развитой портовой инфраструктурой, компетенциями цифровизации и практикой управления транзитными потоками. Следовательно, арктический трек интегрируется в более широкий набор задач морской политики и инновационной модернизации.

Слабое место подобного подхода связано с ограниченным влиянием на политическую рамку и с зависимостью от доверия к регуляторным и экспертным механизмам. При росте политизированности арктической повестки ценность «нейтральных» технологий и стандартов сохраняется, но объём совместных проектов снижается из-за барьеров кооперации, ограничений обмена данными и усложнения финансирования. По этой причине сингапурская стратегия закономерно опирается на мультиканальность: параллельное развитие научных контактов, отраслевых сервисов, координации наблюдателей и двусторонних экономических линий.

С точки зрения взаимодействия с иными неарктическими государствами, сингапурская практика задаёт «низкопороговый» формат участия: партнёру не требуется разворачивать масштабные арктические программы, достаточно подключаться к стандартам судоходства, к цифровым сервисам, к обмену данными и к обучению специалистов. Такая логика повышает вероятность кооперации между внешнерегиональными участниками, поскольку предмет переговоров смещается от политических деклараций к прикладной совместности процедур.

Заключение

1. Мотивационная структура сингапурской арктической линии описывается через сопряжение морской логистики, технологической модернизации портовой отрасли и интереса к режимам регулирования судоходства в высоких широтах, дополняемых климато-экологической повесткой.

2. Каналы кооперации Сингапура с неарктическими государствами группируются вокруг координации азиатских наблюдателей, участия в проектной работе вспомогательных органов арктических институтов, экспертных сетей и отраслевых режимов, где решающим критерием выступает практический вклад в программы и стандарты.

3. Прикладной инструментарий сингапурской модели составляют цифровизация портовых операций, развитие экологически ориентированных морских сервисов, формирование сервисов управления потоками и участие в экспертной проработке требований к судоходству; данный набор повышает устойчивость присутствия при снижении интенсивности классических многосторонних форматов.

Литература

1. Баранникова А. О. Азиатские внешнерегиональные участники в Арктике: мотивация и ограничения транспортного интереса // Мировая система и международные регионы. 2024. № 3. С. 84–91.
2. Вылегжанин А. Н., Лысенко М. Н., Вяхирева Н. С., Снятков А. А. Арктический совет: статус и деятельность. Доклад № 67 / 2021. М.: НП РСМД, 2021. 96 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Council-Report67-Ru.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).
3. Вылегжанин А. Н., Лысенко М. Н., Вяхирева Н. С., Снятков А. А. Будущее Арктического совета: рабочая тетрадь № 75 / 2023. М.: НП РСМД, 2023. 24 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Council-WorkingPaper75.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).
4. Киргизов-Барский А. В. Проблемы международного сотрудничества в Арктике на современном этапе // Российская Арктика. 2021. № 13. С. 118–128. DOI: 10.24412/2658-4255-2021-2-118-128.
5. Макушенко А. В., Пахомчик Д. А. Северный морской путь: инфраструктура, ограничения и направления развития // Транспорт: наука, техника, управление. 2022. № 4. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-25-4-11.
6. Мокрецкий А. Ч. Об арктических стратегиях неарктической азиатской пятёрки. // История и современность. 2025. №30. 87–104. DOI: 10.48647/ICCA.2025.25.46.007
7. Мустафин Т. А. Инновации портового комплекса Сингапура: порт Tuas // Экономика и предпринимательство. 2024. № 1. С. 644–647.
8. Спиридов А. А., Чисталёва Т. А., Эйдемиллер К. Ю. Потенциальные риски для КНР в деле освоения Арктики со стороны стран Юго-Восточной и Южной Азии // Социогуманитарные коммуникации. 2022. №1(1). С. 64–71.
9. Шинкарецкая Г. Г., Редникова Т. В. Влияние Арктического совета на управление арктическим регионом: регламентные параметры участия наблюдателей // Международное право и международные организации. 2022. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37287 (дата обращения: 22.12.2025).
10. Нг Ч. И., Юй Х. Северный морской путь: экономическая и стратегическая значимость и кооперация вокруг маршрута // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20. № 1. С. 46–74. URL: https://iorj.hse.ru/data/2025/05/22/1971025730/%D0%92%D0%85%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BD%D0%BA_2025_01_13_05_25-44-72.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

Strategies for Engagement with Non-Arctic States: The Pragmatic Logic of Singapore's Arctic Policy

Cui Long

SPbPU

This article examines the pragmatic logic of Singapore's Arctic policy and its practices of cooperation with non-Arctic partners amid growing competition over Arctic governance and transport routes. This paper is relevant in light of the transformation of multilateral dialogue platforms since 2022, which has increased the importance of hybrid formats, including expert networks, industry-specific regimes, and project-based cooperation. The paper's

novelty lies in reconstructing the nexus of "logistics-rule-making-scientific diplomacy" as the foundation of Singapore's presence in the Arctic. The paper describes institutional channels for observer participation, examines motivations for engagement, systematizes tools for interaction with other non-Arctic participants, and assesses the applied solutions of Singapore's maritime cluster in relation to discussions about the Northern Sea Route. Particular attention is paid to the coordination mechanisms of the "Asian Five" observers and the limitations imposed by the current state of the Arctic Council. The study aims to identify a set of sustainable strategies for Singapore within the changing architecture of Arctic governance. Source analysis, comparative, and institutional methods are used. The article is intended for researchers of international relations and specialists in Arctic policy and maritime logistics.

Keywords: Arctic Council, Singapore, non-Arctic states, Asian observers, science diplomacy, Northern Sea Route, maritime logistics, port digitalization, Polar Code, pragmatic policy.

References

1. Barannikova, A. O. Asian Extra-Regional Participants in the Arctic: Motivation and Limitations of Transport Interests // World System and International Regions. 2024. No. 3. pp. 84–91.
2. Vylegzhannin, A. N., Lysenko, M. N., Vyakhireva, N. S., and Snyatkov, A. A. Arctic Council: Status and Activities. Report No. 67/2021. Moscow: NP RSMD, 2021. 96 p. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Council-Report67-Ru.pdf> (accessed: 20.12.2025).
3. Vylegzhannin, A. N., Lysenko, M. N., Vyakhireva, N. S., and Snyatkov, A. A. The Future of the Arctic Council: Working Paper No. 75/2023. Moscow: NP RSMD, 2023. 24 p. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Council-WorkingPaper75.pdf> (Accessed: 21.12.2025).
4. Kirgizov-Barsky, A. V. Problems of International Cooperation in the Arctic at the Current Stage // Russian Arctic. 2021. No. 13. pp. 118–128. DOI: 10.24412/2658-4255-2021-2-118-128.
5. Makushenko, A. V., Pakhomchik, D. A. The Northern Sea Route: Infrastructure, Constraints, and Development Directions // Transport: Science, Technology, Management. 2022. No. 4. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-25-4-11.
6. Mokretsky, A. Ch. On the Arctic Strategies of the Non-Arctic Asian Five // History and Modernity. 2025. No. 30. 87–104. DOI: 10.48647/ICCA.2025.25.46.007.
7. Mustafin, T. A. Innovations in the Singapore Port Complex: Tuas Port // Economy and Entrepreneurship. 2024. No. 1. pp. 644–647.
8. Spiridonov, A. A., Chistaleva, T. A., Eidemiller, K. Yu. Potential Risks for China in Arctic Development from Southeast and South Asian Countries // Socio-Humanitarian Communications. 2022. No. 1(1). pp. 64–71.
9. Shinkaretskaya, G. G., Rednikova, T. V. The Influence of the Arctic Council on the Governance of the Arctic Region: Regulatory Parameters for Observer Participation // International Law and International Organizations. 2022. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37287 (date accessed: 22.12.2025).
10. Ng, C. I., Yu, H. The Northern Sea Route: Economic and Strategic Significance and Cooperation Around the Route // Bulletin of International Organizations. 2025. Vol. 20. No. 1. pp. 46–74. URL: https://iorj.hse.ru/data/2025/05/22/1971025730/%D0%92%D0%85%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%80%D8%BA_2025_01_13_05_25-44-72.pdf (accessed: 22.12.2025).

Ранний буддизм в истории бурят-монголов

Жамбаев Баир Цырендоржиевич

аспирант, Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал), Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, bair1961@yandex.ru

Жамбаева Ульяна Баировна

кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Улан-Баторский филиал

Процесс принятия буддизма бурят-монголами характеризуется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, осознанным выбором одной из мировых религий, правда, не с целью построения своего национального государства, как это было в большинстве случаев, а с намерением построить или возродить альтернативный социальный организм в виде родовой общины, а с другой – религия, именно в виде раннего буддизма, была навязана внешними враждебными силами с целью нивелирования воинственного духа бурят-монголов. В то же время, в рамках второй тенденции буряты (именно как отдельный этнос) все же попытались объединиться в единую нацию. Но в силу исходной идеи о *пустоте*, присущей раннему буддизму, идея объединения в рамках строительства национального государства была обречена на неудачу. Вот почему буддизм не стал доминантным признаком восточных цивилизаций. В целом процесс принятия буддизма сопровождается сложными историческими обстоятельствами. Дело в том, что вся социальная история пронизана бесконечными войнами, что является противоестественным. Тем самым, возникла острая потребность в переосмыслении конфронтационного поведения людей в социальном пространстве. Отсюда, именно буддизм с его гуманизмом отвечал внутренним запросам воинственных, природных воинов – кочевников (бурят-монголов). В какой-то из моментов истории война как способ решения разного рода проблем перестает быть привлекательной моделью поведения у потомков Чингисхана. Правда, альтернативной идеей у бурят-монголов в их консолидации остается – *диктатура законов*, исходное основание единения не только монголов, но и многих ими завоеванных народов.

Ключевые слова: ранний буддизм, когнитивная революция, воображаемая реальность, пустота, родовой строй, национальное государство, яса.

Как свидетельствует исторический опыт, характерной особенностью в становлении национальных государств является выработка строго определенной идеологии, необходимой для обеспечения единства государствообразующего этноса. И, как показывает социальная история, во-множестве случаев строители основы государства склонны были прибегать к той или иной идее, лежащей в основе той или иной религии. Здесь возникает вопрос: почему фундирующей основой государства становится именно религия? Ответ очевиден: выработать идеологию, отвечающей имманентно присущей мировоззренческого порядка запросам индивидов весьма непростое занятие. А, что касается самого мировоззрения, как основы менталитета индивида то оно является следствием исходной *когнитивной революции*, когда первобытные люди начали плодить вокруг себя *воображаемую реальность* в виде «мира универсалий» (понятийный мир), ставшего, в свою очередь, основой их выживания и освоения пространства. Это явление Ю.Н. Харари определял, как *язык вымысла*, сутью которого является: «Способность передавать большие объемы информации о не существующих в реальности вещах, таких как духи племени, государства, компании с ограниченной ответственностью или права человека» [9, с. 50]. Тем самым были определены не только условия для выживания, а главным образом условия для ускоренного развития разума. В этом историческом контексте государственники, как принято говорить: пошли по пути наименьшего сопротивления, ибо «мысли, верования и чувства гораздо труднее уловить и изучить, чем явления материального мира» [9, с. 71]. Иначе говоря, активно использовали готовый инструментарий в виде такого исторического типа мировоззрения как *религия* в деле строительства фундамента национального государства. А с другой стороны, сама: «Церковь, как надстроечный институт на протяжении всей истории классового общества была связана с политическими интересами правящей верхушки, с формированием и развитием государственности» [5, с.80].

В последующее историческое время религия становится «...самым первым признаком выражения цивилизации. «Большие» религии, по наблюдениям Кристофера Давсона, представляют собой «в конкретном смысле опору великих цивилизаций» [1, с. 24]. В этом контексте на своеобразие одной из «больших» религий – буддизма, обратил внимание монгольский историк Баабар. Он писал: «Исчезнувший в Индии, как бы растворенный в китайской и японской цивилизациях буддизм, хотя и являясь одной из крупных религий, до сих пор не смог стать основой великой цивилизации» [1, с. 24]. Данное утверждение, скорее, объясняется той исходной идеей, которая лежит в основе самого вероучения, что на практике привело к необходимости его трансформации в виде ламанизма, или прибегли к альтернативному шагу - сохранение в своем духовном пространстве, сугубо, национальных по происхождению религий (например, синтоизма в Японии или конфуцианства и даосизма в Китае). Такое двойственное явление в духовной жизни восточных народов, когда наблюдается несоответствие между реальностью или рассудочным мышлением, с одной стороны, и абстрактным мышлением – с другой, объясняется попыткой примирения идеального и материального начал в природе индивида.

Здесь вольно или невольно мы наблюдаем историческую параллель с сутью когнитивной революции – воображаемой реальностью, с одной стороны, и буддистской

пустотой – с другой. Это означает, что именно буддисты прежде иных мыслителей, имеющих отношение к своим национальным культурным традициям, осознали условность, абстрактность в целом основ мироздания, а не только рожденные вещи когнитивной революцией на заре становления разумного человека. При этом постоянная борьба за иллюзорные ценности, во многом навязанные властью предержащими, порождает благоприятную почву для обращения к буддизму. В буддизме утверждается: «Вся наша жизнь, все вещи подобны сновидению, иллюзии, что равносильно пустоте... Но стоит только человеку познать пустоту, срединность вещей, так он окончательно освобождается от наивного реализма, от сансары заколдованных круга жизни, являющейся сплошным кошмаром страданий» [2, с. 196].

Исходя из этой доминантной идеи веры, в раннем буддизме был выработан закон всеобщего непостоянства, исключающий статические вещи в том числе самого человека. Вместе с тем, в нем признаются 5 групп потоков: тело; ощущение; представление; воля; сознание. Это те детерминанты, которые могут привести личность к состоянию нирваны. При этом присущее личности состояние сансары (первые две истины из известных четырех) можно преодолеть, соблюдая принципы поведения – шилу (личное очищение), каруну (сострадание) и праджнью (мудрость). В более широком аспекте речь идет о соблюдении правил восьмеричного пути.

Данный теоретико-философский расклад во многом, на наш взгляд, объясняет попытку преодоления извечной проблемы *сущности и существования*. Дело в том, что рассудочный уровень мышления мирян пребывал в состоянии непрерывного диссонанса с миром абстракций или буддистских догматов. Однако, этносы, принявшие данное вероучение в качестве руководства в своей жизнедеятельности, попытались создать совершенно иного типа социальный организм, позволяющий им избежать конфронтационной линии поведения. Речь идет о реанимации родовой общинны в качестве альтернативы политической организации – государству. Родовая же община бурят в последующее историческое время была ошибочно воспринята, некоторыми историками, как признак их отсталости. Например, по мнению Е. М. Залкинда бурятское общество «...в XIII в. находилось на стадии незавершенного разложения первобытнообщинного строя» [5, с. 29]. На привлекательность же *родовой* организации, с точки зрения совместности материальных и духовных начал, обратил внимание Ю.Н. Харари. Он писал: «Тогдашняя экономика позволяла большинству людей жить гораздо более интересной и насыщенной жизнью, нежели живут теперь члены аграрного или индустриального общества» [9, с.66-67]. Видимо, обращение одних к родовой организации общественной жизни носит далеко неслучайный характер. К.М. Герасимова отмечала: «Как правило, все верующие дают положительную оценку своей жизни и конкретно перечисляют все, что позволяет им считать свою жизнь в целом хорошей, несмотря на различные тяжелые переживания. Редкие из них согласны с буддистской доктриной, считающей страдание извечной, неотъемлемой и единственно реальной сущностью земного бытия» [5, с.73].

На уникальность родовой организации обратил внимание Ф. Энгельс: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком» [10, с. 105]. Такая организация общественной жизни могла привлечь скотоводам-кочевникам. Обращение индивида к сложному и интересному *внутреннему миру* не терпит сути и активной социализации личности, а,

наоборот, требует локализации общественной жизни в рамках близкородственных групп. С экономической точки зрения распад крупных и крепких организованных обществ, по мнению М.Н. Хангалова, был обусловлен преимущественным переходом бурят к тотальному скотоводству, что и означало распад «на небольшие общества сородичей» [2, с. 34]. Огромные не освоенные просторы привели к замене образа жизни воинов-охотников, протекавшего ранее в рамках куреней (военные поселения) на отдельные айлы (семьи) с утратой военно-политических связей. «Сверх этого, может быть, самая догматичная религия – ламаизм, являвшаяся течением буддизма – самой не догматичной религии, сделала еще более отсталым этот народ и изолировала от мира» [1, с.105]. Данные исторические метаморфозы привели в период колониального покорения русскими Забайкалья к удивительному явлению. Так А.П. Окладников писал: «О каком-либо сопротивлении самих бурят мы не слышим ни слова, как будто их вовсе не было!» [11, с. 47].

Внешне же ориентированная духовная жизнь людей, скорее, приводит к необходимости соотнесения или сравнения с подобными религиозными установками. Так, всё тот же Ю.Н. Харари утверждал: «Под общей рубрикой «теисты» можно объединить и еврейских раввинов, проживавших в XVIII веке в Польше, и массачусетских пуритан XVII века, преуспевших в охоте на ведьм, и ацтекских жрецов (Мексика XV века), и суфийских мистиков (Иран XII века), и воителей-викингов X века, и римских легионеров (скажем, начала нашей эры), и современных им китайских чиновников. Причем любая из перечисленных групп людей считала чужие верования и религиозные практики чудовищными и еретическими» [9, с. 74]. И тем самым мы видим существенную разницу в подходе к пониманию основ духовной жизни у различных сообществ людей. И эта разница в истории, зачастую, приводила к межконфессиональному военному противостоянию. А в процессе капитализации Российской империи, как утверждали некоторые авторы учебника истории, *многоконфессиональность и многонациональность* страны стали препятствием на этом пути [7, с. 261].

С исторической же точки зрения, принятие буддизма бурят-монголами носит принципиально иной характер. Дело в том, что в условиях формирования Монгольской империи, вся территория этнической Бурятии по указу Чингисхана была превращена в заповедную зону [1, с. 65], где воины могли проходить процедуру реабилитации. Получается, что обращение к родовой организации жизни имело под собой и юридическую основу, исключающей экономическую активность населения на определенной идеологической, а по своей сути буддистской основе. В остальной же части Монгольской империи, по словам Марко Поло, она «... представляла из себя страну процветающую и богатую, с развитой промышленностью – различными великолепно оборудованными мастерскими, шахтами, обеспечивающими страну рудами и углем, с изобильными садами и полями, вдоль всех дорог были отличные постоянные дворы» [8, с. 8].

После распада Монгольской империи поиском оптимального пути развития занимаются в большинстве своем ойрат-буряты, сохранившие свою независимость от маньчжур. Так К.М. Герасимова писала: «Попытки восстановления целостной монгольской империи предпринимались в течение трех столетий: в XV в. воссоединить монголов стремился ойратский хан Эсень, в начале XVI в. – Даян-хан, в последней четверти XVI в. тумэтский Алтан-хан, в первой половине XVII в. – чахарский Легдан-хан, в конце XVII в. – ойратский Галдан-хан. Алтан-хан и Легдан-хан политическую консолидацию монгольских племен связали с восстановлением буддизма в роли государственной религии монголов. Алтан-хан желал по примеру

Хубилая объединить гражданскую и церковную власть, управлять государством и обществом, опираясь на «два закона» - гражданский и религиозный» [5, с. 80].

Однако попытка совмещения гражданской и церковной власти без учета доминантной идеи буддизма привела к самым негативным социально-экономическим, а главным образом к политическим последствиям.

Что касается судьбы Джунгарского ханства, то оно к середине XVIII в. перестало существовать вследствие военного поражения в изнурительной и непрерывной борьбе с маньчжурами и китайцами.

Литература

1. Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита / Баабар; пер. с англ. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. – 543 с.
2. Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. – Улан-Удэ, 2014. – 304 с.
3. Буддизм и национализм во Внутренней Азии / И. Р. Гарри, Р. Т. Сабиров, Н. В. Цыремпилов и др. – Улан-Удэ, 2021. – С. 120; С. 166; С. 124; С. 197.
4. Гатапов А.С. Монгольская историческая энциклопедия / Авт.-сост.: Гатапов А. С. – Улан-Удэ, 2015. – 688 с.
5. Герасимова К.М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 341 с.
6. Дугаржапов Т.А. Секретная история бурят. – Улан-Удэ, 2014. – С. 140; С. 80.
7. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А., Усов А.В. История России: с древнейших времен до наших дней. – Москва: Проспект, 2018. – 672 с.
8. Раднаев Б. Чингисхан: взгляд с Запада /Информ Полис, 17 мая 2000 г.
9. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари; [пер. с англ. Л. Сумм]. –М.: Синдбад, 2023. – 512 с.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М., 1973. – 240 с.
11. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. – Улан-Удэ, 2014. – 512 с.

Early buddhism in the history of the buryat mongols

Zhambayev B.T., Zhambayeva U.B.

Buryat Institute of Information Communications (branch), Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar Branch

The process of adoption of Buddhism by the Buryat-Mongols is characterized by multidirectional trends. On the one hand, it is a conscious choice of one of the world religions, albeit not with the aim of building their own national state, as was the case in most instances, but rather with the intention of building or reviving an alternative social organism in the form of a tribal community. On the other hand, the religion, specifically early Buddhism, was imposed by external hostile forces to neutralize the warlike spirit of the Buryat-Mongols. At the same time, as part of the second trend, the Buryats (as a separate ethnic group) attempted to unite into a single nation. However, due to the inherent idea of emptiness in early Buddhism, the idea of unification within the framework of building a nation-state was doomed to failure. This is why Buddhism did not become a dominant feature of Eastern civilizations. In general, the process of adopting Buddhism was accompanied by complex historical circumstances. This is because the entire social history is permeated with endless wars, which is an unnatural phenomenon from the point of view of common sense. Thus, there is an urgent need to rethink the confrontational behavior of people in the social space. Hence, it was Buddhism with its humanism that answered the inner demands of the warlike, natural warriors of the nomads (Buryat Mongols). At some point in history, war to solve various kinds of problems ceases to be an attractive behavior model for the Buryat Mongols. However, the Buryat-Mongols' alternative idea for their consolidation is the dictatorship of laws.

Keywords: early Buddhism; cognitive revolution; imaginary reality; emptiness; tribal system; national state.

References

1. Babar. The history of Mongolia: from world domination to the Soviet satellite / Babar; translated from English - Kazan: Tatar Publishing House, 2010. - 543 p.
2. Bogdanov M.N. Essays on the history of the Buryat-Mongolian people. - Ulan-Ude, 2014. -304 P.
3. Buddhism and nationalism in Inner Asia / I. R. Garry, R. T. Sabirov, N. C. Tsyrempilov et al. - Ulan-Ude, 2021. - P. 120; P. 166; P. 124; P. 197.
4. Gatapov A.S. The Mongolian historical encyclopedia / Author- comp.: Gatapov A. S. - Ulan-Ude, 2015. - 688 p.
5. Gerasimova K.M. Questions of methodology of studying cultures of Central Asia. Ulan-Ude: Publishing House of the BSC SB RAS, 2006. 341 P.
6. Dugarzhapov T.A. The secret history of the Buryats. - Ulan-Ude, 2014. - p. 140; p. 80.
7. Derevyanko A.P., Shabelnikova N.A., Usov A.C. The history of Russia: from ancient times to the present day. Moscow: Prospekt Publ., 2018, 672 p.
8. Radnaev B. Genghis Khan: a view from the West / Inform Polis, May 17, 2000.
9. Harari Yu.N. Sapiens. A brief history of man / Yuval Noah Harari; [translated from English by L. Patrory]. Moscow: Sinbad, 2023. 512 p.
10. Engels F. The Origin of the family, private property, and the State. Moscow, 1973, 240 p.
11. Okladnikov A.P. Essays from the history of the Western Buryat Mongols. – Ulan-Ude, 2014. 512 p.

Институт искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права

Иванов Сергей Владимирович

Аспирант, Московский финансово-промышленный Университет
«Синергия», ivanovsergei5@yandex.ru

Статья посвящена сравнительному анализу правового регулирования искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права. Выделены три базовые модели регулирования: риск-ориентированная горизонтальная (Европейский Союз, Южная Корея), секторально-фрагментированная (США, Израиль), вертикально-контрольная (Китай). Детально проанализирован Регламент ЕС 2024/1689 (AI Act), устанавливающий первый в мире комплексный правовой режим искусственного интеллекта на основе классификации систем по уровням риска. Рассмотрена судебная практика по вопросам алгоритмического правоприменения, включая знаковое дело State v. Loomis в США и решения Суда ЕС по автоматизированному принятию решений. Особое внимание уделено применению искусственного интеллекта в государственном управлении, правосудии и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, публичное право, EU AI Act, алгоритмическое регулирование, предиктивное правосудие, автоматизированное принятие решений, права человека, цифровое управление, сравнительное правоведение.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед современным публичным правом беспрецедентные вызовы. Регламент Европейского Союза об искусственном интеллекте (AI Act), принятый в 2024 году, знаменует формирование первого в мире комплексного правового режима ИИ, основанного на риско-ориентированном подходе. Параллельно развиваются принципиально иные модели регулирования: секторальная (США), вертикально-контрольная (Китай), мягко-правовая (Великобритания, Япония). Конвенция Совета Европы об ИИ, открытая для подписания в сентябре 2024 года, стала первым юридически обязывающим международным договором в данной сфере [1]. Российская доктрина активно исследует зарубежный опыт, однако национальное регулирование ограничивается стратегическими документами и экспериментальными правовыми режимами.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью системного осмысливания глобальных тенденций правового регулирования ИИ для целей совершенствования российского законодательства. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с разработкой, внедрением и использованием систем искусственного интеллекта в публично-правовой сфере. Предметом исследования являются нормативные правовые акты, судебная практика и доктринальные источники, регулирующие применение ИИ в различных зарубежных юрисдикциях. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и системно-структурный методы исследования.

Сравнительный анализ зарубежных юрисдикций позволяет выделить три базовые модели правового регулирования ИИ, различающиеся по степени регулятивного вмешательства, институциональной архитектуре и приоритетам защиты. Каждая из моделей отражает специфические правовые традиции, политические приоритеты и экономические интересы соответствующих государств. Выбор модели регулирования определяется балансом между необходимостью защиты прав граждан и стремлением обеспечить конкурентоспособность национальной технологической отрасли.

Риск-ориентированная горизонтальная модель (ЕС, Южная Корея, Бразилия) характеризуется созданием единого комплексного законодательного акта, классифицирующего ИИ-системы по уровням риска. Данная модель основывается на принципе пропорциональности: интенсивность регулятивного воздействия возрастает по мере увеличения потенциального вреда от применения соответствующей технологии. Регламент ЕС 2024/1689 устанавливает четырёхуровневую классификацию: недопустимый риск (запрещённые практики), высокий риск (строгое регулирование), ограниченный риск (требования прозрачности), минимальный риск (без специального регулирования) [2]. Статья 5 AI Act запрещает 8 категорий практик, включая социальный скоринг государственными органами, предиктивную полицию исключительно на основе профилирования личности и биометрическую идентификацию в реальном времени в публичных местах с ограниченными исключениями [3]. Санкции достигают 35 млн евро или 7% мирового оборота — самые высокие штрафы в праве Европейского Союза [4].

Секторально-фрагментированная модель (США, Израиль) опирается на регулирование ИИ существующими отраслевыми регуляторами без принятия горизонтального закона. Данный подход отражает традиционное для американской правовой системы недоверие к масштабному *ex ante* регулированию и предпочтение корректировки правоприменительной практики через судебные решения. Несмотря на Executive Order 14110 об ИИ (октябрь 2023), отменённый администрацией Трампа в январе 2025 года, основное регулирование осуществляется на уровне штатов [5]. Калифорния приняла регламенты CCPA по автоматизированному принятию решений (вступают в силу в 2026–2027 гг.), Колорадо — первый комплексный штатный закон об ИИ (SB 24-205, применение отложено до июня 2026 г.), Иллинойс — законодательство о биометрических данных (BIPA) и ИИ-видеоинтервью, Нью-Йорк — требования аудита автоматизированных инструментов найма (Local Law 144) [6]. Данная фрагментация создаёт значительные проблемы правовой определённости для операторов, действующих в нескольких штатах.

Вертикально-контрольная модель (Китай) сочетает поощрение инноваций со строгим контролем контента и информационного пространства. КНР первой в мире приняла специальные регуляторные акты об алгоритмических рекомендациях (2022), глубоком синтезе (2023) и генеративном ИИ (2023) [7]. Уникальной чертой является обязательный алгоритмический реестр СAC, насчитывающий более 5000 зарегистрированных алгоритмов к ноябрю 2025 года. Положения требуют соответствия «социалистическим базовым ценностям» и прохождения оценки безопасности для сервисов с «общественно-мнениевыми свойствами» [8]. Данная модель отражает специфику китайской политики-правовой системы, в которой приоритет отдаётся государственному контролю над информационным пространством при одновременном стимулировании технологического развития.

Регламент (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 года (AI Act) представляет собой наиболее амбициозную попытку комплексного правового регулирования искусственного интеллекта в мировой практике. Акт вступил в силу 1 августа 2024 года с поэтапным применением положений: запреты на недопустимые практики действуют с 2 февраля 2025 года, правила о моделях общего назначения (GPAI) — с 2 августа 2025 года, основной массив требований к высокорисковым системам — с 2 августа 2026 года [9]. Данный поэтапный подход призван обеспечить адаптацию рынка к новым требованиям и предотвратить резкие нарушения экономической деятельности.

Приложение III AI Act относит к высокорисковым системам в публичном секторе: оценку права на государственные услуги и пособия, индивидуальную оценку рисков совершения правонарушений, детекторы лжи и оценку рисков при миграционном контроле, системы помощи судебным органам в исследовании и толковании фактов и права [10]. Данный перечень отражает озабоченность законодателя потенциальным воздействием алгоритмических систем на фундаментальные права граждан в сфере взаимодействия с государством. Статья 27 устанавливает обязательную оценку воздействия на основные права (Fundamental Rights Impact Assessment) для публичных органов, использующих высокорисковые системы. Статья 86 закрепляет право на объяснение индивидуальных решений, принятых с участием ИИ. Данные положения создают правовую основу для обеспечения подотчётности алгоритмических систем в публичном секторе.

Судебная практика Суда ЕС активно развивает право на объяснение алгоритмических решений. В деле SCHUFA (C-634/21, 7 декабря 2023 г.) Суд признал, что

создание кредитного scoringа само по себе является автоматизированным решением по смыслу статьи 22 GDPR, даже если окончательное решение принимает человек на основе этого scoringа [11]. Данное толкование существенно расширяет сферу применения гарантий GDPR в отношении автоматизированного принятия решений. В деле Dun & Bradstreet Austria (C-203/22, 27 февраля 2025 г.) Суд подтвердил обязанность контролёра предоставить понятное объяснение логики алгоритма, указав, что коммерческая тайна не может служить основанием для полного отказа в объяснении [12]. Следует отметить отзыв AI Liability Directive в октябре 2025 года, что оставляет вопросы гражданско-правовой ответственности за вред от ИИ частично неурегулированными на уровне ЕС [13].

Отсутствие федерального закона об ИИ в США компенсируется развитой судебной практикой, устанавливающей конституционные пределы алгоритмического правоприменения. Ключевым прецедентом является дело State v. Loomis (881 N.W.2d 749, Wis. 2016), в котором Верховный суд Висконсина рассматривал использование системы оценки рисков рецидива COMPAS при назначении наказания [14]. Данное дело стало первым случаем, когда высший суд штата подробно проанализировал конституционность применения алгоритмических инструментов в уголовном правосудии. Обвиняемый Эрик Лумис утверждал, что использование закрытого проприетарного алгоритма нарушает его право на надлежащую правовую процедуру (due process), поскольку он не может оспорить методологию оценки.

Суд признал допустимым использование алгоритмических инструментов, но установил существенные ограничения: COMPAS не может быть определяющим фактором при назначении наказания; суды обязаны учитывать предупреждения о групповой природе данных, спорной точности и вопросах расовой диспропорции; закрытый характер алгоритма препятствует полному раскрытию методологии, но не делает использование системы неконституционным. Верховный Суд США отказал в 2017 году, оставив решение штата в силе и тем самым подтвердив допустимость использования алгоритмических систем при соблюдении установленных ограничений. Данный прецедент создал модель для других судов, рассматривающих вопросы алгоритмического правосудия.

Расследование ProPublica (2016) выявило, что система COMPAS демонстрирует расовую асимметрию: чернокожие обвиняемые чаще ошибочно классифицировались как высокорисковые, белые — как низкорисковые, при общей точности около 60% для обеих групп [15]. Эти данные актуализировали дискуссию о «невозможности справедливости» — математической несовместимости различных метрик алгоритмической справедливости (calibration, false positive parity, false negative parity). Невозможно одновременно обеспечить равную точность прогноза между группами и равное распределение ложноположительных результатов. На муниципальном уровне Сан-Франциско в мае 2019 года стал первым городом США, запретившим использование распознавания лиц городскими агентствами [16]. Аналогичные запреты приныты в Окленде, Бостоне, нескольких городах Массачусетса [17].

Китайский подход сочетает стратегическую цель мирового лидерства в ИИ к 2030 году с жёстким контролем информационного пространства. Регулятивная архитектура включает базовые законы о данных — Закон о кибербезопасности (2017), Закон о безопасности данных (2021), Закон о защите персональной информации (PIPL, 2021) — и специальные положения об ИИ [18]. Данная многоуровневая система обеспечивает всесторонний контроль над информационными технологиями при одновременном со-

здании условий для технологического развития. Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями (2022) впервые в мире установило обязательную регистрацию алгоритмов, право пользователей отключать алгоритмические рекомендации, защиту прав работников платформенной экономики.

Система социального кредита не является единым «рейтингом Big Brother», а представляет совокупность чёрных списков за серьёзные правонарушения, системы финансовой кредитной отчётности и муниципальных систем (менее 20 из 330 городов имеют локальные системы с баллами) [19]. Система «умных судов» (Smart Courts) наиболее продвинута в мире: интернет-суды в Ханчжоу (2017), Пекине и Гуанчжоу работают полностью онлайн; технологии распознавания речи внедрены в более чем 4200 залах судебных заседаний; система «206» в Шанхае проверяет доказательства и выдаёт рекомендации по приговорам [20]. К концу 2025 года все суды КНР должны использовать ИИ, к 2030 году планируется полная интеграция ИИ в судебный процесс.

Великобритания после Brexit избрала «про-инновационный подход» без горизонтального закона. White Paper 2023 года устанавливает 5 принципов (безопасность, прозрачность, справедливость, подотчётность, оспариваемость), применяемых существующими секторальными регуляторами (FCA, ICO, CMA, Ofcom) [21]. AI Safety Institute, созданный в ноябре 2023 года, переименован в AI Security Institute в феврале 2025 года и ориентирован на оценку передовых систем ИИ [22]. Южная Корея приняла Framework Act on AI Development and Establishment of Trust (26 декабря 2024 г.) — первый комплексный закон об ИИ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вступающий в силу 22 января 2026 года [23]. В отличие от EU AI Act, закон не содержит прямых запретов определённых практик.

Канада — единственная юрисдикция с действующей обязательной Директивой об автоматизированном принятии решений (2019) для федеральных органов, требующей алгоритмической оценки воздействия, уведомления граждан, права на объяснение, тестирования на предвзятость и публикации исходного кода государственных систем [24]. Япония последовательно придерживается модели мягкого права с принципами «человекоцентричного ИИ» (2019) и добровольными руководствами по управлению рисками. AI Promotion Act (май 2025 г.) носит продвигающий, а не ограничительный характер [25]. Причины выбора мягкого регулирования — восприятие ИИ как решения социальных проблем (старение населения), временной лаг между законом и технологией.

Применение ИИ в уголовном правосудии (predictive justice) ставит фундаментальные вопросы о соотношении алгоритмической эффективности и конституционных гарантий. Системы оценки рисков рецидива — COMPAS, LSI-R, PATTERN — используются в США при определении меры пресечения, назначении наказания, решениях об условно-досрочном освобождении. Проблема алгоритмической предвзятости имеет математическое измерение: исследования показали невозможность одновременного соблюдения различных метрик справедливости. Система, откалиброванная для равной точности между группами, неизбежно демонстрирует диспропорциональное распределение ложноположительных и ложноотрицательных результатов. Данная проблема носит фундаментальный характер и не может быть решена исключительно техническими средствами.

Право на объяснение алгоритмического решения признаётся в различных юрисдикциях с разной степенью обязательности [26]. Статья 22 GDPR закрепляет право не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, с гарантиями человеческого вмешательства и оспаривания. Статья 86 AI Act

устанавливает право на «ясные и содержательные объяснения роли системы ИИ» для лиц, затронутых решениями высокорисковых систем [27]. Академическая критика указывает на ограниченность «права на объяснение»: технические ограничения объяснимости глубокого обучения, узость понятия «исключительно автоматизированного» решения, возможность формального соблюдения при сохранении непрозрачности.

Случаи массовых нарушений прав граждан алгоритмическими системами государственного управления подтверждают необходимость специального регулирования. Robodebt в Австралии (2016–2019) — автоматический расчёт переплат получателям пособий с ошибочным алгоритмом, сравнивавшим данные в несовместимых форматах, — привёл к 400 000 ошибочных уведомлений о долге, компенсациям в 1,8 млрд долларов и выводам Королевской комиссии о «массовом провале публичного управления» [28]. Скандал с детскими пособиями в Нидерландах (2021) — ложное обвинение 20 000 семей в мошенничестве с непропорциональным воздействием на этнические меньшинства — повлек отставку правительства. Визовый streaming-алгоритм Великобритании (2015–2020) использовал национальность как фактор риска и был отменён после судебного иска.

Конвенция Совета Европы об ИИ и правах человека, демократии и верховенстве права (CETS № 225), открытая для подписания 5 сентября 2024 года, является первым юридически обязывающим международным договором по ИИ [29]. Подписанты стали ЕС, США, Великобритания, Израиль, Япония (наблюдатель). Конвенция устанавливает обязательства по оценке рисков и воздействия на права человека, возможность запретов определённых применений ИИ, создание независимых надзорных органов. Рекомендация ОЭСР по ИИ (2019, обновлена 2024) закрепила 5 ценностных принципов — инклюзивный рост, уважение прав человека, прозрачность, надёжность, подотчётность [30]. К Рекомендации присоединились 47 государств. Рекомендация ЮНЕСКО по этике ИИ (2021) — первый глобальный стандарт, применимый к 194 государствам-членам [31]. ISO/IEC 42001:2023 — первый международный сертифицируемый стандарт по системам управления ИИ [32].

Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года (Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019) и Федеральный закон № 123-ФЗ об экспериментальном правовом режиме в Москве формируют нормативную основу российского регулирования [33]. П.М. Морхат разработал концепцию «электронного лица» и «юнита искусственного интеллекта» с гибридной правосубъектностью [34]. Т.Я. Хабриева исследует правовые проблемы идентификации ИИ и право в условиях цифровой реальности [35]. Э.В. Талапина анализирует ИИ в государственном управлении и правовых экспертизах [36]. По данным Совета судей РФ, каждый третий российский суд использует ИИ [37]. Позиция судейского сообщества: ИИ допустим для узкоспециализированных задач, но решения, по существу, должен принимать судья-человек.

Институт искусственного интеллекта в публичном праве находится в стадии активного формирования. Анализ выявляет пять ключевых тенденций. Во-первых, конвергенция принципов при дивергенции моделей: принципы human-centric AI, прозрачности, подотчётности, безопасности присутствуют во всех документах, но институциональные решения существенно различаются. Во-вторых, движение от soft law к hard law: Конвенция СЕ, EU AI Act, закон Южной Кореи свидетельствуют о переходе к обязательному регулированию. В-третьих, экстерриториальность как норма: EU AI Act, китайские положения, закон Южной Кореи применяются к иностранным поставщикам. В-четвёртых, специальное внимание к публичному

сектору. В-пятых, «право на объяснение» как формирующийся институт публичного права.

Для российской науки публичного права актуальны: сравнительный анализ моделей регулирования с учётом конституционно-правовых традиций; исследование механизмов защиты прав граждан от алгоритмических решений; разработка концепции ответственности за вред от ИИ в публичном секторе; адаптация международных принципов (ОЭСР, ЮНЕСКО, Совета Европы) к национальной правовой системе. Представляется необходимым принятие комплексного федерального закона об искусственном интеллекте, учитывающего положительный зарубежный опыт и специфику российской правовой системы.

Литература

1. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). 17 May 2024. <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence>
2. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // OJ L 2024/1689, 12.7.2024. <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>
3. Article 5: Prohibited AI Practices // EU Artificial Intelligence Act. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/article/5/> (дата обращения: 05.01.2026).
4. Penalties of the EU AI Act: The High Cost of Non-Compliance // Holistic AI. 2024. <https://www.holisticai.com/blog/penalties-of-the-eu-ai-act>
5. Global Approaches to Artificial Intelligence Regulation // The Henry M. Jackson School of International Studies. University of Washington. 2024. <https://jsis.washington.edu/news/global-approaches-to-artificial-intelligence-regulation/>
6. A Deep Dive into Colorado's Artificial Intelligence Act // National Association of Attorneys General. 2024. <https://www.naag.org/attorney-general-journal/a-deep-dive-into-colorados-artificial-intelligence-act/>
7. China's AI Regulations and How They Get Made // Carnegie Endowment for International Peace. July 2023. <https://carnegieendowment.org/research/2023/07/chinas-ai-regulations-and-how-they-get-made?lang=en>
8. Global AI Governance Law and Policy: China // IAPP. 2024. <https://iapp.org/resources/article/global-ai-governance-china>
9. Artificial Intelligence Act // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_Intelligence_Act (дата обращения: 05.01.2026).
10. Annex III: High-Risk AI Systems Referred to in Article 6(2) // EU Artificial Intelligence Act. 2024. <https://artificialintelligenceact.eu/annex/3/>
11. CJEU, Case C-634/21, SCHUFA Holding AG, 7 December 2023. <https://www.julia-project.eu/database/case-law/216>
12. CJEU confirms «right of explanation» in battle between trade secrets and algorithmic transparency // Stibbe. 2025. <https://www.stibbe.com/publications-and-insights/cjeu-confirms-right-of-explanation-in-battle-between-trade-secrets-and>
13. AI liability directive // European Parliament Legislative Train Schedule. 2025. https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-a-europe-fit-for-the-digital-age/file-ai-liability-directive?trk=article-ssr-frontend-pulse_little-text-block
14. State v. Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017). <https://casebriefsco.com/casebrief/state-v-loomis>
15. ProPublica. Machine Bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. 23 May 2016. <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing>
16. San Francisco Bans Use Of Facial Recognition Technology By Municipal Government // NPR. May 14, 2019. <https://www.npr.org/2019/05/14/723193785/san-francisco-consider-ban-on-governments-use-of-facial-recognition-technology>
17. The Movement to Ban Government Use of Face Recognition // Electronic Frontier Foundation. 2022. <https://www.eff.org/deeplinks/2022/05/movement-ban-government-use-face-recognition>
18. Data protection laws in China // DLA Piper Data Protection Laws of the World. 2024. <https://www.dlapiperdataprotection.com/?c=CN>
19. China's Social Credit System in 2025: How It Works // China Law Translate. 2025. <https://www.chinalawtranslate.com/en/social-credit-action-in-2025/>
20. Wang, Nyu & Tian, Michael. (2022). 'Intelligent Justice': AI Implementations in China's Legal Systems. 10.1007/978-3-030-88615-8_10.
21. A pro-innovation approach to AI regulation: Government response to consultation // UK Government. 2024. <https://www.gov.uk/government/consultations/ai-regulation-a-pro-innovation-approach-policy-proposals/outcome/a-pro-innovation-approach-to-ai-regulation-government-response>
22. Introducing the AI Safety Institute // GOV.UK. 2023. <https://www.gov.uk/government/publications/ai-safety-institute-overview/introducing-the-ai-safety-institute>
23. South Korea's New AI Framework Act: A Balancing Act Between Innovation and Regulation // Future of Privacy Forum. 2025. <https://fpf.org/blog/south-koreas-new-ai-framework-act-a-balancing-act-between-innovation-and-regulation/>
24. Directive on Automated Decision-Making // Treasury Board of Canada Secretariat. 1 April 2019. <https://www.tbs-sct.gc.ca/pol/doc-eng.aspx?id=32592>
25. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency // CSIS. 2023. <https://aitransparencyinstitute.com/japans-approach-to-ai-regulation-and-its-impact-on-the-2023-g7-presidency/>
26. CJEU landmark ruling on the right of access and automated decision-making // CMS Law. 2023. <https://kempitlaw.com/insights/schufa-what-does-the-landmark-cjeu-ruling-on-automated-decision-making-mean-for-businesses/>
27. CJEU Clarifies GDPR Rights on Automated Decision-Making and Trade Secrets // Inside Privacy. 2025. <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=aec4b987-2dca-4ed8-8cf7-af53cbfc2674>
28. Royal Commission into the Robodebt Scheme (Australia). Final Report. 2023. <https://www.apra.gov.au/sites/default/files/2024-02/Robodebt%20Royal%20Commision%20-%20Overview%20of%20Final%20Report.pdf>
29. The Framework Convention on Artificial Intelligence // Council of Europe. 2024. <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence>
30. AI Principles Overview // OECD.AI. 2024. <https://www.oecd.org/en/topics/ai-principles.html>
31. Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. 2021. <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics>

32. ISO/IEC 42001:2023. Information technology — Artificial intelligence — Management system. <https://www.iso.org/standard/42001>

33. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" (вместе с "Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года") [Электронный ресурс] // Доступ: СПС "Консультант Плюс Проф" (Дата обращения: 07.01.2025).

34. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

35. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник РАН. 2024. Т. 94. № 7. С. 609–622.

36. Талапина Э.В. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2021. №4. С. 865–881.

37. Искусственный интеллект в судах [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_судах (Дата обращения: 07.01.2025).

Institution of artificial intelligence in foreign public law systems Ivanov S.V.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article is devoted to a comparative analysis of the legal regulation of artificial intelligence in foreign public law systems. Three basic regulatory models are identified: risk-oriented horizontal (European Union, South Korea), sector-fragmented (USA, Israel), and vertical-control (China). The EU Regulation 2024/1689 (AI Act), establishing the world's first comprehensive AI legal framework based on risk classification of systems, is analyzed in detail. Case law on algorithmic law enforcement is examined, including the landmark State *v.* Loomis case in the USA and CJEU decisions on automated decision-making. Special attention is paid to the application of AI in public administration, justice, and law enforcement.

Keywords: artificial intelligence, public law, EU AI Act, algorithmic regulation, predictive justice, automated decision-making, human rights, digital governance, comparative law.

References

1. Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). 17 May 2024.
2. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence. OJ L 2024/1689, 12.7.2024.
3. Article 5: Prohibited AI Practices. EU Artificial Intelligence Act. Available at: <https://artificialintelligenceact.eu/article/5/> (accessed: 05.01.2026).
4. Penalties of the EU AI Act: The High Cost of Non-Compliance. Holistic AI. 2024.
5. Global Approaches to Artificial Intelligence Regulation. The Henry M. Jackson School of International Studies. University of Washington. 2024.
6. A Deep Dive into Colorado's Artificial Intelligence Act. National Association of Attorneys General. 2024.
7. China's AI Regulations and How They Get Made. Carnegie Endowment for International Peace. July 2023.
8. Global AI Governance Law and Policy: China. IAPP. 2024.
9. Artificial Intelligence Act. Wikipedia. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Artificial_Intelligence_Act (accessed: 05.01.2026).
10. Annex III: High-Risk AI Systems Referred to in Article 6(2). EU Artificial Intelligence Act. 2024.
11. CJEU, Case C-634/21, SCHUFA Holding AG, 7 December 2023.
12. CJEU confirms «right of explanation» in battle between trade secrets and algorithmic transparency. Stibbe. 2025.
13. AI liability directive. European Parliament Legislative Train Schedule. 2025.
14. State *v.* Loomis, 881 N.W.2d 749 (Wis. 2016), cert. denied, 137 S. Ct. 2290 (2017).
15. ProPublica. Machine Bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. 23 May 2016.
16. San Francisco Bans Use Of Facial Recognition Technology By Municipal Government. NPR. May 14, 2019.
17. The Movement to Ban Government Use of Face Recognition. Electronic Frontier Foundation. 2022.
18. Data protection laws in China. DLA Piper Data Protection Laws of the World. 2024.
19. China's Social Credit System in 2025: How It Works. China Law Translate. 2025.
20. «Intelligent Justice»: AI Implementations in China's Legal Systems. ResearchGate. 2022.
21. A pro-innovation approach to AI regulation: Government response to consultation. UK Government. 2024.
22. Introducing the AI Safety Institute. GOV.UK. 2023.
23. South Korea's New AI Framework Act: A Balancing Act Between Innovation and Regulation. Future of Privacy Forum. 2025.
24. Directive on Automated Decision-Making. Treasury Board of Canada Secretariat. 1 April 2019.
25. Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency. CSIS. 2023.
26. CJEU landmark ruling on the right of access and automated decision-making. CMS Law. 2023.
27. CJEU Clarifies GDPR Rights on Automated Decision-Making and Trade Secrets. Inside Privacy. 2025.
28. Royal Commission into the Robodebt Scheme (Australia). Final Report. 2023.
29. The Framework Convention on Artificial Intelligence. Council of Europe. 2024.
30. AI Principles Overview. OECD.AI. 2024.
31. Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO. 2021.
32. ISO/IEC 42001:2023. Information technology — Artificial intelligence — Management system.
33. Указ Президента РФ от 10.10.2019 №. 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 №. 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation»]. СЗ РФ. 2019. №. 41. Art. 5700. (In Russ.)
34. Morkhat P.M. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография [Artificial Intelligence: A Legal Perspective: Scientific Monograph]. Moscow: Buki Vedi, 2017. 257 p. (In Russ.)
35. Khabrieva T.Ya. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта [Legal Problems of Artificial Intelligence Identification]. Vestnik RAN. 2024. Vol. 94. No. 7. Pp. 609–622. (In Russ.)
36. Talapina E.V. Искусственный интеллект и правовые экспертизы в государственном управлении [Artificial Intelligence and Legal Expertise in Public Administration]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2022. Vol. 12. No. 4. Pp. 865–881. (In Russ.)
37. Искусственный интеллект в судах [Artificial Intelligence in Courts]. TAdviser. 2024. (In Russ.)

Современные методы защиты информации ограниченного доступа в государственных органах, включая органы критической информационной инфраструктуры

Романычев Никита Олегович

аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, n.romanychev@yandex.ru

В данной статье акцентируется внимание на задачах обеспечения безопасности государственных органах и их информационных систем, в том числе объектов критической информационной инфраструктуры. Надежность этих систем должна быть на высочайшем уровне, так как от них зависит безопасность государства с учетом глобализации и интеграции информационных технологий в государственное управление, экономику, финансы и промышленность. Рассмотрены основные нормативные акты, регулирующие защиту информации ограниченного доступа, в том числе с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: DLP-системы, информационная безопасность, объекты критической информационной инфраструктуры, государственные органы, государственные информационные системы.

Введение

В последние годы в мире возрастает опасность киберугроз. Рост целенаправленных атак на государственные органы Российской Федерации тоже не остается не замеченным. В связи с этим во многих странах в последние годы происходит доработка нормативного обеспечения в сфере кибербезопасности и защиты информации ограниченного доступа с целью адаптации к современным требованиям цифровизации общества. Не малую часть в этом играет развитие информационных технологий и их проникновение во все сферы жизнедеятельности как человека в отдельности, так и государства в целом.

Одним из направлений информационной безопасности активно развивающимся в последние годы в России, является безопасность государственных органов и их автоматизированных информационных систем. В эту область входят так же органы критических информационных инфраструктур (далее – КИИ) и вопросы их безопасности.

Основная часть

Согласно Федеральному закону по ФЗ №187 «О защите критической инфраструктуры» к субъектам КИИ относятся: федеральные и региональные органы власти,

- государственные и муниципальные учреждения (больницы, МФЦ, вузы),
- государственные и муниципальные унитарные предприятия (ГУПы, МУПы),
- хозяйственные общества с государственным участием, если государство владеет контрольным пакетом акций или имеет решающее влияние,
- любые юридические лица, работающие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности,
- российские юридические лица, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей.

В своих информационных системах государственные органы обрабатывают и хранят огромные массивы информации, как персональных данных, так и различной информации ограниченного доступа.

К информации с ограниченным доступом относятся сведения, составляющие **персональные** данные, **коммерческую тайну государственную** тайну, иную охраняемую законом тайну (например, тайну усвоения (удочерения) (статья 139 Семейного кодекса Российской Федерации), **врачебную** тайну (статья 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»), а также иные сведения, доступ к которым ограничен на основании федерального закона (например, сведения о лицах, подлежащих государственной защите в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»).

Таким образом информационная безопасность – крайне важное направление деятельности государства и защита организаций, которые имеют у себя подобные

данные и информационные системы, является вкладом в национальную безопасность, подход к которой описан в Доктрине обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [1], которая утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.

Защита как объектов КИИ, так и персональных данных необходима для соблюдения прав граждан и организаций, функционирования экономики и осуществления государственного управления.

В эпоху цифровых технологий защита данных в государственных органах требует комплексного подхода, который включает в себя не только технические меры, но и организационные аспекты.

Важно не допускать утечек информации ограниченного доступа из государственных органов, так как такие утечки подрывают доверие граждан к государству и вызывают множество дальнейших проблем. Например, только одна утечка вызовет расходы на расследование, оценку ущерба, привлечение внешних экспертов. Затем необходимо уведомить пострадавших и всех необходимых регуляторов (Роскомнадзор, ФСБ, Б, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации). Возможно, потребуется выплата после компенсации.

Основные угрозы для данных в государственных органах включают кибератаки, внутренние нарушения безопасности, физические утечки информации, а также устаревшее программное обеспечение и оборудование.

Существующие угрозы реализуются через уязвимости, самые слабые места в защите информационной системы. По отношению к государственным органам можно выделить четыре основные уязвимости:

- 1) В программном обеспечении — ошибки в коде, уязвимости конфигурации, архитектуры.
- 2) В технических средствах — уязвимости программного обеспечения, микропрограмм, базовой системы ввода-вывода.
- 3) В протоколах сетевого взаимодействия и каналах передачи данных — уязвимости, обусловливающие наличие технических каналов утечки информации.
- 4) Организационные — отсутствие организационных мер защиты информации, несоблюдение правил эксплуатации системы.

Статья Горбатова В.С. с соавторами [2, с. 12-26] выделяет основными угрозами и уязвимостями вредоносное ПО, уязвимостями в текущем ПО, DDoS-атаки и атаки при помощи социальной инженерии. Они предлагают комплексный подход, включающий межсетевые экраны, сегментацию сетей, шифрование, обновление ПО и обучение персонала. Так же в статье подчеркивается важность взаимодействия заинтересованных сторон и постоянного совершенствования методов защиты для противодействия киберугрозам.

В рамках оценки рисков информационной системы, следует изучить уязвимости и оценить, какая из них вероятней всего будет использована для реализации угрозы.

В государственных органах используется масса различных мер защиты, для лучшего понимания и анализа необходимо их обозначить и классифицировать

Меры защиты информации можно разделить на организационные и технические:

К организационным мерам относятся те меры, которые реализуются путем организации работы аппарата органа определенным образом. К организационным мера можно отнести такие меры как:

- Выделение помещений с ограниченным доступом. Также установка сейфы, сигнализации, видеонаблюдения, определение порядок доступа сотрудников.

- Обучение сотрудников правилам обработки данных и процедурам безопасной работы.

- Ограничение доступа к персональным данным тем сотрудникам, которым это не требуется для выполнения обязанностей.

• Статья 13 Н 152-ФЗ добавляет требование «создать информационную систему персональных данных.» На практике это требование реализуется через различные ГИС – государственные информационные системы, например ГАС «Правосудие» в судебных органах;

- Назначаются лица, ответственные за организацию обработки персональных данных. В структурных подразделениях аппарата органа ими являются руководители структурных подразделений;

• Разработка политики обработки персональных данных и локальных нормативных актов, регулирующих категории и перечень обрабатываемых данных, способы, сроки обработки и хранения, порядок уничтожения данных после достижения целей обработки, процедуры выявления и устранения нарушений.

- Работникам госоргана запрещается выносить из здания документы или материалы, принадлежащие госоргану, без соответствующего на то разрешения.

- Стирание или обезличивание персональных данных

- Запрет госслужащим на разглашение привилегированной информации, ставшие им известными в связи с осуществлением своих полномочий.

К техническим средствам защиты относятся меры, которые реализуются через применения конкретных технологий в работе государственного органа. К ним относятся:

- Шифрование данных при передаче и хранении.

- Резервное копирование данных.

- Внедрение систем предотвращения утечек (DLP-систем).

- Использование средств антивирусной защиты.

- Регистрацией и учетом всех действий, совершаемых с персональными данными в автоматизированных информационных системах персональных данных;

- Специализированное оборудование по разделению каналов связи;

- Персонаификация доступа к информационным ресурсам госоргана

- Использование лицензионного программного обеспечения;

- Обнаружение фактов несанкционированного доступа к персональным данным.

Большая часть этих мер регламентирована приказом ФСТЭК России от 18 февраля 2013 № 21, который регулирует защиту персональных данных у операторов персональных данных, к которым также относятся государственные органы.

Также участвует приказ ФСТЭК № 17, который устанавливает требования к обеспечению защиты информации ограниченного доступа от утечки по техническим каналам, несанкционированного доступа и других воздействий при её обработке в государственных информационных системах.

Однако с 1 марта 2026 года приказ №17 утратит силу и будет заменен приказом ФСТЭК России от 11.04.2025 №117, который установит требования для защиты информации некриптографическими методами, предотвращения несанкционированного доступа к ней и специальных воздействий на носители информации, а самое главное он распространит требования к обеспечению безопасности информации не только на операторов государственных

ных информационных систем, но и на большинство государственных и муниципальных учреждений, использующих информационные системы, обрабатывающие информацию ограниченного доступа.

В целом имеется тенденция приведения требований к информационной безопасности к единому, достаточно высокому уровню. В июне 2025 года Министерство цифрового развития направило в адрес администраций письмо с требованием организовать применение «Методики оценки технической защиты информации», утвержденной ФСТЭК России 2 мая 2024 года. В этом требовании отмечается, что методика должна применяться ко всем информационным системам госорганов, а не только объектов КИИ.

К организациям КИИ также добавляются требования приказа ФСТЭК № 239, направленный на обеспечение устойчивого функционирования значимых объектов при проведении в отношении них компьютерных атак

Кроме того, для субъектов КИИ, стратегических и системообразующих предприятий, органов власти Указом Президента РФ № 250 установлен запрет на использование средств защиты информации, странами происхождения которых являются недружественные иностранные государства.

Вышеуказанные приказы устанавливают требования к мерам защиты информации путем описания функции, которую должна выполнять мера. Однако для выполнения требований о защите информации ограниченного доступа необходимо контролировать работу с информацией в течение всего цикла ее обработки, в месте с действиями пользователей информационной системы. Для этого применяются современные системы защиты информации:

- Системы аудита и защиты данных на стадии хранения (DCAP-системы);
- Системы для предотвращения утечек, контроля действий и коммуникаций пользователей (DLP-системы);
- Системы управления событиями информационной безопасности (SIEM системы)

Статистика по использованию средств защиты Эксперты «СёрчИнформ» [3] выяснили, какие средства защиты данных использовали российские компании в 2024 году. В 100% опрошенных компаний используются антивирусные системы, в 80% – DLP-системы, в 74% – NGFW (Firewall, Proxy). Более чем в половине уже внедрены SIEM-системы

Разберем по отдельности функции каждой из систем защиты:

1. Системы аудита и защиты данных на стадии хранения (DCAP-системы);

DCAP-системы (Data-Centric Audit and Protection) используются в госорганах для аудита и защиты данных на стадии хранения, в том числе конфиденциальной информации. Эти системы ориентированы на безопасность самих данных, а не на безопасность инфраструктуры, и помогают выполнять требования регуляторов к защите информации

Рассмотрим функции DCAP-системы:

- **Контроль прав доступа** к информации. Более того, система выявляет избыточные права доступа, неактивные учётные записи с сохранёнными правами;
- **Контроль политик хранения** чувствительных данных;
- **Контроль использования конфиденциальных данных:** система предоставляет информацию о том, кто, когда и с какой целью имел доступ к файлам;
- **Оптимизация хранения данных:** DCAP-системы позволяют выявлять файлы, которые давно не использовались или уже неактуальны

Такие системы проходят сертификацию в Минцифры, например Makves DCAP, которая выполняет часть требований приказа ФСТЭК №117 к защите информации в государственных информационных системах, имеет такой сертификат.

2. Системы для предотвращения утечек, контроля действий и коммуникаций пользователей (DLP-системы);

DLP-система (Data Loss Prevention, «предотвращение утечек данных») работает на основе контроля и анализа всех возможных каналов утечки.

В частном секторе часто используются так называемые DLP – системы, это системы по защите от утечек.

Система отслеживает действия пользователей: копирование, печать, загрузку в облако, пересылку писем, использование внешних носителей. Это позволяет выявлять подозрительные операции и предотвращать инциденты на ранней стадии, путем приостановки передачи данных при подозрительных действиях. Информация об инциденте передается администратору, который его проверяет и затем разрешает, либо запрещает дальнейшую передачу данных.

Такую же систему можно добавить к текущим автоматизированным информационным системам. При этом есть несколько вариантов, как это можно осуществить, DLP – системы могут работать как с ИИ, так и без него. Но в любом случае использование такой системы рекомендуется добавить, как меру защиты в соответствующий единый акт. А в случае применения системы с ИИ, требуется обеспечить контроль человека над системой.

Российские решения в этой области также проходят сертификацию ФСТЭК и могут быть использованы госорганами.

3. Системы управления событиями информационной безопасности (SIEM системы)

Современные системы SIEM (Security Information and Event Management) – это программные комплексы, обеспечивающие сбор, нормализацию и корреляцию событий безопасности в реальном времени из различных источников (серверы, брандмауэры, антивирусы). Они используют агенты или безагентный сбор данных (то есть сбор данных с использованием дополнительных программ или без них), а также искусственный интеллект для обнаружения угроз и автоматического уведомления, работая через веб-интерфейсы.

SIEM-система объединяет в себе функцию сбора журналов, корреляцию событий и анализ в реальном времени.

Современные SIEM являются неотъемлемой частью центров мониторинга безопасности (SOC).

Сами же системы SOC (Security Operations Center) – это экосистема для защиты бизнеса (или же госоргана), объединяющая людей, процессы и технологии для активного обнаружения и реагирования на киберугрозы. Помимо SIEM в нее входит

IRP/SOAR (Incident Response Platform) – платформа для автоматизации процессов реагирования на инциденты, для минимизации ручного труда.

Также в системе SOC есть анализы индикаторов для выявления актуальных атак и инструменты мониторинга для отдельных рабочих инструментов, например для облачных сервисов.

Ожидаемая замена приказа ФСТЭК №117 на № 117 с расширением субъектов, к которым относятся требования по защите информации означает не только необходимость пересмотра модели угроз, но и внедрение инструментов мониторинга – в том числе SIEM-системы как обязательного компонента архитектуры защиты.

Использование ИИ и автоматизация:

Многие современные системы защиты информации применяют искусственный интеллект для автономного анализа и масштабирования защиты.

Также они активно используют машинное обучение для анализа поведения предполагаемых киберпреступников.

Так, например в работе Зуева В.Н. [4, с. 91-97] исследуется применение ИИ на в рамках использования методов глубокого обучения для обнаружения аномалий в сетевом трафике. Предлагается использовать сверточную нейронную сеть (CNN) для анализа сетевого трафика в режиме реального времени. Предоставленные результаты на наборах данных в публичном доступе показывают, что метод Зуева В. Н. обеспечивает более высокую точность обнаружения аномалий по сравнению с традиционными методами.

Обратимся к исследованию "Frontier AI Trends Report" [5] от AI Security Institute (AISI), в котором проанализированы результаты тестирования передовых моделей ИИ за период с 2024 по 2025 годы.

Согласно этому исследованию, современные модели ИИ существенно улучшили свои способности в задачах по обеспечению информационной безопасности.

Как указано, в начале 2024 г. такие системы могли выполнить задачу в 10% случаев, то к концу 2025 года они выполняют задачи такого же уровня в 50% случаев, причем без помощи человека. Более того, в 2025 году протестировали первую модель, которая могла успешно выполнить задачи экспертного уровня, обычно требующие от человека-практика более чем 10-летнего опыта.

Исследователями отмечается интересная закономерность: по их оценке, каждые 8 месяцев возможности ИИ удваиваются.

Таким образом современные SOC системы становятся более самостоятельными и автономными, за счет искусственного интеллекта.

Рассмотрим статью, [6] анализирующую проблему обнаружения аномалий в киберфизических системах. Автор Vegesna V. V. отмечает, что «традиционные методы обнаружения аномалий на основе правил и пороговых значений часто оказываются неэффективными для сложных киберфизических систем с большим объемом разнородных данных.» Чтобы решить эту проблему, снова используются подходы машинного обучения. Проведено экспериментальное сравнение различных методов машинного обучения на реальных данных: вероятностные модели и гибридные подходы, глубокие нейронные сети для анализа временных рядов, методы изоляционных лесов для выявления выбросов. Автор выводит, что наибольший результат показывает гибридный метод, и что он является перспективным для защиты критической инфраструктуры и обнаружения аномалий в киберфизических системах.

В заключение хочется отметить, что сфера защиты информации быстро развивается, а методы защиты с помощью искусственного интеллекта остаются активной междисциплинарной областью исследований. Важно отметить, что дальнейшее развитие информационных систем государственных органов связано с использованием новых технологий, в том числе систем ИИ. Необходимо разрабатывать свои системы и перенимать зарубежный опыт, чтобы создать наиболее эффективную систему обработки

данных в госорганах и подготовить для них современные методы защиты.

Реализация этих мер позволит сформировать эффективную, современную и доступную модель управления данными, которая отвечает требованиям времени и ожиданиям общества, укрепляет доверие граждан к государственной системе и способствует защите их прав и законных интересов.

Литература

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/401425792/>

2. Горбатов В. С. и др. Кибербезопасность сетевого периметра объекта критической информационной инфраструктуры // Безопасность информационных технологий. 2022. Т. 29. №. 4. С. 12-26

3. «77% ИБ-специалистов согласны использовать в работе возможности ИИ» // ООО «СёрчИнформ» URL: <https://searchinform.ru/news/company-news/2024/5/29/77-of-it-specialists-agree-to-use-ai-capabilities-in-their-work/>

4. Зуев В. Н. Обнаружение аномалий сетевого трафика методом глубокого обучения // Программные продукты и системы. 2021. Т. 34. №. 1. С. 91-97.

5. AI Security Institute (AISI) – «Frontier AI Trends Report» // Институт безопасности искусственного интеллекта (AISI) URL: <https://www.aisi.gov.uk/frontier-ai-trends-report>

6. Vegesna V. V. Machine Learning Approaches for Anomaly Detection in Cyber-Physical Systems: A Case Study in Critical Infrastructure Protection // International Journal of Machine Learning and Artificial Intelligence. 2024. vol. 5. №. 5. Pp. 1-13.

Modern methods of protecting information with limited access in government agencies, including agencies of critical information infrastructure.

Romanychev N.O.

Lebedev Russian State University of Justice

This article focuses on the tasks of ensuring the security of government agencies and their information systems, including critical information infrastructure facilities. The reliability of these systems must be at the highest level, as the security of the state depends on them, taking into account globalization and the integration of information technologies into public administration, economics, finance and industry. The main regulatory acts regulating the protection of information with limited access, including the use of artificial intelligence, are considered.

Keywords: DLP systems, information security, critical information infrastructure facilities, government agencies, government information systems.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS "Garant" URL: <https://base.garant.ru/401425792/>
2. Gorbatov V. S. and others. Cybersecurity of the network perimeter of a critical information infrastructure facility // Information technology security. 2022. Vol. 29. No. 4. pp. 12-26
3. "77% of IBM information technology specialists use the capabilities of And in their work" // Sarchinform LLC URL: <https://searchinform.ru/news/company-news/2024/5/29/77-of-it-specialists-agree-to-use-ai-capabilities-in-their-work/>
4. Zuev V. N. Detection of network traffic anomalies by deep learning method // Software products and systems. 2021. Vol. 34. No. 1. pp. 91-97.
5. Institute of Artificial Intelligence Security (AISI) – "Report on advanced trends in artificial Intelligence" // Institute of Artificial Intelligence Security (AISI) URL: <https://www.aisi.gov.uk/frontier-ai-trends-report>
6. Vegesna V. V. Approaches to machine learning for anomaly detection in cyberphysical systems: a practical example of critical infrastructure protection // International Journal of Machine Learning and Artificial Intelligence. Volume 2024. 5. No. 5. pp. 1-13.

Организации публичной власти России: институциональные границы, механизмы координации и критерии оценки единой системы

Тензин Владислав Романович

аспирант, ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет», г.
Мурманск, tenzin94@bk.ru

Статья посвящена анализу организаций публичной власти в Российской Федерации, как единой институциональной системы, обеспечивающей реализацию публичных функций государства и местного самоуправления. Рассматриваются конституционно-правовые основы организации публичной власти, структура и классификация ее субъектов, механизмы взаимодействия уровней власти, а также ключевые направления трансформации, после закрепления концепции единой системы публичной власти. Выявляются актуальные проблемы разграничения компетенции, ответственности, финансовой обеспеченности и подотчетности органов публичной власти. Формулируются выводы о тенденциях централизации управления при сохранении конституционных гарантий самостоятельности местного самоуправления.

Ключевые слова: публичная власть, органы государственной власти, местное самоуправление, единая система публичной власти, федерализм, компетенция, публичные функции, государственное управление, муниципальное управление.

Публичная власть в российской правовой системе — это не только теоретическое понятие, но и практический инструмент, через который выстраиваются связи между федерацией, субъектами РФ и местным самоуправлением [1; 2]. После конституционного закрепления идеи единой системы публичной власти особенно остро встал вопрос о границах: какие структуры относятся к организациям публичной власти, где проходит линия между координацией и фактическим «встраиванием» муниципального уровня в государственное управление, и как оценивать качество межуровневого взаимодействия без размывания ответственности [1; 2; 7].

Актуальность обусловлена расширением круга участников, влияющих на публичные решения. Помимо классических органов власти (Президент РФ, Правительство РФ, федеральные министерства и службы, законодательные собрания субъектов РФ, администрации муниципалитетов) в управлении заметную роль играют организации со специальным статусом: государственные корпорации и компании (например, ГК «Ростех», ГК «Автодор»), государственные институты развития (например, ВЭБ.РФ), публично-правовые компании (например, «Российский экологический оператор») и иные структуры, которые реализуют публичные задачи в инфраструктуре и социальной сфере [3; 9; 10]. При недостаточно ясных критериях отнесения таких субъектов к публично-властной сфере усложняются контроль, подотчетность и судебная защита адресатов решений [9; 11].

Цель исследования — предложить юридически применимые критерии институциональной идентификации организаций публичной власти и описать типовые механизмы координации в единой системе публичной власти, с акцентом на риск «разрыва ответственности».

В условиях единой системы публичной власти ключевым становится не название субъекта («орган власти» или «организация»), а наличие публичных полномочий и юридически замкнутой ответственности; оценка координации, которая должна строиться по цепочке «компетенция — ресурс — процедура — подотчетность», поскольку сбой возникает именно в этой связке [5; 6; 10].

Исследование проведено как воспроизведимый комплекс процедур. Во-первых, выполнен доктринальный анализ понятий «публичная власть», «публичные полномочия», «подотчетность», «контроль» по современной юридической литературе о конституционных изменениях и публичном управлении [7; 8; 9; 10; 17]. Это позволило отделить два режима: собственно власть (принятие обязательных решений и применение мер публичного воздействия) и организационно-обслуживающую инфраструктуру (предоставление услуг без самостоятельного властного мандата).

Во-вторых, проведен контент-анализ нормативной базы, определяющей устройство и взаимодействие уровней публичной власти, бюджетную и контрольную архитектуру: Конституции РФ, 131-ФЗ, 414-ФЗ, Бюджетного кодекса РФ, 172-ФЗ, 248-ФЗ [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Нормы сопоставлялись по юридическим маркерам: наличие властного решения, законная компетенция, доступ к публичным ресурсам, обязательные процедуры, контуры контроля и подотчетности [6; 9; 11].

В-третьих, проанализированы правовые позиции Конституционного Суда РФ по пределам законодательного усмотрения в настройке моделей местного самоуправления и требованиям к финансовому обеспечению полномочий [13; 14]. Эти позиции использованы как критерии допустимой координации без утраты самостоятельности муниципального уровня.

В-четвертых, результаты интегрированы в оценочную рамку «компетенция — ресурс — процедура — подотчетность» как инструмент диагностики связности межуровневого взаимодействия, прежде всего в сферах с высокой долей совместной ответственности (инфраструктура, благоустройство, социальные услуги, обращение с отходами) [5; 6; 10].

В рамках исследования: предложено прикладное определение организации публичной власти, даны критерии характерные для организаций публичной власти, составлена классификация организаций публичной власти, выделены юридические индикаторы властного статуса, составлена классификация органов и организаций публичной власти по данным индикаторам, рассмотрены способы координации единой системы публичной власти.

Организация публичной власти — это институционально оформленный субъект, который действует на основании Конституции РФ (и/или) закона и участвует в осуществлении публичной власти через принятие обязательных юридических решений и (или) реализацию публичных полномочий, при наличии специальных механизмов подотчетности и контроля [1; 6; 9; 11].

С практической точки зрения это позволяет различать:

- носителей властного мандата (например, Правительство РФ, Минфин России, ФНС России, органы исполнительной власти субъекта РФ, администрация муниципального района);

- контрольные субъекты (например, органы государственного/муниципального контроля по 248-ФЗ, контрольно-счетные органы);

- инфраструктуру исполнения (госучреждения, МБУ, подведомственные организации), которые обеспечивают услуги, но обычно не принимают самостоятельных властных решений [6; 9].

Юридические индикаторы публично-властного статуса и примеры. В ходе анализа выделен набор индикаторов, которые «включают» субъекта в публично-властную сферу. Важно, что индикаторы работают в совокупности.

Первый индикатор — право издавать нормативные акты. Примеры: постановления Правительства РФ; приказы федеральных министерств и служб в пределах компетенции; решения регионального правительства; муниципальные правовые акты, постановления местной администрации; предписания органов контроля по 248-ФЗ [3; 6].

Второй индикатор — законодательно определенная компетенция и пределы усмотрения. Это очевидно для органов власти, но важно и для «пограничных» субъектов. Например, статус и полномочия организаций со специальной правовой природой должны быть закреплены федеральным законом; в противном случае возникает зона слабой определенности ответственности [9; 11].

Третий индикатор — работа с публичными ресурсами (бюджет, казна, публичное имущество). Например, региональные министерства финансов и муниципальные финансовые органы исполняют бюджетные полномочия в рамках БК РФ; муниципальные администрации управляют муниципальной собственностью и заказом, а бюджетные решения «привязаны» к межбюджетным трансфертам [4].

Четвертый индикатор — наличие обязательной публичной процедуры, например: регламенты предоставления услуг и контрольных мероприятий; процедуры муниципального контроля; бюджетные процедуры и отчетность [4; 6].

Пятый индикатор — специальные механизмы подотчетности и контроля. Для органов власти это парламентский контроль, финансовый контроль, прокурорский надзор и судебный контроль. Для муниципального уровня — также контрольные полномочия субъекта РФ в установленных законом пределах и контрольно-счетные органы муниципалитета [6; 9; 11].

На основе данных индикаторов, необходимо представить следующую классификацию организаций публичной власти:

1. Органы государственной власти (федеральные и региональные) обычно обладают всеми индикаторами в полной мере (пример: Правительство РФ и федеральные министерства; правительство субъекта РФ и профильные министерства) [1; 3].

2. Органы местного самоуправления также обладают публично-властными индикаторами, но «слабое место» чаще связано с ресурсами: полномочия есть, а финансовая база зависит от трансфертов, что влияет на реальную автономию [2; 4; 8; 12].

3. Контрольные и надзорные органы (включая муниципальный контроль по 248-ФЗ) концентрируют властные полномочия и подотчетность в особом режиме (предписание, проверка, профилактика нарушений) [6; 11].

4. Организации со специальным статусом (госкорпорации, государственные компании, публично-правовые компании) могут участвовать в реализации публичных задач, но их отнесение к публичной власти требует прямого законодательного закрепления полномочий и понятного контура контроля. Иначе «власть без ответственности» маскируется под хозяйственную деятельность [9; 10; 11]. Здесь показательны инфраструктурные и отраслевые кейсы: дорожное строительство (ГК «Автодор»), промышленная политика и оборонный сектор (ГК «Ростех»), обращение с ТКО (публично-правовые механизмы через РЭО).

Типовые механизмы координации и где возникает «разрыв ответственности». В единой системе публичной власти координация строится не одним способом, а сочетанием правовых и управлеченческих механизмов [7; 8; 10].

Нормативно-компетенционная координация — опирается на распределение полномочий в законе и относительно проста в контроле: понятно, кто обязан действовать и кто отвечает. Однако в комплексных проектах (например, городская среда, транспортные узлы) она часто недостаточно гибка, потому что задачи пересекают отрасли и уровни [5; 8].

Программно-проектная координация — задает общие цели и показатели, «спаивая» уровни управления через планы, дорожные карты и отчетность. Достоинство — управлеченческая связность. Недостаток — риск, что показатели начинают подменять юридическую конструкцию ответственности: результат требуют «снизу», а полномочие и ресурс распределены «сверху» [5; 10].

Финансово-стимулирующая координация — основана на субсидиях, софинансировании и условиях предоставления трансфертов (БК РФ). Это сильный инструмент влияния на поведение нижестоящих уровней, но он же часто создает правовую асимметрию: муниципалитет юридически отвечает за «вопрос местного значения», но фактически зависит от региональных условий финансирования [4; 8; 12].

Административно-регламентная координация — проявляется в детальных процедурах и стандартах, в том числе в контрольной сфере (248-ФЗ). Здесь риск другой: высокая формализация легко превращается в «правильную отчетность» при слабой ответственности за качество конечного результата [6; 9; 11].

Затрагивая вопрос «разрыва ответственности», необходимо привести несколько примеров. Пример 1: обраще-

ние с ТКО. Муниципалитет отвечает за контейнерные площадки и санитарное состояние территории, субъект РФ формирует региональную систему и определяет оператора, тарифное регулирование осуществляется в установленном порядке, а гражданин воспринимает результат как «услугу государства». При сбоях (переполненные площадки, несвоевременный вывоз) ответственность на практике расплывается между муниципалитетом, региональным оператором и региональными органами регулирования. Этот кейс наглядно показывает, что единая цель не равна единому контуру юридической ответственности, и требуются четкие процедуры распределения обязанностей и контроля по цепочке исполнения [4; 6; 10; 11].

Пример 2: дорожная деятельность и благоустройство. Региональные программы ремонта и строительства дорог часто предполагают софинансирование и достижение показателей. Муниципалитеты при этом выступают исполнителями на земле: согласования, земельные вопросы, организация работ, приемка. Но полномочия, финансирование и контрольные решения могут находиться на разных уровнях. При нарушении сроков или качества объект «проводит» между тем, кто утверждал проект, кто финансировал, кто заключал контракт, и кто фактически контролировал исполнение [4; 5; 10]. Это типовой механизм возникновения «разрыва ответственности» [10].

Пример 3: государственный и муниципальный контроль. После реформы контрольной сферы акцент смешен к риск-ориентированному подходу, профилактике и формализации процедур. В качестве результата повышается предсказуемость действий контролера и защищенность проверяемых, но при слабой связке «контрольное действие — управленческое решение — ответственность за устранение причин» контроль может становиться «процедурой ради процедуры» [6; 9; 11]. Здесь важна юридическая интеграция результатов контроля в управленческий цикл.

Оценочная рамка «компетенция — ресурс — процедура — подотчетность». Для юридической диагностики координации предложена простая рамка, которую можно применять к любой сфере: Компетенция — должна быть однозначна определено, кто уполномочен и кто обязан действовать. Если компетенция размыта, любые последующие механизмы координации дают эффект только на уровне управления, но не на уровне права [13; 14]. Ресурс — полномочие должно быть обеспечено финансированием, кадрами и доступом к инфраструктуре. Иначе юридическая обязанность превращается в формальное требование без реальной возможности исполнения, что подрывает смысл ответственности [4; 8]. Процедура — нужно понимать, как именно согласуются решения, как фиксируются результаты, как урегулируются конфликты компетенций и как оформляются межуровневые договоренности. Без процедур координация превращается в «ручное управление» [5; 6; 9]. Подотчетность — должно быть ясно, кто оценивает итог, по каким критериям и какие последствия наступают при невыполнении. Если оценка размазана по нескольким центрам, ответственность также тягает адресата [9; 11].

Результат применения рамки к «совместным» сферам (инфраструктура, услуги, благоустройство) сводится к следующему: даже при высокой отчетности и проектной дисциплине система часто остается юридически «средне-связной», если не устранены два дефекта — неясность компетенции и дисбаланс ресурсов [4; 5; 8; 10].

Основным результатом исследования является, не описание органов власти как таковых, а юридически применимый способ отличать носителей публичных полномочий от инфраструктуры исполнения и оценивать качество межуровневой координации через замыкание це-

очки «компетенция — ресурс — процедура — подотчетность» [5; 6; 9]. Научная новизна состоит в том, что предложены критерии институциональной идентификации организаций публичной власти, работающие для «пограничных» субъектов со специальным статусом, а также введен диагностический подход к координации, позволяющий обнаруживать «разрыв ответственности» до возникновения масштабных управленческих сбоев [10; 11].

Сопоставление с зарубежными работами о многоуровневом управлении показывает, что проблема «разрыва ответственности» типична для систем, где цели центра едины, а исполнение распределено по уровням и организациям [15]. Отличие российской ситуации в том, что единая система публичной власти имеет выраженное конституционно-правовое измерение и должна соотноситься с принципом самостоятельности местного самоуправления и требованиями юридической определенности компетенции, которые последовательно поддерживаются в позициях Конституционного Суда РФ [13; 14]. Иными словами, управленческая интеграция допустима, но она должна быть юридически «прочитана»: кто уполномочен, кто обязан, кто финансирует, кто контролирует, кто отвечает.

В отечественной литературе подчеркивается, что «единство» публичной власти не тождественно административной централизации, оно может означать согласованность целей и процедур при сохранении автономных зон ответственности [7; 8; 12]. В этом смысле предложенные критерии и рамка диагностики уточняют, где именно начинается нежелательная подмена: там, где муниципалитет получает задачи и показатели без ресурсов и без права влиять на ключевые условия их достижения [8; 10; 12].

Отдельный пласт дискуссии связан со статусом организаций со специальным публично-правовым положением. Научная литература фиксирует, что участие таких структур в публичных задачах может повышать эффективность и технологичность управления, но одновременно требует усиленного контроля и прозрачности, поскольку смешение публичных и хозяйственных методов повышает риск дефицита подотчетности [9; 10; 11]. Поэтому для таких организаций критичны два условия: ясный объем публичных полномочий и понятный механизм контроля (финансового, парламентского, прокурорского и судебного) [9; 11].

Исследование показывает, что для анализа организаций публичной власти в современной России недостаточно перечислить органы государственной власти и органы местного самоуправления. Существенная часть публичных задач реализуется через сложные организационные связи, в которые включаются субъекты со специальным правовым статусом и инфраструктура исполнения [3; 9; 10]. Предложенные юридические индикаторы помогают определить, где начинается публично-властный мандат, а где речь идет об обслуживании публичных функций без самостоятельной власти [6; 9; 11].

Ключевой вывод состоит в следующем: слабое звено единой системы публичной власти — не отсутствие координации, а юридически незамкнутая ответственность. Если компетенция, ресурсы, процедуры и подотчетность распределены несогласованно, растет вероятность «перекладывания» ответственности, формализации отчетности и снижения эффективности контроля [4; 5; 6; 10]. Научная новизна работы заключается в разработке критериев институциональной идентификации организаций публичной власти и в предложении компактной правовой рамки оценки координации по цепочке «компетенция — ресурс — процедура — подотчетность», позволяющей выявлять «разрыв ответственности» в межуровневых отношениях еще на стадии правового проектирования [5; 6; 11].

Практическая рекомендация, вытекающая из результатов: при разработке региональных законов и регламентов взаимодействия с муниципалитетами целесообразно проверять каждую совместную сферу управления на замкнутость ответственности. Это означает минимальный набор условий: однозначная компетенция, обеспеченный ресурс, формализованная процедура согласования и единый контур подотчетности с понятными последствиями неисполнения [4; 6; 13; 14].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм., одобр. 01.07.2020). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. по состоянию на 25.01.2026). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
3. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ред. по состоянию на 25.01.2026). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. по состоянию на 25.01.2026). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
5. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. по состоянию на 25.01.2026). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. по состоянию на 25.01.2026). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
7. Авакьян С. А. Единая система публичной власти: конституционный смысл и проблемы реализации // Государство и право. 2021. № 12. С. 7–20.
8. Бондарь Н. С. Публичная власть и местное самоуправление: новые конституционные параметры и пределы координации // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 17–33.
9. Тихомиров Ю. А. Правовая организация публичного управления: современные тенденции и инструменты координации // Административное право и процесс. 2021. № 10. С. 7–19.
10. Лапаева В. В. Публичная власть: юридическая определенность компетенций и риск «разрыва ответственности» в межуровневых отношениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 30–52.
11. Князев С. Д. Конституционализация публичного управления: к вопросу о границах единой системы публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 5–18.
12. Глигич-Золотарёва М. В. Местное самоуправление в единой системе публичной власти: организационные модели и правовые риски // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 2. С. 9–22.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 № 30-П. Официальный

сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.01.2026).

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2018 № 33-П. Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 25.01.2026).

15. OECD. Multi-level Governance Reforms: Overview of OECD Countries' Experiences. Paris: OECD Publishing, 2021. 196 p. URL: <https://www.oecd.org> (дата обращения: 25.01.2026).

16. European Charter of Local Self-Government (ETS No. 122) (Strasbourg, 15.X.1985). Council of Europe. URL: <https://www.coe.int> (дата обращения: 25.01.2026).

17. Крашенинников П. В. (науч. ред.). Комментарий к Конституции Российской Федерации (с учетом поправок 2020 года): научно-практический. 3-е изд. Москва: Статут, 2021. 512 с.

Russian public authorities: institutional boundaries, coordination mechanisms, and evaluation criteria for a unified system

Tenzin V.R.

Murmansk Arctic University

The article is devoted to the analysis of public authorities in the Russian

Federation as a single institutional system that ensures the implementation of public functions of the state and local self-government. The article examines the constitutional and legal foundations of the organization of public power, the structure and classification of its subjects, the mechanisms of interaction between levels of government, as well as key areas of transformation after the consolidation of the concept of a unified system of public power. The current problems of differentiation of competence, responsibility, financial security and accountability of public authorities are identified. Conclusions are drawn about the trends of centralization of government while preserving the constitutional guarantees of the independence of local self-government.

Keywords: public power, public authorities, local self-government, unified system of public power, federalism, competence, public functions, public administration, municipal administration.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended and approved on 01.07.2020). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 25.01.2026).
2. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended on 25.01.2026). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 25.01.2026). 3. Federal Law of 21.12.2021 No. 414-FZ "On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation" (as amended on 25.01.2026). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 25.01.2026).
4. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended on 25.01.2026). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 25.01.2026). 5. Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation" (as amended on 25.01.2026). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 25.01.2026).
6. Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (as amended on 25.01.2026). Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed on 25.01.2026). 7. Avakyan S. A. Unified System of Public Authority: Constitutional Meaning and Implementation Problems // State and Law. 2021. No. 12. Pp. 7–20.
8. Bondar N. S. Public Authority and Local Self-Government: New Constitutional Parameters and Limits of Coordination // Journal of Russian Law. 2022. No. 6. Pp. 17–33.
9. Tikhomirov Yu. A. Legal Organization of Public Administration: Current Trends and Coordination Instruments // Administrative Law and Process. 2021. No. 10. Pp. 7–19.
10. Lapaeva V. V. Public Authority: Legal Clarity of Competences and the Risk of a "Responsibility Gap" in Inter-Level Relations // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 4. Pp. 30–52. 11. Knyazev S. D. Constitutionalization of Public Administration: On the Boundaries of a Unified System of Public Authority // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 3. pp. 5–18.
12. Gligich-Zolotareva M. V. Local Self-Government in a Unified System of Public Authority: Organizational Models and Legal Risks // Municipal Service: Legal Issues. 2024. No. 2. pp. 9–22.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.12.2015 No. 30-P. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <http://www.ksrf.ru> (date of access: 25.01.2026).
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18 July 2018 No. 33-P. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <http://www.ksrf.ru> (accessed on 25 January 2026).

Об административной ответственности в строительной сфере

Столярова Зинаида Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», zina_adyunkt@mail.ru

Бажин Григорий Михайлович

старший преподаватель кафедры Металлических и деревянных конструкций; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), gbajin@mail.ru.

В статье рассматриваются актуальные проблемы института административной ответственности в строительной сфере, анализируются понятие, признаки и основания привлечения к административной ответственности за правонарушения в области строительства. Особое внимание уделяется роли специальных знаний и строительно-технической экспертизы в механизме административного принуждения. Исследуется система нормативно-технического регулирования строительства и ее влияние на экспертную деятельность. Авторы выявляют ключевые проблемы правоприменения, связанные с недостаточной регламентацией административно-правового статуса негосударственных экспертов, противоречиями в доказательственной базе и переходом к параметрическому методу нормирования.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, меры административного принуждения, строительные правонарушения, специальные знания, судебная экспертиза, строительно-техническая экспертиза, техническое регулирование, КоАП РФ, КАС РФ, ГрК РФ, градостроительство.

Введение

Административная ответственность в строительной сфере представляет собой важнейший элемент механизма обеспечения безопасности и качества строительства в Российской Федерации. Согласно Градостроительному кодексу РФ, лица, виновные в нарушении законодательства о градостроительной деятельности, могут привлекаться к различным видам ответственности, среди которых административная является наиболее распространенной и масштабной. [1,2]

В Кодексе РФ об административных правонарушениях содержится более 40 составов правонарушений, связанных со строительством — от строительства без разрешения до несоблюдения обязательных требований, правил, стандартов и технических норм. Эффективность привлечения нарушителей к ответственности часто зависит от качественного установления фактов и причин нарушений, что невозможно без использования специальных знаний. [3-5]

Актуальность исследования представленной тематики обусловлена рядом важных, значимых и системных проблем. Во-первых, в правовом регулировании применения строительно-технической экспертизы при привлечении к административной ответственности выявляются значительные пробелы, включая отсутствие четкого разграничения между судебной экспертизой и техническим заключением. Во-вторых, после принятия Распоряжения Правительства РФ от 31.10.2023 № 3041-р возникла коллизия, связанная с ограничением возможности проведения экспертиз по делам о самовольном строительстве исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями. В-третьих, отсутствуют нормативно-закрепленные административные процедуры использования цифровых технологий информационного моделирования (BIM/TIM) в административном производстве. [1,6,7,8]

Целью настоящей статьи является комплексный анализ теоретико-правовых основ института административной ответственности в строительной сфере, выявление проблем нормативного и правового регулирования применения специальных знаний и оценка влияния изменений в системе технического регулирования на экспертную деятельность.

1. Понятие, признаки и основания административной ответственности за правонарушения в сфере строительства

Административная ответственность в сфере строительства представляет собой особый вид юридической ответственности, применяемой к физическим и юридическим лицам за совершение административных правонарушений в области строительства. В действующем законодательстве отсутствует прямое определение данного понятия, однако в теории административного права оно рассматривается как разновидность государственного принуждения, выражаясь в официальном осуждении противоправного деяния и назначении административного наказания уполномоченным органом. [3-4]

Единственным юридическим основанием привлечения к административной ответственности выступает наличие состава административного правонарушения — совокупности предусмотренных законом объективных и субъективных признаков противоправного деяния. Фактическим основанием ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава правонарушения,

а нормативным основанием — норма права, устанавливающая запрет и санкцию за данное деяние. Процессуальным основанием наступления ответственности служит правоприменительный акт компетентного органа, которым лицо привлекается к административной ответственности.

Административная ответственность в строительстве характеризуется рядом специфических признаков. Прежде всего, это публично-правовой характер — административные правонарушения в области строительства посягают на публичные интересы, связанные с безопасностью и надежностью зданий и сооружений. Положения статьи 9.4 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за нарушение обязательных требований в строительстве, нацелены, в первую очередь, на обеспечение безопасности жизни и здоровья людей, экологической безопасности, а также надежности возводимых объектов.

Характерной чертой выступает специальный субъектный состав правонарушителей. Нарушения строительных требований могут совершаться лишь участниками строительного процесса, обладающими специальным административно-правовым статусом: застройщиками, техническими заказчиками, подрядными организациями и должностными лицами, ответственными за соблюдение строительных норм. В судебной практике относительно положений, изложенных в ч.1 и 2 ст. 9.4 КоАП РФ разъяснено, что субъектами данного административного правонарушения являются лица, непосредственно осуществляющие строительство, например подрядчики.[3-5]

Еще одной особенностью института административной ответственности в сфере строительства является технический характер объективной стороны многих строительных правонарушений. Деяние выражается в нарушении специальных технических требований — параметров и регламентов, установленных нормативно-технической документацией. Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного положениями статьи 9.4 КоАП РФ, состоит в отступлении от требований технических регламентов, проектной документации, государственных стандартов и строительных норм при строительстве или применении материалов.

Составы административных правонарушений в строительстве зачастую сконструированы как формальные, не требующие наступления последствий. Однако наличие вредных последствий может переводить административное правонарушение в квалифицированный состав с более строгим административным наказанием. Так, например, административно-правовая норма, изложенная в части 2 статьи 9.4 КоАП РФ предусматривает повышенные административные штрафы за действия, повлекшие отклонение параметров здания, затрагивающее его прочность и безопасность, либо создавшие угрозу причинения вреда жизни, здоровью, имуществу.

Современное законодательство устанавливает основные составы административных правонарушений в сфере строительства, например, положение, изложенное в статье 9.4 КоАП РФ, содержит административно-правовую норму за нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов, при этом включает три части: базовый состав, квалифицированный состав с наступившими последствиями и состав за повторное правонарушение. Административно-правовые санкции варьируются от предупреждения или административного штрафа в 1-2 тыс. руб. для физ. лиц до административного штрафа в 700 тыс. — 1 млн руб. или административного приостановления деятельности до 90 суток для юридических лиц при повторном правонарушении с юридическими последствиями.

Административно-правовая норма, установленная положениями статьи 9.5 КоАП РФ за нарушение установленного порядка строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства, ввода его в эксплуатацию объединяет в себе несколько составов, связанных с нарушением разрешительно-процедурных требований. Так, например, часть 1 предусматривает административную ответственность за строительство без официального разрешения на строительство (самовольное строительство) с административными штрафами для юридических лиц от 500 тыс. до 1 млн руб., а, например, положение части 5 устанавливает административную ответственность за эксплуатацию объекта без разрешения на ввод в эксплуатацию с аналогичными санкциями.

Административно-правовая норма, изложенная в статье 14.28 КоАП РФ о нарушении требований законодательства об участии в долевом строительстве защищает права участников долевого строительства и устанавливает административную ответственность за недобросовестное поведение застройщиков. В качестве санкции за незаконное привлечение денежных средств граждан законодатель предусмотрел административный штраф в отношении юридических лиц от 500 тыс. до 1 млн руб.

Значимым административно-процессуальным новшеством явилось введение положения, изложенного в части 5 ст. 4.4 КоАП РФ (вступило в силу с 6 апреля 2022 г.), согласно которой, если при проведении одной проверки выявлено два и более однородных правонарушения, административная ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей КоАП, то назначается одно наказание — как за одно административное правонарушение. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 2 апреля 2024 г. № 14-П подтвердил конституционность данной нормы, разъяснив, что последняя имеет обратную силу как смягчающая административную ответственность.

Таким образом, административная ответственность в сфере строительства характеризуется публично-правовым характером, специальным кругом субъектов, технической спецификой правонарушений и ярко выраженной превентивной задачей. Законодатель последовательно усиливает институт административной ответственность за правонарушения, способные повлечь аварию либо ущемить права граждан-инвесторов, одновременно стремясь избежать неоправданно репрессивного подхода.[3-5]

2. Административно-правовой статус специальных знаний и их роль в механизме административной ответственности

Эффективное привлечение к административной ответственности за строительные правонарушения невозможно без использования специальных знаний — профессиональных технических и иных познаний, выходящих за рамки общеизвестных. Строительная сфера высокотехнологична, и установление факта правонарушения зачастую требует компетентной оценки соблюдения технических норм, качества строительных работ, соответствия объекта проекту.[9]

В административно-юрисдикционном процессе специальные знания привлекаются в двух основных формах: через заключение эксперта либо посредством пояснений специалиста, а также путем экспертной деятельности органов государственного надзора. Административно-правовой статус носителей специальных познаний — экспертов, специалистов, должностных лиц контрольных органов — различается по объему полномочий и процессуальным функциям.

По смыслу административно-правовой нормы, изложенной в статье 26.4 КоАП РФ, эксперт в производстве по

делу об административном правонарушении представляет собой лицо, обладающее специальными познаниями, которому в установленном порядке поручено проведение исследования и дача заключения по вопросам, требующим таких познаний. В данном случае экспертное заключение является одним из видов доказательств по делу наряду с объяснениями, показаниями свидетелей, документами. Современный законодатель предъявляет строгие требования к содержанию экспертизного заключения: в нем должны быть указаны основание назначения экспертизы, кем она проведена, какие исследования выполнены и какие выводы сделаны. Эксперт обладает процессуально-независимым статусом, поскольку предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, имеет право знакомиться с материалами дела, просить предоставить дополнительные данные.

Помимо эксперта, в производстве по делу об административном правонарушении также может принять участие и иной участник – специалист, привлекаемый для содействия в сборе и оценке доказательств, обладающий специальными познаниями, но не проводящий полноценной экспертизы. Разграничение между экспертом и специалистом состоит в том, что эксперт дает экспертное заключение в качестве самостоятельного доказательственного статусного документа, а специалист лишь помогает уполномоченному органу обнаружить и правильно воспринять доказательства. В контексте строительных нарушений специалистами часто выступают сотрудники органов государственного строительного надзора либо приглашенные технические эксперты.

Отдельно следует упомянуть должностных лиц контрольных органов (инспекторов строительного надзора), которые сами обладают специальными познаниями в сфере строительства и наделены полномочиями выявлять правонарушения. При проведении проверок инспекторы часто выполняют роль и «следователей», и «экспертов»: они обследуют строительные объекты, сопоставляют фактическое состояние с требованиями нормативов, делают технические замеры. Результаты оформляются актом проверки, предписанием об устранении нарушений, протоколом об административном правонарушении.[4-5]

В этой связи на практике возникают значительные проблемы правового характера, связанные с привлечением специальных познаний в административном процессе, одной из таких является, например, отсутствие единых требований к квалификации экспертов вне государственных судебно-экспертных учреждений. В настоящее время закон [4] регулирует деятельность государственных судебных экспертиз и устанавливает требования к экспертам этих учреждений. Однако экспертизы по делам об административных правонарушениях нередко проводятся негосударственными экспертными организациями либо индивидуальными экспертами. Для таких внештатных экспертов нет единого федерального стандарта подготовки или аттестации — норму действующего №73-ФЗ на них формально не распространяются. В результате уровень квалификации частных экспертов может существенно различаться.[10,11]

Другой значимой проблемой выступает доказательственное значение заключения эксперта и его соотношение с иными доказательствами по делу об административном правонарушении. Согласно положениям, изложенным в содержании статьи 26.11 КоАП РФ, экспертное заключение в качестве доказательства оценивается по внутреннему убеждению суда наряду с другими доказательствами. В отличие от уголовного процесса, в административном процессе нет строгой презумпции истинности экспертизного заключения. Суд может признать экспертное

заключение необоснованным, если оно противоречит совокупности иных материалов дела об административном правонарушении.

Еще одной актуальной проблемой является разграничение судебно-экспертного заключения и иных технических документов. В правоприменительной практике возникают ситуации, когда помимо официальной экспертизы в деле присутствуют технические заключения, выполненные, к примеру, самой подрядной организацией или привлеченным ею инженером. Возникает вопрос: как относиться к таким документам? Формально это письменные доказательства, согласно положениям, изложенным в статье 26.7 КоАП РФ, но они не являются заключением эксперта, назначенного по делу об административном правонарушении.

Следующей значимой проблемой выступают правовые коллизии, связанные с ограничением компетенции негосударственных экспертов. Распоряжением Правительства РФ от 31.10.2023 №3041-р в Перечень видов судебных экспертиз, которые могут проводиться исключительно государственными судебно-экспертными организациями, включена строительно-техническая экспертиза по делам о самовольном строительстве. Данная административно-правовая норма вызвала определенный резонанс и существенную дискуссию в юридическом сообществе, результатом которой стало официальное разъяснение Верховного Суда РФ в Определении от 10.12.2024 №32-КГ24-18-К1 истолковано, что само по себе распоряжение Правительства №3041-р не является основанием для назначения повторной экспертизы апелляционным судом, если экспертиза была назначена и проведена до вступления этого распоряжения в силу.[8]

Таким образом, следует сделать вывод о том, что специальные познания являются системообразующим элементом механизма административной ответственности в сфере строительства. Без экспертных оценок невозможно достоверно установить технические аспекты административного правонарушения. В то же время проведенный анализ показывает, что правовой режим привлечения специальных познаний остается недостаточно унифицированным. Существуют правовые пробелы и противоречия, такие как, нормативно не урегулированный правовой статус негосударственных экспертов, отсутствие единых квалификационных критерии, смешение функций специалистов и экспертов.[9-11]

3. Нормативно-техническое регулирование строительства и его влияние на экспертную деятельность

Институт административной ответственности за правонарушения в сфере строительства не существует изолированно — его содержание и реализация напрямую зависят от обширного массива нормативно-технических требований, административно-правовых норм, регламентирующих строительную деятельность. Правовое регулирование строительной отрасли отличается сложностью, многоуровневостью и постоянным развитием, что создает новые вызовы и риски в правоприменительной практике.

В этой связи, представляется целесообразным выделить следующие уровни и элементы системы нормативных правовых актов:

1-й уровень - «конституционный». Выступая основным законом государства, Конституция РФ закладывает фундаментальные принципы, которые имеют прямое значение для строительной сферы. В соответствии с положениями, декларируемыми статьей 2 Конституции РФ, высшей ценностью выступают права и свободы человека, а их защита является обязанностью государства. Это включает защиту права граждан на жизнь и здоровье, неприкосновенность жилища — все то, чему могут угрожать аварии или некачественное строительство.

2-й уровень - «федеральный». Положениями федеральных законов закладывается каркас как материальных норм юридической ответственности, так и правил осуществления строительства. К ключевым федеральным законам данного уровня следует в первую очередь отнести КоАП РФ, как основной источник, содержащий составы правонарушений и определяющий порядок производства по делам. В строительной отрасли указанный кодифицированный закон приобретает уникальное значение, поскольку им прямо предусмотрены десятки составов административных правонарушений, охватывающих различные аспекты градостроительной деятельности. Следующим значимым кодифицированным законом данного уровня выступает Градостроительный кодекс РФ, как комплексный закон, регулирующий общественные правоотношения в области градостроительной деятельности. Указанный кодифицированный акт устанавливает требования к градостроительному планированию, зонированию, проектированию, экспертизе проектов, выдаче разрешений, строительству, вводу в эксплуатацию, а также к государственному строительному надзору. Следует указать ещё два базовых правовых документа в системе технического регулирования строительства, это федеральный закон от 30.12.2009 №384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», в котором закреплены обязательные требования безопасности к зданиям и сооружениям на всех этапах их жизненного цикла [12] и федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», определяющий организационно-правовые основы функционирования государственных судебно-экспертных учреждений, права и обязанности судебных экспертов, порядок их аттестации и юридической ответственности.[10]

3-й уровень – «подзаконный». В силу технической сложности строительной отрасли колоссальное значение имеют подзаконные нормативные акты, среди которых можно выделить указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, приказы министерств и ведомств, а также нормативные правовые акты субъектов РФ, конкретизирующие требования законодательства.[5-7]

Так, обязывающие правовые нормы, изложенные в постановлениях Правительства РФ от 5 марта 2021 г. № 331 и от 17 мая 2024 г. № 614 обязали застройщиков применять технологии информационного моделирования (BIM/TIM) при подготовке проектной документации и строительстве. Тем не менее, несмотря на широкое распространение цифровых моделей в строительной практике до сих пор, отсутствуют нормативно закрепленные процедуры их использования и применения в производстве по делам об административных правонарушениях, а также правовой механизм включения BIM-моделей и иных цифровых данных в доказательственную базу по делам об административных правонарушениях в строительной сфере.[13]

4-й уровень – «переходный». В современной правовой системе до 1 сентября 2024 года существовал Перечень обязательных государственных стандартов (ГОСТ) и сводов правил (СП), применение которых в полной мере обеспечивало соблюдение требований технических требований и стандартов, в частности, технического регламента №384-ФЗ. Однако с 1 сентября 2024 года указанный Перечень отменен, в связи с переходом к параметрическому методу нормирования.[14-16] Переход к параметрическому методу нормирования представляет собой системное изменение в области технического регулирования строительства. Параметрический метод предполагает, что здание на всех этапах жизненного цикла должно

соответствовать конкретным целям безопасности и эффективности, а не формальным предписаниям конкретных стандартов. Для экспертов это означает изменение нормативной правовой основы, на которой строится анализ соблюдения обязательных требований: вместо формальной проверки соответствия конкретным предписаниям возрастает роль инженерной оценки фактических параметров и характеристик объектов в сфере строительства. [17]

В настоящее время в указанный переходный период возникает правовая неопределенность в отношении того, какие правовые нормы подлежат применению при установлении административных правонарушений в строительной сфере, что усложняет как деятельность экспертов, так и принятие решений сотрудниками органов государственного строительного надзора.

Кроме того, цифровая трансформация строительной сферы, в частности, цифровизация экспертной деятельности также оказывает существенное влияние на право-применение [26]. Так, например, Россинская Е.Р. отмечает, что внедрение цифровых технологий в судебную экспертизу создает новые возможности, но одновременно порождает новые риски, связанные с применением искусственного интеллекта и нейронных сетей. Отсутствие единых требований к структуре, формату, верifiцируемости и воспроизводимости цифровых материалов ограничивает возможности экспертов и судов, препятствует формированию последовательной цифровой среды доказывания.[12]

Дополнительную правовую неопределенность создают изменения в порядке государственной экспертизы проектной документации с применением цифровых информационных моделей. Так, например, с 1 июля 2024 года участники долевого строительства обязаны вести информационную модель. Однако административные процедуры автоматизированной проверки ЦИМ на соответствие требованиям технических регламентов только начинают формироваться и внедряться в правоприменительную практику в сфере строительства. [6-7,13]

Таким образом, система нормативно-технического регулирования строительства находится в процессе масштабной трансформации. Переход к параметрическому методу нормирования, внедрение BIM/TIM-технологий и цифровизация экспертной деятельности создают как новые возможности для повышения качества и эффективности строительства, так и серьезные вызовы для правоприменительной практики.[14-15]

Проведенный анализ теоретико-правовых основ института административной ответственности в строительной сфере позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, административная ответственность за правонарушения в области строительства характеризуется публично-правовым характером, специальным субъектным составом, технической спецификой правонарушений и ярко выраженной превентивной функцией. Современное законодательство предусматривает дифференцированную систему административных санкций, учитывающую тяжесть последствий и систематичность правонарушений.

Во-вторых, специальные познания являются системообразующим элементом механизма привлечения к административной ответственности в сфере строительства. Без использования строительно-технической экспертизы невозможно достоверно установить технические аспекты большинства административных правонарушений в указанной сфере. Однако выявленный ряд проблем, таких как отсутствие единых требований к квалификации негосударственных экспертов, недостаточная регламентация

процессуального статуса различных видов экспертных заключений, правовые коллизии, связанные с ограничением допуска негосударственных экспертов к определенным видам исследований, требует внимания специалистов и своевременного разрешения.

В-третьих, система нормативно-технического регулирования строительства находится в процессе масштабной трансформации, связанной с переходом к параметрическому методу нормирования и внедрением технологий информационного моделирования в строительной сфере. Это создает правовую неопределенность в переходный период и требует разработки новых процессуальных механизмов использования цифровых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Совокупность выявленных проблем свидетельствует о необходимости совершенствования законодательного регулирования в следующих направлениях:

1. Разработка единых квалификационных требований и системы аттестации для негосударственных судебных экспертов в области строительства.

2. Нормативное закрепление административных процедур использования BIM/ТИМ-моделей и других цифровых данных в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях.

3. Формирование методических рекомендаций для экспертов и правоприменителей по оценке соответствия объектов строительства обязательным требованиям в условиях параметрического метода нормирования.

4. Создание единого реестра стандартизованных экспертных методик в области строительно-технической экспертизы с учетом цифровизации отрасли.

Представляется, что реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности института административной ответственности в строительной сфере, обеспечению единообразия правоприменительной практики и защите прав всех участников строительной деятельности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, 12.12.1993 г. //
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
5. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 5.
6. Постановление Правительства РФ от 05.03.2021 № 331 «Об установлении случаев формирования информационной модели объекта капитального строительства, требований к формированию информационной модели объекта капитального строительства, в том числе к составу сведений, документов и материалов, включаемых в такую модель, к формату указанных сведений, документов и материалов, и порядка формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства» (ред. от 17.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 11. Ст. 1868.
7. Постановление Правительства РФ от 17.05.2024 № 614 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2021 г. № 331» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 21. Ст. 2958.
8. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2023 № 3041-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 45. Ст. 7912.
9. Россинская Е.Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 20-32. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-3-20-32>
10. Россинская Е.Р. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: между инновациями и рисками // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2025. С. 155-161.
11. Норкин И.И. Административная ответственность в капитальном строительстве // Вестник Науки. 2025. Т. 5. № 6 (87). С. 224-228.
12. Немчинова А.Б., Калимуллина Э.Р., Азнабаева Г.Х. Цифровизация в строительстве и её влияние на социальную защиту и экономику // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 2. С. 160-166. DOI: 10.34773/EU.2025.2.27
13. Звонов И.А., Каширина Н.В. Фундаментальные принципы системы нормирования, основанной на характеристиках параметрической системы нормирования в строительной отрасли РФ // Строительная орбита. 2025. № 2. С. 34-42.
14. Невмержицкий А.Л., Разумовская Е.А. Цифровая трансформация строительной отрасли России: опыт и перспективы BIM-технологий // Финансово-экономический вестник. 2025. № 4. С. 78-86. DOI: 10.24412/2663-0389-2025-245-41-48
15. Гусев А.В., Медведева С.Н. Правовые проблемы квалификационных требований к негосударственным судебным экспертам // Общество и право. 2018. № 4 (66). С. 88-92.
16. Ялилов А.Д. Особенности гражданско-правового регулирования отношений в сфере проектирования и строительства при использовании технологии информационного моделирования (BIM) // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 11 (144). С. 87-99. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.087-099
17. Коваленко Я.О. Параметрическое нормирование в сфере строительства // Шаг в науку. 2025. № 4. С. 27-30.
18. Староверов В.Д. Параметрическое нормирование: техническое регулирование и стандартизация в эпоху цифровой трансформации // Строительные материалы, оборудование, технологии XXI века. 2025. № 2. С. 15-19.
19. Чибчикова В.С. Проблемы и пути совершенствования административной ответственности в промышленности, строительстве и энергетике // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 9А. С. 151-158.
20. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 11 «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 5.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.04.2024 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 4.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 15. Ст. 2488.
22. Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2024 № 32-КГ24-18-К1 // СПС КонсультантПлюс.
23. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 4.

24. Государственная и негосударственная экспертиза для суда: цена и особенности // БНЭКС. 2025. URL: <https://bneks.ru/gosudarstvennaya-i-negosudarstvennaya-ekspertiza-dlya-suda-tsena-i-osobennosti/> (дата обращения: 08.12.2025).
25. Параметрическое нормирование в строительстве // EXINCO. 2023. URL: <https://exinco.ru/news/parametricheskoe-normirovanie-v-stroitelstve/> (дата обращения: 08.12.2025).
26. Столярова З.Н., Бажин Г.М. Роль строительно-технической экспертизы при расследовании дел об административных правонарушениях в сфере строительства // Юридическая наука. 2025. № 12. С. 201–203.
- On Administrative Liability in the Construction Sector**
Stolyarova Z.N., Bazhin G.M.
 Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, National Research Moscow State University of Civil Engineering
- This article examines current issues related to administrative liability in the construction sector, analyzing the concept, characteristics, and grounds for administrative liability for construction offenses. Particular attention is paid to the role of specialized knowledge and construction-technical expertise in the mechanism of administrative enforcement. The system of normative and technical regulation of construction and its impact on expert work is examined. The authors identify key law enforcement issues related to insufficient regulation of the administrative and legal status of non-governmental experts, inconsistencies in the evidentiary base, and the transition to a parametric method of standardization.
- Keywords:** administrative liability, administrative offenses, administrative enforcement measures, construction offenses, specialized knowledge, forensic examination, construction and technical expertise, technical regulation, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, Urban Development Code of the Russian Federation, urban planning.
- References**
1. Constitution of the Russian Federation, 12.12.1993.
 2. Urban Planning Code of the Russian Federation of 29.12.2004 No. 190-FZ (as amended on 28.12.2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.
 3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 28.12.2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1.
 4. Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation" (as amended on 01.07.2021). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 2291.
 5. Federal Law of 30.12.2009 No. 384-FZ "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures" (as amended on 02.07.2013). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 1. Art. 5.
 6. Decree of the Government of the Russian Federation of 05.03.2021 No. 331 "On Establishing Cases of Formation of an Information Model of a Capital Construction Project, Requirements for the Formation of an Information Model of a Capital Construction Project, Including the Composition of Information, Documents and Materials Included in Such a Model, the Format of the Said Information, Documents and Materials, and the Procedure for the Formation and Maintenance of an Information Model of a Capital Construction Project" (as amended on 17.05.2024). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 11. Art. 1868.
 7. Decree of the Government of the Russian Federation of 17.05.2024 No. 614 "On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of 5 March 2021 No. 331". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 21. Art. 2958.
 8. Order of the Government of the Russian Federation of 31.10.2023 No. 3041-r "On Amendments to the Order of the Government of the Russian Federation of 16 November 2021 No. 3214-r". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 45. Art. 7912.
 9. Rossinskaya E.R. The system of the theory of forensic activity digitalization. Theory and Practice of Forensic Science. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 20–32. DOI: 10.30764/1819-2785-2024-3-20-32.
 10. Rossinskaya E.R. Artificial intelligence in forensic examination: between innovations and risks. XXI Century: Results of the Past and Problems of the Present Plus. 2025. Pp. 155–161.
 11. Norkin I.I. Administrative liability in capital construction. Vestnik Nauki. 2025. Vol. 5. No. 6 (87). Pp. 224–228.
 12. Nemchinova A.B., Kalimullina E.R., Aznabaeva G.Kh. Digitalization in construction and its impact on social protection and the economy. Economics and Management: Research and Practice Journal. 2025. No. 2. Pp. 160–166. DOI: 10.34773/EU.2025.2.27.
 13. Zvonov I.A., Kashirina N.V. Fundamental principles of a system of standardization based on the characteristics of a parametric standardization system in the construction industry of the Russian Federation. Stroitel'naya orbita. 2025. No. 2. Pp. 34–42.
 14. Nevmerzhitskiy A.L., Razumovskaya E.A. Digital transformation of the construction industry in Russia: experience and prospects of BIM technologies. Financial and Economic Bulletin. 2025. No. 4. Pp. 78–86. DOI: 10.24412/2663-0389-2025-245-41-48.
 15. Gusev A.V., Medvedeva S.N. Legal problems of qualification requirements for non-state forensic experts. Society and Law. 2018. No. 4 (66). Pp. 88–92.
 16. Yalilov A.D. Civil-law regulation features of relations in the field of design and construction when using building information modeling (BIM) technology. Actual Problems of Russian Law. 2022. Vol. 17. No. 11 (144). Pp. 87–99. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.144.11.087-099.
 17. Kovalenko Ya.O. Parametric standardization in the construction sector. Shag v nauku (Step into Science). 2025. No. 4. Pp. 27–30.
 18. Staroverov V.D. Parametric standardization: technical regulation and standardization in the era of digital transformation. Construction Materials, Equipment, Technologies of the XXI Century. 2025. No. 2. Pp. 15–19.
 19. Chibchikova V.S. Problems and ways of improving administrative liability in industry, construction and energy. Issues of Russian and International Law. 2024. Vol. 14. No. 9A. Pp. 151–158.
 20. Resolution of the Plenum of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation of 17.02.2011 No. 11 "On Certain Issues of Application of the Special Part of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences". Bulletin of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation. 2011. No. 5.
 21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.04.2024 No. 14-P "In the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part Five of Article 4.4 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 15. Art. 2488.
 22. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.12.2024 No. 32-KG24-18-K1. Legal reference system ConsultantPlus.
 23. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 10.11.2021). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 4.
 24. State and non-state expert examination for the court: cost and specific features. BNEKS. 2025. URL: <https://bneks.ru/gosudarstvennaya-i-negosudarstvennaya-ekspertiza-dlya-suda-tsena-i-osobennosti/> (accessed 08.12.2025).
 25. Parametric standardization in construction. EXINCO. 2023. URL: <https://exinco.ru/news/parametricheskoe-normirovanie-v-stroitelstve/> (accessed 08.12.2025).
 26. Stolyarova Z.N., Bazhin G.M. The role of forensic construction and technical expertise in investigating administrative offences in the construction industry. Legal Science. 2025. No. 12. Pp. 201–203.

Правовые основы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности Китайской Народной Республики

Бондарева Надежда Алексеевна

аспирант Волгоградский государственный университет, nadia-ko_96@mail.ru

Китайская народная республика известна своими обширными поставками товаров и услуг на внешнеэкономической арене. Китай лидирующая страна по экспорту товаров и на протяжении 8 лет не сдает позиции. Однако в научной литературе нет исследования подтверждающее, что правовое регулирование экспортной деятельности страны является движущей силой поддерживающие лидирующую позицию. В статье рассмотрены основные этапы истории развития китайского законодательства в сфере внешнеэкономической деятельности, систематизируется основные нормативно правовые акты. Международное сотрудничество и ее влияние на формирование высокого уровня экспорта. Исследование показало, что в Китае нет ни одного кодифицированного акта или закона полностью регулирующую внешнеэкономическую деятельность и поскольку провинции могут действовать строго в рамках своих полномочий, не мешает им стремительно развиваться. Развитие нормативно-правовой базы в области международного сотрудничества, а также расширение полномочий регионов станет инструментом для дальнейшего развития взаимодействия и сотрудничества на больших масштабах. Результаты исследования расширили существующие представления изучаемого вопроса.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, нормативно-правовой акт, экспорт, межрегиональное и международное сотрудничество, внешняя торговля, КНР, внешнеторговые сделки, международный контракт.

Введение

Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности занимает особое место в политике любого государства. Международный оборот товаров и услуг между странами увеличивается ежегодно, тем самым контроль со стороны государства является необходимым для создания благоприятной атмосферы внешней торговли. В данной статье будем рассматривать законодательство передовой страны, которая занимает на протяжении 8 лет, первое место в мире по экспорту товаров. Китайская народная республика, действительно поддерживает лидирующие позиции по продаже товаров за рубеж. Чему обязана страна такому продвижению? С чего началось развитие? Каковы правовые основы регулирующие внешнюю торговлю?

Актуальность данной темы заключается в роли, которую играет внешняя торговля в развитии экономики Китайской Народной Республики. Научный интерес вызывает результат проведенной работы, ведь в начале 20-го века Китай занимал нижние строчки по экспорту, и прорыв случился только в 2009 году. Механизмы и правовые институты, используемые в экономической деятельности страны, усиливают интерес, поскольку результатом является быстрое развитие и способность удерживать лидирующие позиции.

Внешнеторговая политика Китайской Народной Республики отличается устойчивым сохранением значительной степени государственного контроля над внешней торговлей. Оптимизация использование внешних факторов, в частности, экспортно-импортных операций – ключевая цель государственного регулирования. Экспорт и импорт являются важными инструментами для стремительного развития экономики страны в целом. Такой подход отражает стратегию, направленную на активное использование внешней торговли для стимулирования экономического и технологического развития. Вместе с тем, правовое регулирование позволяет Китайской Народной Республики контролировать структуру и объемы товарооборота, а также направлять инвестиции в приоритетные отрасли.

Актуальной проблемой является проведения всестороннего анализа ключевых механизмов государственного администрирования внешней торговли. Особое внимание уделяется выявлению специфики данного регулирования на различных стадиях экономического преобразования, а также изменениям в задачах, возложенных на внешнеторговый сектор, включая оценку его значимости в модернизации страны на основе инноваций.

Значимым исследование значится для российской теории и практики внешней торговли, ориентированную на модернизацию экономики российской федерации.

Цель исследования заключается в показе основных аспектов правового регулирования внешнеэкономической деятельности, затрагиваются исторические и реформаторские концепции в процессе периодизации.

Для достижения указанной цели установлены задачи: раскрыть понятие «внешнеэкономическая деятельность», исследовать правовые инструменты регулирующие внешнеэкономическую деятельность Китайской народной республики, раскрыть роль правового регулирования в развитии внешней торговли Китая.

В результате исследования сформируются выводы, основанные на анализе правового регулирования внешнеэкономической деятельности в Китае, которые могут быть использованы специализированными ведомствами для улучшения системы управления внешнеэкономической деятельности страны.

Методологию настоящего исследования составляет в основном анализ, с помощью которого формируется вывод о госрегулировании внешнеэкономической деятельности в Китае.

Развитие китайского законодательства в сфере внешней торговли и международного сотрудничества тесно связано с историческими реформами в Китае. Вместе с историческими переменами происходили изменения в правовых нормах, регулирующие торговые отношения между государствами. Первый этап произошел в 1949 году – образование нового государства Китайская Народная Республика. Второй этап развития произошел в 1978 году, начала внедряться политика реформ открытости, ориентированную на создание гибридной экономической системы, отражающие специфику Китая, сочетающая элементы социализма и капитализма, с акцентом на открытость международному сообществу. Третий и последний этап развития начался в 1987-1994 году с утверждения двух нормативно правовых акта – Таможенный кодекс Китайской Народной Республики (22 января 1987 год) и Закон Китайской Народной Республики о внешней торговле (12 мая 1994 год). Таможенный кодекс призван обеспечить национальную безопасность и отстаивать интересы государства, регулировать таможенные процедуры, способствовать развитию международной торговли, стимулирует налаживание внешнеэкономических связей, научного и технического прогресса, культурного обмена, вместе с тем обеспечивает поддержку социально-экономического развития и модернизации. Кодекс регламентирует процессуальные положения, определяющие порядок предоставления и оформления таможенного поручительства, нормы юридического контроля, ответственности за нарушения норм. Закон о внешней торговле способствует повышению уровня открытости, гарантирует стабильность и предсказуемость во внешнеторговой деятельности. Данный факт означает сохранность действующих правил и механизмов регулирования внешней торговли, а также защиту всех ее участников.

Удивительно, что не в одном из этих двух актов не определено понятие «внешнеторговая деятельность», хотя данные акты играют ключевую роль в регулирование этой сферы.

Далее, для развития внешней политики и торговли в Китае были принятые следующие нормативно правовые акты:

- Закон КНР «О договорах» 15 марта 1999 года утвержден на второй сессии девятого созыва Всекитайского собрания народных представителей. Целью закона выступает защита законных прав и интересов участников, заключающие договора, создает благоприятную среду для модернизации.

- Административные правила Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии 12 сентября 1998 года принят на 3 заседании международной торговой палатой КНР 1 созыва. Целью данного акта является роль арбитража, действующего независимо и беспристрастно при разрешении спорных ситуаций, возникающих в международной торговле, что способствует защите прав сторон ее участников.

- Антимонопольный Закон КНР принят 1 августа 2008 года на Всекитайском собрании народных представителей. Нормы регулируют законодательство о конкуренции. Предотвращает и пресекает монополистическое поведение компаний, а также осуществляют защиту интересов

потребителей, обеспечивая здоровое существование и развитие социалистической рыночной экономики.

- Государственная стратегия по развитию информатизации на период с 2006 – 2020 года 19 марта 2006 год. Для успешной реализации стратегии целью которой является развитие интернет пространства, предприняты необходимые меры: внедрения в образовательные программы всех уровней по основам айти; расширение сферы электронной коммерции, формование единой информационной сети для делового администрирования в государственных органах; разработка стандартизованных государственных баз данных; стимулирование и поддержка новаторских проектов в сфере информационных технологий.

Анализ внешнеторгового законодательства требует учета исторических условий, повлиявших на его становления. Рассмотрения структуры законодательства в динамике, по исторических периодам, способствует более полному пониманию его характерных черт, развития и потенциальных направлений дальнейшей эволюции.

Китайские регионы (23 провинции, 5 автономных районов, 12 специальных автономных района и 4 города центрального подчинения) ведут международное сотрудничество в рамках жесткого регулирования со стороны государства. При этом, несмотря на контроль восточные и юго-восточные провинции (Хэбэй, Цзянсу, Шаньдун), как наиболее развитые провинции, демонстрируют высокую активность во внешнеэкономической деятельности.

Помимо общенациональных законов, внешнеэкономическая деятельность в Китае регулируется и на уровне провинций. Провинции имеют определенную автономию в разработке собственной внешнеэкономической политике, которая, однако должна соответствовать общегосударственному законодательству.

Иностранные инвестиции занимают ключевую роль в экономике Китая, являясь необходимым условием для эффективной внешнеэкономической деятельности. В Китае разработаны правовые акты, регулирующие привлечение зарубежных инвестиций.

Закон КНР о предприятиях с иностранным капиталом, регулирует компании в которых капитал состоит исключительно из иностранного инвестирования, цель данного закона преследует развитие народного хозяйства, а также расширение внешнеэкономического сотрудничества и технического обмена.

11 декабря 2001 Китай вступил во Всемирную Торговую Организацию. Стремясь к экспортно-ориентированному развитию, Китай превратился в важную составляющую международных логистических систем. Представители Китайских компаний настроили прямые связи с иностранными предприятиями. Значительное положительное сальдо торгового баланса КНР и аккумулированные валютные резервы привели к увеличению государственных финансовых ресурсов. Согласно данным Всемирного банка, Китай демонстрировал устойчивый профицит торгового баланса на протяжении последних десятилетий. Этот профицит способствовал накоплению крупнейших в мире валютных резервов, объем которых, по оценкам Государственного валютного регулирования превышает 3 триллиона долларов США.

В ноябре 2006 года введены в действия новая редакция Закона КНР о правилах по управлению иностранными банками. Новая редакция гласит, что открытие новых представительств иностранных банков разрешается исключительно в зонах экономического развития. Создание новых представительств ограничено указанными территориями, что направлено на оптимизацию и регулирование деятельности иностранных финансовых организаций в Китае.

Принимая во внимание регулирующие документы можно сделать вывод. Политики внешней торговли в КНР имеет уникальную особенность, которая является высоким уровнем государственного регулирования внешней торговли. Действия Китая, направленные на обеспечение ответственного выполнения своих обязательств вовремя его членства в ВТО, были одобрены большинством его членов.

Министерство внешней торговли и правительства КНР отвечает за надзор за сортировкой лицензированием импорта и экспорта, мониторингом валюты, защита таможенных налогов. Принцип мирного сосуществования влечет за собой поддержание равенства и взаимовыгодных отношений, которые охватывают часть суверенитета и целостности территории, не взимаемого, не связанности во внутренней политике, сотрудничестве и взаимовыгодном сотрудничестве. Отсутствие единого нормативно-правового акта, регулирующего ВЭД. Ограниченные полномочия местных властей в сфере ВЭД. Высокий уровень детализации отдельных аспектов ВЭД. Наблюдается тенденция к либерализации внешнеэкономической политики. Несмотря на специфику китайского законодательства и ограниченные полномочия регионов, их деятельность эффективна. Китай, как вторая по величине экономика мира, заинтересован в развитии нормативно-правовой базы международного сотрудничества. Расширение полномочий регионов может способствовать дальнейшему развитию взаимодействия.

Литература

1. Таможенный кодекс Китайской Народной Республики от 22.01.1987 г. Региональный центр инновационных технологий [Электронный ресурс]. — URL: Таможенный кодекс КНР (дата обращения 10.04.2025).
2. Закон КНР о внешней торговле. Окно в Китай: консалтинговая группа [Электронный ресурс]. — URL: Законодательство Китая (дата обращения: 10.04.2025).
3. Закон КНР о договорах. Окно в Китай: консалтинговая группа [Электронный ресурс]. — URL: Законодательство Китая (дата обращения: 13.04.2025).
4. Свод арбитражных правил Китайской международной торгово-экономической арбитражной комиссии (1998 г.) // Бизнес в Китае: информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. — URL: Свод арбитражных правил Китайской международной торгово-экономической арбитражной комиссии (2000 года) (дата обращения: 13.04.2025).
5. Закон КНР о предприятиях с иностранным капиталом: закон КНР [Электронный ресурс]. — URL: Закон КНР о предприятиях с иностранным капиталом | Россия: Библиотека Пашкова (дата обращения: 13.04.2025).
6. Huang, D. (2003). The UNIDROIT Principles and their Influence in the Modernisation of Contract Law in the People's Republic of China. Uniform Law Review, 8, 107–117. <https://doi.org/10.1093/ULR/8.1-2.107>.
7. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. — М., 2010.
8. Наумов И.Н. Проблемы экономического роста и развития производительных сил в КНР. — М., 2007.
9. Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. — М., 2014.

The legal basis of state regulation of foreign economic activity of the People's Republic of China
Bondareva N.A.
Volgograd State University

The People's Republic of China is known for its extensive supply of goods and services in the foreign economic arena. China is the leading country in exporting goods and has been doing so for 8 years. However, there is no research in the scientific literature confirming that the legal regulation of the country's export activities is the driving force supporting the leading position. The article considers the main stages of history of development of Chinese legislation in the sphere of foreign economic activity, systematises the main normative legal acts. International co-operation and its influence on the formation of a high level of exports. The research has shown that in China there is not a single codified act or law fully regulating foreign economic activity and since the provinces can act strictly within the limits of their authority, it does not prevent them from rapid development. The development of a legal and regulatory framework for international co-operation, as well as the expansion of regional powers will be a tool for further development of interaction and co-operation on a large scale. The results of the study expanded the existing understanding of the issue under study.

Keywords: foreign economic activity, legal act, export, interregional and international cooperation, foreign trade, PRC, foreign trade transactions, international contract.

References

1. Customs Code of the People's Republic of China of January 22, 1987. Regional Center for Innovative Technologies [Electronic resource]. — URL: Customs Code of the People's Republic of China (date of access 10.04.2025).
2. Foreign Trade Law of the People's Republic of China. Window to China: Consulting Group [Electronic resource]. — URL: Legislation of China (date of access: 10.04.2025).
3. Contract Law of the People's Republic of China. Window to China: Consulting Group [Electronic resource]. — URL: Legislation of China (date of access: 13.04.2025).
4. Arbitration Rules of the China International Economic and Trade Arbitration Commission (1998) // Business in China: Information and Analytical Portal [Electronic resource]. — URL: Arbitration Rules of the China International Economic and Trade Arbitration Commission (2000) (date of access: 13.04.2025).
5. Law of the PRC on Enterprises with Foreign Capital: Law of the PRC [Electronic resource]. — URL: Law of the PRC on Enterprises with Foreign Capital | Russia: Pashkov Library (date of access: 13.04.2025).
6. Huang, D. (2003). The UNIDROIT Principles and their Influence in the Modernization of Contract Law in the People's Republic of China. Uniform Law Review, 8, 107–117. <https://doi.org/10.1093/ULR/8.1-2.107>.
7. Gelbras V.G. Economy of the People's Republic of China. Moscow, 2010.
8. Naumov I.N. Problems of Economic Growth and Development of Productive Forces in the PRC. Moscow, 2007.
9. Titarenko M.L. Russia and China: Strategic Partnership and Challenges of the Time. Moscow, 2014.

Конституционно-правовой статус социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемные аспекты

Веселый Иван Николаевич

аспирант кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – (ф) ФГБОУ ВПО «РАНХиГС при Президенте РФ», iveselyiin@yandex.ru

В статье «Конституционно-правовой статус социально ориентированных некоммерческих организаций: проблемные аспекты» автор Веселый И.Н. исследует нормативное закрепление правового положения СОНКО в системе институтов гражданского общества Российской Федерации. Цель работы состоит в выявлении противоречий действующего законодательства и формулировании предложений по их преодолению. Научная новизна исследования заключается в систематизации трёхуровневой структуры правовых статусов организаций некоммерческого сектора, а также в критическом осмыслиении преобладания формального критерия вида деятельности над содержательным критерием социального результата. Методологическую базу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, анализ статистических данных Министерства экономического развития Российской Федерации и изучение практики аккредитации организаций в смежных сферах публичного права. В ходе исследования выявлена несогласованность между открытым перечнем видов деятельности СОНКО, закреплённым Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ, и закрытым перечнем статьи 427 Налогового кодекса РФ. Обоснована целесообразность перехода к содержательным критериям определения статуса СОНКО, включающим показатели социального результата.

Ключевые слова: некоммерческие организации, социально ориентированные некоммерческие организации, исполнитель общественно полезных услуг, государственная поддержка, социальный результат.

Введение

Социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО) занимают особое место в системе институтов гражданского общества Российской Федерации. Выступая связующим звеном между государством и гражданами в решении социальных задач, СОНКО реализуют конституционное право на объединение и участвуют в осуществлении государственной политики в социальной сфере в соответствии с Конституцией РФ [1, ст. 30].

По данным Министерства экономического развития Российской Федерации в 2024 году в стране функционировало 133 812 СОНКО, что на 3 280 организаций превышает показатель предыдущего года. Объём государственной поддержки СОНКО неуклонно возрастает: только Фонд президентских грантов в 2024 году поддержал социальные проекты на сумму свыше 7,7 млрд рублей, а Президентский фонд культурных инициатив – более 6 млрд рублей. В общей же сложности объем государственной финансовой поддержки СОНКО в 2024 году превысил 389,6 млрд рублей, из которых ассигнования федерального бюджета составили 278,7 млрд рублей, а 110,9 млрд рублей – средства исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации [2].

Вместе с тем правовое регулирование статуса СОНКО характеризуется отсутствием однозначности в вопросе понятийного аппарата. Законодательные критерии отнесения организаций к категории социально ориентированных допускают неоднозначное толкование, что создаёт практические затруднения как для самих организаций, претендующих на меры государственной поддержки, так и для органов публичной власти, осуществляющих данную форму поддержки.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении проблемных аспектов нормативного регулирования конституционно-правового статуса СОНКО и формулировании предложений по их преодолению.

Публично-правовые аспекты становления института СОНКО в российском законодательстве

Понятие «социально ориентированная некоммерческая организация» было введено в российское законодательство Федеральным законом от 05.04.2010 № 40-ФЗ, дополнившим Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» статьями 31.1–31.3 [3, ст. 1]. Целью законодателя являлось выделение из общей массы некоммерческих организаций (далее – НКО) тех организаций, которые непосредственно участвуют в решении социальных проблем и развитии гражданского общества, для оказания им адресной государственной поддержки. Как отмечает Е.П. Казбан, данный закон «является важнейшим документом, принципиально меняющим систему отношений некоммерческих организаций, органов власти и местного самоуправления» [4, с. 41].

Согласно статье 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ, социально ориентированными признаются «некоммерческие организации, созданные в предусмотренных данным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского

общества в Российской Федерации, а также виды деятельности, предусмотренные статьёй 31.1» указанного закона [5, ст.2, ст.31.1–31.3].

Первоначальная редакция статьи 31.1 содержала относительно компактный перечень видов деятельности СОНКО. Однако за пятнадцать лет существования института СОНКО перечень неоднократно расширялся: в него были включены, в частности, деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, содействие духовному развитию личности, профилактика социально опасных форм поведения, формирование непрерывности к коррупционному поведению и многие другие направления.

Столь значительное расширение перечня видов деятельности СОНКО свидетельствует о стремлении законодателя максимально охватить социально значимые сферы общественной активности. Вместе с тем, как справедливо указывает В.Ю. Мандрыкина, «деятельность, связанная с решением социальных проблем и развитием институтов гражданского общества, является чрезвычайно широким определением. Данный критерий общий для большинства некоммерческих организаций» [6, с. 99]. С одной стороны, фактически перечень в нынешней редакции охватывает практически любую общественно полезную деятельность, что может размывать границы понятия «социально ориентированная некоммерческая организация», однако, с другой стороны, расширение перечня видов деятельности для СОНКО отражает объективный процесс развития гражданского общества и увеличение социальной активности некоммерческого сектора.

Система понятий «некоммерческая организация», «социально ориентированная некоммерческая организация» и «исполнитель общественно полезных услуг»

Анализ действующего российского законодательства позволяет выделить три уровня правового статуса НКО, участвующих в осуществлении государственной политики в социальной сфере.

Первый уровень представлен родовым понятием «некоммерческая организация», определение которого содержится в статье 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Некоммерческой признаётся организация «созданная для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управлений целей, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ», при этом «не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками», целиком вкладывающая полученные средства в выполнение предусмотренных уставом социальных задач. Данный статус является базовым и предполагает общий режим правового регулирования.

Второй уровень отражен видовым понятием «социально ориентированная некоммерческая организация». Как было описано ранее, критерием отнесения к данной категории выступает осуществление определённых видов деятельности, перечисленных в статье 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Статус СОНКО представляет организации право на получение мер государственной поддержки, предусмотренных вышеизложенным законом (финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка и др.).

Третий уровень – понятие «исполнитель общественно полезных услуг», введенное статьей 31.4 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Согласно данной норме, для получения статуса «исполнитель общественно полезных услуг» СОНКО должна соответствовать следующим требованиям: оказывать общественно полезные услуги

надлежащего качества не менее одного года, не иметь статуса иностранного агента и задолженностей по налогам и сборам.

Содержание конституционно-правового статуса «исполнитель общественно полезных услуг» конкретизируется также Указом Президента Российской Федерации от 08.08.2016 № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» [7, п.1–2], на основании которого Правительством Российской Федерации установлен перечень общественно полезных услуг и критерии оценки качества их оказания [8], а также порядок признания и ведения соответствующего реестра: организация включается в реестр сроком на два года по решению Министерства юстиции Российской Федерации [9, п. 2, п. 11]. Как отмечает А.Р. Рюмин, «данные направления можно квалифицировать как приоритетные для государства ввиду чего установлено ведение специального реестра организациями государственной власти» [10, с. 290].

Таким образом, действующее законодательство формирует трёхуровневую систему правовых статусов некоммерческих организаций в социальной сфере: базовый статус НКО, статус СОНКО и статус исполнителя общественно полезных услуг. Каждый последующий уровень предполагает соответствие дополнительным критериям и предоставляет расширенные меры государственной поддержки. Вместе с тем представляется необходимым исследовать вопрос о том, в какой мере нормативно закреплённые критерии отнесения организаций к социально ориентированным отражают фактическое содержание и социальную направленность осуществляющей данными организациями деятельности.

Проблемы определения нормативных критериев отнесения организаций к категории СОНКО

Рассмотренная ранее трёхуровневая система конституционно-правового статуса организаций некоммерческого сектора предполагает наличие чётких критериев отнесения той или иной организации к конкретным категориям. Вместе с тем анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить ряд проблем в нормативном регулировании критериев отнесения организаций к статусу СОНКО.

Первая проблема связана с преобладанием формального критерия вида деятельности организации над содержательным критерием социального результата. Действующее законодательство определяет статус СОНКО преимущественно через основной вид экономической деятельности, зафиксированный в Едином государственном реестре юридических лиц.

Данный подход проявляется в налоговом администрировании страховых взносов: согласно пп. 7 п. 1 ст. 427 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) право на применение пониженного тарифа страховых взносов применяется «для некоммерческих организаций (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), применяющих упрощенную систему налогообложения и осуществляющих деятельность в области социального обслуживания граждан, научных исследований и разработок, образования, здравоохранения, культуры и искусства (деятельность театров, библиотек, музеев и архивов) и массового спорта (за исключением профессионального)». При этом п. 7 ст. 427 НК РФ устанавливает дополнительное условие: не менее 70 процентов суммы всех доходов организации должны составлять в совокупности целевые поступления, гранты и доходы от осуществления определённых видов экономической деятельности [11, ст. 427].

Примечательно, что статья 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ содержит открытую формулировку:

помимо перечисленных видов деятельности, СОНКО могут осуществлять «иные виды деятельности, направленные на решение социальных проблем». Однако статья 427 НК РФ устанавливает закрытый перечень видов деятельности для целей применения пониженного тарифа. Таким образом, организация может соответствовать критериям СОНКО, согласно Федеральному закону от 12.01.1996 № 7-ФЗ, но не иметь права на налоговые преференции в силу несоответствия закрытому перечню НК РФ.

Практическую значимость выявленной проблемы подтверждает опыт АНО «Код культуры» – организации, реализующей проекты на стыке цифровых технологий, архитектурного наследия и культурно-просветительской деятельности. В Едином государственном реестре юридических лиц в качестве основного вида экономической деятельности указан код 62.02, относящийся к консультационным услугам в сфере компьютерных технологий. При этом организация неоднократно получала грантовую поддержку от Фонда президентских грантов и Президентского фонда культурных инициатив для осуществления проектов, направленных на сохранение объектов культурного наследия и реализацию просветительских инициатив [12]. Однако основной ОКВЭД не входит в перечень пп. 7 п. 1 ст. 427 НК РФ, что исключает возможность применения пониженного тарифа страховых взносов.

Следует отметить, что НКО может трансформировать направления своей деятельности в зависимости от реализуемых социальных проектов. Устав организации, как правило, предусматривает несколько видов деятельности, однако основной ОКВЭД фиксирует один вид деятельности, что не в полной мере отражает фактическое содержание всей текущей деятельности организации.

В смежных отраслях существует иной подход к подтверждению специального статуса организаций. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 30.09.2022 № 1729 Министерство цифрового развития Российской Федерации осуществляет аккредитацию организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий [13, п.3–4]. ИТ-компании для сохранения права на государственную поддержку обязаны ежегодно подтверждать соответствие установленным критериям, которые включают не только долю и величину доходов от основного вида экономической деятельности, но и показатели результативности: 1) уровень заработной платы сотрудников; 2) правообладание программным обеспечением (далее – ПО), включенного в реестр российского ПО; 3) наличие официального сайта с информацией об ИТ-деятельности и др. [13].

Представляется целесообразным внедрение аналогичного публично-правового механизма подтверждения статуса для СОНКО. Критерии подтверждения статуса должны включать показатели социального результата: например, количество охваченных благополучателей, показатели занятости сотрудников, количество и эффективность реализованных социальных проектов. Подобные данные, которые могут лечь в основу показателей социального эффекта, уже собираются НКО в рамках грантовой отчётности перед фондами-грантодателями. Детальная разработка соответствующих метрик требует отдельного научного исследования.

Вторая проблема связана с несогласованностью нормативного регулирования статуса СОНКО. Министерство экономического развития Российской Федерации ведёт реестр социально ориентированных некоммерческих организаций в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.2021 года № 1290 [14, п. 2]. Включение в данный реестр осуществляется по факту получения государственной поддержки – в частности, выигравшая грант организация попадает в реестр. В

свою очередь Федеральная налоговая служба России при администрировании страховых взносов руководствуется критериями статьи 427 НК РФ.

Таким образом, организации, признаваемые социально ориентированными на основании получения государственной поддержки и включённые в соответствующий реестр Минэкономразвития РФ, могут иметь неравный объём правовых преференций в зависимости от основного вида экономической деятельности. Данное расхождение приводит к ситуации, при которой организации, в равной мере осуществляющие социально значимую деятельность и получившие поддержку со стороны государства в форме грантов, оказываются в неравном положении при реализации права на налоговые преференции. Данная разрозненность может затруднять формирование единой государственной политики поддержки НКО.

Помимо вышеизложенного, следует также обратить внимание на разграничения правовых режимов СОНКО и социального предпринимательства. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» ввёл понятие «социальное предпринимательство» – предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей. Анализ статьи 24.1 ранее указанного закона показывает, что перечень направлений социального предпринимательства существенно пересекается с перечнем видов деятельности СОНКО [15, ст.3, ст. 24.1]. Как отмечает А.Р. Рюмин, «законодатель определяет не только решение социальных проблем, но и достижение общественно полезных целей, что значительно шире».

Дополнительным фактором сближения вышеописанных институтов является право НКО осуществлять приносящую доход деятельность. Согласно п. 4 ст. 50 Гражданского кодекса РФ, НКО могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами и служит достижению целей, ради которых НКО созданы [16, ст. 50]. Таким образом, на практике СОНКО и социальные предприниматели могут осуществлять схожую деятельность, что способствует конкуренции за меры государственной поддержки.

Результаты

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие научно-практические выводы:

1. Выявлена и охарактеризована трёхуровневая система правовых статусов некоммерческих организаций в социальной сфере: базовый статус НКО, статус СОНКО и статус исполнителя общественно полезных услуг. При этом расширение перечня видов деятельности для СОНКО отражает объективный процесс развития гражданского общества и увеличение социальной активности некоммерческого сектора.

2. Аргументирована необходимость перехода от формального критерия (вид деятельности) к содержательному (социальный результат) при отнесении организаций к категории СОНКО. Действующий механизм публичного администрирования предполагает оценку вида деятельности согласно учредительным документам и структуре доходов организации, не учитывая показатели социального результата (например, количество благополучателей, количество реализованных социальных проектов). Сравнительный анализ практики Министерства цифрового развития Российской Федерации по аккредитации ИТ-компаний свидетельствует о возможности внедрения механизма периодического подтверждения статуса ИТ-компаний по показателям результативности. Представляется целесообразным распространение аналогичного подхода на сферу публично-правового регулирования СОНКО, что требует дальнейшего научного осмысления.

3. Констатирована несогласованность нормативного регулирования статуса СОНКО: организации, в равной мере признанные социально ориентированными и внесенные в реестр Минэкономразвития РФ, имеют неравный доступ к налоговым льготам в зависимости от основного вида экономической деятельности.

Заключение

Институт социально ориентированных некоммерческих организаций, введённый в российское законодательство в 2010 году, прошёл значительную эволюцию: перечень видов деятельности СОНКО неоднократно расширялся, сформировалась трёхуровневая система правовых статусов (НКО, СОНКО, исполнитель общественно полезных услуг), возросли объёмы государственной поддержки некоммерческого сектора. Вместе с тем проведённое исследование выявило ряд проблемных аспектов нормативного регулирования: преобладание формального критерия вида деятельности над содержательным критерием социального результата, а также несогласованность между открытым перечнем видов деятельности СОНКО, закреплённым Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ, и закрытым перечнем статьи 427 НК РФ.

Преодоление выявленных проблем требует совершенствования нормативного регулирования статуса СОНКО, включая разработку унифицированных критериев, учитывающих показатели социального результата, а также обеспечение согласованности между различными отраслями законодательства в части предоставления мер государственной поддержки организациям некоммерческого сектора.

Статья подготовлена в рамках диссертационного исследования автора на соискание ученой степени кандидата юридических наук на базе кафедры конституционного и международного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС. Эмпирическая основа работы включает статистические сведения Министерства экономического развития Российской Федерации за 2024 год. Практический опыт автора как руководителя автономной некоммерческой организации обеспечил возможность верификации теоретических положений исследования в контексте правоприменительной деятельности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок) // С3 РФ. 2020. № 1. Ст. 1416.
2. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2024 год / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Федеральный закон от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» // С3 РФ. 2010. № 15. Ст. 1736.
4. Казбан Е.П. Социально ориентированные некоммерческие организации как субъекты, ресурсы и индикаторы современного социального государства // Вестник Университета. 2014. № 16. С. 39–42.
5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О некоммерческих организациях» // С3 РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
6. Мандрыкина В.Ю. Проблемы толкования понятия социально ориентированных некоммерческих организаций и пути их решения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 96–102.

7. Указ Президента РФ от 08.08.2016 № 398 (ред. от 01.07.2017) «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» // С3 РФ. 2016. № 33. Ст. 5164.

8. Постановление Правительства РФ от 27.10.2016 № 1096 (ред. от 29.06.2019) «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критерии оценки качества их оказания» // С3 РФ. 2016. № 45 (ч. II). Ст. 6261.

9. Постановление Правительства РФ от 26.01.2017 № 89 (ред. от 08.05.2025) «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно полезных услуг» // С3 РФ. 2016. № 6. Ст. 937.

10. Рюмин А.Р. Правовой статус социально ориентированных некоммерческих организаций // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 288–292.

11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 15.01.2026) // С3 РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

12. Социокультурные проекты АНО «Код культуры». URL: <https://kodkultury.ru/projects> (дата обращения: 21.01.2026).

13. Постановление Правительства РФ от 30.09.2022 № 1729 (ред. от 28.11.2025) «Об утверждении Положения о государственной аккредитации российских организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий» // С3 РФ. 2022. № 40. Ст. 6845.

14. Постановление Правительства РФ от 30.07.2021 № 1290 (ред. от 03.10.2025) «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций» (вместе с «Положением о порядке ведения реестра социально ориентированных некоммерческих организаций») // С3 РФ. 2021. № 32. Ст. 6023.

15. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // С3 РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // С3 РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Constitutional and legal status of socially oriented non-profit organizations: problematic aspects
Vesely I.N.

Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the article "Constitutional and Legal Status of Socially Oriented Non-Profit Organizations: Problematic Aspects" the author Vesely I.N. examines the normative consolidation of the legal status of SONPOs within the system of civil society institutions in the Russian Federation. The purpose of the study is to identify contradictions in current legislation and to formulate proposals for their resolution. The scientific novelty of the research lies in the systematization of the three-tier structure of legal statuses of non-profit sector organizations, as well as in the critical analysis of the predominance of formal criteria based on the type of activity over substantive criteria based on social outcomes. The methodological framework comprises formal-legal, comparative-legal, and systemic methods, analysis of statistical data from the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, and examination of accreditation practices in related areas of public law. The study reveals inconsistency between the open list of SONPO activities established by Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996, and the closed list under Article 427 of the Tax Code of the Russian Federation. The expediency of transitioning to substantive criteria for determining SONPO status, including social outcome indicators, is substantiated.

Keywords: non-profit organizations, socially oriented non-profit organizations, provider of socially useful services, state support, social outcome.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 1. Art. 1416.
2. Report on the Activities and Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Russian Federation for 2024 / Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: <https://economy.gov.ru> (accessed: 20.01.2026).

3. Federal Law No. 40-FZ of April 5, 2010 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Concerning Support for Socially Oriented Non-Profit Organizations" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 15. Art. 1736.
4. Kazban E.P. Socially Oriented Non-Profit Organizations as Subjects, Resources and Indicators of the Modern Social State // Vestnik Universiteta. 2014. No. 16. P. 39–42.
5. Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996 (as amended on December 13, 2024) "On Non-Profit Organizations" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145.
6. Mandrykina V.Yu. Problems of Interpretation of the Concept of Socially Oriented Non-Profit Organizations and Ways to Solve Them // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 1 (144). P. 96–102.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 398 of August 8, 2016 (as amended on July 1, 2017) "On Approval of Priority Areas of Activity in the Sphere of Socially Useful Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 33. Art. 5164.
8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1096 of October 27, 2016 (as amended on June 29, 2019) "On Approval of the List of Socially Useful Services and Criteria for Assessing the Quality of Their Provision" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 45 (Part II). Art. 6261.
9. Decree of the Government of the Russian Federation No. 89 of January 26, 2017 (as amended on May 8, 2025) "On the Register of Non-Profit Organizations — Providers of Socially Useful Services" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 6. Art. 937.
10. Ryumin A.R. Legal Status of Socially Oriented Non-Profit Organizations // Legal Science. 2023. No. 11. P. 288–292.
11. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) No. 117-FZ of August 5, 2000 (as amended on December 15, 2025, with amendments of January 15, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32. Art. 3340.
12. Sociocultural Projects of ANO "Code of Culture". URL: <https://kodkultury.ru/projects> (accessed: 21.01.2026).
13. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1729 of September 30, 2022 (as amended on November 28, 2025) "On Approval of the Regulation on State Accreditation of Russian Organizations Engaged in Information Technology Activities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 40. Art. 6845.
14. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1290 of July 30, 2021 (as amended on October 3, 2025) "On the Register of Socially Oriented Non-Profit Organizations" (together with the "Regulation on the Procedure for Maintaining the Register of Socially Oriented Non-Profit Organizations") // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 32. Art. 6023.
15. Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 (as amended on July 31, 2025) "On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 4006.
16. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 31, 2025, with amendments of November 25, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

Особенности правового регулирования энергетических рынков интеграционных объединений

Гуляева Татьяна Константиновна

к.ю.н., доцент кафедры интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Происходящие процессы на международных площадках и платформах региональных интеграционных объединений естественным образом выражают неизбежность выбора оптимального инструмента для последующей правовой регламентации рынков энергетических ресурсов либо создания особых автономных режимов для упрощения их функционирования. Рынки электроэнергии, нефти, нефтепродуктов и природного газа выполняют роль достаточно успешных и функциональных конструкций, благоприятно влияющих на процессы экономической интеграции на региональном уровне. Диверсификация различных источников энергетики способствует развитию и расширению рынков энергетических ресурсов региональных объединений экономической интеграции, а также выходу за привычные рамки правового регулирования. Возникает явная и ощутимая потребность проработки вопроса учреждения рынка возобновляемых источников энергии. В частности, рынок возобновляемых источников энергии не урегулирован на наднациональном уровне ЕАЭС. Инициирование развития общих энергетических рынков обладает рядом положительных аспектов, например, возрастает особая стратегическая значимость по стабилизации транспарентности и доступности энергетических ресурсов; расширяется понятие свободы передвижения посредством включения нового объекта (энергетических ресурсов); вводится новый принцип взаимности. Совершаемые шаги по построению общих рынков энергетических ресурсов напрямую будут усиливать дальнейшую интеграцию, происходящую на пространстве региональных объединений.

Ключевые слова: энергетические рынки, экономическая интеграция, электроэнергия, нефть и нефтепродукты, природный газ, интеграционные объединения, ЕАЭС, СНГ

Введение

Поступательное становление и правовое скульптурирование зон рынков энергетики определено в качестве центрального технологического ориентира Послания Президента Российской Федерации [1].

Происходящие процессы на международных площадках и платформах региональных интеграционных объединений естественным образом выражают неизбежность выбора оптимального инструмента для последующей правовой регламентации рынков энергетических ресурсов либо создания особых автономных режимов для упрощения их функционирования.

Рынки электроэнергии, нефти, нефтепродуктов и природного газа выполняют роль достаточно успешных и функциональных конструкций, благоприятно влияющих на процессы экономической интеграции на региональном уровне.

Структурирование энергетических рынков на пространстве Евразийского экономического союза

Примечательным примером может стать опыт построения энергетических рынков на площадке Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Учредительный договор ЕАЭС определил долгосрочные и перспективные цели кооперации участников интеграционного объединения применительно к энергетической составляющей. Договор 2014 г. [2] выделил две основные цели относительно продуктивных резервов энергетических установок стран и необходимости поддержания отечественных экономик благодаря ресурсам энергетики, охватывающим газ, электричество и нефть.

Первостепенными направлениями развития ЕАЭС в области обеспечения энергосбережения выступают 4 вектора:

- «повышение эффективности функционирования рынков товаров»;
- «обеспечение гарантий качества, безопасности обращаемых товаров и надлежащей защиты прав потребителей»;
- «выстраивание эффективной системы управления совместными кооперационными проектами и их финансирования, создание и развитие высокопроизводительных, в том числе экспортно-ориентированных секторов экономики»;
- «объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ» [3].

Плановый вектор данного объединения, посвященный обеспечению роста энергетических рынков, предполагает принятие соответствующих мер и механизмов, которые направлены на единство всей системы.

Акт о создании ЕАЭС подсветил ряд фундаментальных принципов в сфере энергетики: «обеспечение рыночного ценообразования на энергетические ресурсы; отсутствие технических, административных и прочих препятствий торговле энергетическими ресурсами; обеспечение недискриминационных условий для хозяйствующих субъектов государств-членов на общих рынках энергетических ресурсов ...» [2].

Учреждение энергетических рынков на евразийском пространстве предполагает реализацию трех элементов:

- рынка газа;
- электроэнергетического рынка;

– рынка нефти и нефтепродуктов.

Основы построения рынка газа отражены в ст. 83 и Приложении № 22 к Договору 2014 г. Построение основы рынка газа на площадке ЕАЭС предполагает прохождение 3 ступеней.

Первый шаг связан с разработкой и принятием общей концепции. В 2016 г. решением Высшего совета была одобрена концепция в сфере рынка газа [4].

В рамках второго этапа была принята общая программа 2018 г. [5].

Утверждение общей концепции и программы явным образом свидетельствует о реализации скоординированной и согласованной политики со стороны государств-членов ЕАЭС.

В настоящий момент не полностью завершен этап № 3 – заключение международного договора по рынку газа ЕАЭС. Предполагалось окончательное принятие соглашения не позднее 1 января 2025 г.

Основы построения рынка нефти и нефтепродуктов также отражены в учредительном акте ЕАЭС.

Затрагивая эту сферу регулирования стоит подчеркнуть идентичность этапов его строительства с выше обозначенным рынком газа.

Общая концепция и программа были одобрены на наднациональном уровне ЕАЭС, что в свою очередь подтверждает движение в сторону гармонизации рынка нефти и нефтепродуктов. Однако до сих пор не удалось достичь унифицированного правового регулирования в форме принятия соответствующего международного договора.

Основу рынка нефти и нефтепродуктов составляют принципы, которые предполагают следующее: отсутствие препятствий при таможенных операциях, наличие унифицированных правил со стороны участников интеграционного объединения, соблюдение экологической повестки и информационной безопасности.

Примечательным примером в системе построения и развития рынка энергетических ресурсов ЕАЭС выступает общий электроэнергетический рынок.

Конструирование данного рынка затронуло реализацию скоординированной, согласованной и единой политики участников евразийского объединения. Можно смело утверждать, что все процессы полностью завершены. Текущие реалии демонстрируют принятие Концепции 2015 г. [6], Программы 2016 г. [7] и отдельного приложения учредительного акта ЕАЭС.

Определение общего электроэнергетического рынка было введено в положениях учредительного акта ЕАЭС. Сам рынок понимается как «система отношений между субъектами внутренних оптовых электроэнергетических рынков разных государств-членов на основе параллельно работающих электроэнергетических систем, связанная с куплей-продажей электрической энергии (мощности)» [7].

Ядро указанного рынка составляют принцип общих и равных преимуществ, принцип соблюдения экономических потребностей исполнителей и заказчиков etc.

Приложение № 23 Договора ЕАЭС содержит отдельные положения относительно компетенции органов ЕАЭС. Так, непосредственно Евразийский межправительственный совет утвердил Правила относительно электроэнергии, вступившие в силу с 1 января 2025 г. [8].

Дальнейшее совершенствование системы энергетического рынка ЕАЭС уже заявлено в утвержденной в 2023 г. Декларации ЕАЭС [9].

Особое внимание стоит обратить, что Договор о ЕАЭС 2014 г. не включает нормы и правила относительно рынка возобновляемых источников энергии. Данная сфера правоотношений не получила отражения и на уровне государств-членов ЕАЭС. Целесообразно внести изменения в ст. 79.1 Договора, а именно – дополнить традиционные

виды энергетических ресурсов возобновляемыми источниками энергии и установить наднациональное регулирование на уровне ЕАЭС.

Кроме того, содержащиеся нормы в Договоре о ЕАЭС 2014 г. относительно системы полномочий органов ЕАЭС в части регулирования вопросов энергетики, свидетельствует о насущной необходимости расширения компетенции Суда ЕАЭС. В частности, следует предусмотреть опцию преюдициальных запросов со стороны национальных органов государств-участников ЕАЭС. Более того, допустимо расширить компетенцию Евразийской экономической комиссии и включить возможность проведения проверки заключаемых международных соглашений с третьими странами в сфере энергетики.

Построение общего рынка энергетических ресурсов на пространстве Содружества Независимых Государств

Что касается правового регулирования энергетического рынка на площадке Содружества Независимых Государств (СНГ), углубленные интеграционные вопросы энергетической сферы обозначены среди основных задач, направленных на обеспечение международных приоритетов национальных операторов [10].

Основным элементом интеракции стран СНГ является намерение по соблюдению энергетической безопасности на региональном уровне.

Стратегия до 2030 г. акцентировала внимание на 4 центральных аспектах энергетической безопасности на площадке СНГ [11]:

- производственное взаимодействие стран СНГ в части перемещения ресурсов энергетики;
- достижение мощностей по экспорту электрической энергии;
- полная модернизация рынка энергетических ресурсов;
- интеграция новых технологических решений.

Концепция 2009 г. ввела термин *общий энергетический рынок* государств-участников СНГ, который определен как система взаимоотношений стран СНГ в части энергетического сотрудничества, базой которых является взаимный интерес, равные конкурентные возможности [12].

Стоит обратить внимание, что в рамках СНГ исключительно рассматривается сфера правоотношений в области электроэнергии. Так, введены понятия *внутренний рынок электроэнергии* как «системы отношений купли-продажи и передачи электрической мощности и электрической энергии, функционирующая на основе договоров между энергопроизводящими, энергопередающими, энергоснабжающими организациями и потребителями» [13] и *общий электроэнергетический рынок* государств-участников СНГ («система отношений между субъектами государств-участников, связанная с куплей-продажей электроэнергии и сопутствующими услугами, действующая на основании общих правил и соответствующих договоров») [14].

Концепция СНГ 2005 г. [13] учитывает и имплементируют нормы и правила актов вторичного права Европейского Союза (в частности, Регламент ЕС 2003 г. [15] и Директиву ЕС 2003 г. [16]).

Исключительным органом в сфере интеграции рынка электроэнергии является Электроэнергетический Совет СНГ. Так, под эгидой данного органа был утвержден ряд актов СНГ: Договор 1998 г. [17], Соглашение 2000 г. [18], Концепция 2005 г. [13]; Соглашение 2007 г. [14] и др.

Систематически и непрерывно происходит кооперация органов СНГ и ЕАЭС, что свидетельствует о процессе интеграции-интеграций [19].

Так, в 2012 г. был подписан Меморандум о взаимодействии между ЕЭК и Исполнительным комитетом СНГ [20]; в 2016 г. подписан План мероприятий по сотрудничеству между ЕЭК и ЭЭС СНГ [21], в рамках которого была поставлена задача сформировать единые электроэнергетические рынки; в 2023 г. ЕЭК и Исполнительный комитет ЭЭС СНГ договорились усилить взаимодействия, которые позволят достичь конечного результата по функционированию рынков СНГ и ЕАЭС.

Независимо от имеющихся интеграционных договоренностей СНГ и ЕАЭС присутствует объективная возможность сокращения значимости осуществляющейся энергетической политики СНГ ввиду усиления и завершения этапов по формированию энергетических рынков ЕАЭС.

Построение общих рынков энергетических ресурсов на пространстве Европейского Союза

Определенная специфика правового устройства энергетических рынков присутствует в Европейском Союзе (ЕС).

Построение единого рынка энергетических ресурсов прошло несколько этапов:

- 1996-1998 гг.: первый энергетический пакет;
- 2003 г.: второй энергетический пакет;
- 2009-2014 гг.: третий энергетический пакет;
- 2015-2020 гг.: четвертый энергетический пакет;
- 2021 г.: пятый энергетический пакет «Пригоден для 55 лет».

Ключевые принципы регулирования политики энергетики ЕС определены в Договоре о функционировании ЕС 1957 г. [22] (ДФЕС).

Вопросы энергетики отражены в отдельном разделе ДФЕС.

Учредительный акт в части энергетической повестки заложил 4 ориентира для ЕС:

- реализация рынка энергетики;
- сохранение беспрерывности энергетических поставок;
- вклад в энергоэффективность;
- поддержка генерации новых энергетических ресурсов.

Достижение поставленных целей гарантируется со стороны институционального механизма ЕС. Так, например, Европейская Комиссия постоянно размещает свои отчеты о промежуточных итогах реализации Стратегии Энергетического Союза; Агентство по сотрудничеству в сфере регулирования энергетики осуществляет контроль проводимых торговых операций на энергетическом рынке и направляет соответствующие отчеты Европейской Комиссии в целях обеспечения прозрачности функционирующего рынка, что позволяет предотвратить распространение недостоверных данных на государственном уровне членов ЕС. Со стороны национальных регуляторов предпринимаются действия по своевременному принятию внутренних актов, направленных на обеспечение исполнений наднациональных норм и правил ЕС.

Первичное право ЕС, в частности, ДФЕС предусматривает целый ряд разделов, посвященных вопросам энергетики (ст. 114, 122, 170-172, 216-218).

Акты вторичного права ЕС включают регламенты, директивы и иные документы ЕС: Регламент 2024 г. [23], Регламент 2018 г. [24], Регламент 2019 г. [25], Регламент 2022 г. [26], Директива 2003 г. [27], Директива 2024 г. [28], Директива 2018 г. [29], Директива 2019 г. [30], Решение 2019 г. [31], Сообщение Европейской Комиссии о климатической цели ЕС в 2030 г. [32].

Непосредственно Регламент 2011 г. [33] ввел терминологию по оптовому энергетическому рынку, под кото-

рым рассматривается любой рынок в рамках ЕС, где осуществляется торговля оптовыми энергетическими продуктами (ст. 2).

Рынок природного газа ЕС охвачен Директивой 2024 г. [28]. Так, Директива предусматривает нормы по распределению, хранению и реализации данного энергетического ресурса. Также определяет механизмы по открытию доступа на данный рынок. Применение защитных мер для потребителей рынка природного газа обеспечивается непосредственно самими членами ЕС.

Контроль и мониторинг по имплементации и исполнению актов вторичного права полностью находится в ведении Европейской Комиссии, которая отвечает за подготовку и направление соответствующего отчета в адрес институциональных механизмов - Европейского Парламента и Совета ЕС.

Рынок электроэнергии ЕС урегулирован в рамках Директивы 2019 г. [30], которая ввела соответствующий термин и определение электроэнергетического рынка.

Таким образом, на пространстве ЕС действует достаточно высокий уровень интеграции в области регулирования рынка энергетических ресурсов. Принципы ЕС позволяют всесторонне обеспечить комплексный характер регулирования. Текущим недостатком ЕС можно определить хаотичность имплементации актов вторичного права ЕС на внутригосударственном уровне участников ЕС.

Построение общего рынка энергетических ресурсов на пространстве иных региональных интеграционных объединений

Иные региональные интеграционные объединения, такие как Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), пока находятся на начальном этапе построения своей индивидуальной системы правового регулирования общих энергетических рынков.

МЕРКОСУР пошел по пути выстраивания взаимодействия с другими интеграционными объединениями, так называемого механизма интеграции-интеграций. На данный момент ЕЭК и МЕРКОСУР подписали Меморандум о торговько-экономическом сотрудничестве 2018 г. [34]. Второй проект связан с заключением Соглашения по торговле с ЕС, в рамках которого планируется обеспечение энергетической эффективности его продуктов [35]. Что касается национальных актов, то было принято два внутригосударственных меморандума – Меморандум о взаимопонимании относительно обменов и интеграции электроэнергетики 1998 г. и Меморандум по газовой промышленности 1999 г. [36].

Аналогический пример интеграции-интеграций наблюдаем и с АСЕАН.

Так, согласно утвержденному Решению 2023 г. Высшего Евразийского экономического совета [37] ЕАЭС намерен развивать взаимодействие в сфере энергетики с АСЕАН.

На наднациональном уровне АСЕАН определяющими актами в сфере энергетической политики выступают:

Программа создания единой энергосистемы АСЕАН 1981 г. [38].

План действий АСЕАН в сфере энергетического сотрудничества на 2010-2015 гг. [39].

План действий АСЕАН по сотрудничеству в энергетике на период 2016–2025 гг. [39].

Прогноз энергетического развития АСЕАН до 2050 г. [40].

Таким образом, конструирование общего рынка энергетических ресурсов на примере МЕРКОСУР и АСЕАН происходит посредством взаимодействия с другими интеграционными объединениями без должного развития национального правового регулирования.

Выводы

В результате проведенного исследования отличительных особенностей правового регулирования энергетических рынков ряда интеграционных объединений необходимо сделать следующие выводы:

1. Установлено, что диверсификация различных источников энергетики способствует развитию и расширению рынков энергетических ресурсов региональных объединений экономической интеграции, а также выходу за привычные рамки правового регулирования.
2. Возникает явная и ощутимая потребность проработки вопроса учреждения рынка возобновляемых источников энергии [41].

В частности, рынок возобновляемых источников энергии не урегулирован на наднациональном уровне ЕАЭС. Целесообразно расширить сферу правоотношений, дополнив Договор о ЕАЭС 2014 г. новым видом энергетических ресурсов [42].

3. Инициирование развития общих энергетических рынков обладает рядом положительных аспектов:

- возрастает особая стратегическая значимость по стабилизации транспарентности и доступности энергетических ресурсов;
- расширяется понятие свободы передвижения посредством включения нового объекта (энергетических ресурсов);
- вводится новый принцип взаимности;
- усиление надежности поставок энергетических ресурсов;
- назревает необходимость соблюдения недискриминационного режима при торговле энергетическими ресурсами.

Однако при этом незавершенность процессов по либерализации общих рынков энергетических ресурсов представляет собой существенное препятствие для полноценного формирования и функционирования этих рынков. Совершаемые шаги по построению общих рынков энергетических ресурсов напрямую будут усиливать дальнейшую интеграцию, происходящую на пространстве региональных объединений.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 N 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 N 7 «О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 06.12.2018 N 18 «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 N 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 N 20 «О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Евразийского межправительственного совета от 03.02.2023 N 2 «Об утверждении Правил до-

ступа к услугам по межгосударственной передаче электрической энергии (мощности) в рамках общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 г. и на период до 2045 г. от 25.12.2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Решение Совета глав правительств СНГ «О Плане мероприятий по реализации первого этапа (2021 - 2025 годы) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года» 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

12. Решение Совета глав правительств СНГ «О Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в сфере энергетики» 2009 г. // СПС «Гарант».

13. Концепция формирования общего электроэнергетического рынка государств-участников СНГ 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

14. Соглашение о формировании общего электроэнергетического рынка государств-участников СНГ 2007 г. // СПС «КонсультантПлюс».

15. Регламент (ЕС) 1228/2003 Европейского Парламента и Совета от 26 июня 2003 г. «Условия доступа к сети в целях трансграничного обмена электроэнергией». URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2003/1228/oj/eng> (дата обращения: 02.07.2025).

16. Директива 2003/54/ЕС Европейского Парламента и Совета от 26 июня 2003 г. «Об общих правилах внутреннего рынка электроэнергии» URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32003L0054> (дата обращения: 02.07.2025).

17. Договор об обеспечении параллельной работы электроэнергетических систем государств-участников СНГ от 25 ноября 1998 г. // СПС «КонсультантПлюс».

18. Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств-участников СНГ от 25 января 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс».

19. Кашкин С.Ю. Основы интеграционного права / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. Москва: Проспект, 2014. 291 с.

20. Меморандум о взаимодействии между ЕЭК и Исполнительным комитетом СНГ от 17 декабря 2012 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499019171> (дата обращения: 02.07.2025).

21. План мероприятий по сотрудничеству между ЕЭК и ЭЭС СНГ от 2016 г. URL: http://energo-cis.ru/wysiwyg/file/Mezhd_sotr/EEK/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D20%D1%81%20%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf (дата обращения: 02.07.2025).

22. Договоре о функционировании ЕС 1957 г. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 02.07.2025).

23. Регламент (ЕС) 2024/1789 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года о внутренних рынках возобновляемого газа, природного газа и водорода. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1789> (дата обращения: 02.07.2025).

24. Регламент (ЕС) 2018/1999 Европейского Парламента и Совета от 11 декабря 2018 г. об управлении Энергетическим Союзом и действиях в области климата URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?toc=OJ:L:2018:328:TOC&uri=uriserv:OJ.L._2018.328.01.0001.01.ENG (дата обращения: 02.07.2025).

25. Регламент (ЕС) 2019/941 Европейского Парламента и Совета от 5 июня 2019 г. о готовности к рискам в секторе электроэнергетики. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal>

content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.158.01.0001.01.EN G&toc=OJ:L:2019:158:ТОС (дата обращения: 02.07.2025).

26. Регламент (ЕС) 2022/869 Европейского Парламента и Совета от 30 мая 2022 г. о руководящих принципах для трансъевропейской энергетической инфраструктуры. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2022.152.01.0045.01.EN G (дата обращения: 02.07.2025).

27. Директива Совета 2003/96/ЕС от 27 октября 2003 г. о реструктуризации системы налогообложения энергетических продуктов и электроэнергии Сообщества. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32003L0096&qid=1715166437682> (дата обращения: 02.07.2025).

28. Директива (ЕС) 2024/1788 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года об общих правилах для внутренних рынков возобновляемого газа, природного газа и водорода. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32024L1788> (дата обращения: 02.07.2025).

29. Директива (ЕС) 2018/2001 Европейского Парламента и Совета от 11 декабря 2018 г. о поощрении использования энергии из возобновляемых источников. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018L2001&qid=1607617602591> (дата обращения: 02.07.2025).

30. Директива (ЕС) 2019/944 Европейского Парламента и Совета от 5 июня 2019 г. об общих правилах внутреннего рынка электроэнергии. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2019.158.01.0125.01.EN G&toc=OJ:L:2019:158:ТОС (дата обращения: 02.07.2025).

31. Решение (ЕС) 2019/504 Европейского Парламента и Совета от 19 марта 2019 г. о внесении изменений в Директиву 2012/27/ЕС об энергоэффективности и Регламент (ЕС) 2018/1999 об управлении Энергетическим Союзом и действиях в области климата в связи с выходом Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии из ЕС. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019D0504> (дата обращения: 02.07.2025).

32. Сообщение Европейской Комиссии Европейскому Парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и комитету регионов «Пригодный для 55 лет»: достижение климатической цели ЕС в 2030 г. на пути к климатической нейтральности» от 2021 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0550> (дата обращения: 02.07.2025).

33. Регламент (ЕС) 1227/2011 о целостности и прозрачности оптового энергетического рынка. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32011R1227> (дата обращения: 02.07.2025).

34. Меморандум о торгово-экономическом сотрудничестве 2018 г. URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1580483&lang=ru> (дата обращения: 02.07.2025).

35. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement_en (дата обращения: 02.07.2025).

36. Курдячева Е. Энергетическая составляющая экономической интеграции стран МЕРКОСУР // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 2. С. 76-85.

37. Решение N 27 от 25 декабря 2023 г. Высшего Евразийского экономического совета «Об основных направлениях международной деятельности ЕАЭС на 2024 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

38. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-energy-cooperation/> (дата обращения: 02.07.2025).

39. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/04/ASEAN-Plan-of-Action-for-Energy-Cooperation-APAEC-2016-2025-Phase-II-2021-2025.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

40. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/04/The-7th-ASEAN-Energy-Outlook-2022.pdf> (дата обращения: 02.07.2025).

41. Гришин О.Е., Авдеева М.В., Махди Л.С.М. Энергетическая политика Европейского Союза в отношении применения альтернативных источников энергии // PolitBook. 2019. № 4. С. 115-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-v-otnoshenii-primeneniya-alternativnyh-istochnikov-energii> (дата обращения: 02.07.2025).

42. Гуляева Т.К. Энергетические аспекты в праве интеграционных объединений: учебное пособие / Т.К. Гуляева. – М.: Юстицинформ, 2024. – 56 с.

Features of legal regulation of energy markets of integration associations Gulyaeva T.K.

Kutafin Moscow State Law University

The current realities of emerging and internationally operating regional economic integration organizations clearly demonstrate the need for a common model of legal regulation of energy markets or the establishment of special autonomous regimes to facilitate functioning of such markets. The single markets for energy resources themselves (electricity, oil and petroleum products, natural gas) are an efficient and powerful mechanism that favors regional economic integration. The diversification of different energy sources contributes to the development and expansion of energy markets of regional economic integration groupings and goes beyond the usual legal framework. There is a clear and tangible need to consider the establishment of a renewable energy market. In particular, the renewable energy market is not regulated at the supranational level of the EAEU. Initiating the development of common energy markets has a number of positive aspects, for example, increasing the strategic importance of stabilizing transparency and affordability of energy resources; the concept of freedom of movement is being expanded to include a new facility (energy resources); a new principle of reciprocity is being introduced. The ongoing steps to build common energy markets will directly enhance the further integration within regional groupings.

Keywords: energy markets, economic integration, electricity, oil and oil products, natural gas, integration associations, EAEU, CIS

References

1. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/29/2024 "Message from the President to the Federal Assembly" // SPS "ConsultantPlus".
2. Treaty on the Eurasian Economic Union of 2014 // SPS "ConsultantPlus".
3. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 12/11/2020 N 12 "On Strategic directions for the development of the Eurasian Economic Integration until 2025
4. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated 05/31/2016 No. 7 "On the Concept of forming a common gas market of the Eurasian Economic Union" // SPS "ConsultantPlus".
5. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 06.12.2018 N 18 "On the formation of a common gas market of the Eurasian Economic Union" // SPS "ConsultantPlus".
6. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 08.05.2015 N 12 "On the concept of the formation of a common electric power market of the Eurasian Economic Union" // SPS "ConsultantPlus".
7. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 26, 2016 N 20 "On the Program for the formation of the common electric power market of the Eurasian Economic Union" // SPS "ConsultantPlus".
8. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council No. 2 dated 02/03/2023 "On approval of the Rules for Access to Services for the Interstate transmission of Electric energy (capacity) within the framework of the Common Electric Power Market of the Eurasian Economic Union" // SPS ConsultantPlus.
9. Declaration on the further Development of Economic Processes within the EAEU until 2030 and for the period up to 2045 dated 12/25/2023 // SPS "ConsultantPlus".
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2019 N 216 "On the approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
11. Decision of the CIS Council of Heads of Government "On the Action Plan for the implementation of the first stage (2021-2025) Strategies of economic development of the Commonwealth of Independent States for the period up to 2030" 2020 // SPS "ConsultantPlus".
12. Decision of the CIS Council of Heads of Government "On the Concept of cooperation of the CIS member States in the field of energy" in 2009 // SPS "Garant".

13. The concept of forming a common electric power market of the CIS member States 2005 // SPS "ConsultantPlus".
14. Agreement on the formation of the common electric power market of the CIS member states in 2007 // SPS "ConsultantPlus".
15. Regulation (EC) 1228/2003 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2003 "Conditions of access to the grid for the purpose of cross-border electricity exchange". URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2003/1228/oj/eng> (date of request: 07/02/2025).
16. Directive 2003/54/EC of the European Parliament and of the Council of June 26, 2003 "On the general rules of the internal electricity market" URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32003L0054> (date of application: 07/02/2025).
17. Agreement on ensuring parallel operation of electric power systems of the CIS member States dated November 25, 1998 // SPS "ConsultantPlus".
18. Agreement on the transit of electric energy and capacity of the CIS member States dated January 25, 2000 // SPS "ConsultantPlus".
19. Kashkin S.Y. Fundamentals of integration law / S.Y. Kashkin, A.O. Chetverikov. Moscow: Prospekt Publ., 2014. 291 p.
20. Memorandum of Cooperation between the EEC and the CIS Executive Committee dated December 17, 2012 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/499019171> (date of reference: 07/02/2025).
21. Action Plan for cooperation between the EEC and the EEC of the CIS dated 2016. URL: http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Mezhd_sotr/EEK/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D20%D1%81%D0%95%D0%AD%D0%9A.pdf (date of request: 07/02/2025).
22. The Treaty on the Functioning of the EU 1957 URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (date of reference: 07/02/2025).
23. Regulation (EU) 2024/1789 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on domestic markets for renewable gas, natural gas and hydrogen. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1789> (accessed: 07/02/2025).
24. Regulation (EU) 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on Energy Union governance and climate action URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L._2018.328.01.0001.01](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?toc=OJ:L:2018:328:TOC&uri=uriserv:OJ.L._2018.328.01.0001.01). ENG (accessed: 07/02/2025).
25. Regulation (EU) 2019/941 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on risk preparedness in the sector electric power industry. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L._2019.158.01.0001.01. ENG&toc=OJ:L:2019:158:TOC (accessed: 07/02/2025).
26. Regulation (EU) 2022/869 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on guidelines for trans-European energy infrastructure. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L._2022.152.01.0045.01. ENG (date of reference: 07/02/2025).
27. Council Directive 2003/96/EC of October 27, 2003 on the restructuring of the taxation system for energy products and electricity of the Community. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32003L0096&qid=1715166437682> (accessed: 07/02/2025).
28. Directive (EU) 2024/1788 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on common rules for domestic markets for renewable gas, natural gas and hydrogen. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32024L1788> (accessed: 07/02/2025).
29. Directive (EC) 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32018L2001&qid=1607617602591> (accessed: 07/02/2025).
30. Directive (EU) 2019/944 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on common rules for the internal electricity market. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L._2019.158.01.0125.01. ENG&toc=OJ:L:2019:158:TOC (accessed: 07/02/2025).
31. Decision (EU) 2019/504 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 amending Directive 2012/27/EC on energy efficiency and Regulation (EU) 2018/1999 on Energy Union governance and climate action in connection with the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019D0504> (accessed: 07/02/2025).
32. Communication from the European Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions "Fit for 55 years": achieving the EU Climate Target in 2030 towards climate neutrality" from 2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0550> (accessed: 07/02/2025).
33. Regulation (EU) 1227/2011 on the integrity and transparency of the wholesale energy market. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32011R1227> (accessed: 07/02/2025).
34. Memorandum on Trade and Economic Cooperation 2018 URL: <https://www.mid.ru/tv/?id=1580483&lang=ru> (date of access: 07/02/2025).
35. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/mercosur/eu-mercosur-agreement_en (date of application: 07/02/2025).
36. Kudryavtseva E. The energy component of the economic integration of the MERCOSUR countries // World economy and international relations. 2008. No. 2. pp. 76-85.
37. Decision No. 27 of December 25, 2023 of the Supreme Eurasian Economic Council "On the main directions of international activity of the EAEU for 2024" // SPS "ConsultantPlus".
38. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-energy-cooperation/> (date of access: 07/02/2025).
39. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/04/ASEAN-Plan-of-Action-for-Energy-Cooperation-APAEC-2016-2025-Phase-II-2021-2025.pdf> (date of access: 07/02/2025).
40. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2023/04/The-7th-ASEAN-Energy-Outlook-2022.pdf> (date of request: 07/02/2025).
41. Grishin O.E., Avdeeva M.V., Mahdi L.S.M. The energy policy of the European Union in relation to the use of alternative energy sources // PolitBook. 2019. No. 4. pp. 115-134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-v-otnoshenii-primeneniya-alternativnyh-istochnikov-energii> (date of reference: 07/02/2025).
42. Gulyaeva T.K. Energy aspects in the law of integration associations: a textbook / T.K. Gulyaeva. – M.: Justitsinform, 2024. – 56 p.

Соглашение о финансировании участия в кредите как самостоятельный договорный тип

Егоров Даниил Петрович

соискатель, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, egorov.danya98@gmail.com

Статья посвящена одному из наиболее спорных и по-прежнему не решенных вопросов, касающихся правовой природы недавно появившегося в российском гражданском законодательстве соглашения о финансировании участия в кредите – вопросу о месте данного в системе гражданско-правовых договоров. Регулирующая данное соглашение статья 10.1 Федерального закона от 31.12.2017 г. № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не дает прямого ответа на указанный вопрос и содержит лишь перечисление отдельных договорных типов, положения ГК РФ о которых не подлежат применению к отношениям по соглашению о финансировании участия в кредите, что создает правовую неопределенность. Автор рассматривает основные позиции ведущих ученых по вопросу об основаниях для отнесения договорной конструкции к самостоятельному договорному типу, а также анализирует наличие таких оснований применительно к соглашению о финансировании участия в кредите. По итогам проведенного анализа делается вывод о том, что в силу особой специфики экономических отношений, опосредуемых соглашением о финансировании участия в кредите, а также уникальной совокупности юридических признаков данного договора соглашение о финансировании участия в кредите должно быть квалифицировано в качестве самостоятельного договорного типа.

Ключевые слова: участие в кредите; соглашение о финансировании участия в кредите; фондированное суб-участие; синдицированный кредит; договорный тип.

В результате принятия в конце 2020 года Федерального закона от 22 декабря 2020 года № 447-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] в российском законодательстве появился новый договор – соглашение о финансировании участия в кредите (далее – СФУК). Одним из наиболее спорных вопросов, касающихся существа указанного соглашения, является вопрос о месте данного договора в системе гражданско-правовых договоров. Отметим, что из прямого текста ст. 10.1 Федерального закона от 31 декабря 2017 года № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [11] (далее – Закон о синдицированном кредите) ответа на указанный вопрос прямо не следует – ч. 16 указанной статьи лишь предусматривает, какие нормы ГК РФ [2] не применяются к отношениям сторон по СФУК, в частности нормы ГК РФ о договоре займа и кредитном договоре, договоре поручительства, независимой гарантии, договоре страхования и агентском договоре. Как следует из пояснительной записки к законопроекту, вводящему гражданско-правовое регулирование СФУК, финансирование участия в кредите представляет собой «особую модель правоотношения» [7], что наводит нас на мысль о необходимости квалификации СФУК в качестве самостоятельного договорного типа. Проведем более подробный анализ возможности такой квалификации (для целей настоящей статьи под самостоятельным договорным типом мы будем понимать такой договор, который не укладывается в договорные конструкции, предусмотренные главами части второй ГК РФ).

Учитывая, что в гражданском законодательстве не предусмотрены основания для квалификации для того или иного договора в качестве нового самостоятельного договорного типа, ключевое значение для целей рассматриваемого вопроса имеют соответствующие основания, выработанные в доктрине. Так, согласно позиции О.С. Иоффе, договорный тип делает самостоятельным либо «специфика опосредуемого им материального отношения», либо «круг юридических условий, объективно необходимый для образования данного договорного типа» [4]. Говоря про первый критерий, не должно вызывать сомнений, что СФУК опосредует особые (специфичные) материальные отношения. Так, финансирование участия в кредите (или фондированное суб-участие) представляет собой особый инструмент вторичного рынка кредитования, позволяющий кредитору экономически продавать кредит в пользу внешнего участника (в том числе, передавать внешнему участнику соответствующий кредитный риск), при этом юридически сохраняя за собой права требования по кредитному договору. Что касается круга юридических условий, то здесь также присутствует уникальность – СФУК является сделкой с особой структурой встречного предоставления, где обязанность по представлению денежных средств одной стороны (внешнего участника) берется на себя внешним участником взамен получения внешним участником условно-отлагательного права требовать от кредитора передачи имущества, которое кредитор получает по кредитному договору. Особенностью здесь является то, что в момент заключения СФУК стороны не только не знают, возникнет ли обязанность

кредитора по передаче имущества внешнему участнику (т.к. она является условной), но и не имеют возможности точно установить объект такой обязанности (т.к. конкретный вид имущества, который будет подлежать передаче внешнему участнику, будет зависеть от того имущества, которое кредитор фактически получит по кредитному договору и обеспечительным сделкам).

О.Н. Садиков важнейшее значение для квалификации того или иного договора в качестве самостоятельного договорного отводил вопросу о необходимости самостоятельного регулирования такого договора [9]. Как прямо следует из уже упомянутой выше пояснительной записи [7], предусмотренные в ГК РФ договорные конструкции не отвечают в полной мере запросу на правовое оформление отношений так называемого фондированного субучастия – именно в связи с необходимостью особого регулирования отношений по финансированию участия в кредите в российском гражданском законодательстве и появилось СФУК.

На особую совокупность прав и обязанностей сторон как на ключевой признак самостоятельности договора указывал и В.К. Андреев [1]. Идею о разделении договоров на типы по юридическим признакам (прежде всего, по правам и обязанностям сторон) поддерживал также О.Н. Садиков [9]. Помимо особого предмета СФУК, уже упомянутого кратко выше, у кредитора и внешнего участника имеется ряд иных специфичных прав и обязанностей по СФУК (например, обязанность кредитора по «доброчестному и разумному» осуществлению прав по кредитному договору и связанным с ним сделкам, предусмотренная в ч. 8 ст. 10.1 Закона о синдицированном кредите; обязанность кредитора по заключению кредитного договора и связанных с ним сделок, предусмотренная в ч. 1 ст. 10.1 Закона о синдицированном кредите), совокупность которых является уникальной и отличной от тех совокупностей прав и обязанностей, которые мы видим в положениях о договорах, предусмотренных в ГК РФ.

В соответствии с подходом Ю.В. Романца самостоятельный договорный тип выделяется по совокупности как юридических и экономических признаков (к которым ученый относит, среди прочего, направленность обязательства, принцип оплаты (эквивалентный или алеаторный), права и обязанности сторон и т.п.) [8]. Признаки СФУК образуют необходимую уникальную совокупность: направленность на предоставление отсрочки возврата имущества, специфичный набор прав и обязанностей, алеаторный характер договора (в связи с неопределенностью встречного предоставления на стороне кредитора) и т.п. Нельзя также не отметить, что специфика СФУК проявляется и в специфичных целях его сторон (перераспределение риска негативных последствий неплатежа по кредитному договору вместе с передачей права на получение дохода по нему без осуществления передачи прав и обязанностей кредитора по кредитному договору).

А.В. Кашанин (с опорой на подходы Д.Д. Гримма, М.В. Гордона и О.А. Красавчикова) приходит к выводу о том, что основанием выделения договорных типов (видов) является кауза договора (под которой ученый понимает направленность на взаимообусловленные предоставления сторон, либо на одно предоставление при отсутствии встречного предоставления) [5]. Отметим, что идея о разграничении сделок по их каузе была высказана еще Н.Л. Дювернуа, который на вопрос «чем же юридически определить состав сделки купли-продажи в отличие от любой иной сделки» давал краткий и исчерпывающий ответ – «признаком формальной каузальности» [3]. Близкие позиции мы находим и в современной доктрине, например, А.А. Громов указывает на то, что как в ГГУ, так и в ГК РФ определяющим критерием разграничения договорных ти-

пов является хозяйственная цель договора (которая выражается в «виде обещанного характерного встречного предоставления») [6].

Особая кауза (основание) СФУК заключается в следующем: внешний участник предоставляет определенную сумму денежных средств кредитору взамен получения условного права требовать от кредитора передачи имущества в той мере и в том объеме, в которых кредитор фактически получит указанное имущество по кредитному договору. Особое экономическое назначение СФУК состоит в передаче от кредитора к внешнему участнику кредитного риска, а вместе с ним и потенциального дохода от кредитования заемщика. Не вызывает сомнений, что указанная направленность СФУК является уникальной, отличной от каузы всех иных договорных типов, предусмотренных в ГК РФ.

Таким образом, с учетом специфики юридических признаков СФУК (прежде всего, особого встречного предоставления), а также особой природы опосредуемых им экономических отношений, представляется, что имеются все основания для квалификации данного соглашения в качестве самостоятельного договорного типа. Данный вывод имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. В частности, из указанной квалификации следует, что положения особенной части ГК РФ (как указанные в ч. 16 ст. 10.1 Закона о синдицированном кредите, так и прямо не упомянутые в ней) не должны применяться к СФУК (по крайней мере, напрямую).

Литература

1. Андреев В.К. Понятие отдельного вида договорного обязательства // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (г. Москва, 25 апреля 2017 г.) / А.Г. Ананьев, В.К. Андреев, А.В. Белицкая и др.; под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М., 2017. // СПС «КонсультантПлюс».
1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. и с предисл. В.А. Томсина. М.: Зерцало-М, 2014. 320 с.
3. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
4. Кашанин А.В. Кауза сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кашанин Андрей Васильевич. – МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2002. 211 с.
5. Обязательственное и договорное право : курс лекций. – М.: Статут, 2025. 362 с.
6. Пояснительная записка к законопроекту № 808189-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения механизмов управления залогом и порядка взаимодействия кредиторов синдики)» (внесен в Государственную Думу РФ 08.10.2019) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/808189-7> (дата обращения: 30.12.2025).
7. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 496 с. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Садиков О.Н. Некоторые положения теории советского гражданского права // Садиков О.Н. Вопросы гражданского права и международного частного права: Избранные труды. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД Юриспруденция, 2015. 768 с.

9. Федерального закона от 22.12.2020 г. № 447-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Loan participation agreement as an independent contractual type Egorov D.P.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article addresses one of the most controversial and still unresolved issues concerning the legal nature of the loan participation agreement, which has recently appeared in Russian civil legislation – namely, its place within the system of civil law contracts. Article 10.1 of the Federal Law dated December 31, 2017, No. 486-FZ "On Syndicated Loans (Borrowings) and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation," which regulates this agreement, provides no direct answer to this question. It merely lists specific contractual types whose provisions of the Russian Civil Code *shall not* apply to relations under the loan participation agreement, thereby creating legal uncertainty. The author examines the main positions of leading scholars on the criteria for classifying a contractual structure as an independent contractual type and analyzes whether such criteria exist for the loan participation agreement. Based on the analysis, the conclusion is drawn that, due to the unique specificity of the economic relations mediated by the loan participation agreement and the distinctive combination of its legal characteristics, the loan participation agreement should be qualified as an independent contractual type.

Keywords: loan participation; loan participation agreement; funded sub-participation; syndicated loan; contractual type.

References

1. Andreev V.K. The Concept of a Specific Type of Contractual Obligation // Collection of Scientific Articles of the IV International Scientific-Practical Conference "Current Issues of Business and Corporate Law in Russia and Abroad" (Moscow, April 25, 2017) / A.G. Ananyev, V.K. Andreev, A.V. Belitskaya, et al.; edited by S.D. Mogilevsky, M.A. Egorova. Moscow, 2017. // SPS "ConsultantPlus".
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ (ed. dated December 13, 2024) // SPS "ConsultantPlus".
3. Duvernà N.L. Readings on Civil Law. Vol. 2: Doctrine of Things. Doctrine of Legal Transactions / edited and with foreword by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo-M, 2014. 320 p.
4. Ioffe O.S. Law of Obligations. Moscow: Legal Literature, 1975. 880 p.
5. Kashanin A.V. The Causation of a Transaction in Civil Law: diss. ... cand. legal sci.: 12.00.03 / Kashanin Andrey Vasilyevich. – Lomonosov Moscow State University. – Moscow, 2002. 211 p.
6. Law of Obligations and Contract Law: course of lectures. – Moscow: Statute, 2025. 362 p.
7. Explanatory Note to Draft Law No. 808189-7 "On Amendments to the Federal Law 'On Syndicated Loans (Borrowings) and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation (regarding clarification of collateral management mechanisms and syndicate creditors' interaction procedures)" (introduced to the State Duma of the Russian Federation on October 8, 2019) // State Automated System "Lawmaking" Legislative Activity Support System. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/808189-7> (accessed: December 30, 2025).
8. Romanets Yu.V. The System of Contracts in Russian Civil Law: monograph. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Norma, Infra-M, 2013. 496 p. // SPS "ConsultantPlus".
9. Sadikov O.N. Certain Provisions of the Theory of Soviet Civil Law // Sadikov O.N. Issues of Civil Law and Private International Law: Selected Works. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Jurisprudence ID, 2015. 768 p.
10. Federal Law dated December 22, 2020, No. 447-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Syndicated Loans (Borrowings) and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".
11. Federal Law dated December 31, 2017, No. 486-FZ "On Syndicated Loans (Borrowings) and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (with amendments and additions, effective from June 21, 2021) // SPS "ConsultantPlus".

О необходимости внедрения проекта «Открытые лицензии России» в контексте достижения технологического суверенитета

Зелинский Валерий Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, zelinsky-v@yandex.ru

В статье исследуется проблема развития отечественного технологического суверенитета в условиях санкционного давления и геополитической турбулентности. Обосновывается тезис о том, что стратегическим инструментом ускоренной технологической модернизации и импортозамещения, наряду с патентной системой, должна стать экосистема открытого кода и открытых лицензий. Автор анализирует проблемы и коллизии действующего российского гражданского законодательства в сфере регулирования свободных лицензий, а также существующей инфраструктуры поддержки открытых проектов. На основе анализа поручений Президента Российской Федерации по вопросам технологического суверенитета формулируется концепция проекта «Открытые лицензии России» (ОЛР) как комплексной государственной инициативы. Проект предлагается в виде трехуровневой системы, включающей: 1) адаптированный набор правовых стандартных лицензионных соглашений; 2) технологическую платформу для размещения и верификации проектов; 3) институциональную и экспертную поддержку. Доказывается, что внедрение ОЛР позволит снизить транзакционные издержки при создании и использовании ПО и технологий, консолидировать разрозненные усилия разработчиков, повысить прозрачность и безопасность цифровых решений, что в совокупности создаст благоприятную среду для достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет, открытые лицензии, открытое программное обеспечение, авторское право, Гражданский кодекс РФ, импортозамещение, цифровая экономика, экосистема разработки.

Достижение технологического суверенитета – стратегическая задача, неоднократно обозначенная в выступлениях и поручениях Президента Российской Федерации В.В. Путина. Под технологическим суверенитетом понимается способность государства обеспечивать устойчивое развитие и безопасность за счет собственных или контролируемых критически значимых технологий, а также независимость в принятии решений в технологической сфере. Эта задача актуализировалась на фоне беспрецедентных санкционных ограничений, оттока международных IT-компаний и разрыва цепочек кооперации, что поставило под угрозу функционирование ключевых отраслей экономики и государственного управления.

Традиционный ответ на подобные вызовы – форсированное развитие национальной патентной системы и создание закрытых, «суверенных» технологических решений «с нуля». Однако в условиях цейтнота и ограниченности ресурсов такой подход является недостаточным и экономически затратным. Параллельным и комплементарным путем выступает стратегическое культивирование экосистемы открытого кода (Open Source) и открытых лицензий.

Важно подчеркнуть, что проблема выстраивания системной работы с открытыми лицензиями выходит далеко за рамки только сферы ПО. Как подробно аргументировано в статье – предложении Общества по коллективному управлению авторскими правами «Авторский Союз «БОНА ФИДЭС», открытые лицензии являются универсальным правовым инструментом для сферы знаний в целом. Они создают баланс между защищенной прав авторов и обеспечением широкого легального доступа к произведениям науки, литературы, искусства, образовательному и культурному контенту. Без учета этого комплексного подхода любая инициатива в сфере технологий рискует остаться фрагментарной [2].

Мировой опыт (на примере успеха Linux, Apache, Kubernetes и тысяч других проектов) демонстрирует, что открытые модели разработки позволяют достичь синергетического эффекта за счет распределения усилий сообщества, ускорения темпов инноваций, снижения дублирования работ и повышения безопасности за счет публичного аудита кода. Российское правовое поле и инфраструктура поддержки открытого ПО остаются фрагментированными и несистемными.

В этой связи предлагается концепция национального проекта «Открытые лицензии России» (ОЛР), призванного стать правовым, технологическим и организационным фундаментом для консолидации усилий по созданию суверенной цифровой платформы. Данный проект логически продолжает и развивает тезисы, изложенные в упомянутой статье, расширяя фокус с авторского права на смежные сферы, включая разработку ПО, управление данными и создание открытых технологических стандартов.

Российское правовое поле и инфраструктура поддержки открытого ПО остаются фрагментированными и несистемными. В этой связи предлагается концепция национального проекта «Открытые лицензии России» (ОЛР), призванного стать правовым, технологическим и организационным фундаментом для консолидации усилий по созданию суверенной цифровой платформы.

Правовые основы открытого лицензирования в России и их недостатки. Понятие открытой (свободной) лицензии закреплено в п. 1 ст. 1286.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Закон определяет ее как лицензионный договор, условия которого изложены в стандартной форме и разрешают использование произведения науки, литературы, искусства неопределенному кругу лиц. При этом лицензиат вправе использовать произведение безвозмездно, если соглашением не предусмотрено иное. Ключевые характеристики открытой лицензии по ГК РФ: публичный характер, безвозмездность (презумируется), присоединение к стандартным условиям.

Однако действующая нормативная база обладает рядом существенных недостатков, сдерживающих развитие экосистемы. Одним из главных недостатков является избыточная гибкость и неопределенность. В ст. 1286.1 ГК РФ [1] допускает возможность установления в открытой лицензии ограничений на способы использования, территории, срок, а также возможность отзыва лицензии автором. Это противоречит международным принципам открытого лицензирования (например, Open Source Definition), которые требуют, чтобы лицензия не ограничивала использование в любой области деятельности, не была привязана к отдельному продукту и не могла быть отозвана. Такая гибкость порождает правовую неопределенность и риск для бизнеса, который зависит от подобного ПО.

Молчание по ключевым вопросам, касающимся лицензирования, также вызывает множество вопросов. ГК РФ не содержит четкого регулирования ряда критически важных для открытого ПО аспектов: совместимости лицензий (copyleft vs permissive), порядка внесения вкладов (contributions) и их лицензирования, ответственности за нарушения патентных прав, распространения лицензии на производные произведения. Эти пробелы восполняются судебной практикой и обычаями делового оборота, что в условиях неразвитости последних создает риски.

Особой проблемой является доминирование иностранных лицензий. Подавляющее большинство российских открытых проектов используют зарубежные лицензии (MIT, Apache 2.0, GPL), одобренные Open Source Initiative (OSI). Их правовые конструкции создавались в рамках англосаксонской правовой традиции, что может порождать сложности при толковании в российской правоприменительной практике. Кроме того, в условиях санкций существует потенциальный риск политизированного пересмотра статуса или применения иностранных правовых норм, ограничивающих использование таких лицензий для российских резидентов.

Таким образом, текущее законодательство создает лишь базовую рамку, но не формирует полноценную, безопасную и стимулирующую среду для развития открытых проектов национального масштаба [5].

Технологический суверенитет и роль открытых лицензий: анализ поручений Президента. Поручения Президента по вопросам технологического суверенитета (включая поручения по итогам посланий Федеральному Собранию, заседаний Совета по науке и образованию) дают следующие приоритеты:

- Развитие собственной технологической базы в критических отраслях (ИТ, микроэлектроника, телеком, машиностроение).
- Импортозамещение программного обеспечения, особенно в госсекторе и инфраструктурных отраслях.
- Обеспечение кибербезопасности и технологической независимости.

- Создание условий для ускоренного внедрения отечественных разработок.

- Поддержка и коопeração отечественных разработчиков и научных коллективов [3, 4].

Проект «Открытые лицензии России» напрямую отвечает этим задачам:

- **Консолидация и коопeração.** ОЛР создаст единую платформу и правовое поле, где государственные и частные разработчики, научные институты смогут совместно работать над проектами, избегая дублирования и фрагментации. Это реализует принцип «суверенитета коопeration».

- **Ускорение импортозамещения.** Наличие проверенной библиотеки отечественного открытого ПО под четкими юридическими условиями позволит быстро находить и внедрять замену ушедшим зарубежным продуктам, особенно в инфраструктурном сегменте (операционные системы, базы данных, инструменты разработки).

- **Повышение безопасности.** Прозрачность открытого кода позволяет проводить его независимый аудит на предмет уязвимостей и закладок. Централизованная платформа ОЛР может предусматривать систему сертификации и верификации кода, что повысит доверие к нему со стороны государственных заказчиков.

- **Снижение затрат и стимулирование инноваций.** Открытая модель снижает издержки на лицензирование, позволяет «стоять на плечах гигантов», модифицируя и улучшая существующие решения. Это особенно важно для стартапов и научных проектов с ограниченным бюджетом.

- **Формирование кадрового суверенитета.** Активное участие в развитых открытых проектах – лучшая школа для разработчиков. ОЛР позволит растить кадры внутри национальной, а не глобальной экосистемы, снижая риск «утечки мозгов» и повышая квалификацию специалистов на реальных задачах.

Концепция проекта «Открытые лицензии России». Проект ОЛР предлагается как комплексная государственная инициатива, реализуемая в трех плоскостях: правовой, технологической и институциональной.

Правовая плоскость должна быть представлена Национальным стандартизованным набором открытых лицензий. Для достижения поставленной задачи необходимо разработать и законодательно закрепить (через внесение изменений в Главу 70 ГК РФ или принятие отдельного федерального закона) пакет стандартных открытых лицензий, адаптированных к российской правовой системе и учитывающих цели технологического суверенитета. Пакет должен включать **разрешительную (permissive) лицензию ОЛР-Р** (аналог MIT/BSD, с минимальными ограничениями, разрешающая любое использование, включая включение в проприетарные продукты); **сильную лицензию с условием сохранения открытости (strong copyleft) ОЛР-С** (аналог GPL, требующая, чтобы производные произведения распространялись на тех же лицензионных условиях. Критически важна для защиты ядер суверенных технологий от приватного захвата); **слабую лицензию с условием сохранения открытости (weak copyleft) ОЛР-Л** (аналог LGPL, позволяющая линкование с проприетарными модулями при условии открытости модификаций самой библиотеки) и, наконец, **лицензию для государственных разработок ОЛР-Г** (может содержать особые условия, обязывающие использовать код в государственных информационных системах РФ и требующие обратных contribution-ов в основной проект).

Все вышеперечисленные лицензии должны быть безотзывными, бессрочными, без территориальных ограничений и содержать четкие положения о патентной оговорке, порядке принятия вкладов и применимом праве

(российским). Это создаст максимальную правовую определенность.

Технологическая плоскость: единая цифровая платформа. Для внедрения проекта «Открытые лицензии России» в контексте достижения технологического суверенитета необходимо создать государственную (или государственно-частную) платформу opensource.gov.ru или аналогичную, выполняющую ряд функций. К таким функциям относятся: хранилище (репозиторий) (размещение исходного кода и документации проектов, выбравших лицензии ОЛР); система верификации и сертификации (проверка на соответствие критериям открытости, сканирование на уязвимости, анализ лицензионной чистоты); реестр зависимостей (прозрачное отображение зависимостей между проектами, что критично для оценки рисков при импортозамещении); инструменты ко-операции (системы управления задачами, код-ревью, CI/CD, способствующие совместной работе).

Платформа должна быть интегрирована с порталом Госуслуги для авторизации и с системой государственных закупок, чтобы заказчики могли легко находить и закупать услуги по доработке и внедрению открытых решений.

Институциональная плоскость: экспертная и финансовая поддержка. Для управления и развития проекта необходим специальный орган – например, Центр компетенций «Открытые лицензии России» на базе одной из ведущих ИТ-организаций (например, «Росатом» или ВУЗ). Подобная структура должна осуществлять ряд функций: методологическая поддержка и толкование лицензий; проведение экспертизы проектов, претендующих на государственное финансирование, на предмет целесообразности выбора открытой модели; организация конкурсов и грантов для разработчиков, чьи проекты размещены на платформе и соответствуют приоритетам технологического суверенитета; Правовая защита и представительство интересов сообщества в сложных ситуациях (например, при попытках нарушения условий copyleft).

Таким образом, на основании всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что достижение технологического суверенитета невозможно только через изоляцию и закрытое развитие. Исторически суверенитет укреплялся через контролируемую открытость и умение интегрировать внешние инновации в собственную систему. Проект «Открытые лицензии России» предлагает именно такую модель: создание управляемой, безопасной и стимулирующей национальной экосистемы открытой разработки.

Внедрение ОЛР позволит системно решить ряд накопившихся проблем: устраниТЬ правовую неопределенность в использовании открытого ПО, консолидировать разрозненные усилия тысяч российских разработчиков, создать понятный и безопасный рынок для государственных и корпоративных заказчиков. Это снизит зависимость от иностранных правовых режимов и технологических платформ, ускорит темпы собственных инноваций и повысит кибербезопасность цифрового пространства страны.

Фактически, проект «Открытые лицензии России» является не просто правовым или техническим нововведением, а стратегической инфраструктурной инициативой, создающей основу для устойчивого технологического развития и реального суверенитета в цифровую эпоху. Его реализация требует скоординированных усилий законодательной и исполнительной власти, бизнеса и научно-технического сообщества, и должна стать одним из ключевых элементов национальной технологической политики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Доступ из СПС «Гарант».

2. О стратегической необходимости внедрения и популяризации системы открытых лицензий в Российской Федерации как инструмента баланса интересов правообладателей, общества и государства в цифровую эпоху [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://authorsunion.ru/publikatsii> (дата обращения 06.01.2026).

3. Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78991> (дата обращения 10.01.2026).

4. Поручения Президента Российской Федерации по итогам посланий Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders> (дата обращения 10.01.2026).

5. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 19.12.2026)

On the need to implement the Open licenses of Russia project in the context of achieving technological sovereignty

Zelinsky V.E.

Lebedev Russian State University of Justice

The article examines the problem of the development of domestic technological sovereignty in the context of sanctions pressure and geopolitical turbulence. The thesis is substantiated that the ecosystem of open source and open licenses should become a strategic tool for accelerated technological modernization and import substitution, along with the patent system. The author analyzes the gaps and conflicts of the current Russian civil legislation in the field of regulating free licenses, as well as the existing infrastructure for supporting open projects. Based on the analysis of the instructions of the President of the Russian Federation on issues of technological sovereignty, the concept of the Open Licenses of Russia (FRA) project as a comprehensive state initiative is formulated. The project is proposed as a three-tier system, including: 1) an adapted set of standard legal licensing agreements; 2) a technological platform for project placement and verification; 3) institutional and expert support. It is proved that the implementation of FRA will reduce transaction costs when creating and using software and technologies, consolidate disparate efforts of developers, increase transparency and security of digital solutions, which together will create a favorable environment for achieving technological sovereignty.

Keywords: technological sovereignty, open licenses, open source software, copyright, Civil Code of the Russian Federation, import substitution, digital economy, development ecosystem.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part 4. [Electronic resource]. Access mode: Access from the SPS "Garant".
2. On the strategic need to implement and popularize the open licensing system in the Russian Federation as a tool for balancing the interests of copyright holders, society, and the state in the digital age [Electronic resource]. Access mode: <https://authorsunion.ru/publikatsii> (date of access 06.01.2026).
3. List of instructions following the meeting of the Council for Strategic Development and National Projects [Electronic resource]. Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/78991> (date of access 10.01.2026).
4. Instructions of the President of the Russian Federation following the addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation [Electronic resource]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders> (accessed January 10, 2026).
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [Electronic resource]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed December 19, 2026)

Субсидиарная ответственность по долгам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ, и «брошенных» юридических лиц

Исаев Кирилл Михайлович

аспирант кафедры гражданского права, МГЮА,
Isaeff@gmail.com

Актуальность исследования определяется ростом числа случаев недобросовестного прекращения деятельности юридических лиц, исключённых из ЕГРЮЛ, и так называемых «брошенных» компаний, что создаёт значительные риски для кредиторов, подрывает принципы корпоративного права. Цель в статье — проанализировать эволюцию института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ), выявить ключевые проблемные аспекты правоприменения. В литературе и практике сохраняются противоречия — часть авторов и судов выступает за расширение возможностей кредиторов при привлечении КДЛ к ответственности, другие — за строгую дифференциацию предпринимательского риска и недобросовестных действий. Анализ законодательных изменений, включая внесение в 2016 году пункта 3.1 в статью 3 Закона об ООО, и решений Конституционного и Верховного Судов РФ показал, что практика претерпела значительную трансформацию — от формального подхода к исключению компаний к взвешенной оценке совокупности обстоятельств, в том числе, пассивное и активное поведение КДЛ. Автор приходит к выводу, что современный институт субсидиарной ответственности стал более предсказуемым и сбалансированным: кредитор обязан доказать наличие долга и обстоятельства недобросовестного поведения, а КДЛ, в свою очередь, должны предоставить убедительные пояснения и документы. Авторский вклад состоит в систематизации изменений судебной практики и законодательного регулирования. Изложенные материалы будут полезны юристам-практикам, законодателям, исследователям корпоративного права, кредиторам при анализе рисков взаимодействия с компаниями, утратившими активную хозяйственную деятельность.

Ключевые слова: долги юридических лиц, ЕГРЮЛ, контролирующие лица, перевод бизнеса, предпринимательский риск, субсидиарная ответственность

Введение

Институт юридического лица, основанный на принципе ограниченной ответственности его участников, является «фундаментом» современного экономического оборота. Однако этот принцип порождает риски, которые связаны с возможностью недобросовестного прекращения деятельности организаций, оставляющих за собой неисполненные обязательства перед кредиторами.

Проблема юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ, и так называемых «брошенных» компаний (подразумеваются организации, руководители и учредители которых не сдают отчётность, имеют задолженность перед бюджетом, не предпринимают каких-либо действий по поддержанию существования фирмы) приобрела особую остроту, потребовав от законодателя и судебной практики выработки действенных механизмов защиты прав кредиторов. Одним из ключевых из них стала субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц (КДЛ), предусмотренная пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Статья посвящена анализу развития данного института, основных доктринальных подходов, а также процессуальных особенностей рассмотрения споров этой категории.

Материалы и методы

В современных публикациях, посвящённых раскрытию обсуждаемой темы, целесообразно выделить несколько преобладающих направлений.

Так, ряд авторов сосредоточен на анализе общих проблем правового регулирования и бремени доказывания (А.В. Бормотов, Д.В. Носов [1], А.И. Долгорукий [2], В.А. Лаптев [6]), другие акцентируют внимание на особенностях статуса «недействующих» организаций и механизмах привлечения контролирующих лиц (Р.Р. Исмагулов [3], Д.Р. Козина [5]). Особое место занимают работы, где рассматриваются отдельные основания ответственности, включая «брошенный бизнес» и «перевод бизнеса» (И.Ю. Карлявин [4]). В источниках анализируется судебная практика последних лет (С. Лебедева [7], Ю. Михальчук [8], А. Мличковский [9]), что позволяет проследить эволюцию подходов судов к перераспределению бремени доказывания, оценке добросовестности. Наконец, даётся характеристика и процессуальным аспектам, в частности, вопросам подведомственности анализируемых споров (А.А. Сухорукова [10]).

При этом в литературе сохраняются противоречия — одни авторы настаивают на расширении возможностей кредиторов при привлечении контролирующих лиц к ответственности, другие указывают на необходимость строгого разграничения предпринимательского риска и недобросовестных действий.

В ходе подготовки статьи использовались сравнительно-правовой, формально-юридический, системный, аналитический методы. При формулировке выводов применено обобщение.

Результаты и обсуждение

Ключевым изменением в законодательстве, открывшим кредиторам путь к взысканию долгов вне процедуры банкротства, стало введение в 2016 году пункта 3.1 в статью 3 Закона об ООО. Этой нормой установлено, что если неисполнение обязательств общества обусловлено недобросовестными либо неразумными действиями его

КДЛ, на них может быть возложена вторичная ответственность [2, 8, 9]. До внесения указанных изменений случаи привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за долги исключённых из ЕГРЮЛ компаний были единичными. Такая практика носила эпизодический характер и во многом зависела от усмотрения конкретного суда. Подобное положение вещей соответствовало господствующей концепции самостоятельности юридического лица, согласно которой именно организация, а не её участники или руководители, несёт полную ответственность по своим обязательствам.

На начальном этапе формирования практики по взысканию долгов с КДЛ исключенных из реестра компаний правоприменение характеризовалось отсутствием единого подхода к определению подсудности.

Так, А.В. Бормотов, Д.В. Носов [1], А.А. Сухорукова [10] обращают внимание на то, что логика судов общей юрисдикции основывалась на том, что после ликвидации юрлица спор ведется с физическими лицами (бывшим директором, участниками) и не вытекает напрямую из предпринимательской деятельности. Характеризуемый подход нередко приводил к упрощенному пониманию оснований ответственности — сам факт исключения компании с долгами из ЕГРЮЛ мог расцениваться как достаточное доказательство недобросовестности КДЛ. Вместе с тем, арбитражные суды исходили из того, что природа спора неразрывно сопряжена с корпоративными и экономическими отношениями, а, следовательно, относится к их компетенции. В практике арбитражных судов сложился более строгий подход, требующий от истцов доказывания всей совокупности элементов гражданского правонарушения, что на практике часто приводило к отказам в удовлетворении исков [1, 10]. Таким образом, можно проследить эволюцию практики — от упрощённого подхода, при котором приравнивалось исключение из реестра к доказанному факту недобросовестности, к более взвешенной позиции арбитражных судов, требующих строгого обоснования и доказательной базы для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности.

Описываемый юрисдикционный дуализм, который приводил к формированию двух параллельных и зачастую противоречивых практик, был устранен Верховным Судом РФ. В пункте 4 Постановления Пленума от 23 декабря 2021 года № 46 была поставлена точка в споре о подсудности — такие дела были однозначно отнесены к компетенции арбитражных судов. Благодаря разъяснению унифицировалось правоприменение и развитие практики направилось в русло углубленного экономического анализа действий контролирующих лиц.

На первом этапе в судебной практике в фокусе оказались юридические лица, исключённые из ЕГРЮЛ. Речь шла о компаниях, в отношении которых налоговый орган формально завершал существование путём внесения записи в реестр. Такие организации утрачивают правосубъектность, их обязательства прекращаются, а юридическая судьба долгов оказывалась «подвешенной». В связи с этим возникал вопрос о том, кто должен отвечать перед кредиторами, и внимание судов сосредоточивалось на возможности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (участников, руководителей). На следующем этапе развития практики объектом внимания стали так называемые «брошенные» юридические лица. В гражданском законодательстве они квалифицируются как фактически прекратившие деятельность (ст. 64.2 ГК РФ, п. 1 ст. 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Такие юрлица подлежат исключению из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа. Основанием для этого служит отсутствие хозяйственной активности (если на

протяжении последних 12 месяцев компания не представляла обязательную бухгалтерскую и налоговую отчетность и не проводила операций хотя бы по одному банковскому счёту). В Законе также предусматривается возможность исключения по тому же механизму и в других ситуациях (п. 5 ст. 21.1) [4, 7].

Целесообразно подчеркнуть, что судебная доктрина, в том числе, на уровне Конституционного и Верховного Судов, последовательно отвергает формальный подход. Сам по себе факт административного исключения компании из реестра не является безусловным доказательством вины контролирующих лиц и достаточным основанием для их привлечения к ответственности. Как отметил Конституционный Суд в Постановлении от 21.05.2021 № 20-П, подобное исключение может быть вызвано различными причинами, и оно не должно автоматически перечеркивать принципы ограниченной ответственности и защиты делового решения, присущие предпринимательской деятельности.

Данное постановление представляет собой важнейшую веху в развитии института субсидиарной ответственности. До его принятия судебная практика характеризовалась тенденцией к массовому и зачастую формализованному привлечению контролирующих должника лиц к ответственности — само по себе исключение организации из ЕГРЮЛ при наличии задолженности нередко рассматривалось судами как достаточное основание для возложения обязательств на её руководителей и участников. Такая правоприменительная линия фактически подрывала фундаментальные начала корпоративного права — принцип ограниченной ответственности и доктрину самостоятельности юридического лица. Однако Постановление стало поворотным моментом. Суд не только отверг возможность автоматического переноса долгов на КДЛ, но и подчеркнул необходимость учёта реальных обстоятельств дела, разнообразия причин исключения юридического лица из реестра, а также допустимости добросовестного прекращения деятельности. Тем самым был поставлен барьер практике «повального» привлечения к субсидиарной ответственности. После данного решения судебная практика начала трансформироваться в сторону выработки более чётких и взвешенных критериев: для возложения ответственности на КДЛ кредиторы должны доказать совокупность юридически значимых обстоятельств — сумму долга, факт исключения юрлица и отсутствие деятельности, контроль со стороны ответчиков (формальный или фактический), недоступность информации (уклонение, отсутствие пояснений, недостоверные сведения). В результате институт субсидиарной ответственности приобрёл более предсказуемый, сбалансированный характер, что укрепило правовую определённость и снизило риск необоснованного вмешательства в сферу предпринимательской инициативы.

Так, в деле № А20-619/2024 (Северо-Кавказский округ) Министерство пыталось взыскать долги с участников и директора общества, исключённого из ЕГРЮЛ. Суды первой и апелляционной инстанций откали, указав на отсутствие доказательств недобросовестности КДЛ. Кассация подчеркнула, что для привлечения к субсидиарной ответственности нужно доказать противоправность, вину, причинную связь, убытки. Решение отражает современный тренд — простого факта исключения компании из реестра недостаточно. По делу А56-59242/2024 суд кассации отменил решения нижестоящих инстанций, поскольку те не подтвердили, что ООО «Вейк-Парк СПБ» является банкротом или исключенным из ЕГРЮЛ. Недостаточно просто ссылаться на прекращение деятельности — нужно доказывать вину и контроль.

Наиболее значимой процессуальной особенностью рассматриваемой категории споров является смещение

основного бремени доказывания с истца на ответчика. Так, в деле № А40-195015/2024 (Московский округ) рассматривался иск кредитора к руководителям действующей, но фактически неработающей компании. Первые инстанции отказали, ссылаясь на то, что юрлицо не исключено из реестра и не банкрот. Однако кассация отметила, что при наличии доказанного долга и фактического бездействия КДЛ возможно переложение бремени доказывания на ответчиков — если они не представляют документы и пояснения, суд может исходить из их недобросовестности. По делу А56-85715/2023 ВС РФ указал, что, если кредитор доказал долг, исключение юрлица, вывод активов и уклонение ответчиков от пояснений, бремя доказывания смещается на ответчиков.

Ввиду очевидного информационного неравенства (кредитор не имеет доступа к внутренней документации должника), в судебной практике выработался следующий подход:

- кредитор должен представить доказательства, с разумной степенью достоверности подтверждающие наличие долга и указывающие на обстоятельства, которые свидетельствуют о недобросовестном либо неразумном поведении КДЛ;

- в случае предоставления истцом убедительной совокупности доказательств (в том числе, косвенных), бремя опровержения этих доводов переходит на контролирующее лицо [7-9].

Именно ответчик должен, раскрыв документы и дав исчерпывающие пояснения, доказать, куда было направлено имущество компании, по каким причинам возникла невозможность погасить долги и что его действия соответствовали интересам общества и обычным условиям делового оборота. Уклонение КДЛ от представления доказательств или дачи пояснений трактуется судами не в его пользу и может стать основанием для вывода о его виновности. Показательно, что Верховный Суд РФ подтвердил возможность применения в таких спорах презумпций, используемых в дела о банкротстве, что еще больше усиливает позицию кредитора.

Следует отметить важный тренд последних лет — суды все чаще привлекают к ответственности не только за активные действия, но и за пассивное бездействие [7-9]. К примеру, участник Общества, который не интересовался делами компании, не истребовал у директора отчетность, не участвовал в собраниях, может быть признан ответственным за убытки, возникшие вследствие невыгодных сделок, заключенных таким директором.

Заключение

Таким образом, механизм субсидиарной ответственности в анализируемой области прошел значительный путь развития — от хаотичной практики в разных судебных системах до выверенного института с единой юрисдикцией, сложным стандартом доказывания.

На первоначальном этапе развития института субсидиарной ответственности привлечение КДЛ за долги исключенных из ЕГРЮЛ юридических лиц и «брошенных» компаний происходило крайне редко. В результате кредиторы зачастую оставались без возможности взыскания задолженности, а сама практика нередко порождала злоупотребления формой юридического лица, когда недобросовестные участники и руководители фактически уходили от обязательств, пользуясь принципом ограниченной ответственности.

Ситуация начала меняться после внесения в 2016 году пункта 3.1 в статью 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», закрепившего возможность возложения вторичной ответственности на КДЛ при недобросовестных или неразумных действиях. Это законодательное нововведение стало частью более

широкой тенденции к закреплению норм о субсидиарной ответственности в гражданском и корпоративном законодательстве.

Вследствие внесенных изменений количество дел о привлечении КДЛ к ответственности резко возросло. Одновременно возникли проблемы, связанные с подсудностью подобных споров — суды общей юрисдикции и арбитражные суды исходили из различных подходов, что приводило к юридическому дуализму и неопределенности в правоприменении.

Прорывным моментом стало определение Конституционного Суда РФ, который подчеркнул, что формальное исключение компании из ЕГРЮЛ само по себе не является доказательством недобросовестности КДЛ. Это решение позволило выработать более точные подходы к оценке фактического поведения участников и руководителей, снизив риск автоматического перекладывания долгов на них.

После небольшого периода «турбулентности» судебная практика начала вырабатывать более строгие и детализированные критерии привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности. Особое внимание сосредоточено на так называемом «брошенном» бизнесе: компании, фактически прекратившие хозяйственную деятельность, но формально существующие в реестре, стали объектом пристального анализа судов. Теперь ответственность может быть возложена не только за активные действия, но и за пассивное бездействие, при условии подтверждения совокупности обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности контролирующих лиц.

Таким образом, характеризуемый институт превратился в сбалансированный и предсказуемый механизм защиты интересов кредиторов, сочетающий строгие критерии доказанности с учётом реальных экономических, корпоративных отношений.

Литература

1. Бормотов А.В., Носов Д.В. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по долгам исключенного из ЕГРЮЛ Общества с ограниченной ответственностью // Ex Jure. — 2023. — № 3. — С. 19-34.
2. Долгорукий А.И. Недостатки в регулировании субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника вне рамок банкротства // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 35. — С. 2099-2104.
3. Имагулов Р.Р. Привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, исключенного из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо // Вестник арбитражной практики. — 2024. — № 4 (113). — С. 72-83.
4. Карлявин И.Ю. «Брошенный бизнес» и «перевод бизнеса» как основания привлечения лица, контролирующего деятельность должника, к субсидиарной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2025. — № 3. — С. 59-67.
5. Козина Д.Р. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ как фактически недействующих // Современные вызовы правового регулирования экономики: исследования молодых ученых. Сборник научных статей. — Москва: 2025. — С. 261-266.
6. Лаптев В.А. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2024. — Т. 28. — № 1. — С. 163-177.
7. Лебедева С. Субсидиарная ответственность КДЛ в «брошенных» компаниях: последние тенденции судебной практики // URL: <https://www.eg-online.ru/article/488300/> (дата обращения: 20.09.2025).

8. Михальчук Ю. Субсидиарная ответственность по долгам исключенной из ЕГРЮЛ компаний. Как складывается судебная практика // URL: <https://shortread.ru/subsidiarnaya-otvetstvennost-po-dolgam-iskljuchennoj-iz-egrjul-kompanii-kak-skladyvaetsya-sudebnaya-praktika/> (дата обращения: 20.09.2025).

9. Мличковский А. Субсидиарная ответственность при исключении общества из ЕГРЮЛ // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/subsidiarnaya-otvetstvennost-pri-isklyuchenii-obshchestva-iz-egrjul/> (дата обращения: 20.09.2025).

10. Сухорукова А.А. Вопросы подведомственности споров о привлечении к субсидиарной ответственности при исключении должника из ЕГРЮЛ // Академия права. – 2025. – № 2 (8). – С. 73-79.

Subsidiary liability for the debts of legal entities excluded from the State Register of Legal Entities and abandoned legal entities

Isaev K.M.

Moscow State Law Academy

The relevance of the study is determined by the growing number of cases of unfair termination of the activities of legal entities excluded from the Unified State Register of Legal Entities and so-called "abandoned" companies, which creates significant risks for creditors and undermines the principles of corporate law. The purpose of the article is to analyze the evolution of the institution of subsidiary liability of persons controlling the debtor (CDL), to identify key problematic aspects of law enforcement. There are still contradictions in literature and practice: some authors and courts advocate expanding the rights of creditors to hold debtors liable, while others advocate strict differentiation between business risk and unfair practices. An analysis of legislative changes, including the introduction of paragraph 3.1 in Article 3 of the Law on LLCs in 2016, and the decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, has shown that the practice has undergone significant transformation from a formal approach to the exclusion of companies to a balanced assessment of a combination of circumstances, including the passive and active behavior of the CEO. The author concludes that the modern institution of subsidiary liability has become more predictable and balanced: the creditor is required to prove the existence of the debt and the circumstances of unscrupulous behavior, while the CFL must provide convincing explanations and documents. The author's contribution lies in the systematization of changes in judicial practice and legislative regulation. The presented materials will be useful for practicing lawyers, legislators, corporate law researchers, and creditors when analyzing the risks of interacting with companies that have ceased active business operations.

Keywords: debts of legal entities, Unified State Register of Legal Entities, controlling persons, business transfer, entrepreneurial risk, subsidiary liability

References

1. Bormotov A.V., Nosov D.V. On the issue of subsidiary liability of the debtor's controlling person for the debts of a limited liability company that has been excluded from the Unified State Register of Legal Entities // Ex Jure. – 2023. – No. 3. – Pp. 19-34.
2. Dolgoruky A.I. Shortcomings in the regulation of subsidiary liability of the debtor's controlling persons outside the framework of bankruptcy // Innovations. Science. Education. – 2021. – No. 35. – Pp. 2099-2104.
3. Ismagulov R.R. Liability for the obligations of a debtor that has been removed from the Unified State Register of Legal Entities as an inactive legal entity // Bulletin of Arbitration Practice. – 2024. – No. 4 (113). – Pp. 72-83.
4. Karlyavin I.Yu. "Abandoned Business" and "Transfer of Business" as grounds for holding a person who controls the debtor's activities liable for subsidiary liability // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2025. – No. 3. – Pp. 59-67.
5. Kozina D.R. Subsidiary liability of controlling persons for the obligations of legal entities excluded from the Unified State Register of Legal Entities as de facto inactive // Modern Challenges of Legal Regulation of the Economy: Research by Young Scientists. Collection of Scientific Articles. – Moscow: 2025. – Pp. 261-266.
6. Laptev V.A. Subsidiary liability of controlling persons for the obligations of a company excluded from the Unified State Register of Legal Entities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2024. – Vol. 28. – No. 1. – Pp. 163-177.
7. Lebedeva S. Subsidiary Liability of Directors in Abandoned Companies: Recent Trends in Judicial Practice // URL: <https://www.eg-online.ru/article/488300/> (accessed: 20.09.2025).
8. Mikhchalchuk Yu. Subsidiary Liability for the Debts of a Company Excluded from the Unified State Register of Legal Entities. How the judicial practice develops // URL: <https://shortread.ru/subsidiarnaya-otvetstvennost-po-dolgam-isklyuchennoj-iz-egrjul-kompanii-kak-skladyvaetsya-sudebnaya-praktika/> (accessed: 20.09.2025).
9. Mlichkovsky A. Subsidiary Liability in the Event of the Company's Exclusion from the Unified State Register of Legal Entities // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/subsidiarnaya-otvetstvennost-pri-isklyuchenii-obshchestva-iz-egrjul/> (accessed: 20.09.2025).
10. Sukhorukova A.A. Issues of Jurisdiction in Disputes on Subsidiary Liability in the Event of the Debtor's Exclusion from the Unified State Register of Legal Entities // Academy of Law. – 2025. – No. 2 (8). – Pp. 73-79.

Правовая доктрина и цивилистическая характеристика квалифицированной электронной подписи в контексте оборота цифровых финансовых активов

Кадырова Салидат Джабраиловна

аспирант, кафедра Уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет, salidat.k1997@mail.ru

Интеграция цифровых финансовых активов (ЦФА) в хозяйственный оборот детерминирует потребность в углубленном доктринальском анализе правовых средств, обеспечивающих юридическую силу совершаемых с ними операций. В представленном исследовании осуществлен комплексный анализ правовой природы квалифицированной электронной подписи (КЭП) как конститутивного элемента правомерного распоряжения ЦФА в свете действующего российского законодательства. Целью работы является систематизация цивилистических особенностей применения КЭП при совершении сделок с ЦФА и выявление сопутствующих правовых рисков. Методологическую основу составляют формально-догматический, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы. Научная новизна заключается в обосновании концепции дуалистического характера КЭП применительно к обороту ЦФА: она определяется как технико-юридический аналог собственноручной подписи и одновременно как самостоятельный объект гражданских правоотношений, производный от оказания услуг аккредитованным удостоверяющим центром. Результатом исследования выступает вывод о необходимости *de lege ferenda* закрепления специальных норм, регулирующих ответственность операторов информационных систем, выпускающих ЦФА, и удостоверяющих центров за коплизии, связанные с использованием ключей КЭП, а также о целесообразности расширительного доктринального и легального толкования понятия «надлежащее лицо» в контексте ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в части распоряжения ЦФА. Сформулированные положения могут быть использованы для развития законодательства в сфере цифровых прав и оптимизации правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, квалифицированная электронная подпись, цифровые права, гражданско-правовая сделка, информационная система, распределенный реестр, удостоверяющий центр, оператор, аутентификация, правовые риски.

Введение. Формирование цифровой экономической парадигмы обусловило возникновение инновационных объектов гражданских прав, среди которых особое место занимают цифровые финансовые активы (далее – ЦФА), легитимированные Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» (далее – Закон о ЦФА). Ключевой проблемой правового регулирования оборота ЦФА является обеспечение достоверной идентификации субъекта, осуществляющего распоряжение таким активом. В условиях функционирования децентрализованных и гибридных реестров традиционные цивилистические конструкции требуют концептуальной адаптации. Базовым юридически значимым инструментом, опосредующим волеизъявление участника сделки с ЦФА, выступает квалифицированная электронная подпись (далее – КЭП). Тем не менее, её применение в указанной сфере генерирует спектр специфических цивилистических вопросов, касающихся правовой сущности, условий действительности сделок и дистрибуции соответствующих рисков, которые в настоящее время не получили достаточной доктринальной и легальной проработки.

Основная часть.

1. Электронная подпись как конститутивный элемент сделки с ЦФА: теоретико-правовой аспект.

В соответствии со ст. 2 Закона о ЦФА, распоряжение цифровым финансовым активом реализуется посредством внесения записей в информационную систему, обеспечивающую идентификацию их владельца. Как следует из системного толкования ст. 6 Закона о ЦФА и ст. 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), таким средством идентификации, приравниваемым к собственноручной подписи, является КЭП, соответствующая требованиям Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – Закон об ЭП).

В современной правовой доктрине сформировались две основные концепции понимания КЭП: как юридического факта-действия (акта волеизъявления) и как объекта субъективных гражданских прав (результата оказания услуг аккредитованным удостоверяющим центром) [1, с. 45]. В контексте оборота ЦФА проявляется дуализм правовой природы КЭП. С одной стороны, создание и применение усиленной электронной подписи для совершения операции с ЦФА представляет собой акт волеизъявления правообладателя, порождающий цивилистические последствия в виде перехода прав на актив. С другой стороны, инфраструктура КЭП (квалифицированный сертификат, закрытый ключ) выступает в качестве необходимого предварительного условия для такого волеизъявления, возникающего из правоотношения с удостоверяющим центром. Указанная двойственность актуализирует проблему разграничения ответственности за неправомерное использование ключа электронной подписи между его владельцем, оператором платформы обращения ЦФА и удостоверяющим центром.

2. Цивилистические риски и проблемы деликтной ответственности при использовании КЭП для распоряжения ЦФА.

Основная правовая коллизия заключается в противоречии между презумпцией (*presumptio iuris*), закрепленной в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ (действие, совершенное с использованием КЭП, презюмируется совершенным лицом, которому принадлежит соответствующий ключ), и объективной возможностью компрометации (нарушения конфиденциальности) такого ключа. Закон об ЭП (ст. 10) возлагает на владельца квалифицированного сертификата бремя обеспечения конфиденциальности ключа электронной подписи. Однако в сфере оборота ЦФА, где стоимость актива может быть исключительно высокой, а технические способы неправомерного завладения ключами (фишинг, вредоносное программное обеспечение) характеризуются постоянным усложнением, универсальность данного подхода требует *substantive revision*.

По мнению автора, необходима дифференциация деликтной ответственности в зависимости от установления вины субъектов правоотношения. Если компрометация ключа произошла вследствие виновных действий (бездействия) владельца (нарушение установленных правил хранения), риски убытков возлагаются на него. Если же будет доказано, что утечка ключа стала возможной в результате ненадлежащего обеспечения безопасности со стороны оператора платформы ЦФА (например, вследствие уязвимости программного интерфейса) или удостоверяющего центра (системный сбой), должна возникать субсидиарная ответственность указанных профессиональных участников оборота. Действующее законодательство не содержит четкого механизма такого разграничения, что формирует правовой *lacuna*.

Смежной проблемой выступает определение момента совершения сделки. В соответствии с общим подходом, сделка с ЦФА считается совершенной в момент внесения соответствующей записи в информационную систему (распределенный реестр). Однако, с технической точки зрения, этому действию предшествует процедура формирования и направления электронного документа, подписанного КЭП. В случае возникновения спора о моменте перехода права необходимо нормативное закрепление (в регламентах информационной системы и на уровне закона) положения о том, что моментом волеизъявления является именно момент совершения действий по созданию КЭП, тогда как внесение записи в реестр представляет собой техническую (исполнительную) операцию.

3. Векторы совершенствования законодательного регулирования.

В целях минимизации выявленных правовых рисков предлагается следующее:

1. Имплементировать в Закон о ЦФА специальную норму, устанавливающую принципы распределения ответственности между владельцем ЦФА, оператором информационной системы и удостоверяющим центром в случае компрометации ключа КЭП. Целесообразно закрепить презумпцию отсутствия вины владельца при условии использования им средств защиты, рекомендованных оператором и удостоверяющим центром, и при наличии доказательств технической возможности нарушения безопасности с их стороны.

2. Способствовать расширительному толкованию п. 2 ст. 434.1 ГК РФ применительно к ЦФА, закрепив в практике судов общей юрисдикции или в постановлении Пленума Верховного Суда РФ позицию, согласно которой «надлежащим лицом» в данном контексте может признаться не только непосредственный владелец сертификата КЭП, но и субъект, правомерно использующий ключ на основании сформированного с применением аналогичных технологий (например, смарт-контракта) уполномочия, что имеет особую актуальность для корпоративных правоотношений.

3. Установить императивное требование о необходимости детального описания в правилах информационной системы, выпускающей ЦФА, процедуры совершения операций с использованием КЭП, включая регламент оспаривания ошибочных или совершенных в результате мошеннических действий транзакций.

Заключение

Таким образом, использование квалифицированной электронной подписи в обороте цифровых финансовых активов релевантно выявляет новые аспекты данного правового института. КЭП функционирует не только как технико-юридический инструмент аутентификации, но и как центральный элемент в системе гражданско-правовых связей, опосредующих отношения между владельцем актива, оператором платформы и удостоверяющим центром. Действующее законодательство, характеризующееся фрагментарностью регулирования данной области, требует адаптации к специфике цифровой среды, где риски компрометации данных носят масштабный и технологически детерминированный характер. Предложенные в исследовании меры по оптимизации правового регулирования – дифференциация деликтной ответственности, расширение субъектного состава «надлежащих лиц» и детализация процедурных правил в регламентах систем – направлены на повышение уровня безопасности и правовой определенности оборота ЦФА, что будет способствовать его дальнейшей легализации и устойчивому развитию в экономике Российской Федерации.

Литература

- Белов В.А. Цифровые обязательства: очерки теории. М.: Юрайт, 2022. 187 с.
- Ефимова Л.Г. Банковские сделки и цифровые финансовые активы: новые вызовы // Закон. 2023. № 5. С. 78–92.
- Захарына А.В. Электронная подпись в гражданском праве: проблемы теории и практики: монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2021. 254 с.
- Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
- Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
- Чувакова В.Б. Ответственность в цифровой экономике: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 34–49.
- Щербович А.А. Правовое регулирование распределенных реестров: сравнительный анализ. М.: Статут, 2021. 312 с.

Legal Doctrine and Civil Law Characteristics of Qualified Electronic Signatures in the Context of Digital Financial Asset Circulation
Kadyrova S.Dz.

Surgut State University

The integration of digital financial assets (DFAs) into economic activity necessitates an in-depth, dogmatic analysis of the legal means that ensure the legal validity of transactions involving them. This study provides a comprehensive analysis of the legal nature of qualified electronic signatures (QES) as a constituent element of the lawful disposal of DFAs in light of current Russian legislation. The aim of the study is to systematize the civil law aspects of using QESs in transactions involving DFAs and identify the associated legal risks. The methodological framework is based on formal-dogmatic, comparative-legal, and structural-functional methods. The scientific novelty lies in the substantiation of the concept of the dualistic nature of the qualified electronic signature (QES) as applied to digital financial assets (DFAs): it is defined as both a technical and legal analogue of a handwritten signature and, at the same time, as an independent object of civil legal relations, derived from the provision of services by an accredited certification authority. The study concludes that it is necessary, *de lege ferenda*, to establish special rules governing the liability of information system operators issuing DFAs and certification authorities for

conflicts related to the use of QES keys, as well as the advisability of a broad doctrinal and legal interpretation of the concept of "proper person" in the context of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation regarding the disposal of DFAs. The formulated provisions can be used to develop legislation in the field of digital rights and optimize law enforcement.

Keywords: digital financial assets, qualified electronic signature, digital rights, civil transaction, information system, distributed ledger, certification authority, operator, authentication, legal risks.

References

1. Belov V.A. Digital Obligations: Essays on Theory. Moscow: Yurait, 2022. 187 p.
2. Efimova L.G. Banking Transactions and Digital Financial Assets: New Challenges // Law. 2023. No. 5. pp. 78–92.
3. Zakharyina A.V. Electronic Signature in Civil Law: Problems of Theory and Practice: Monograph. St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. 254 p.
4. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.
5. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Article 2036.
6. Chuvakova V.B. Liability in the Digital Economy: Problems and Prospects // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. pp. 34–49.
7. Shcherbovich A.A. Legal Regulation of Distributed Registries: A Comparative Analysis. Moscow: Statut, 2021. 312 p.

Внедрение электронных кадровых технологий в муниципальной службе: инновации и правовые вызовы

Кудинов Алексей Сергеевич

аспирант, Тверской Государственный Университет

В статье рассматриваются современные электронные кадровые технологии (ЭКТ), внедряемые в систему муниципальной службы, и анализируются возникающие при этом правовые проблемы. Актуальность темы обусловлена общегосударственным курсом на цифровизацию публичного управления, в том числе кадровых процессов, что нашло отражение в недавних изменениях законодательства (включая постоянное разрешение кадрового электронного документооборота). Научная новизна работы заключается в комплексном исследовании нормативной базы Российской Федерации 2025–2026 гг., регулирующей цифровизацию кадровой работы в органах местного самоуправления (Конституция РФ, ФЗ № 25-ФЗ, № 33-ФЗ, поправки в Трудовой кодекс и др.), а также в выявлении правовых вызовов, связанных с использованием ЭКТ. В статье раскрываются: текущие инновации в сфере управления персоналом на муниципальной службе (электронный документооборот кадровых документов, дистанционные платформы найма и обучения, использование электронной подписи и пр.); анализируется законодательство об информации и персональных данных применительно к хранению и обработке кадровых сведений; исследуется судебно-правовая практика и позиции государственных органов (в том числе эксперименты Правительства РФ) по переводу кадровых процедур в цифровой формат. Отдельное внимание уделяется балансу между необходимостью централизации кадровых информационных систем в рамках единой системы публичной власти и соблюдением конституционных принципов автономии муниципальной службы. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового обеспечения ЭКТ, включая принятие специальных норм, гарантирующих защиту прав муниципальных служащих в цифровой среде и безопасность персональных данных, а также о важности методической поддержки муниципалитетов при переходе на кадровый электронный документооборот.

Ключевые слова: муниципальная служба; кадровый электронный документооборот; цифровизация управления персоналом; персональные данные; единая система публичной власти; правовое регулирование.

В последние годы в России активно внедряется цифровизация кадровой работы в системе государственной и муниципальной службы, включая кадровый электронный документооборот (КЭДО) и интеграцию информационных систем управления персоналом. Конституционная реформа 2020 года и Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ официально включили органы местного самоуправления в единую систему публичной власти, что создало нормативные предпосылки для вертикальной интеграции цифровых кадровых платформ при сохранении автономии муниципальной службы, закреплённой в Конституции РФ и Федеральном законе № 25-ФЗ.

Ключевым шагом стало принятие Федерального закона № 377-ФЗ от 22.11.2021, закрепившего возможность применения электронных кадровых документов в трудовых отношениях. Работодатели, включая органы МСУ, получили право создавать и хранить кадровые документы без бумажного дублирования, что распространялось и на муниципальную службу с учётом особенностей, предусмотренных законом.

С 2023 по 2024 год в федеральных органах проходил эксперимент по внедрению электронного документооборота, утверждённый Постановлением Правительства РФ № 413 от 18.03.2023. Пилот реализовывался на базе ФГИС ЕИСУКС – Единой информационной системы управления кадровым составом, и сопровождался запуском приложений «Госключ» и платформы «Работа в России».

Согласно ст. 44.1 ФЗ № 79-ФЗ, субъекты РФ и муниципалитеты вправе внедрять собственные КЭДО-системы, при условии их совместимости с федеральной платформой. В ряде регионов уже приняты акты, допускающие применение простой электронной подписи и утверждающие требования к документообороту. Это позволяет органам МСУ внедрять ЭКТ, соблюдая единые стандарты цифровизации кадровых процессов.

К числу ключевых инноваций в сфере муниципальной кадровой службы относятся: системы электронного документооборота (СЭД), цифровые личные кабинеты, онлайн-платформы обучения и аналитические HR-решения. Переход на электронные личные дела и документы позволил автоматизировать рутинные процессы, упростив оформление отпусков, командировок и других кадровых действий. По оценкам экспертов, внедрение КЭДО способствует сокращению издержек и повышению прозрачности управления персоналом, что подтверждается государственной политикой в этой области.

Важную роль играет развитие электронной подписи. Согласно ФЗ № 63-ФЗ, квалифицированная электронная подпись (КЭП) приравнена к собственноручной, что обеспечивает юридическую значимость кадровых документов. Также допускается использование простой и неквалифицированной ЭП при наличии соглашений. В 2023 году внедрено приложение «Госключ» для удалённого подписания документов, а на портале «Работа в России» муниципалитеты обязаны публиковать вакансии, обеспечивая открытость и равенство доступа к службе (ст. 4 ФЗ № 25-ФЗ).

Наряду с преимуществами, цифровизация порождает ряд правовых вызовов. Прежде всего, необходимо соблюдение закона № 152-ФЗ «О персональных данных», поскольку кадровые ИС содержат чувствительные сведения. Органы МСУ обязаны разработать локальные акты,

назначить ответственных и обеспечить техническую защиту информации.

Второй вызов — информационная безопасность. В силу требований закона № 149-ФЗ кадровые системы должны использовать сертифицированные средства защиты, проходить аттестацию и аудит. Особое внимание требует защита муниципальных ИС, интегрированных с федеральными платформами, как потенциальных мишеней для кибератак.

Третья проблема — правовая неопределенность отдельных процедур. Так, приказ об увольнении по-прежнему должен оформляться на бумаге. Некоторые виды документов (например, журналы по охране труда или по воинскому учёту) также не подлежат полной цифровизации. В разъяснениях Минтруда подчёркивается необходимость сохранения подписи работника при фиксировании прохождения инструктажей. Таким образом, нормативная база пока не охватывает весь спектр цифровых решений, что требует осторожного подхода муниципалитетов и сочетания КЭДО с традиционными методами.

Кроме того, значимым вызовом является распределение ответственности при использовании централизованных платформ. Если муниципалитеты подключены, например, к федеральной ЕИСУКС или иным облачным сервисам, возникает вопрос: кто отвечает за сбои или ошибки в системе? Гражданин, не сумевший вовремя оформить отпуск из-за технического сбоя портала, вряд ли разберётся, на чьей стороне проблема — местного кадровика или оператора системы. Пока эти вопросы решаются ведомственными регламентами и соглашениями об информационном взаимодействии, а также общими положениями Гражданского кодекса об ответственности за оказание услуг. Однако судебная практика только начинает формироваться. Прецеденты показывают, что споры могут возникать, например, при оспаривании решений конкурсных комиссий, когда кандидат заявляет о техническом сбое при подаче документов онлайн. В таких случаях суды требуют от органов власти доказательств надлежащей работы электронных систем в спорный период. Это стимулирует внедрение резервных механизмов (дублирование заявок на email и пр.) и фиксирование всех действий пользователей в системных журналах.

Наконец, важным правовым аспектом остаётся обучение и цифровая грамотность самих муниципальных служащих. Федеральное законодательство (например, п.9 ч.1 ст.13 ФЗ № 25-ФЗ) предъявляет требование к служащим соблюдать установленные правила работы с информацией, не разглашать охраняемую законом тайну и т.п. При переходе на цифровые технологии каждое должностное лицо должно знать, как правильно использовать системы и защищать данные. Муниципалитеты сталкиваются с необходимостью организовать обучение персонала работе в новых СЭД, в том числе правилам применения электронной подписи. Отдельные регионы включают такие мероприятия в программы повышения квалификации и национальные проекты «Цифровая экономика». Правовое обеспечение данного направления выражается в издании методических рекомендаций Минцифры и Минтруда, а также в локальных нормативных актах органов власти, регламентирующих порядок работы с кадровыми e-системами.

Внедрение электронных кадровых технологий в муниципальной службе является объективной необходимостью в условиях цифровой трансформации публичного управления. Анализ показывает, что в России создана базовая нормативная основа для такого перехода: обновлено трудовое законодательство, действуют законы об информации, о персональных данных, развивается законодательство о государственной и муниципальной службе с упором на интеграцию информационных систем.

Первые практические результаты (эксперименты по КЭДО, использование портала госуслуг для кадровых цепей, электронные конкурсы на должности) демонстрируют повышение эффективности и прозрачности работы с персоналом.

В то же время выявлен ряд пробелов и вызовов. Требуется ускоренное нормативное закрепление частных вопросов: исчерпывающий перечень документов, допустимых в электронном виде, порядок подтверждения ознакомления с локальными актами в электронном формате, распределение ответственности между участниками электронного взаимодействия и др. Необходима актуализация Федерального закона № 25-ФЗ с учётом новых реалий — например, включение положений о цифровом документообороте и обязанностях муниципальных образований по обеспечению кибербезопасности кадровых данных. Также целесообразно распространить на муниципальную службу те законодательные инициативы, которые сейчас разрабатываются для государственной гражданской службы (по результатам эксперимента 2023 года) — в частности, регламентацию применения КЭДО, обязанность использования типовых госплатформ для кадрового учёта.

В перспективе важно обеспечить баланс между централизацией и муниципальной автономией. Единая цифровая экосистема управления кадровыми ресурсами, охватывающая федеральный, региональный и муниципальный уровни, способна снизить издержки и устраниить дублирование функций. Однако внедряя единые платформы, законодатель и исполнители должны учитывать гарантированную Конституцией самостоятельность местного самоуправления. Решения о подборе, продвижении, поощрении кадров должны оставаться в компетенции муниципалитетов, даже если технически процесс проходит в общей системе. Конституционный Суд РФ в ряде постановлений подчёркивал необходимость соблюдения принципа самостоятельности местного самоуправления при новеллах цифрового характера. Так, в Постановлении № 23-П/2021 он признал допустимым электронное опубликование муниципальных правовых актов при условии обеспечения прозрачности и прав граждан, фактически одобрав цифровые инструменты при соблюдении гарантий. Аналогичный подход должен быть и к кадровым технологиям: их использование правомерно, пока не нарушены права служащих и граждан (например, право на доступ к службе) и соблюдены финансово-организационные гарантии.

Таким образом, электронные кадровые технологии открывают новые возможности для повышения эффективности муниципальной службы, но требуют тщательного правового сопровождения. Необходимо продолжать совершенствовать законодательство, развивать судебную и административную практику, тиражировать лучший региональный опыт, чтобы обеспечить достижение баланса между инновациями и правовой защищённостью участников кадровых процессов. Дальнейшие исследования в данной области могут быть посвящены сравнительному анализу региональных практик внедрения КЭДО и разработке рекомендаций по унификации нормативных подходов к цифровизации кадровой работы в муниципальных образованиях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] — Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. – 2025. – 26 марта.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.
6. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
7. Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации...» (в части регулирования электронного документооборота) // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 48 (ч. I). – Ст. 8071.
8. Постановление Правительства РФ от 18.03.2023 № 413 «О проведении эксперимента по использованию электронных документов в кадровой работе отдельных федеральных органов исполнительной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303200040>
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 23-П (г. Санкт-Петербург) «По делу о проверке конституционности пункта 6 части 1 статьи 44, частей 1 и 3 статьи 47 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Ю. Г. Ефремова» // Российская газета. – 2021. – 8 июня.
10. Шишкина Е. Кадровый электронный документооборот. Уже на службе государства // ECM-Journal.ru, 2 мая 2024 г..
11. Десятков И. КЭДО для государственных гражданских служащих — да или нет // HR-Directum, 15 августа 2025 г.

Implementation of electronic human resources technologies in the municipal service: innovations and legal challenges

Kudinov A.S.

Tver State University

The article examines modern electronic HR technologies being implemented in the municipal civil service and analyzes the accompanying legal challenges. The relevance of the topic stems from a nationwide push toward digitalization of public administration, including HR processes, reflected in recent legislative changes (such as the permanent authorization of electronic HR document management). The scientific novelty lies in a comprehensive study of the Russian Federation's regulatory framework in 2025–2026 governing the digitalization of personnel management in local self-government bodies (the RF Constitution, Federal Laws No. 25-FZ, No. 33-FZ, amendments to the Labor Code, etc.), as well as an identification of legal challenges associated with the use of HR tech. The article details current innovations in municipal HR management (electronic document flow for HR records, remote hiring and training platforms, use of electronic signatures, etc.); reviews information and personal data legislation in relation to the storage and processing of HR data; and surveys judicial and administrative practice (including government pilot projects) regarding the transition of HR procedures to digital form. Special attention is paid to balancing the need for centralized HR information systems within the unified system of public authority and the preservation of constitutional principles of municipal service autonomy. The conclusion emphasizes the need to further improve the legal support for electronic HR technologies, including adopting specific provisions to guarantee municipal employees' rights in the digital environment and personal data security, as well as the importance of methodological support for municipalities during the transition to electronic HR document management.

Keywords: municipal civil service; electronic HR document management; HR process digitalization; personal data; unified public authority system; legal regulation.

References

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] – Text: electronic // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Federal Law of March 2, 2007 No. 25-FZ "On Municipal Service in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 10. – Art. 1152.
3. Federal Law of March 20, 2025 No. 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" // Rossiyskaya Gazeta. – 2025. – March 26.
4. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. - № 31 (Part I). - Art. 3448.
5. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - № 31 (Part I). - Art. 3451.
6. Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - № 15. - Art. 2036.
7. Federal Law of November 22, 2021 No. 377-FZ "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation..." (regarding the regulation of electronic document management) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2021. - № 48 (Part I). - Article 8071.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 18, 2023 №. 413 "On conducting an experiment on the use of electronic documents in the personnel work of certain federal executive bodies" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303200040>
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 27, 2021 No. 23-P (St. Petersburg) "On the case of verifying the constitutionality of clause 6 of part 1 of article 44, parts 1 and 3 of article 47 of the Federal Law "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen Yu.G. Efremov" // Rossiyskaya Gazeta. – June 8, 2021.
10. Shishkina E. HR Electronic Document Management. Already in the Service of the State // ECM-Journal.ru, May 2, 2024.
11. Desyatkov I. KEDO for state civil servants - yes or no // HR-Directum, August 15, 2025.

Отдельные аспекты налогообложения личных фондов в России

Кузнецов Артемий Александрович
независимый исследователь, artemiikuznetsov@gmail.com

В данной статье рассматриваются особенности налогообложения деятельности личных фондов с учетом специфики их организационно-правовой формы (некоммерческие организации) и практического использования. В рамках анализа было выделено две ключевые проблемы, в пока что еще не решенные полной мере ни на законодательном уровне, ни судебной практикой или разъяснениями регулирующих органов. Автором предложены свои пути решения указанных проблем с учетом специфики личных фондов как инструмента защиты капитала и увеличения благосостояния.

Ключевые слова: личные фонды, налоговое планирование, НДС, некоммерческие организации, налог на прибыль организаций.

Личные фонды — относительно новая юридическая конструкция в российском праве, появившаяся в Гражданском кодексе РФ только в 2022 году [5].

Изначально этот институт предполагался как весьма своеобразная организационно-правовая форма. Некоммерческая организация, задачей которой, по мнению авторов законопроекта, является «...обособление определенного имущества и эффективного управления им в соответствии с теми задачами, которые определяет учредитель фонда, наделивший фонд своим имуществом (указанной целью может быть приумножение выделенного имущества — прим. авт.)» [15], способная выплачивать доход лицам, признаваемым по условиям управления личным фондом «выгодоприобретателями» (в том числе и самому учредителю) - совокупность указанных признаков, по мнению автора, указывает на уникальную природу личного фонда как некоммерческой организации, ориентированную на получение дохода.

Дополнительным фактором, указывающим на особую природу личного фонда как организационно – правовой формы ведения деятельности является его вывод из-под действия Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в 2024 году [1, ч. 3 ст. 1].

Уникальный статус личных фондов обуславливает ряд особенностей их налогообложения.

Так, для стимулирования создания личных фондов законодательство о налогах и сборах также предлагает значительные налоговые преференции как для самих личных фондов, так и для их учредителей. В частности, передача имущества в личный фонд подпадает под освобождение от начисления налога на прибыль организаций, так как она квалифицируется как целевое поступление некоммерческой организации [4, пп. 1 п. 2 ст. 251].

В свою очередь, для эффективного выполнения цели по накоплению и приумножению имущества для личных фондов, занимающихся пассивным инвестированием, установлена льготная ставка по налогу на прибыль организаций – 15% [4, п. 1.18 ст. 284]. Единственным условием для ее применения является превышение 90% доли «профильных» доходов (их закрытый перечень приведен в п. 2 ст. 284.12 НК РФ) в общей выручке личного фонда, учитываемой при исчислении налога на прибыль организаций (то есть без учета доходов, не подлежащих налогообложению) без учета положительных курсовых разниц [4, п. 2 ст. 284.12].

Законодательство стимулирует и распределение имущества личного фонда в пользу его бенефициаров.

Так, выплаты дохода личного фонда, в соответствии с условиями его управления, любым выгодоприобретателям освобождаются от налогообложения НДФЛ полностью, если выплата произошла после смерти учредителя. Если же выгодоприобретателем личного фонда является его учредитель, выплаты в его пользу, а также в пользу его близких родственников, освобождаются от налогообложения и при жизни учредителя. Распределение имущества личного фонда не облагается НДС.

Придавая личному фонду такой благоприятный режим налогообложения, законодатель сделал данный институт одним из самых популярных инструментов частного налогового планирования. За январь-февраль 2025 года в России было создано 22 личных фонда – в 5 раз больше, чем их было открыто за весь 2022 год [16]. За период с января по октябрь 2025 года было открыто 249 личных фондов,

что почти в 2 раза превышает показатели за весь 2024 год [17]. Предположительно, по итогам 2025 года суммарно в России будет существовать более 500 личных фондов.

В связи с направленностью личного фонда на защиту частного капитала неудивительно, что большинство из них открывается в высокоразвитых регионах: первое место по числу личных фондов в России на данный момент занимает Москва, где сосредоточена половина от их общего количества (201), вторыми идут Санкт-Петербург и Ленинградская область (40), третья - Московская область (36), далее - Краснодарский край (19) и Свердловская область (15) [17].

Экспоненциальный рост количества личных фондов обуславливается необходимостью обеспечить конфиденциальное владение активами (информация об учредителе и бенефициарах личных фондов не публикуется на открытых ресурсах), их межпоколенческую передачу без потери экономической эффективности (за счет института управляющих личными фондами), а также почти полным отсутствием иных инструментов налогового планирования при управлении частным капиталом.

Не последнюю роль во взрывном росте числа учрежденных личных фондов в 2024 году сыграли изменения в законодательстве, значительно упростившие процесс регистрации личных фондов и позволившие делать вклады в него третьим лицам (в том числе организациям).

Тем не менее, вместе с ростом популярности личных фондов, обнажились еще не решенные проблемы, возникающие при налогообложении операций личных фондов.

Как уже упоминалось выше, передача имущества в личный фонд его учредителем признается целевым поступлением в пользу некоммерческой организации, в связи с чем она освобождается от обложения налогом на прибыль организаций у последнего. С 2024 года взносы в личный фонд могут делать не только учредители, но и иные лица, в том числе организации. При этом положения п. 2 ст. 251 Налогового кодекса предусматривают, в частности, освобождения для следующих операций [4, пп. 1 п. 2 ст. 251]:

1. взносы учредителей (на этом основании освобождается от налогообложения передача имущества учредителем личного фонда);

2. пожертвования, признаваемые таковыми в соответствии с гражданским законодательством [2, ст. 582];

3. доходы в виде безвозмездно полученных некоммерческими организациями работ (услуг), выполненных (оказанных) на основании соответствующих договоров;

4. отдельные виды целевых отчислений жилищным организациям.

В связи с чем у профессионального сообщества возник вопрос: попадают ли взносы третьих лиц под какое-либо из определений, указанных выше?

На первый взгляд, взносы третьих лиц могут быть оформлены с использованием механизма пожертвования. Однако допустимость его применения обуславливается наличием общественно-полезных целей передачи имущества [2, п. 1 ст. 582], коих при пожертвовании в личный фонд, основной целью деятельности которого является сохранение и приумножение активов, может не быть.

С этим положением согласен Минфин России. В частности, регулятор указал следующее: «учитывая, что личные фонды не преследуют в своей деятельности общеполезных целей, безвозмездная передача имущества в их адрес не признается пожертвованием, предусмотренным статьей 582 Гражданского кодекса» [6].

Такой категоричный вывод Минфина представляется спорным. Во-первых, личные фонды, являясь некоммерческими организациями, могут преследовать в своей деятельности не только цель по накоплению активов, но и выполнять другие, в том числе общеполезные задачи.

Кроме того, условиями управления личным фондом в качестве выгодоприобретателей можно предусмотреть любых лиц, кроме коммерческих. Таким образом, законодатель допускает распределение дохода в пользу благотворительных организаций.

При этом условиями управления может допускаться распределение имущества в пользу "отдельных категорий лиц из неопределенного круга лиц", к примеру спортсменам, которые одержат победу в определенном виде спорта на будущей Олимпиаде [9], что также можно рассматривать как общеполезную цель передачи имущества в личный фонд.

Дополнительным контраргументом к позиции Минфина является наличие судебной практики, в соответствие с которой общеполезными целями признаются являющиеся цели, полезные как для всего общества, так и для более узкого круга лиц [10, 11], что теоретически позволяет применить механизм пожертвования к любым целями личного фонда как некоммерческой организации.

Учитывая отрицательную позицию Минфина России, представляется, что устранить указанную неопределенность должен законодатель. При этом, по нашему мнению, при разрешении данного вопроса необходимо исходить из юридической природы института личных фондов, и тех целей, которые ставили разработчики данного института.

Таким образом, по мнению автора, статья 251 НК РФ должна быть дополнена прямыми указаниями на то, что имущество, полученное личным фондом в качестве взноса (как от учредителя, так и от третьих лиц) является доходом, не подлежащим налогообложению.

Другим спорным вопросом является необходимость начисления НДС при передаче имущества в личный фонд его учредителем.

Она возникает в случае, если передается имущество, ранее использованное учредителем в предпринимательской деятельности, при условии, что после его получения личный фонд продолжит использовать его в деятельности, приносящей доход [7, 8]. В случае же, если передаваемое имущество ранее использовалось только для личных, семейных или бытовых нужд, НДС не возникнет.

Вместе с тем, Налоговый кодекс РФ прямо закрепляет положение о том, что передача имущества некоммерческим организациям для осуществления ими своей уставной деятельностью, не связанной с предпринимательской, не признается реализацией [3, пп. 3 п. 3 ст. 39] и, следовательно, не подлежит обложению НДС независимо от предшествующего использования указанного имущества [4, пп. 1 п. 2 ст. 146].

При этом представляется, что уставной целью личного фонда не может быть осуществление предпринимательской деятельности в принципе (даже если в качестве цели существования фонда заявлено «сохранение и преумножение активов»). По нашему мнению, внедряя институт личных фондов в российскую правовую систему, законодатель сознательно вывел такого рода деятельность личных фондов за пределы понятия предпринимательства, закрепив, за ними статус некоммерческой организации и одновременно позволив им избрать в качестве целевой деятельности преумножение капитала.

Однако даже в противном случае передача имущества в личный фонд должна освобождаться от обложения НДС, так как тогда такого рода вложение должно признаваться инвестиционным [3 пп. 4 п. 2 ст. 39].

Правовая неопределенность по вопросу исчисления НДС вынуждает учредителей личных фондов искать способы, позволяющие гарантировано избежать непредвиденного налогообложения. Некоторые из них даже прекращают ведение деятельности в качестве индивидуаль-

ного предпринимателя, чтобы на дату передачи имущества в личный фонд у них отсутствовал статус плательщика НДС вовсе [4, п. 1 ст. 143], однако такое решение сопряжено с высокими рисками, особенно при фактическом продолжении ведения предпринимательской деятельности в дальнейшем, ведь налоговые органы могут оспорить прекращение статуса индивидуального предпринимателя, доначислив суммы налога, а также пени и штрафы [12, 13].

Учитывая отрицательную позицию Минфина РФ по данному вопросу, представляется, что выходом из сложившейся неопределенности может стать закрепление освобождения от налогообложения подобных операций напрямую в НК РФ.

Таким образом, личные фонды, несмотря на их относительно недолгое существование в российской правовой системе, уже сейчас стали эффективным инструментом накопления капитала и обеспечения преемственности владения активами.

Вместе с тем, в части налогообложения личных фондов остается некоторая правовая неопределенность, разрешение которой, в том числе за счет мер, предложенных автором в настоящей работе, позволит обеспечить еще более эффективное накопление капитала, что увеличит их востребованность среди широкого круга предпринимателей.

Литература

1. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // "Собрание законодательства РФ", 15.01.1996, N 3, ст. 145.
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 N 14-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 29.01.1996, N 5, ст. 410.
3. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ // "Российская газета", N 148-149, 06.08.1998.
4. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 05.08.2000 N 117-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 07.08.2000, N 32, ст. 3340.
5. Федеральный закон от 01.07.2021 N 287-ФЗ "О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021.
6. Письмо Минфина России от 27.05.2025 N 03-03-07/51824 // СПС «Гарант», режим онлайн-доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412159086/> (дата обращения – 14.01.2026 г.).
7. Письмо Минфина России от 10.01.2025 N 03-07-14/562 // СПС «Гарант», режим онлайн-доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411233175/> (дата обращения – 14.01.2026 г.).
8. Письмо Минфина России от 27.03.2024 N 03-07-14/27530 // СПС «Гарант», режим онлайн-доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408807287/> (дата обращения – 14.01.2026 г.).
9. Маргулис Р.Л., Маргулис Ю.В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. N 2. С. 80 - 88.
10. Постановление Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18.12.2015 по делу № А56-34319/2015 // Картотека арбитражных дел, режим онлайн-доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/fc83092f-6051-425f-a542-72b70332796d> (дата обращения: 14.01.2026 г.).
11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2018 N 09АП-24646/2018 по делу N

A40-181376/17 // Картотека арбитражных дел, режим онлайн-доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/32918ca9-981d-468c-a28d-b9c42c32e871> (дата обращения: 14.01.2026 г.).

12. Определение Верховного суда РФ от 03.09.2014 по делу № 304-ЭС14-223 // СПС «Гарант», режим онлайн-доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70634690/> (дата обращения – 14.01.2026 г.).

13. Определение Верховного суда РФ от 08.04.2015 по делу № 59-КГ15-2, от 20.07.2018 по делу № 16-КГ18-17 // СПС «Гарант», режим онлайн-доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957464/> (дата обращения – 14.01.2026 г.).

14. Пояснительная записка к законопроекту № 1172284-7 О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации (о личных фондах) // официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации, режим онлайн-доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172284-7> (дата обращения - 14.01.2026 г.).

15. Число личных фондов в России резко выросло в 2024 году // онлайн-журнал Forbes, режим онлайн-доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/535407-cislo-licnyh-fondov-v-rossii-rezko-vyroslo-v-2024-godu> (дата обращения - 14.01.2026 г.).

16. Управление на сотни миллионов: в России наблюдается «бум личных фондов» // РБК Татарстан, режим онлайн-доступа: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/04/10/2025/68e0c79b9a79474a32455ef5> (дата обращения - 14.01.2026 г.).

Some aspects of taxation of personal funds in Russia. Kuznetsov A.A.

This article examines the specifics of taxation of personal funds, taking into account the specifics of their organizational and legal form (non-profit organizations) and practical use. As part of the analysis, two key problems have been identified that have not yet been fully resolved either at the legislative level, nor by judicial practice or explanations from regulatory authorities. The author suggests his own solutions to these problems, taking into account the specifics of personal funds as a tool to protect capital and increase well-being.

Keywords: personal funds, tax planning, VAT, non-profit organizations, corporate income tax.

References

1. Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 15.01.1996, No. 3, Article 145.
2. "Civil Code of the Russian Federation (Part Two)" of 26.01.1996 No. 14-FZ // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 29.01.1996, No. 5, Article 410.
3. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" of 31.07.1998 No. 146-FZ // "Rossiyskaya Gazeta", No. 148-149, 06.08.1998.
4. "Tax Code of the Russian Federation (Part Two)" dated 05.08.2000 N 117-FZ // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 07.08.2000, N 32, Art. 3340.
5. Federal Law dated 01.07.2021 N 287-FZ "On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 01.07.2021.
6. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated May 27, 2025 No. 03-03-07/51824 // SPS "Garant", online access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412159086/> (date of access - January 14, 2026).
7. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated January 10, 2025 No. 03-07-14/562 // SPS "Garant", online access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411233175/> (date of access - January 14, 2026).
8. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated March 27, 2024, No. 03-07-14/27530 // SPS "Garant", online access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408807287/> (accessed on January 14, 2026).
9. Margulis R.L., Margulis Yu.V. Personal fund: a promising solution for asset management // Law. 2024. N 2. P. 80-88.
10. Resolution of the Arbitration Court of St. Petersburg and the Leningrad Region dated December 18, 2015 in case No. A56-34319/2015 // Arbitration case file, online access mode: <https://kad.arbitr.ru/Card/fc83092f-6051-425f-a542-72b70332796d> (date of access: January 14, 2026).
11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated June 22, 2018, No. 09AP-24646/2018 in case No. A40-181376/17 // Arbitration case index, online access: <https://kad.arbitr.ru/Card/32918ca9-981d-468c-a28d-b9c42c32e871> (accessed on January 14, 2026).

12. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 3, 2014 in case No. 304-ES14-223 // SPS "Garant", online access: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70634690/> (accessed on January 14, 2026).
13. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.04.2015 in case No. 59-KG15-2, dated 20.07.2018 in case No. 16-KG18-17/ // // SPS "Garant", online access mode <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957464/> (date of access - 14.01.2026)
14. Explanatory Note to Bill No. 1172284-7 On Amendments to Parts One and Three of the Civil Code of the Russian Federation (on Personal Funds) // official website of the State Duma of the Russian Federation, online access mode: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172284-7> (date of access - 14.01.2026).
15. The Number of Personal Funds in Russia Sharply Increased in 2024 // Forbes Online Magazine, available online at: <https://www.forbes.ru/biznes/535407-cislo-licnyh-fondov-v-rossii-rezko-vyroslo-v-2024-godu> (accessed on 14.01.2026)
16. Managing Hundreds of Millions: Russia is Seeing a "Personal Fund Boom" // RBC Tatarstan, available online at: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/04/10/2025/68e0c79b9a79474a32455ef5> (accessed on 14.01.2026).

Право автора на вознаграждение в договорах, в которых он не является стороной

Малыхин Владислав Дмитриевич

аспирант кафедры интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), malan_1946@mail.ru

В настоящей статье рассматривается регулирование положения авторов в договорах о создании произведения, не требующих их непосредственного участия. Исследованы потенциальные значения норм, содержащихся в части 4 статьи 1296 и части 3 статьи 1297 Гражданского Кодекса Российской Федерации и сделан вывод о том, что право на вознаграждение, предоставленное автору в соответствии с данными статьями является отдельным авторским правом.

Ключевые слова: договоры о создании произведения, договор заказа произведения, право на вознаграждение, авторские права, право на вознаграждение за служебное произведение, служебное произведение

При создании произведения авторские права, включая исключительное право, изначально возникают именно у автора. Как следствие, положение автора значимо как в договорах, при исполнении которых ожидаемо создание произведений, так и в договорах, предметом которых является такое создание.

Элементы регулирования гражданско-правовых договоров о создании произведения, не требующих непосредственного участия автора, содержится в статьях 1296 и 1297 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

Содержание двух вышеуказанных статей преимущественно направлено на установление диспозитивных норм относительно порядка распоряжения исключительного права на создаваемое произведение в случае отсутствия соответствующих условий в тексте договора. Кроме того, согласно части 5 статьи 1296 ГК РФ, правила этой статьи не применяются в отношении договоров авторского заказа¹.

Помимо вышеуказанных аспектов, содержание статей 1296 и 1297 ГК РФ также включает сходные положения. Так, достаточно специфическим аспектом регулирования договора заказа произведения является часть 4 статьи 1296 ГК РФ и часть 3 статьи 1297 ГК РФ, в соответствии с которыми автор, "которому не принадлежит исключительное право на произведение, имеет право на вознаграждение в соответствии с абзацем третьим пункта 2 статьи 1295 настоящего Кодекса"².

В юридической доктрине отмечается, что "п. 1 ст. 1296 ГК РФ не защищает заказчиков от рисков, связанных с не-надлежащим оформлением подрядчиком (исполнителем) исключительных прав на служебные произведения³". При рассмотрении вопроса о принадлежности исключительного права в рамках спора, возникшего из договорных отношений, регулируемых статьей 1296 ГК РФ, судом также могут приниматься во внимание отношения исполнителя по такому договору и непосредственных авторов произведений. Так, отсутствие споров между исполнителем договора заказа произведения и авторами относительно принадлежности исключительного права на объект авторских прав или по поводу выплаты авторам вознаграждения, предусмотренного п. 2 ст. 1295 и п. 4 ст. 1296 ГК РФ может рассматриваться в качестве доказательства принадлежности исключительного права исполнителю⁴. Более того, отсутствие у исполнителя каких-либо заключенных договоров с лицами, которые являются потенциальными авторами подлежащего созданию объекта авторского права рассматривается в судебной практике как одно из доказательств неисполнения им договора заказа произведения⁵. Представляется, что часть 4 статьи 1296 ГК РФ является в том числе указанием на то, что для исполнения договора заказа произведения исполнителю необходимо заключить договор с автором. Поскольку часть 3 статьи 1297 ГК РФ посвящена регулированию договоров, прямо не

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения 01.11.2025).

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения 01.11.2025).

³ Куропацкая Е.Г. Создание произведения по договору // Цивилист. 2025. N 2. с. 43 - 49.

⁴ Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 15.07.2021 по делу N A65-1795/2021 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9e880eea-948f-46d2-a23a-83a082ae2792> (дата обращения 01.11.2025).

⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2024 N 09АП-75860/24 по делу N A40-300535/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3c50c8c9-c6e4-4055-9786-f64cc0bacff> (дата обращения 01.11.2025).

направленных на создание произведения, положение автора в основном влияет на отношения сторон, связанные с распоряжением исключительным правом на произведение.

При этом точное значение данных норм в ее взаимосвязи с положением статьи 1295 ГК РФ, на которое они отсылаются, является не вполне ясным.

Так, согласно абзацу 2 статьи 1295 ГК РФ, для возникновения у работника права на вознаграждение за служебное произведение работодатель должен либо начать использование этого произведения, передать исключительное право на него другому лицу или сообщить автору о сохранении произведения втайне⁶. Кроме того, в пункте 105 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" содержится указание на то, что использование произведения может осуществляться не только непосредственно работодателем, но и его лицензиатом. Вместе с тем, даже с учетом данного расширительного толкования, существуют ситуации, которые означают фактическое осуществление работодателем полномочий обладателя исключительного права на создаваемое произведение и при этом не охватываются ни одним из трех установленных частью 2 статьи 1295 ГК РФ действий.

Так, в случае предоставления работодателем права использования произведения лицензиату при отсутствии использования произведения лицензиатом вышеуказанные условия не выполняются. Право на вознаграждение в соответствии со статьями 1296 и 1297 ГК РФ предоставляется в большем количестве случаев, чем при создании служебного произведения, не связанного с исполнением работодателем договора заказа произведения.

Приобретение работником права на вознаграждение за служебное произведение не зависит от того, создается ли произведение в связи с исполнением работодателем договора заказа произведения или по какой-либо иной причине. Таким образом, если действие исследуемых норм действует лишь в отношении авторов заказанных произведений, которые являются работниками исполнителя, то данное положение является излишним, что также отмечается в отечественной доктрине⁷.

С другой стороны, буквальная формулировка части 4 статьи 1296 ГК РФ и части 3 статьи 1297 ГК РФ не содержит ограничений относительно специфики связи автора и исполнителя. Необходимо отметить, что в то время как большая часть исполнителей по рассматриваемому договору, действительно, являются работодателями авторов, непосредственно создающих произведение, регулирование данного договора не предусматривает подобных ограничений. Соответственно, применение данных норм возможно и в случае, когда автор создает произведение в процессе исполнения иного договора, как правило - договора авторского заказа. Допустимость исполнения до-

говора заказа произведения подобным образом подтверждается как отечественной доктриной⁸, так и судебной практикой⁹.

В таком случае положение части 4 статьи 1296 ГК РФ означает, что автор, независимо от специфики своей связи с исполнителем договора заказа произведения приобретает право на вознаграждение за служебное произведение. Таким образом, буквальная трактовка рассматриваемой нормы означает, что это право приобретается автором вне зависимости от того, был ли соответствующий договор возмездным, и, если был, то была ли уже выплачена цена. Более того, статья 1297 ГК РФ осуществляет регулирование договоров, в которых стороной может быть непосредственно автор. Поскольку статья 1297 ГК РФ устанавливает регулирование возмездных гражданско-правовых договоров, часть 3 статьи 1297 ГК РФ вряд ли направлена на регулирование отношений сторон договора, а следовательно, ее содержание нуждается в отражающей это переработке.

Существование права на вознаграждение за служебное произведение в отношении произведений, не являющихся служебными, является не вполне последовательным подходом. Соответственно, подобная интерпретация вряд ли соответствует намерению законодателя.

Таким образом, большинство возможных интерпретаций части 4 статьи 1296 ГК РФ и части 3 статьи 1297 ГК РФ обуславливают необходимость внесения изменений в действующее регулирование рассматриваемого договора, поскольку применение данного положения к работникам исполнителя является излишним, а его применение к иным авторам противоречит его природе.

Право на вознаграждение за служебное произведение выделяется законодателем в связи с комплексной, полиотраслевой природой договоров о создании служебных произведений. Представляется, что это право специально выделяется в целях отделения выплачиваемого вознаграждения, которое обуславливается гражданско-правовыми нормами, от регулируемого трудовым правом заработной платы работника, создавшего служебное произведение. В гражданско-правовых договорах, условия которых включают обязанность исполнителя создать произведение и осуществить распоряжение им в той или иной форме, как правило, не требуется отделения вознаграждения, выплачиваемого заказчиком автору за создание произведения, от оплаты распоряжения исключительным правом на такое произведение¹⁰. Соответственно, в не являющихся полиотраслевыми договорах отсутствует необходимость в праве автора на вознаграждение за служебное произведение как способе разграничения типов выплат в рамках договора.

Абзацем 2 части 3 статьи 308 ГК РФ отмечено, что обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства¹¹. Представляется, что в договоре заказа произведения должно устанавливаться право третьего лица - автора на вознаграждение со стороны исполнителя. Такое право также

⁶ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.2025).

⁷ Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. Сборник публикаций. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.2025);

⁸ Куропацкая Е.Г. Создание произведения по договору // Цивилист. 2025. N 2. с. 43 - 49.

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2024 N 09АП-75860/24 по делу N A40-300535/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3c50c8c9-c6e4-4055-9786-f64cc0bacffbb> (дата обращения 01.11.2025).

¹⁰ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2015 N C01-219/2015 по делу N A40-59716/2012 //

<https://kad.arbitr.ru/Card/5b5fc047-ea2f-4636-a483-e61adb9bcac6> (дата обращения 01.11.2025).

Постановление ФАС Московского округа от 14.06.2013 по делу N A40-93928/2012 // <https://kad.arbitr.ru/Card/0636d7a3-d3f9-4dc1-aae8-4aa1da198537> (дата обращения 01.11.2025).

Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2023 N C01-891/2023 по делу N A32-40650/2021 // <https://kad.arbitr.ru/Card/743ca195-77a8-4ef1-82c1-c59dfba53bb2> (дата обращения 01.11.2025).

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2025).

должно устанавливаться при создании произведения в соответствии со статьей 1297 ГК РФ. Необходимо учитывать, что данное право считается использованным, если вознаграждение автору уже было выплачено по иным основаниям.

Таким образом, часть 4 статьи 1296 ГК РФ необходимо сформулировать следующим образом: "Автор созданного по заказу произведения, которому не принадлежит исключительное право на произведение, имеет право на вознаграждение. Обязанность по выплате вознаграждения возлагается на исполнителя договора".

Часть 3 статьи 1297 ГК РФ, в свою очередь, необходимо изложить в нижеприведенной редакции: "Автор указанного в пункте 1 настоящей статьи произведения, которому не принадлежит исключительное право на произведение и который не является стороной договора, прямо не предусматривавшего создание такого произведения, имеет право на вознаграждение. Обязанность по выплате вознаграждения возлагается на исполнителя договора".

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2025).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.2025).
3. Постановление ФАС Московского округа от 14.06.2013 по делу N A40-93928/2012 // <https://kad.arbitr.ru/Card/0636d7a3-d3f9-4dc1-aae8-4aa1da198537> (дата обращения 01.11.2025).
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2015 N C01-219/2015 по делу N A40-59716/2012 // <https://kad.arbitr.ru/Card/5b5fc047-ea2f-4636-a483-e61adb9bcac> (дата обращения 01.11.2025).
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.06.2023 N C01-891/2023 по делу N A32-40650/2021 // <https://kad.arbitr.ru/Card/743ca195-77a8-4ef1-82c1-c59dfba53bb2> (дата обращения 01.11.2025).
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2024 N 09АП-75860/24 по делу N A40-300535/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3c50c8c9-c6e4-4055-9786-f64cc0bacff> (дата обращения 01.11.2025).
7. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 15.07.2021 по делу N A65-1795/2021 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9e8800ea-948f-46d2-a23a-83a082ae2792> (дата обращения 01.11.2025).
8. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. Сборник публикаций. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 01.11.2025).
9. Куропацкая Е.Г. Создание произведения по договору // Цивилист. 2025. N 2. с. 43 - 49.

The author's right to remuneration in contracts to which he is not a party Malykhin V.D.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the regulation of the position of authors in commissioning contracts that do not require their direct participation. The potential meanings of the provisions contained in Part 4 of Article 1296 and Part 3 of Article 1297 of the Civil Code of the Russian Federation are examined, and it is concluded that the right to remuneration granted to the author in accordance with these articles is a separate author's right.

Keywords: commissioning contracts, contract for commissioning creative work, right to remuneration, author's rights, right to remuneration for a work made for hire, work made for hire

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // SPS ConsultantPlus (accessed on November 1, 2025).
2. Part Four of the Civil Code of the Russian Federation dated December 18, 2006, No. 230-FZ (as amended on July 23, 2025) // SPS ConsultantPlus (accessed on November 1, 2025).
3. Resolution of the FAS Moscow District dated June 14, 2013 in case No. A40-93928/2012 // <https://kad.arbitr.ru/Card/0636d7a3-d3f9-4dc1-aae8-4aa1da198537> (accessed on November 1, 2025).
4. Resolution of the Intellectual Property Court dated April 16, 2015 No. C01-219/2015 in case No. A40-59716/2012 // <https://kad.arbitr.ru/Card/5b5fc047-ea2f-4636-a483-e61adb9bcac> (accessed on November 1, 2025).
5. Resolution of the Intellectual Property Court dated 09.06.2023 No. C01-891/2023 in case No. A32-40650/2021 // <https://kad.arbitr.ru/Card/743ca195-77a8-4ef1-82c1-c59dfba53bb2> (accessed on 01.11.2025).
6. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 13.12.2024 No. 09АП-75860/24 in case No. A40-300535/2023 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3c50c8c9-c6e4-4055-9786-f64cc0bacff> (accessed on 01.11.2025).
7. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan dated July 15, 2021 in case No. A65-1795/2021 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9e8800ea-948f-46d2-a23a-83a082ae2792> (accessed on November 1, 2025).
8. Gavrilov E.P. Intellectual Property Law. Copyright and Related Rights. 21st Century. Collection of Publications. // SPS ConsultantPlus (accessed on November 1, 2025).
9. Kuropatskaya E.G. Creation of a Work under Contract // Civilist. 2025. No. 2. pp. 43-49.

Запрет на осуществление предпринимательской деятельности государственными гражданскими служащими: тенденции и перспективы правового регулирования

Пермяков Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный
экономический университет, ptmv0929@yandex.ru

Банных Станислав Германович
кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедры кре-
ативного управления и гуманитарных наук, Уральский государ-
ственный экономический университет, Bannux.Stas@mail.ru

Сарапульцева Анастасия Владиславовна
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и филосо-
фии, Уральский государственный экономический университет,
vladislavaanastasevna@gmail.com

В статье исследуется правовой режим запрета на предпринимательскую деятельность для государственных гражданских служащих Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и доктринальных источников рассматриваются основания, содержание и пределы данного ограничения, выявляются проблемные аспекты его реализации. Особое внимание уделено современным тенденциям регулирования и перспективам совершенствования нормативной базы. Сделаны выводы о балансе между необходимостью противодействия коррупции и обеспечением конституционных прав служащих. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности, правоприменении и образовательном процессе. Особую остроту проблема приобретает в контексте трансграничной цифровой экономики. Современные технологии позволяют вести предпринимательскую деятельность дистанционно, используя иностранные юрисдикции и анонимные платёжные системы. Это существенно затрудняет контроль за соблюдением запрета и требует адаптации нормативных механизмов к новым реалиям. Кроме того, размытость границ между профессиональной деятельностью (например, консультированием) и предпринимательством создаёт дополнительные сложности при квалификации действий служащих.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, предпринимательская деятельность, запрет, конфликт интересов, антикоррупционное законодательство, правовой статус служащего.

Актуальность проблемы запрета на занятие предпринимательской деятельностью государственными гражданскими служащими обусловлена необходимостью обеспечения беспристрастности и независимости публичной власти, предотвращения конфликта интересов и минимизации коррупционных рисков. В условиях цифровизации экономики и появления новых форм коммерческой активности (криптовалюты, цифровые активы, NFT, монетизация контента в социальных сетях, фриланс-услуги через онлайн-платформы) вопросы чёткого правового регулирования данного запрета приобретают особую значимость.

Законодатель стремится найти баланс между антикоррупционными требованиями и соблюдением конституционных прав граждан, что порождает ряд правовых и практических сложностей в правоприменении. С одной стороны, статья 34 Конституции РФ гарантирует право на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской деятельности [1]. С другой — публичный характер государственной службы предполагает повышенные требования к лояльности и объективности служащих. Это противоречие требует тщательной проработки правовых механизмов, исключающих как необоснованные ограничения, так и возможности для злоупотреблений.

Таким образом, совершенствование правового регулирования в данной сфере должно учитывать:

динамику развития цифровых технологий и новых форм экономической активности;

необходимость гармонизации национального законодательства с международными антикоррупционными стандартами;

важность сохранения баланса между публичными интересами и конституционными правами личности.

Нормативной основой запрета выступают ключевые законодательные акты Российской Федерации. Прежде всего, это Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», статья 17 которого прямо запрещает государственным гражданским служащим заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц.[3] Дополняет регулирование Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», определяющий конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение должностных обязанностей. [4] Важную роль играет также Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», устанавливающий механизм декларирования доходов и расходов. [5]

Суть запрета заключается в предотвращении использования служебного положения для извлечения личной выгоды, недопущении конкуренции между публичными функциями и частными интересами, а также в сохранении доверия общества к институтам государственной власти. Реализация запрета обеспечивается комплексом правовых механизмов. Служащие обязаны декларировать свои доходы, расходы и обязательства имущественного характера, уведомлять о возникновении личной заинтересованности, участвовать в антикоррупционной экспертизе нормативных актов и проектов. Контроль за соблюдением

ограничений осуществляют кадровые службы и специализированные подразделения по профилактике коррупционных правонарушений.

При этом законодательство предусматривает определённые исключения из общего запрета. Государственный гражданский служащий вправе владеть ценностями бумагами при условии уведомления и возможного отчуждения, получать доходы от вкладов и облигаций, участвовать в деятельности некоммерческих организаций, если это не содержит признаков предпринимательской деятельности. Такие исключения направлены на обеспечение баланса между антикоррупционными требованиями и законными интересами служащих, позволяя им реализовывать отдельные виды экономической активности без риска конфликта интересов.

На практике реализация запрета сталкивается с рядом существенных проблем. Одной из наиболее острых является неопределенность понятийного аппарата: законодательство не содержит исчерпывающего перечня действий, однозначно квалифицируемых как предпринимательская деятельность в контексте запрета. Это порождает сложности при оценке таких видов деятельности, как сдача жилья в аренду, фриланс, монетизация блогов и иных форм онлайн-активности. Другой проблемой выступает возможность опосредованного участия в предпринимательской деятельности через доверенных лиц, что требует сложных процедур доказывания и сбора доказательств.

Кроме того, возникают трудности при выявлении конфликта интересов в смежных сферах деятельности, когда служащие участвуют в мероприятиях, формально не являющихся предпринимательскими, но потенциально создающими предпосылки для конфликта интересов. Например, предоставление консультаций, оказание экспертных услуг или членство в советах директоров некоммерческих организаций могут порождать риски, не подпадающие под формальный запрет. Ограничность ресурсов кадровых служб также затрудняет эффективный мониторинг внеслужебной деятельности служащих, снижая превентивный потенциал антикоррупционных мер.

В последние годы наблюдается ряд значимых тенденций в развитии правового регулирования запрета. Прежде всего, усиливается контроль за финансовыми потоками посредством внедрения цифровых платформ мониторинга доходов и расходов служащих, таких как ГИС «Посейдон». Это позволяет сопоставлять декларируемые доходы с фактическими расходами и выявлять несоответствия. Расширяется перечень контролируемых активов: в сферу надзора включаются криптовалюты, доменные имена и иные цифровые права, что отвечает вызовам цифровой экономики.

Одновременно ужесточаются санкции за нарушение запрета. Помимо дисциплинарной ответственности, выражющейся в замечании, выговоре или увольнении, возможны административные и уголовные меры при наличии признаков коррупционных правонарушений. Развиваются профилактические механизмы: вводится обязательное антикоррупционное обучение служащих, внедряются программы оценки рисков и проводятся регулярные проверки, направленные на выявление потенциальных нарушений. Важным направлением является гармонизация российского законодательства с международными стандартами, включая Конвенцию ООН против коррупции и рекомендации ОЭСР, что способствует укреплению антикоррупционного потенциала государственной службы.

Перспективы совершенствования законодательства связаны с решением ряда задач. Необходимо уточнить понятие предпринимательской деятельности в контексте ограничений для госслужащих, закрепив чёткий перечень действий, подпадающих под запрет. Это снизит правовую

неопределенность и обеспечит единообразное применение нормы. Следует усилить механизмы выявления деятельности через доверенных лиц, обязав служащих уведомлять о любых имущественных сделках родственников, что повысит прозрачность и затруднит обход запрета.

Разработка типовых методик оценки конфликта интересов, включающих алгоритмы проверки косвенного участия в бизнесе, позволит систематизировать подходы к выявлению нарушений и повысить эффективность профилактических мероприятий. Внедрение автоматизированных систем мониторинга открытых источников, таких как социальные сети, реестры юридических лиц и платформы фриланса, даст возможность оперативно выявлять признаки предпринимательской активности и своевременно реагировать на потенциальные нарушения. Расширение возможностей досудебного урегулирования конфликтов интересов, включая процедуры медиации и добровольного отказа от спорных активов, будет способствовать снижению конфликтности и повышению лояльности служащих к антикоррупционным требованиям.

Важно обеспечить баланс между ограничениями и правами служащих, предусмотрев исключения для деятельности, не создающей коррупционных рисков, например, творческой самозанятости при условии прозрачности доходов. Это позволит избежать чрезмерного ограничения конституционных прав граждан при сохранении необходимого уровня антикоррупционной защиты. Укрепление межведомственного взаимодействия между кадровыми службами, антикоррупционными подразделениями и правоохранительными органами обеспечит оперативное реагирование на нарушения и повысит эффективность контроля.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении научных представлений о механизмах антикоррупционного регулирования, выявлении пробелов в действующем законодательстве и формулировании предложений по его совершенствованию. Практическая ценность состоит в возможности использования результатов в правоприменительной практике (суды, кадровые службы, прокуратура), а также в образовательных программах по дисциплинам «Административное право», «Противодействие коррупции», «Государственная служба».

В заключение следует отметить, что запрет на предпринимательскую деятельность государственных гражданских служащих остается важным инструментом противодействия коррупции, требующим постоянного совершенствования. Современные тенденции указывают на усиление контроля и цифровизацию процессов, что создает предпосылки для повышения прозрачности и эффективности антикоррупционных мер. Перспективы развития законодательства связаны с уточнением понятийного аппарата, усилением профилактических механизмов и созданием комплексной системы мониторинга. Реализация предложенных мер будет способствовать укреплению доверия общества к государственным институтам и обеспечению баланса между публичными интересами и конституционными правами граждан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с поправками, внесёнными Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]: - Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа:<http://www.consultant.ru>.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-фз (ред. от 29.09.2025) - Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Prohibition of business activities by government civil servants: trends and prospects of legal regulation

Permyakov M.V., Bannikh S.G., Sarapultseva A.Vladislavovna

Ural State University of Economics

The article examines the legal regime of the ban on entrepreneurial activity for government civil servants of the Russian Federation. Based on the analysis of current legislation, law enforcement practice and doctrinal sources, the grounds, content and limits of this restriction are considered, problematic aspects of its implementation are identified. Special attention is paid to current regulatory trends and prospects for improving the regulatory framework. Conclusions are drawn about the balance between the need to combat corruption and ensure the constitutional rights of employees. The results of the research can be used in law-making, law enforcement and the educational process. The problem becomes particularly acute in the context of the cross-border digital economy. Modern technologies make it possible to conduct business remotely using foreign jurisdictions and anonymous payment systems. This makes it much more difficult to monitor compliance with the ban and requires the adaptation of regulatory mechanisms to new realities. In addition, the blurring of the boundaries between professional activity (for example, consulting) and entrepreneurship creates additional difficulties in qualifying the actions of employees.

Keywords: state civil service, entrepreneurial activity, prohibition, conflict of interests, anti-corruption legislation, legal status of an employee.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ, as amended by the all-Russian vote on 07/01/2020). [Electronic resource]: - Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode:<http://www.consultant.ru>.
2. The Labor Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Federal Law No. 197-fz dated 12/30/2001 (as amended on 09/29/2025) - Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.
3. Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation". Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.
4. Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008 "On Combating Corruption". Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.
5. Federal Law No. 230-FZ dated 03.12.2012 "On control over the compliance of expenses of Persons holding Public Positions and Other Persons with their incomes". Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

Анализ инцидентов информационной безопасности в государственных органах Российской Федерации: возможные пути улучшения уровня защиты конфиденциальной информации

Романычев Никита Олегович

аспирант, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, n.romanychev@yandex.ru

В статье рассмотрены основные проблемы защиты информационных систем государственных органов с применением анализа конкретных случаев утечек информации, в том числе случаев утечек из судебной системы. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, регулирующие защиту конфиденциальной информации, основные уязвимости государственных органов.

Ключевые слова: Информационная безопасность, государственные органы, персональные данные, конфиденциальная информация, государственная информационная система, ФСТЭК, судебная система.

Введение

Утечка информации в государственных учреждениях – широко распространенная проблема, которая затрагивает широкий перечень организаций госсектора. Государственный сектор представляет собой совокупность предприятий и учреждений, которые находятся в государственной собственности.

В научном сообществе выделяют проблемы информационной безопасности, например Сосипатров Р. А., Барабаев Д. Б выделяют следующие [1]: •Недостаток квалифицированных специалистов:

•Недостаточное финансирование:

•Отсутствие единой стратегии: в разных государственных органах могут быть разные подходы к обеспечению безопасности, что ведет к несогласованности действий и снижению общего уровня защиты информации.

•Угрозы со стороны внешних источников: хакеры, фишерные ссылки и тому подобное.

Рассмотрим аналитический отчет Infowatch, согласно которому в 2024 году доля успешных кибератак в России составляет а 70,1% [2]. При этом почти каждое пятое нарушение связано с эксплуатацией внутренних рисков.

При этом интересны данные компании «Еса Про» от декабря 2025 года [3]. Согласно этим данным большинство утечек происходит в госсекторе (73% от всех). Специалисты компании, указывают, что «связано это с политической мотивацией хакеров.»

На уязвимость сегмента также влияют низкий уровень кибербезопасности многих организаций из-за «халатности сотрудников и недостатка финансирования».

Основная часть

Государственные учреждения обрабатывают и хранят большие объемы информации ограниченного доступа и требующие принятия защитных мер:

1. Данные, которые относятся к категории «государственная тайна»;

2. Служебные документы;

3. Коммерческая тайна, которая может содержаться в судебных документах.

4. Персональные данные граждан. Государственные органы собирают и хранят персональные сведения о гражданах в своих информационных системах.

Реальных примеров **утечек информации в госучреждениях** достаточно много, так как в последние годы государственные органы все чаще находятся под атакой не только внешних злоумышленников, но и внутренних нарушителей. В связи с этим государственные организации должны обеспечивать многоуровневую модель защиты таких данных.

Утечки информации опасны для государственных органов, так как они могут привести к серьёзным последствиям, включая ущерб безопасности, финансовые потери и репутационные риски. Опять же, это связано с большим объемом информации ограниченного доступа.

Одним из первых эшелонов защиты должны быть средства защиты от утечек со стороны внутренних нарушителей, на долю которых приходится немалая часть зафиксированных инцидентов.

Требования законодательства и регуляторов

Учреждения госсектора обязаны выполнять требования законодательства и регуляторов в сферах информационной и экономической безопасности. Они включают требования в части профилактики коррупционных правонарушений, соблюдения принципов, требований, ограничений и запретов, накладываемых на госслужащих. Ниже приведен список главных законодательных актов, устанавливающих правила и требования работы с информацией:

- Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных»
- Федеральный закон от 26.07.2017 №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»
 - Закон Российской Федерации N 5485-1 «О государственной тайне»;
 - Постановление Правительства Российской Федерации №1119 "Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных";
 - Приказ N 21 ФСТЭК России;
 - Указ Президента РФ N 188 от 6.03.1997 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера».

Для того чтобы исполнить требования регуляторов и не нарушить действующее законодательство организации государственного сектора должны использовать всю доступную нормативно-правовую базу и создать условия для ее исполнения в рамках организации.

21-й приказ ФСТЭК содержит огромное количество защитных мер, при этом не все они обязательны, а их перечень открытый. Госорган - оператор персональных данных может подобрать наиболее подходящие под себя меры.

В научном сообществе выделяют, что одной из основных проблем государственных органов при обеспечении информационной безопасности является неопределенность системного нормативно-правового регулирования вопросов обеспечения достоверности в деятельности государственных органов. Такого мнения придерживается Дубень А. К. в своей работе [4].

Переходя от мер защиты к тому, от чего нужно защищаться, рассмотрим риски для привилегированной информации в судах.

Классификация рисков может быть проведена по различным параметрам, например банк данных угроз БИ ФСТЭК России использует нарушителя как критерий и определяет два вида рисков - от внешнего нарушителя и от внутреннего.

Внутренний нарушитель имеет доступ к информационной системе на момент начала атаки. К этому относятся риски похищения или изменения сведений, которые возникают из-за действий внутреннего пользователя, который получает доступ к информационным системам из-за служебного положения или из-за нахождения на территории с ограниченным доступом. В данном случае это могут как атаки с техническими средствами, так и без них. А также под эту категорию попадают судьи и работники суда, их умышленные (инсайдерские) и неумышленные действия, которые могут раскрыть привилегированную информацию.

И наоборот, внешний нарушитель атакует извне информационной системы, по сетям общего пользования. Также внешние угрозы возникают при использовании возможностей аппаратных закладок и программ, предназначенных для хищения электронных сведений. К этой группе относятся хакерские атаки, попытки мошенничества или атак при помощи социальной инженерии и так далее.

Также следует рассмотреть, какие именно атаки могут быть направлены на информационную систему. Их можно также поделить на технические и социальные

К техническим рискам можно отнести: атаки с использованием вредоносного ПО, атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS), хакерские атаки **К социальным можно отнести:** фишинг, мошенничество, коррупционные схемы.

Фишинг – это атака с целью получить доступ к конфиденциальным данным пользователей, таким как логины, пароли, номера банковских карт. Обычно злоумышленники создают поддельные письма или сообщения, в которых маскируются под доверенные лица или организации.

Рассмотрев риски для привилегированной информации и уже имеющиеся меры защиты от них, мы можем перейти к конкретным ситуациям различным атак на суды.

Рассмотрим конкретные случаи утечек

В 2022 году была выложена в открытый доступ почтовая переписка Министерства культуры, администрации города Благовещенска и аппарата губернатора Тверской области.

Как сообщает «Коммерсант» [5], в утекших документах можно найти информация о зарплатах, увольнениях, дефектах объектов культурного наследия.

Журналисты также узнали у специалистов по информационной безопасности причину данной утечки: эксплуатация уязвимости почтовых серверов. Также специалисты указывали на «пренебрежение госорганами политики кибербезопасности».

Таким образом мы видим пример внешней, умышленной хакерской атаки.

В конце 2021 года произошла утечка исходного кода с сайта госуслуг г. Пензы. [6] В этой ситуации «Госуслуги» никто не взламывал — компания в сфере кибербезопасности «Cybersec» обнаружила хранилище данных, которое было полностью доступно из-за неверных настроек безопасности.

В данном случае можно говорить о **внутренней, неумышленной угрозе** информационной базе госоргана, которая появилась в ходе неверных действий сотрудников, настраивающих доступы.

До этого, в конце 2019 года тоже была утечка на «Госуслугах» [8].

В интернете была найдена база данных с персональной информацией о клиентах «Госуслуг», однако «Ростелеком», отрицает факт утечки, несмотря на то, что сервер находится на их площадке.

В свободном доступе в интернете оказалась информация десятков тысяч пользователей портала «Госуслуги». Персональные данные стали доступны всем желающим в результате утечки.

По информации компании DeviceLock, утечка произошла в результате ошибки в конфигурации Elasticsearch-сервера.

Как и в предыдущем случае, можно говорить о **внутренней, неумышленной угрозе** информационной базе ГИС, которая появилась в ходе неверных действий сотрудников, настраивающих систему поиска и аналитики Elasticsearch.

В июле 2017 года произошел еще один случай, Пенсионный фонд по Москве и Московской области [10], случайно отправил электронные письма с персональными данными своих работников внешним получателям. Тогда, предположительно, были раскрыты персональные данные 17 тысяч человек.

Такое письмо получил web-разработчик Сергей Дерябин, автор блога для IT-специалистов Geektimes.

Это тоже **внутренняя, неумышленная угроза** информационной базе Пенсионного фонда, которая появилась в ходе неверных действий сотрудников, отвечающих за отправку электронных писем.

Из рассмотренных случаев можно вывести общий признак для большинства утечек – они связаны с неисполнением правил информационной безопасности и защиты персональных данных.

Этот вывод подтверждается статистикой, собранной в 2019 г. эксперто-аналитическим центром группы компаний InfoWatch [11]. Согласно их отчету, «было зафиксировано 1348 утечек, случившихся по вине или по неосторожности внутренних нарушителей (далее — внутренние утечки). Отмечавшийся в 2017–2018 гг. рост числа внутренних утечек, в 2019 г. сменился небольшим снижением (на 3,3%). Однако, более показательно снижение доли внутренних утечек от общего числа утечек — если в 2018 г. этот показатель составлял 61,6%, то в 2019 г. — 53,7%. При этом уже четыре года подряд доля внутренних утечек от общего числа утечек колеблется в диапазоне 53–61%, т.е. более половины всех утечек, зафиксированных в мире ЭАЦ ГК InfoWatch, происходят из-за ошибок или умышленных действий сотрудников, включая руководство, владельцев и операторов информации.»

Попробуем рассмотреть другую сферу государственных органов и их информационных систем. В судебной системе используются автоматизированные информационные системы, по типу ГАС «Правосудие». Сбор и обработка информации о всех случаях утечек данных из судов поможет определить наиболее уязвимое звено в системе защиты привилегированных данных.

В 2024 году произошла крупная кибератака на ГАС «Правосудие» [12], в ее ходе могло быть безвозвратно удалено или скомпрометировано до 33% судебных актов.

Причиной угрозы стал вирус — шифровальщик, но важно понять, как он попал в систему. Согласно словам руководителя департамента расследований Т. Hunter, эксперта рынка НТИ SafeNet («Сейфнет») Игоря Бедерова

«вирус-шифровальщик вряд ли попал в систему в результате взлома, т. е. это был либо инсайт, либо недогляд кого-то из сотрудников, который перешел не по той ссылке или скачал то ПО».

Таким образом это может быть примером **внутренней, умышленной угрозы**, реализованной через фишинг, если один из работников действительно по неосторожности скачал вредоносное ПО.

В 2022 году произошел случай в Новосибирском областном суде [13]. Судья Шатовкина истребовала в Советском райсуде Новосибирска копии процессуальных документов по уголовному делу и поручила своему помощнику факсом отправить их в правительство области.

Затем копии этих данных были найдены в кабинете замначальника судебного управления обладминистрации Сергея Соколова.

Пример Внутренней, умышленной угрозы, реализованной путем несанкционированного копирования защищенной информации.

В 2012 году был получен доступ к компьютеру администратора сайта суда через вирус-троян, который былложен на стороннем сайте и скачан работником суда на игровом форме. Так, Хамовнический суд Москвы [14] отразил атаку группы Anonymous на свой сайт, но на главной странице были опубликованы антиластные лозунги и неприличные выражения и прочее.

Это пример **внутренней, неумышленной угрозы**, она была реализована из-за Невнимательности сотрудника суда при соблюдении безопасности.

20 апреля 2018 г. Московский городской суд [15] рассмотрел апелляционную жалобу и назначил очередное

судебное заседание назначено на 24 апреля 2018 г. Однако после окончания судебного заседания в нескольких СМИ появились сообщения о результате рассмотрения дела в апелляционной инстанции по существу со ссылкой на пресс-службу Московского городского суда.

Причина этой утечки была в том, что сотрудник пресс-службы просто перепутал заседания и распространил информацию относительно другой жалобы.

Это пример **внутренней, неумышленной угрозы**, она была реализована из-за ошибки сотрудника пресс-службы.

Также можно привести примеры внешних, умышленных угроз, которые реализовывались через коррупцию. Например, в 2021 в Арбитражном суде города Москвы [16] судья Елена Кондрат передала своей коллеге пакет с взяткой за вынесение решения о привлечении к субсидиарной ответственности ряда лиц в рамках обособленного спора при банкротстве.

В 2019 году в Лазаревском районном суде г. Сочи [17] судья пообещал повлиять на отмену судебного акта в апелляции с принятием по делу нового решения в пользу ответчика.

В 2025 году в том же суде [18] делопроизводитель суда брала деньги за подстройку ГАС «Правосудие».

Таким образом мы рассмотрели случаи утечек и изменения данных в судебной системе, которые можно найти в открытом доступе. Исходя из данных, основной причиной нарушения тайны защищенных данных является ошибочное действие сотрудника суда.

Текущая ситуация с защитой информационных систем представляется следующим образом: меры по защите, установленные приказом ФСТЭК № 21 весьма разнообразные и покрывают различные уязвимости ГИС и АИС органов. Закрыты как технические, так и социальные способы атаки, также предусмотрена эшелонированная защита. Однако большинство нарушений безопасности связано с невнимательностью, либо неисполнением мер по защите информации. Это в свою очередь связано с низким уровнем компетенции в использовании цифровых технологий и отсутствии специализированных курсов обучения цифровой безопасности.

Ключевым способом распространения вредоносного программного обеспечения является рассылка писем по электронной почте с использованием почтовых доменов организаций госсектора (70 % случаев успешных кибератак в 2023 году). При использовании электронной почты в отношении объекта атаки в 93 % случаев подключаются технологии социальной инженерии, способствующие реакции получателя письма на его содержимое. Все это способствует утечке данных и неэффективности работы системы информационной безопасности [19].

В Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации», в статье 20.1, части 2 установлено требование периодического повышения квалификации для судей. Предлагается ввести такое же требование для должностей помощника судьи, секретаря судебного заседания. В данном случае требуются регулярные курсы повышения квалификации в сфере цифровых технологий, на которых их могут обучить как простым и эффективным методам снижения нагрузки, по типу использования макросов программ для работы с текстом для автоматизированного заполнения данных в документов, так и использованию систем ИИ.

Соответствующие курсы могут быть реализованы через юридические ВУЗы, с привлечением экспертов в области ИТ-правоотношений, по аналогии с курсами повышения квалификации для судей.

Введение в единый акт о защите привилегированной информации правовых норм, устанавливающих периоди-

ческую оценку цифровых компетенций судей и сотрудников аппарата судов, позволит создать объективные критерии для оценки их готовности к работе в условиях цифровизации.

Особенно важно, как именно проводить повышение квалификации в области информационной безопасности. Если просто ввести множество политик и требований, то сотрудники их частично игнорировать или обходить. При этом сам процесс обучения тоже может стокнуться с такой проблемой.

Наиболее эффективные результаты покажет обучение, которое четко объяснит сотрудникам госорганов зачем им защищать персональные и другие ограниченные к распространению данные; как это отражается на них самих, когда их персональные данные попадают на продажу в сеть Интернет.

Также, при разработке курса обучения, необходимо сосредоточится на предложении безопасных альтернатив рабочих инструментов. Например, вместо облачного хранилища одного из частных сервисов, создать собственное в рамках локальной сети.

Само обучение должно быть представлено в разных формат, с возможностью выбора одного из нескольких, так как даже такой небольшой выбор уменьшает давление на сотрудников и повышает эффективность обучения.

Также необходимо пересмотреть модуль обучения, имеющийся в ГАС «Правосудие». Так как платформа идеально подходит для проведения онлайн-курсов прямо на месте работы, она должна обладать самой актуальной информацией и именно на нее должны быть подвязаны программы обучения и оценки компетенций. Подобные способы обучения часто используются в коммерческих организациях, разрабатывающих свои программные системы.

17 сентября 2024 г Министерство цифрового развития подготовило рекомендации по информационной безопасности для госслужащих в письме № П25-30502 [20].

Письмо разделено на три части: защита от мошенников, рекомендации по защите учётных записей, Меры по обеспечению безопасности информации

Рекомендации как раз направлены на предотвращение атак с использованием социальной инженерии и применяются программах по повышению цифровой грамотности.

Как отмечают Скалкина, И. Э. и П. В. Попова в своей работе еще одним важным аспектом является ожидаемая выгода, которую могут принести цифровые системы. Скалкина, И. Э. и П. В. Попова, указывают, что «в классических моделях принятия технологий, если цифровая система обеспечивает сотруднику преимущества в его рабочих процессах (например, экономию времени), это приводит к положительным результатам. оценка цифровой системы» [21].

Заключение

В заключение хочется отметить, что для развития сферы защиты информации необходим комплексный подход, включающий несколько основных направлений. Во-первых, требуется не сбавлять темпы в модернизацию технической инфраструктуры государственных органов. Во-вторых, требуется активно работать над повышением цифровой грамотности среди работников данных органов, так как пока что это самое незащищенное звено в системе безопасности.

Литература

- Сосипатров Р. А., Бабаев Д. Б. «Обеспечение информационной безопасности в государственном и муниципальном управлении: общая оценка законодательства» // Экономика и социум. 2021. №3-2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-v-gosudarstvennom-i-munitsipalnom-upravlenii-obschaya-otsenka-zakonodatelstva> (дата обращения: 24.01.2026).
- «Россия: утечки информации ограниченного доступа 2023-2024» // АО «Инфовотч» URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/Analytics/files/rossiya-utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-2023-2024.pdf?ysclid=mkmuz4zr6r327787693>
- «Хакеры власть не признают» // Издание «Коммерсантъ» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8313330>
- Дубень Андрей Кириллович «Административно-правовые основы деятельности государственных органов при обеспечении информационной безопасности» // Образование и право. 2024. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-osnovy-deyatelnosti-gosudarstvennyh-organov-pri-obespechenii-informatsionnoy-bezopasnosti>
- «Культурная переписка» // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5306329?ysclid=mknqjz9cip19167699>
- «Привлечь внимание к проблеме»: кто слил исходный код «Госуслуг» и чем это грозит
- // Сетевое издание «forbes.ru» URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/451375-privlec-vnimanie-k-probleme-kto-slil-ishodnyj-kod-gosuslug-i-cem-eto-grozit?ysclid=mknqkbzern484710087>
- На «Госуслугах» масштабная утечка. Скомпрометированы данные десятков тысяч россиян
- // Сетевое издание «CNews» («СиНьюс») URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-12-30_v_gosuslugah_masshtabnaya?ysclid=mknql5aac511000546
- Пенсионный фонд ответил на сообщения об утечке данных 17 тыс. человек // Сетевое издание rbc.ru URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5964e1059a7947032b1e6d7a?ysclid=mknqlf08my929347988>
- Исследование утечек информации ограниченного доступа в 2019 году // Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2020 г URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/Analytics/files/InfoWatch_МирУтечки_за2019.pdf
- «Эксперт сообщил о возможной атаке вируса-шифровальщика на ГАС «Правосудие» // Сетевое издание «ВЗГЛЯД.РУ» URL: <https://vz.ru/news/2024/10/8/1291381.html>
- «Судье не дали выбрать из двух зол меньшее» // Издание «Коммерсантъ» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7364124>
- «Хакеры слили в сеть информацию из Хамовнического суда» // Сетевое издание «NTV.RU» URL: <https://www.ntv.ru/novosti/323562/>
- «Зашита просит Мосгорсуд объяснить появление информации о решении по делу до его вынесения» // Сетевое издание «Адвокатская газета» URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-prosit-mosgorsud-obyasnit-poyavlenie-informatsii-o-reshenii-po-delu-do-ego-vyнесения/>
- «Взятка в \$50 000 или «грязная провокация»: ВС подтвердил «уголовку» для судьи АСГМ» // сетевое издание «Право.ru» URL: <https://pravo.ru/story/237858/>
- «Начинается процесс над судьей и адвокатом, которые не донесли взятку до апелляции» // Сетевое издание LEGAL.REPORT URL: <https://legal.report/nachinaetsja-process-nad-sudej-i-advokatom-kotorye-ne-donesli-vzjatku-do-apelliacii>
- «Нужного судью не дождались» // Издание «Коммерсантъ» URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7971762>
- Попкова Алена Анатольевна, Парфенов Константин Владимирович, Алборов Арсен Робинзонович Угрозы

информационной безопасности в государственном секторе России // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-informatsionnoy-bezopasnosti-v-gosudarstvennom-sektore-rossii> (дата обращения: 24.01.2026).

20. Письмо Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № П25-305029 О рекомендациях для государственных служащих, направленных на обеспечение информационной безопасности сотрудников на рабочих местах // СПС «Гарант» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410917788/>

21. Скалкина, И. Э. П. В. Попова Обучение персонала цифровым компетенциям как инструмент развития организации // Молодой ученый. — 2023. — № 2 (449). — С. 167-170. — URL: <https://moluch.ru/archive/449/98686>.

Analysis of information security incidents in government agencies of the Russian Federation: possible ways to improve the level of protection of confidential information.

Romanychev N.O.

Lebedev Russian State University of Justice

The article discusses the main problems of protecting information systems of government agencies using the analysis of specific cases of information leaks, including cases of leaks from the judicial system. The main regulatory legal acts regulating the protection of confidential information, the main vulnerabilities of government agencies are considered.

Keywords: Information security, government agencies, personal data, confidential information, state information system, FSTEC, judicial system.

References

1. Sosipatrov R. A., Babaev D. B. "Ensuring information security in state and municipal management: a general assessment of legislation" // Economics and Society. 2021. №3-2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-informatsionnoy-bezopasnosti-v-gosudarstvennom-i-munitsipalnom-upravlenii-obschaya-otsenka-zakonodatelstva> (date of request: 24.01.2026).
2. "Russia: leaks of restricted access information 2023-2024" // JSC "Infowatch" URL: <https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/rossiya-utechki-informatsii-ogranichennogo-dostupa-2023-2024.pdf?ysclid=mkmuz4zr6r327787693>
3. "Hackers do not recognize the government" // Kommersant edition URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8313330>
4. Duben Andrey Kirillovich "Administrative and legal bases of the activity of state bodies in ensuring information security" // Education and law. 2024. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-osnovy-deyatelnosti-gosudarstvennyh-organov-pri-obespechenii-informatsionnoy-bezopasnosti>
5. "Cultural correspondence" // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5306329?ysclid=mknqjz9cip19167699>
6. "Draw attention to the problem": who leaked the source code of Gosuslug and what is the threat
7. // Online edition "forbes.ru" URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/451375-privlecc-vnimanie-k-probleme-kto-slil-ishodnyj-kod-gosuslug-i-cem-eto-grozit?ysclid=mknqkbzern484710087>
8. There is a large-scale leak at Gosuslugi. The data of tens of thousands of Russians has been compromised
- 9 // Online publication CNews URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-12-30_v_gosuslugah_mashtabnaya?ysclid=mknql5aac511000546
10. The pension fund responded to reports about the data leak of 17 thousand people // Online publication rbc.ru URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5964e1059a7947032b1e6d7a?ysclid=mknqif08my929347988>
11. Investigation of information leaks with limited access in 2019 // Expert and analytical center InfoWatch. 2020 URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/InfoWatch_МирУтечки_за2019.pdf
12. "The expert reported on a possible attack of a cryptographic virus on GAS "Justice" // Online publication "VZGLYAD.<url>" URL: <https://vz.ru/news/2024/10/8/1291381.html>
13. "The judge was not allowed to choose the lesser of two evils" // Kommersant edition URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7364124>
14. "Hackers leaked information from the Khamovnichesky court to the network" // Online edition "NTV.RU" URL: <https://www.ntv.ru/novosti/323562/>
15. "The defense asks the Moscow City Court to explain the appearance of information about the decision on the case before it is made." // Online edition "Advocate Newspaper" URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchita-prosit-mosgorsud-obyasnit-poyavlenie-informatsii-o-reshenii-po-delu-do-ego-vyeneseniya/>
16. "A \$50,000 bribe or a "dirty provocation": the Supreme Court confirmed the "criminal record" for the ASGM judge" // online edition "Право.ру" URL: <https://pravo.ru/story/237858/>
17. "The trial of the judge and lawyer who did not deliver the bribe before the appeal begins" // LEGAL.REPORT online publication URL: <https://legal.report/nachinaetsja-process-nad-sudej-i-advokatom-kotorye-ne-donesli-vzjatku-do-apelljacii>
18. "They didn't wait for the right judge" // Kommersant edition URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7971762>
19. Popkova Alyona Anatolyevna, Parfenov Konstantin Vladimirovich, Alborov Arsen Robinsonovich Threats to information security in the public sector of Russia // Izvestiya vuzov. Sociology. Economy. Politics. 2024. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-informatsionnoy-bezopasnosti-v-gosudarstvennom-sektore-rossii> (date of request: 24.01.2026).
20. Letter of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation dated September 17, 2024 No. P25-305029 On Recommendations for Civil Servants Aimed at Ensuring Information Security of Employees in the Workplace // SPS "Garant" URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410917788/>
21. Skalkina, I. E. P. V. Popova Training of personnel in digital competencies as a tool for the development of an organization // Young scientist. — 2023. — № 2 (449). — Pp. 167-170. — URL: <https://moluch.ru/archive/449/98686>.

Правовое регулирование логистической деятельности: соотношение императивных и диспозитивных начал

Рунова Елизавета Игоревна

магистрант, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, elizaar.runova@mail.ru

Масштабная реконфигурация глобальных цепей поставок и переориентация российского экспорта на рынки Глобального Юга и Востока обнажили фундаментальный конфликт между динамикой экономического оборота и статичностью отраслевого регулирования. В фокусе исследования – проблематика правовой квалификации сложных логистических моделей, которые де-факто переросли узкие рамки классических договорных конструкций перевозки и экспедиции. Цель в статье заключается в выявлении дисбаланса между императивными требованиями уставов и потребностью бизнеса в гибком распределении рисков (диспозитивности). На основе анализа арбитражной практики диагностируется тревожная тенденция: суды, защищая публичный интерес, фактически блокируют действие принципа свободы договора даже в отношениях между профессиональными коммерсантами (B2B), признавая ничтожными условия об ограничении ответственности экспедитора. Автор отмечает, что подобный патернализм в отношении равных субъектов неоправданно повышает транзакционные издержки и тормозит развитие комплексных логистических продуктов. Авторский вклад состоит в обосновании необходимости дифференцированного подхода к регулированию ответственности. Предложена концепция легализации договорного ограничения ответственности в сегменте B2B при условии его явного согласования и ценовой компенсации. Сделан вывод о том, что сохранение жесткого императивного режима на фоне санкционного давления создает «институциональную ловушку», которая вынуждает бизнес уходить в «серые» схемы оформления отношений. Излагаемые материалы адресованы практикующим юристам, специалистам в области контрактного права, топ-менеджменту логистических операторов.

Ключевые слова: диспозитивность, договор транспортной экспедиции, императивные нормы, ограничение ответственности, предпринимательский риск, свобода договора, судебная практика, транспортная логистика

Введение

Логистическая сфера, часто именуемая «кровеносной системой» экономики, в реалиях современной геополитической турбулентности претерпевает тектонические сдвиги. Переориентация товарных потоков на Восток и Юг, разрыв устоявшихся цепей поставок в сочетании с интенсивным ростом электронной коммерции ставят перед правовой наукой и практикой новые вызовы. Между тем, правовая материя, которая облекает эти экономические процессы, зачастую демонстрирует определенную ригидность.

Ключевой теоретической и практической проблемой остается поиск равновесия между императивным регулированием, призванным обеспечить публичный порядок и защиту слабой стороны (грузовладельца), и диспозитивным началом, которое вытекает из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). В современной доктрине гражданского права вопрос о границах патернализма государства в B2B-отношениях стоит особенно остро. С одной стороны, законодатель стремится унифицировать «правила игры», устанавливая жесткие лимиты ответственности и процедуры. С другой – участники рынка, стремясь к гибкости, пытаются конструировать нетипичные договорные модели (например, 3PL и 4PL-контракты). Но они с трудом регулируются ГК РФ о перевозке и экспедиции.

По состоянию на начало 2026 года приходится наблюдать усиливающийся тренд на «императивизацию» судебной практики. Суды все чаще блокируют попытки сторон ограничить ответственность экспедитора или перевозчика. Они ссылаются на публичный интерес. Весьма значимо выявление оптимального соотношения императивных и диспозитивных начал в регулировании логистики, которое обеспечило бы как стабильность оборота, так и необходимую гибкость для бизнеса.

Материалы и методы

Корпус отобранных при подготовке статьи источников отражает сочетание доктринального, нормативно-аналитического, правоприменительного подходов к исследованию соотношения императивных и диспозитивных начал в правовом регулировании логистической деятельности. Этим обосновывается их релевантность заявленной теме.

Так, в работах О.М. Алимова, С.В. Попова, И.О. Туркменова и соавторов, Д.Н. Коваля, В.С. Миленьского преобладают теоретико-правовой и системный методы, с помощью которых анализируются основы государственного вмешательства в деятельность логистических компаний и пределы договорной автономии участников рынка [1, 5]. Отраслевые исследования А.А. Корчагина, Р.Н. Неклюдова, И.Ю. Сольской опираются на институциональный и отраслевой ракурсы. Авторы показывают, что усиление императивного регулирования сочетается с сохранением диспозитивных механизмов в договорных конструкциях [6, 7]. Весомое значение для раскрытия темы имеют материалы судебной практики, в том числе, конкретные арбитражные дела и обзор Верховного Суда РФ. С их участием демонстрируется практическое разрешение конфликтов между публично-правовыми требованиями и свободой договора в перевозке и транспортной экспедиции [2-4, 8]. Информационно-аналитические и экспертные источники дополняют научные публикации. В них дается характеристи-

стика влиянию регуляторных новаций и рыночных трендов на трансформацию правового режима логистики [9-11].

Между тем, в литературе слабо освещены вопросы на предмет унификации подходов к балансу императивных и диспозитивных норм в цифровой логистике. Отсутствует единая позиция относительно допустимых границ публичного вмешательства. Это проявляется в противоречии между доктринальными выводами о необходимости либерализации и практикой усиления административной ответственности.

При написании данной статьи применены формально-юридический и системный методы, анализ судебной практики, сравнительно-правовой подход, элементы правового прогнозирования.

Результаты и обсуждение

Правовая основа логистики в Российской Федерации представлена многоуровневой системой нормативных актов. Они образуют сложную иерархию (от конституционных положений до специальных транспортных правил). На ее вершине находится Конституция РФ, закрепляющая фундаментальные экономические свободы: право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, единство экономического пространства, свободу перемещения товаров. Благодаря этим конституционным принципам создается базис для диспозитивного регулирования. Однако они же допускают ограничения в интересах охраны здоровья, прав граждан, обеспечения обороны страны.

Транспортное право исторически сформировалось как подотрасль со значительным удельным весом императивных норм. Это объясняется повышенной опасностью соответствующей деятельности и её стратегическим значением для экономики. Гражданский кодекс РФ и уставы (УАТ, КТМ, УЖТ) содержат разветвленную систему норм, отступление от которых недопустимо. Вместе с тем, логистика шире простой перевозки. Она включает в себя:

- экспедирование;
- складское хранение;
- таможенное оформление;
- управление цепями поставок.

Здесь возникает коллизия. Договор транспортной экспедиции (гл. 41 ГК РФ) тяготеет к модели поручения или комиссии, где предполагается фидуциарность и диспозитивность. А судебная практика последних лет (2024-2025 гг.) последовательно применяет к нему жесткие стандарты ответственности, что свойственно перевозке [1, 5, 7].

В таблице 1 представлена дифференциация норм, регулирующих логистическую деятельность, по критерию обязательности.

Из приведенной выше таблицы 1 видно, что «ядро» регулирования остается императивным. Это создает «конституциональную ловушку»: бизнес вынужден использовать сложные юридические конструкции (к примеру, рамочные договоры оказания услуг), чтобы обойти жесткие требования транспортных уставов. Это, в свою очередь, повышает риск переквалификации договора судом.

Судебная практика последних лет отражает явный крен в сторону защиты интересов грузовладельцев. При этом нередко игнорируется принцип свободы договора в предпринимательских отношениях. Анализ арбитражных споров показывает, что попытки экспедиторов ограничить свою ответственность ссылками на условия договора в 90% случаев признаются судами несостоятельными [5, 6].

Так, показательным является дело № А56-80249/2024 (Арбитражный суд Северо-Западного округа). В данном споре логистическая компания (экспедитор) пыталась

ссыльаться на пункт договора, который ограничивал её ответственность суммой фрахта в случае утраты груза. Суд кассационной инстанции, оставляя в силе решения нижестоящих органов, указал, что условия договора транспортной экспедиции об ограничении ответственности экспедитора по сравнению с тем, как она определена в законе (ст. 7 Закона № 87-ФЗ), являются ничтожными в силу ст. 11 того же Закона. С помощью анализируемого кейса подтверждается, что императивность ответственности экспедитора воспринимается судами как абсолютная догма, даже если обе стороны – крупные коммерческие субъекты, которые осознанно подписали договор [4].

Таблица 1

Классификация норм по характеру предписания (по состоянию на 2026 г.) (составлено на основе [1, 5, 7, 8])

Группа	Характеристика	Примеры из законодательства	Влияние на судебную практику
Абсолютно императивные	Нормы, исключающие любое усмотрение сторон. Нацелены на защиту публичного порядка и безопасности	Ст. 793 ГК РФ (ответственность за нарушение обязательств), ст. 37 УАТ (порядок предъявления претензий), нормы о лицензировании	Суды признают ничтожными любые соглашения об ограничении ответственности перевозчика ниже законной (ex lege)
Относительно императивные	Допускают отступление только в «лучшую» для одной из сторон сторону (обычно для клиента)	П. 2 ст. 10 Закона о ТЭД (возможность согласования более высокой объявленной ценности груза)	Задаёт «слабой стороне» договора. Условия, ухудшающие положение клиента, игнорируются судом
Диспозитивные	Действуют, если стороны не согласовали иное	Ст. 785 ГК РФ (форма накладной – стороны могут использовать электронные аналогии), порядок маршрутизации	Позволяют адаптировать типовой договор под специфику конкретной логистической схемы (мультимодальность)

Другой важный вектор – ответственность за нарушение сроков. В деле № А40-118059/2024 (Арбитражный суд г. Москвы) рассматривался иск к ОАО «РЖД» о взыскании пени за просрочку доставки. Ответчик ссыпался на техническую неисправность вагона как на обстоятельство, исключающее вину. Суд, однако, занял жесткую позицию. Предпринимательский риск перевозчика охватывает техническое состояние подвижного состава. Доводы о «внеплановом ремонте» были отклонены. Этим решением выясняется, что в логистике понятие «форс-мажор» трактуется судами крайне узко, что фактически превращает ответственность перевозчика в безвиновную ответственность «за результат» [2].

В дополнение к отмеченному, целесообразно отметить дело № А56-14669/2024, где рассматривался односторонний отказ от договора. Суд подтвердил право экспедитора на это (ст. 806 ГК РФ), но обязал возместить клиенту убытки в полном объеме, включая упущенную выгоду. Данный подход, который основывается на ст. 15 и 393 ГК РФ, демонстрирует, что диспозитивное право на отказ от договора уравновешивается императивной обязанностью полной компенсации потерь контрагента [3].

Правовой анализ был бы неполон без учета экономических реалий. Рынок логистики демонстрирует уверенный рост, невзирая на санкционное давление. По сводкам аналитиков, в 2024 году объем рынка транспортно-логистических услуг (ТЛУ) достиг исторического максимума [9, 10]. В таблице 2 приведены ключевые данные отрасли, посредством которых демонстрируется масштаб деятельности (что нуждается в адекватном правовом оформлении).

Рост рынка, особенно в сегменте e-commerce, требует высокой скорости заключения сделок вкупе с гибкостью условий. Жесткая императивность, которую доводится

наблюдать в судебной практике (см. выше), вступает в противоречие с потребностями 3PL-провайдеров; они часто выступают в качестве не просто перевозчиков, а интеграторов логистических процессов. Императивный запрет на ограничение ответственности (как в деле А56-80249/2024) препятствует развитию сложных страховых продуктов и перераспределению рисков. Это в конечном счете удорожает логистику для конечного потребителя.

Таблица 2
Основные показатели рынка транспортно-логистических услуг РФ (2023-2025 гг.) (составлено на основе [6, 9, 10])

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г. (предв. дан- ные)	Динамика 2024/2023
Объем рынка ТЛУ, трлн руб.	10,1	11,7	~12,9	+16,2%
Объем рынка e-commerce (драйвер логистики), трлн руб.	7,8	10,2	~12,5	+30,8%
Доля 3PL-операторов в струк- туре рынка, %	24	27	29	+3 п.п.
Количество споров в арбитраж- ных судах (категория «Пере- возка / Экспедиция»)	~42000	~45500	н/д	Рост числа споров

В дополнение к указанному, с 1 сентября 2025 года вступили в силу изменения в КоАП РФ (Федеральный закон № 281-ФЗ), ужесточающие административную ответственность в сфере экспедиции [11]. Это свидетельствует в пользу того, что государство выбрало путь усиления контроля, а не либерализации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет резюмировать, что в российском правовом поле сохраняется явный перевес в сторону императивного метода регулирования логистической деятельности. Судебная практика последних лет характеризуется ригидным подходом, при котором экономическая сущность отношений (например, комплексный характер 3PL-контракта) часто приносится в жертву формальному соответствию букве закона о перевозке.

Представляется, что для дальнейшего развития отрасли необходима точечная либерализация законодательства.

Во-первых, целесообразно законодательно закрепить возможность ограничения ответственности экспедитора в B2B-договорах при условии, что такое ограничение было явно согласовано сторонами и компенсировано ценой (дисконтом). Это соответствует принципу свободы договора и дает возможность снизить транзакционные издержки.

Во-вторых, важно легализовать «модельные условия» договоров, разрабатываемые профессиональными объединениями, придав им статус обычая оборота, которые имеют приоритет над диспозитивными нормами закона.

В-третьих, следует четче разграничить ответственность за собственно перевозку и за организационные услуги в рамках договора экспедиции, уйдя от презумпции «экспедитор всегда отвечает как перевозчик».

С авторской точки зрения, описываемый подход поможет гармонизировать правовое регулирование с реалиями цифровой экономики и новой логистики. При этом обеспечится баланс интересов всех участников оборота.

Литература

- Алимов О.М., Попов С.В., Туркменов И.О., Хуснудинов А.И., Солижонов Н.М. Теоретические и правовые основы организации и регулирования коммерческой деятельности логистических компаний // Вестник транспорта. – 2024. – № 2. – С. 20-29.
- Дело № А40-118059/2024 (Арбитражный суд г. Москвы) // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312239075> (дата обращения: 25.01.2026).

3. Дело № А56-14669/2024 (Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24b14669/> (дата обращения: 25.01.2026).

4. Дело № А56-80249/2024 (Арбитражный суд Северо-Западного округа) // URL: <http://fasszo.arbitr.ru/cases/cdoc?docnd=841628577> (дата обращения: 25.01.2026).

5. Коваль Д.Н., Миленький В.С. Совершенствование нормативно-правовых основ в области транспортно-логистической деятельности // Новости науки и технологий. – 2025. – № 1 (72). – С. 27-31.

6. Корчагин А.А. Тенденции развития логистики в России // Современные проблемы логистики, экономики, управления в эпоху глобальных вызовов. Сборник материалов IV Международной заочной научной конференции. – Астрахань: 2025. – С. 164-165.

7. Неклюдов Р.Н., Сольская И.Ю. Нормативно-правовое регулирование транспортно-логистической системы России: основные направления и перспективы развития (на примере железнодорожного транспорта) // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 9 (182). – С. 363-366.

8. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285603 (дата обращения: 25.01.2026).

9. Российский рынок транспортно-логистических услуг: восстановление, трансформация и новые точки роста // URL: <https://gidmark.ru/news/rossijskij-ryinok-transportno-logisticheskikh-uslug-vosstanovlenie,-transformacziya-i-novyie-tochki-rosta> (дата обращения: 25.01.2026).

10. Тренды логистики России в 2024 году // URL: <https://ibs-business.ru/media/trendy-logistiki-rossii-v-2024-godu/> (дата обращения: 25.01.2026).

11. Феоклистов С. Новые правила для транспортной логистики в КоАП РФ: что изменится с 2025 года // URL: <https://astral.ru/aj/elem/novye-pravila-dlya-transportnoy-logistiki-v-koap-rf/> (дата обращения: 25.01.2026).

Legal Regulation of Logistics Activities: The Balance between Mandatory and Dispositive Principles

Runova E.I.

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The large-scale reconfiguration of global supply chains and the reorientation of Russian exports toward the markets of the Global South and East have exposed a fundamental conflict between the dynamism of economic turnover and the relative rigidity of sectoral legal regulation. The study focuses on the problem of legal qualification of complex logistics models that have de facto outgrown the narrow framework of classical contractual constructions of carriage and freight forwarding. The purpose of the article is to identify the imbalance between mandatory statutory requirements and the business need for flexible risk allocation based on dispositive regulation. An analysis of arbitration court practice reveals an alarming trend: in safeguarding public interests, courts effectively restrict the principle of freedom of contract even in relationships between professional commercial entities (B2B), declaring clauses on the limitation of the freight forwarder's liability invalid. The author argues that such paternalism toward formally equal parties unjustifiably increases transaction costs and hampers the development of integrated logistics products. The author's contribution lies in substantiating the need for a differentiated regulatory approach to liability. A concept is proposed for the legalization of contractual limitations of liability in the B2B segment, provided that such limitations are expressly agreed upon and accompanied by appropriate price compensation. It is concluded that the preservation of a rigid mandatory regulatory regime under conditions of sanctions pressure creates an "institutional trap" that pushes businesses toward informal or "grey" contractual arrangements. The materials presented will be of interest to practicing lawyers, specialists in contract law, and top management of logistics operators.

Keywords: dispositive regulation, freight forwarding contract, mandatory norms, limitation of liability, entrepreneurial risk, freedom of contract, judicial practice, transport logistics

References

1. Alimov O.M., Popov S.V., Turkmenov I.O., Khusnudinov A.I., Solizhonov N.M. Theoretical and legal foundations of the organization and regulation

- of commercial activities of logistics companies // Bulletin of Transport. – 2024. – No. 2. – Pp. 20-29.
- Case No. A40-118059/2024 (Moscow Arbitration Court) // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312239075> (date of application: 01/25/2026).
 - Case No. A56-14669/2024 (Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region) // URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/24b14669/> (date of application: 01/25/2026).
 - Case No. A56-80249/2024 (Arbitration Court of the North-Western District) // URL: <http://fasszo.arbitr.ru/cases/cdoc?docnd=841628577> (date of application: 01/25/2026).
 - Koval D.N., Milenky V.S. Improving the regulatory framework in the field of transport and logistics activities // Science and Technology News. – 2025. – No. 1 (72). – Pp. 27-31.
 - Korchagin A.A. Trends in the development of logistics in Russia // Modern problems of logistics, economics, management in the era of global challenges. Collection of materials of the IV International Correspondence Scientific Conference. – Astrakhan: 2025. – Pp. 164-165.
 - Neklyudov R.N., Solskaya I.Yu. Regulatory and legal regulation of the transport and logistics system of Russia: main directions and prospects of development (on the example of railway transport) // Economics and entrepreneurship. – 2025. – No. 9 (182). – Pp. 363-366.
 - Review of judicial practice on disputes related to contracts for the carriage of goods and freight forwarding (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 20.12.2017) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285603/ (date of application: 01/25/2026).
 - The Russian market of transport and logistics services: recovery, transformation and new growth points // URL: <https://gidmark.ru/news/rossijskij-rynok-transportno-logisticheskikh-uslug-vosstanovlenie,-transformacziya-i-novye-tochki- rosta> (date of application: 01/25/2026).
 - Russian Logistics trends in 2024 // URL: <https://ibs-business.ru/media/trendy-logistiki-rossii-v-2024-godu/> (date of application: 01/25/2026).
 - Feoklistov S. New rules for transport logistics in the Administrative Code of the Russian Federation: what will change from 2025 // URL: <https://astral.ru/aj/elem/novye-pravila-dlya-transportnoy-logistiki-v-koap-rf/> (date of application: 01/25/2026).

Экологический вред: понятие и сущность, обеспечение эффективности действующего правового механизма возмещения экологического вреда

Собянин Антон Андреевич

аспирант кафедры гражданского процесса УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, 7_anton_7@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы совершенствования российского законодательства об ответственности хозяйствующих субъектов за причинение экологического вреда, дается определение понятия «экологический вред».

Автором анализируется природа причинения экологического вреда различным компонентам окружающей среды, дается их характеристика, особенности определения размера причиненного вреда, специфика его возмещения с учетом действующего законодательства и судебной практики РФ.

На основании положений действующего гражданского законодательства автором делаются выводы о необходимости внесения дополнений в ГК РФ, также необходимости принятия Закона о возмещении экологического вреда.

Ключевые слова: окружающая среда, экологический вред, экологическая ответственность, гражданско-правовая ответственность, возмещение экологического вреда.

В юридической литературе понятие «экологический вред» толкуется как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле экологический вред - это вред, причиненный окружающей среде в результате несоблюдения или нарушения требований природоохранного законодательства, и, как следствие этого, вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу (собственности) граждан, имуществу (собственности) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в том числе хозяйствующих субъектов, а также публично-правовых образований. Экологический вред в узком смысле - это вред, причиненный экологической системе как таковой (загрязнение рек, почвы, выброс в воздух вредных веществ и т.д.).

Экологический вред может быть классифицирован по различным критериям, включая масштаб (локальный, региональный, глобальный), продолжительность (кратковременный, кумулятивный) и объект воздействия (почвы, водные ресурсы, атмосфера).

Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее - Закон)¹ определяет экологический вред как «негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов».

Понятие окружающей среды также дается в ФЗ «Об охране окружающей среды» (ст. 1) и включает в себя компоненты природной среды (земля, недра, почва, вода, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, озоновый слой атмосферы, околоземное космическое пространство) и экологическую систему или природный ландшафт вместе с объектами, которые созданы человеком для удовлетворения социальных потребностей.

Приведенное определение охватывает далеко не все негативные последствия, хотя и указывает на наиболее тяжкие из них. Также не всегда нарушения экологических требований приводят к деградации окружающей среды, означающей невозможность использования ее определенных объектов по целевому назначению^[2].

Экологический вред как следствие хозяйственной и иной деятельности человека может наступить в результате:

Нарушения законодательных и иных нормативных правовых актов, в том числе обязательных стандартов, технических регламентов, санитарных правил и других актов технического регулирования, закрепляющих требования к качеству объектов (компонентов) окружающей среды и потенциальным источникам ее ухудшения;

Правомерных действий хозяйствующего субъекта природопользователя.

Если в первом случае речь идет об экологическом правонарушении, то во втором - о производственных и коммерческих рисках.

Результатом экологического правонарушения может быть причинение вреда отдельным объектам (компонентам) окружающей среды (экологический вред) или здоровью людей и имуществу (собственности) физических и юридических лиц.

Отсутствие у природных объектов заранее установленной или определимой посредством сопоставления с

аналогами цены обоснованно отмечают многие представители науки экологического права[3].

Специфика окружающей среды как объекта правовой охраны исключает её отождествление с имуществом, что определяет отличие экологического вреда от имущественного. Такой вред часто носит комплексный характер (повреждение одного элемента природы затрагивает другие) и может проявляться отсрочено.

Суды руководствуются принципом полного возмещения вреда (ст. 1064 ГК РФ), подразумевая устранение всех негативных последствий. Однако в силу особенностей экологического ущерба (масштабы аварий, необратимость изменений, недостаток данных или технологий) полное восстановление не всегда достижимо. Как отмечает Верховный Суд РФ, при невозможности полной реабилитации среды остаточный вред компенсируется в денежной форме[4].

Возмещение экологического вреда - это восстановление качества окружающей среды, ее конкретных объектов (компонентов), с тем чтобы их полезные свойства и характеристики соответствовали установленным управомоченными государственными органами обязательным экологическим требованиям.

Согласно ФЗ «Об охране окружающей среды» вред окружающей среде, причиненный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, возмещается в соответствии с утвержденными в установленном порядке таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, а при их отсутствии исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды.

Таким образом, законодательство предусматривает два способа определения размера экологического вреда: согласно таксам и методикам его определения либо из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды.

Обеспечение эффективности действующего правового механизма возмещения вреда, нанесенного окружающей природной среде, является в настоящее время одной из наиболее актуальных проблем природоресурсного законодательства, требующих законодательного решения. Довольно низкая эффективность действующего правового механизма возмещения вреда, причиненного окружающей среде, обусловлена главным образом отсутствием единых методологических подходов по вопросу возмещения экологического вреда, недостоверным уровнем особенностей природных ресурсов и объектов, отсутствием единого подхода к регулированию оценки причиненного экологического вреда природоресурсным и природоохранным законодательством, в том числе и по каждому объекту природы. Например, по возмещению вреда землям лесного фонда в судебной практике сейчас имеются споры и различные мнения по вопросу применения соответствующих методик расчета причиненного вреда. Например, как должен возмещаться ущерб, если он уже оплачен по Методике № 1730[5], возможно ли еще взыскание по Методике № 238[6]?

В судебной практике в настоящий момент существует два подхода. Одни суды указывают, что применяемые при исчислении вреда окружающей среде Методики № 1730 и № 238 имеют разное содержание и цели восстановления компонентов природной среды, может быть заявлено требование о возмещении вреда, причиненного лесу как экосистеме (порча почв выступает лишь способом причинения вреда лесу), а не требование о возмещении вреда почве как самостоятельному компоненту природной среды, в связи с чем возмещение вреда, исчисленного в соответствии с Методикой № 1730, не исключает его обязанности возместить вред по Методике № 238 (например,

Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.05.2024 № Ф04-714/2024 по делу № А75-7820/2023, Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 10.01.2024 № 08АП-10728/2023 по делу № А75-3979/2023). Однако такой подход не учитывает тот факт, что почва является элементом леса как природной системы, и в этом случае взыскание вреда и по методике № 1730 и по методике №

238 обладает признаками задвоения ответственности, так как вред почве взыскивается дважды (сначала - как элементу леса, а потом как отдельному компоненту окружающей среды). Аналогичный изложенному подход отражен, например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.08.2021 № Ф08-7846/2021 по делу № А32-41513/2020: «Управление не доказало, что произведенный по Методике и таксам, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1730, расчет не учитывал необходимость компенсации вреда почвам. Обратное следует из пункта 6 приложения № 3 к данному постановлению».

Системный анализ имеющихся разъяснений Верховного суда РФ показывает, что натуральная форма возмещения экологического вреда не является приоритетной: даже в случае, когда истец требует обязать ответчика к проведению восстановительных работ, окончательное решение о форме возмещения принимает суд с учетом готовности ответчика к осуществлению восстановительных мероприятий (наличия утвержденного проекта

восстановительных работ) и степени восполнимости экологического вреда. Если к этому добавить исходную установку право применителя на деликтную природу данных отношений, можно с большой долей вероятности предсказать, что суд остановится на денежной компенсации[7].

Современный механизм возмещения вреда, причиненного окружающей среде требует пересмотра существующих и выработки новых теоретико-правовых положений и концептуальных подходов, обеспечивающих учет его специфики, преодолений множества противоречий в экологическом, гражданском, административном законодательстве.

В настоящий момент в числе дискуссионных вопросов, требующих решение в доктринальном и легальном уровнях, по-прежнему остаются проблемы терминологического несоответствия, определения и соотношения таких понятий как «экологический вред», «экологический ущерб», «вред окружающей среде» и т.д.

Анализ природоохранного и природоресурсного законодательства РФ показывает отсутствие легального определения вреда для большинства компонентов окружающей среды, что создает сложности в повседневном правоприменении. Специфика экологического вреда, включая его кумулятивный и отсроченный характер, требует дальнейшего теоретического обоснования и совершенствования законодательства.

Экологический вред представляет собой полигатрибутивную категорию, сочетающую в себе объективные природные закономерности и социально-правовые конструкции. Его свойства – системность, кумулятивность, трансграничность, необратимость и публичный характер – формируют особый правовой режим ответственности.

Гражданско-правовые нормы регулируют возмещение вреда здоровью и имуществу граждан из-за негативного воздействия на окружающую среду, включая вред от источников повышенной опасности. Однако понятие «негативное воздействие на окружающую среду», закрепленное в законе, содержит тавтологию и не раскрывает сути экологического вреда, что требует его пересмотра.

Законодателю для устранения противоречий и коллизий законодательства в сфере возмещения экологического вреда, по нашему мнению, необходимо:

Дать четкое определение экологического вреда, указав условия его возникновения (действие/бездействие).

Установить правовые границы между допустимым и противоправным воздействием, без чего невозможна корректная квалификация правонарушений и привлечение к ответственности.

Таким образом, применительно к Закону, он должен содержать следующее определение:

Экологический вред - это ненадлежащее состояние окружающей среды, когда в результате производственно-хозяйственной и иной деятельности человека качество объектов (компонентов) и их систем не отвечает характеристикам и показателям их полезных свойств, закрепленным в нормативно-правовых актах технического регулирования и (или) в договорах.

В случае отсутствия Методик расчета причиненного вреда природе, размер вреда определяется, исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды - то есть по общим правилам ст. 1082 ГК РФ «Способы возмещения вреда». Таким образом, расчет по условному методу нельзя опровергнуть тем, что он превышает фактически причиненный вред. Вместе с тем, замена натуральной формы возмещения обязанностью причинителя выплатить некую денежную сумму влечет ряд проблем, связанных с необходимостью перевода в денежную форму вреда, причиненного не имеющим экономического содержания благам, поскольку условный (таксовый) метод имеет такие изъяны, как приблизительный характер расчета размера возмещения и некорректность

критериев. Применение натуральной формы возмещения позволяет избежать этих проблем. Упрощается и определение размера возмещения, который при таком подходе равен совокупности расходов на осуществление восстановительных мероприятий, понимаемых в указанном выше смысле[8].

Применение натуральной формы возмещения позволяет избежать этих проблем. Упрощается и определение размера возмещения, который при таком подходе равен совокупности расходов на осуществление восстановительных мероприятий, понимаемых в указанном выше смысле.

Видится, что взыскание этих расходов с правонарушителя в пользу государства целесообразно лишь при отсутствии факта добровольного исполнения им судебного решения, когда задержка исполнения приведет к дальнейшему существенному ухудшению экологической ситуации, причинению вреда жизни или здоровью граждан[9].

В настоящий момент очевидно необходимы актуализация и совершенствование методик расчета и практики возмещения вреда в результате экологических правонарушений и осуществления экологически опасных видов деятельности. Требуется пересмотр методик расчета вреда компонентам окружающей среды на основе их оценки с точки зрения единой методической базы, понятийного аппарата, механизмов выявления, оценки, реализации.

Для преодоления внутриотраслевой коллизии природоохранного и природоресурсного законодательства, на наш взгляд, в современном обществе целесообразны разработка и принятие специального нормативного правового акта в области возмещения вреда окружающей среде, основанного и согласующегося с положениями общей теории эффективности экологического законодательства в целом, обеспечивающей высокую эффективность самой природоохранной и природоресурсной деятельности, возможно это будет отдельный федеральный

закон о возмещении экологического вреда, на базе которого будет выстроена система экологического законодательства нашей страны.

В современной России эффективным средством возмещения экологического вреда могли бы стать, например, административно-правовые штрафы, взыскиваемые с хозяйствующих субъектов - экологических правонарушителей и поступающие в местный бюджет. Конкуренция, стремление получить максимальную прибыль - движущие силы рыночной экономики. Однако зачастую гонка за низкой себестоимостью товара создает потенциальную опасность для экологии: вопросы охраны окружающей среды, безопасности производства отходят на второй план. Взыскание штрафов с хозяйствующих субъектов и индивидуальных предпринимателей должны быть не только за каждое экологическое правонарушение, но и за каждый день неисполнения предписаний контролирующих органов, если правонарушение нарушение носит длительный характер, для этого также должны быть установлены минимальные и максимальные размеры штрафов, соответствующие состоянию нашей рыночной экономики.

Административная ответственность сохраняет принципы советского периода. Если персональная ответственность остается действенной, то для юридических лиц ее эффективность ограничена. Привлечение физических лиц к ответственности за экологические правонарушения требует доказательства вины, тогда как хозяйствующие субъекты (юридические лица и ИП) должны нести ответственность без ее установления. Форма вины (умысел, неосторожность) может влиять лишь на размер штрафа.

Судебная практика России о возмещении экологического вреда пока еще недостаточная, базируется на правовых нормах, закрепленных в гл. 59 ГК РФ

«Обязательства вследствие причинения вреда». Необходимо, однако, учитывать, что эти нормы ГК РФ, как и законодательство зарубежных стран, традиционно направлены на защиту частных интересов, а именно здоровья граждан и имущества (собственности) физических и юридических лиц. Поэтому экологические правонарушители несут ответственность за причиненный вред в соответствии с нормами Гражданского кодекса РФ. Другое дело - экологический вред. Потерпевшими являются неопределенное количество лиц, и результатом несоблюдения экологических требований становится нарушение общественных, публичных интересов.

В этой связи возникают сомнения в правомерности юридической ответственности экологических правонарушителей за причинение экологического вреда только на основании гл. 59 ГК РФ.

В данном случае, мы поддерживаем точку зрения Бровинского Л.И[10], Ивакина В.И., Балецкую Р.И.[11], согласно мнению которых представляется необходимым внести дополнения в соответствующие статьи гл. 59 ГК РФ, а также гл. 48 «Страхование», предусмотрев в ней обязанность страхования ответственности за причинение экологического вреда хозяйствующими субъектами, потенциальными источниками негативного воздействия на окружающую среду.

Так, пункт 1 ст. 1064 «общие основания ответственности за причинение вреда» следовало бы, сформулировать следующим образом: «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, имуществу юридического лица, а также окружающей природной среде (экологический вред), подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред».

Правовой механизм возмещения экологического вреда должен основываться на трех принципах:

обязанность субъекта ответственности возместить экологический вред;

экологический вред должен быть возмещен в полном

объеме;

государство несет субсидиарную ответственность за причинение экологического вреда в результате деятельности человека.

Публичные интересы в сохранении благоприятной окружающей среды требуют приоритета натуральной формы возмещения экологического вреда, о чем давно заявляют юристы-экологи[12]. При этом возможность восстановления экосистемы и размер натурального возмещения в рамках споров должны подтверждаться и эксперты заключением, а не только утвержденным проектом восстановительных работ[13].

Денежная компенсация должна применяться по остаточному принципу - в той части, в которой невозможно восстановление окружающей среды до первоначального состояния (в том числе в силу наличия невосполнимых и трудновосполнимых экологических потерь). При сохранении возможности применения методик, такс (с учетом сложности обоснования размера экологического вреда) законодательно требуется установить право ответчика доказывать то, что действительный размер причиненного экологического вреда меньше величины, рассчитанной по методикам (таксам), в том числе путем зачета расходов на восстановительные мероприятия. Истец также должен иметь возможность доказывать действительный размер причиненного экологического вреда, если рассчитанные по методикам и таксам суммы компенсации не покрывают реальный ущерб окружающей среде или отдельным природным объектам. Таким образом законодатель специальными нормами обеспечит реализацию принципов справедливости и полного возмещения экологического вреда. Таксы и методики будут применяться лишь в случае инертности со стороны истца и ответчика.

Взыскание этих расходов с правонарушителя в пользу государства целесообразно лишь при отсутствии факта добровольного исполнения им судебного решения, когда задержка исполнения приведет к дальнейшему существенному ухудшению экологической ситуации, причинению вреда жизни или здоровью граждан[14].

Несовершенство законодательства и противоречивая судебная практика осложняют страхование экологических рисков. Неопределенность в размерах компенсаций затрудняет расчеты, что препятствует балансу между доступными тарифами и финансовой устойчивостью страховщиков, сдерживая развитие экологического страхования.

Обязательство по возмещению экологического вреда не является гражданско-правовым, поскольку направлено на защиту публичных интересов. Это отражается на его структуре, принципах возмещения и критериях оценки ущерба.

Экологический вред не соответствует модели деликтного обязательства, в связи с чем требует в нашем законодательстве специального, возможно даже путем принятия в ближайшее время Закона о возмещении экологического вреда и выделения специального вида ответственности хозяйствующих субъектов – экологической ответственности. Нормы ГК РФ (гл. 59) в данном законе должны играть лишь вспомогательную роль.

Литература

1. Богоявленов С.А., Галиновская Е.А., Горохов Д.Б. и др. Правовое регулирование использования и охраны биологических ресурсов: науч.-практ. пособие / отв. ред. Е.Л. Минина. М., 2016. С. 297;
2. Болтанова Е.С. Экологический риск, экологический вред и страхование: гражданское и экологическое законодательство и правоприменение в Российской Федерации / Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.]; Ответственный редактор Н.В. Кичигин. Москва: ИНФРА-М, 2017. С. 50 - 65.
3. № 12. С. 145 - 159.
4. Брославский Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда // Хозяйство и право. 2023. №5. С. 69 - 96.
5. Бринчук М.М. Возмещение экологического вреда - предмет эколого- правовой ответственности / М.М. Бринчук // Правовое регулирование возмещения экологического вреда: Научно-практическое пособие / С.А. Богоявленов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.]; Ответственный редактор Н.В. Кичигин. Москва: ИНФРА-М, 2017. С. 50 - 65.
6. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы // Lex Russica. 2016. № 8. С. 137 - 138.
7. Ивакин В.И., Белецкая Р.И. Теоретические предпосылки эколого- правовой ответственности как новой формы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: Материалы Международной научно-практической конференции (23 марта 2017 г.): Сб. науч. ст. М.: МИИГАиК, 2017. С. 11 - 16.
8. Краснова С.А. Возмещение экологического вреда: взгляд сквозь призму деликтного права // Хозяйство и право. 2023. №5. С. 97 - 109.
9. Хлуденева Н.И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среде / Н.И. Хлуденева // Журнал российского права. 2019. №3. С. 152 - 164.

Environmental damage: concept and essence, ensuring the effectiveness of the current legal mechanism for compensation for environmental damage

Sobyanin A.A.

V.F. Yakovlev Ural State Law University

This article examines the challenges of improving Russian legislation on the liability of economic entities for causing environmental damage and defines the concept of "environmental damage."

The author analyzes the nature of environmental damage to various environmental components, provides their characteristics, the specifics of determining the amount of damage caused, and the specifics of its compensation, taking into account current legislation and judicial practice in the Russian Federation.

Based on the provisions of current civil legislation, the author concludes that amendments to the Civil Code of the Russian Federation are needed, as well as the adoption of a Law on Compensation for Environmental Damage.

Keywords: environment, environmental damage, environmental liability, civil liability, compensation for environmental damage.

References

1. Bogolyubov S.A., Galinovskaya E.A., Gorokhov D.B., et al. Legal regulation of the use and protection of biological resources: scientific and practical manual / ed. E.L. Minina. Moscow, 2016. P. 297;
2. Boltanova E.S. Environmental risk, environmental damage and insurance: civil and environmental legislation and law enforcement in the Russian Federation / E.S. Boltanova, M.V. Kratenko // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 12. Pp. 145-159.
3. Broslavsky L.I. Liability of an economic entity for causing environmental damage // Business and Law. 2023. No. 5. Pp. 69-96.
4. Brinchuk M.M. Compensation for environmental damage - a subject of environmental and legal liability / M.M. Brinchuk // Legal regulation of compensation for environmental damage: Scientific and practical manual / S.A. Bogolyubov, E.S. Boltanova, M.M. Brinchuk [et al.]; Editor-in-chief N.V. Kichigin. Moscow: INFRA-M, 2017. Pp. 50-65.
5. Zhavoronkova N.G., Agafonov V.B. Compensation for environmental damage: legislative innovations // Lex Russica. 2016. No. 8. Pp. 137-138.
6. Ivakin V.I., Beletskaya R.I. Theoretical prerequisites for environmental legal liability as a new form of compensation for damage caused to the environment // Legal problems of compensation for damage caused to the environment: Proceedings of the International scientific and practical conference (March 23, 2017): Coll. scientific. articles. Moscow: MIIGAiK, 2017. Pp. 11 - 16.
7. Krasnova S.A. Compensation for environmental damage: a look through the prism of tort law // Business and Law. 2023. No. 5. Pp. 97 - 109.
8. Khlyudeneva N.I. Legal limits of property liability for damage to the environment / N.I. Khlyudeneva // Journal of Russian Law. 2019. No. 3. Pp. 152 - 164.

Рекомендации по изменению понятия «Видеогра» в законопроекте о деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации

Хасанов Артур Александрович

аспирант, Новосибирский Государственный Университет

Статья посвящена анализу понятия «videogra», содержащемуся в законопроекте, «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации». Используя метод семантического анализа, демонстрируется проблематичность представленного определения. Обосновывается необходимость использования более корректной формулировки. Используя сравнительный анализ предлагается новое определение с целью упрощения применения нового законодательства с опорой на актуальные научные позиции и международный практики.

Ключевые слова: Законопроект, изменения законодательства, Видеоигры, ЭВМ Сложный объект, Интеллектуальная собственность.

Введение

Современные компьютерные игры или видеоигры являются предметом множества различных дискуссий. Среди таковых встречаются дискуссии о правовой природе данного явления. В российской правовой среде представить собственное понимание рискнули инициаторы законопроекта «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации»¹². Считаем, что вопрос определения является важным в любых дискуссиях, тем более в дискуссиях правового характера. Также точное и функционально сформулированное определение уже само по себе может создать ясность в юридических спорах. Поэтому ясность и достаточная точность определения такого непростого объекта как видеоигра являются его важными характеристиками.

Следовательно, представляется важным и необходимым проанализировать представленное в законопроекте определение видеоигр, оценить, как данное определение встраивается в действующее законодательство, и в случае необходимости привнести дополнения.

Методология

Для определения значения термина будем опираться на общие принципы работы использованного языка. При присутствии или возможном присутствии противоречий попытаемся найти семантически допустимое определение слов для непротиворечивого истолкования термина. В случае необходимости найти определение слова, воспользуемся наиболее доступными и распространёнными способами в виде наиболее доступных и распространённых источников информации.

Анализ понятия

Рассмотрим предлагаемое определение компьютерных игр:

«**Видеогра** — программа для электронных вычислительных машин, созданная в художественной, учебной, анимационной или иной форме на основе творческого замысла, воспроизводящая изображения, звуки, объединённые сюжетом, определяемым в том числе действиями пользователя;»

Хочется обратить внимание на следующие решения, принятые разработчиками законопроекта:

1) Было принято решение использовать термин «videogra», а не «компьютерная игра». Представляется, что данный подход был выбран из-за возникшей у слова «компьютер» коннотации. Так использование термина «компьютерные игры» критикуется за неверную ассоциацию исключительно с компьютерами, в то время как игры могут быть и на телефонах, и на других устройствах¹³. Понимая,

¹² Законопроект № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 07.01.2026).В., Немкин А. И. // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 14.10.2025).

¹³ Голяк А.А., Власова Н.М., Полякова Е.Ю. Понятие компьютерной игры и видеоигры. // Наука нового поколения: конвергенция знаний, технологий, общества Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. 2019. Издательство: МНИЦ «Наукосфера». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37651271> (дата обращения: 14.10.2025).

что данный термин имеет коннотацию, возможно, вводящую в заблуждение, хочется отметить, что изначальный термин, от которого образовано слово «компьютер» — «compute» — имеет значение «вычислять», или «считать на машине»¹⁴. Если исходить из изначального значения, то термин «компьютерные игры» будет точнее потому, что указывает на техническую особенность игр — функционирование за счёт вычислений.

2) В законе указывается, что видеоигра — программа для ЭВМ. При этом она:

- воспроизводит изображения и звуки;
- она объединена сюжетом, который может определяться действием игрока;
- создана в художественной, учебной, анимационной или иной форме.

Первое, что следует отметить, видеоигра отождествляется с программой для ЭВМ (далее — ПЭВМ). Отметим, что в литературе выделяются две позиции:

- Игры — ПЭВМ¹⁵¹⁶,
- Игры можно рассматривать как сложный объект¹⁷, причём данная позиция представляется превалирующей.

Вернёмся к рассуждению о выбранный инициаторами позиции позже. Пока остановимся лишь на констатации вышеуказанного факта и рассмотрим, как данный выбор повлиял на сформулированное определение.

Такие защищаемые авторским правом объекты как изображения, звуки и сюжет структурно отделены от понятия видеоигры, поскольку видеоигра — это ПЭВМ, воспроизводящая звуки и изображения, (но не являющаяся ими), которые объединены сюжетом, не являющимся частью ПЭВМ. Если законодатель хотел донести ту идею, что видеоигра включает в себя данные объекты, то было бы более точным описать игру как мультимедийный продукт (или хотя бы объект), включающий в себя ПЭВМ, звуки, изображения, сюжет и т. д. Это идёт вразрез с доминирующей позицией о принадлежности игр к категории сложного объекта. Данный подход, таким образом, является попыткой дать редукционное определение видеоигре, исходящей из попытки указать на ключевой элемент видеоигры, отличающий её от иных объектов авторского права — программный код. При этом успех данной попытки стоит поставить под сомнение. Представляется, что особенностью видеоигр является интерактивность — способность игрока взаимодействовать с объектом при помощи устройства. Если данный подход к определению видеоигр будет использован, видеоигры будет сложнее квалифицировать как сложный объект, что создаст дополнительный фундамент использованию фрагментарного подхода в защите прав на видеоигры.

¹⁴ Cambridge Dictionary. Compute . URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/compute> (дата обращения: 14.10.2025).

¹⁵ Архипов В., Тихов С. Компьютерные игры - это не сложный объект? // Denuo Legal. 2023. URL: <https://denuo.legal/ru/insights/news/13/> (дата обращения: 14.10.2025).

¹⁶ Гришаев С.П. Интеллектуальная собственность. // ГАРАНТ. 2009. URL: <https://base.garant.ru/5811508/> (дата обращения: 14.10.2025).

¹⁷ Крайнова Е.Р., Ивлева И.М. К вопросу о гражданско-правовом статусе компьютерных игр. // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. 2019. Издательство: Наука и Просвещение (Пенза). Стр.57-59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37316020> (дата обращения 14.10.2025).

¹⁸ Художественная форма // Философский энциклопедический словарь. . URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1339%D0%A5%D0%A3%D0%94%D0%9E%D0%96%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%90%D0%90%D0%AF (дата обращения: 14.10.2025).

Интересным является выбор возможных «форм». Выбранные слова «художественная», «учебная», «анимационная» не описывают взаимоисключающие характеристики видеоигр. Художественная форма может отсылать к воспроизведению личных ощущений¹⁸. Учебная форма скорее описывает цель игры¹⁹. Анимационная форма скорее описывает технические особенности воспроизведения игры²⁰. Как следствие, во избежание противоречий следует использовать термин «форма» как «описывающая внешние проявления»²¹. Представляется, что в данном случае допустимо ограничиться формулировкой «представленная в любых формах», что подчеркнуло бы многообразие видеоигр лучше.

По определению сюжет является объединяющим элементом. Как говорилось ранее, из структуры определения следует, что сюжет не является частью видеоигры, поскольку видеоигра является ПЭВМ. При «строгом» подходе к определению можно сделать вывод, что, если не удастся определить элемент, который повлиял на игру и может быть классифицирован как сюжет — видеоигра не будет являться таковой. Под сюжетом можно понимать «последовательность и связь описания событий; в произведении изобразительного искусства - предмет изображения».²² [Лукьянов Р. Л. Бузова Н.В.] Используя схожее определение, считают, что некоторые видеоигры лишены сюжета в схожем смысле. «Что же касается сюжета, то современные игры достаточно часто его лишены и основаны исключительно на конструировании игрового процесса без воплощения какого-либо авторского замысла о последовательности происходящих в игре действий, об отношениях персонажей и без иных традиционных творческих форм. Ещё меньшее количество видеоигр предусматривает возможность игрока влиять на развитие сюжета»²³. Представляется, что данная интерпретация понятия «сюжет» по отношению к компьютерным играм является неблагосклонной. Представляется, что большинство, если не все, видеоигры могут иметь сюжет в значении, приведённом в данной работе.

Например, в игре «тетрис» сюжетом, как последовательностью действий, выступает задача по набору наибольшего количества очков, достигаемая правильным раскладыванием фигур. Данная формулировка выполняет требование описания основных действий в игре, то есть, можно сказать, что даже в данной игре есть сюжет. Стоит заметить, что данный подход к термину «сюжет» достаточно абстрактен. Что представляется вынужденной мерой, поскольку видеоигры — разнообразный предмет и, как следствие, дать ему определение, которое бы

¹⁹ Учебная игра, дидактическая игра, обучающая игра // Профессиональное образование. Словарь. . URL: https://professional_academic.ru/2643 (дата обращения: 14.10.2025).

²⁰ Википедия. Анимация . URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 14.10.2025).

²¹ Викисловарь. Форма . URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%BD> (дата обращения: 14.10.2025).

²² Сюжет. Общий толковый словарь русского языка. URL: <https://web.archive.org/web/20140415130247/http://tolkslovar.ru/s15038.html> (дата обращения: 14.10.2025).

²³ Лукьянов Р.Л., Бузова Н.В. Об отдельных аспектах законопроекта «о деятельности по разработке в распространению видеоигр на территории Российской Федерации». Труды по Интеллектуальной Собственности.

Том 54 № 3 (2025): Научный журнал кафедры юриско по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. 2025. URL: <https://tis.hse.ru/article/view/27963> (дата обращения: 14.10.2025).

охватывало все формы его существования и было достаточно точным, невозможно без использования обобщённых значений слов.

Как итог, упоминание сюжета следует признать скорее правильным, нежели неудачным решением.

При этом в отношении «сюжета» выбрано специфическое уточнение про действия пользователя. В данном случае речь идёт о нелинейности²⁴ как о характеристике игрового процесса. Представляется, что данное уточнение излишне и не вполне точно, так как подкатегория «нелинейный сюжет» входит в категорию «сюжет». Также вариации сюжета созданы, как правило, разработчиками игры. Игрок своими действиями может исключительно «испытывать» данные вариации сюжета.

При этом игра воспроизводит «изображения и звуки», которые, следуя выше озвученной логике, также выступают как отдельные объекты. Интересным является то, что понятие ПЭВМ включает в себя формулировку «совокупность данных и команд, которая порождает аудиовизуальные отображения». Таким образом, понятие ПЭВМ, с одной стороны, включает в себя изображения и звуки как аудиовизуальное отображение, и, скорее всего, как «данные»; при этом, с другой стороны, видеоигра «порождает» звуки и изображения. Представляется, что в данном случае упоминание изображений и звуков в отсутствие слова «включает» создало семантически бессмысленную конструкцию. Вероятно, добавление слов, указывающих на принадлежность звуков и изображений к понятию видеоигр как ПЭВМ, исправило бы данную формулировку.

3) Определение видеоигр не указывает на отличие данного вида творчества от иных — интерактивность. Интерактивность видеоигр стоит определить как функцию ПЭВМ, позволяющую пользователю взаимодействовать (пальцами или другими манипуляторами) с ПЭВМ через устройство ввода данных в целях получения рекреационного удовольствия благодаря применению когнитивных и (или) моторных навыков пользователя (скорость реакции, точность наведения цифрового отображения устройства ввода и т.д.). Данный вид интерактивности отличается от интерактивности при использовании, например, книги, где таковая заключается в манипуляции страницами и является функциональной, а не рекреационной по своему смыслу (хотя некоторые пользователи книг вполне могут получать рекреационное удовольствие от непосредственно перелистывания страниц). Именно интерактивность делает видеоигры видеоиграми. Очевидно, что интерактивность как технический процесс формируется через ПЭВМ. При этом отсутствие уточнения данной функции ПЭВМ позволяет смешивать видеоигры с иными формами ПЭВМ. Так, непонятно, будет ли фильм, в котором зрителю даётся выбор, какой сюжет будет проигрываться дальше, являться видеоигрой. Примером такого фильма может выступать «Batman: Death in the Family»²⁵.

Представляется, что упоминание интерактивности дало бы большую точность определению видеоигр.

4) Как было упомянуто ранее, доминирующей позицией является отнесение видеоигр к категории «сложный

объект». Исследователи, например М. А. Рожкова, указывают, что видеоигра не является ПЭВМ²⁶. При этом, если согласиться с мнением Лукьянова Р. Л., Бузовой Н.В. что не в любой игре есть сюжет, можно прийти к следующему. ПЭВМ является данными и командами, включает порождаемые аудиовизуальные отображения и вспомогательные материалы. При этом, если ПЭВМ порождает аудиовизуальные отображения, элементы, составляющие программный код, должны содержать совокупность объектов, позволяющих создавать их. К таким данным можно отнести, например, математические векторы. При этом любое изображение можно представить в виде кода²⁷. Соответственно, под термином «данные» можно подразумевать изложенные в читаемой для машины форме, как и звуки, так и картинки. Значение слова «данные» как «формализованная информация»²⁸ не исключает категорий звуков и изображений из своего содержания.

При этом, звуки и изображения выступают как разные объекты авторского права. Если предположить, что есть лицо, объединившее своим замыслом, изложенном в техническом задании, которое может быть отнесено к категории вспомогательных материалов, команды и созданные разными людьми картинки и звуки (в том числе при помощи компьютерного кода), то процесс создания ПЭВМ может напоминать процесс создания мультимедийного продукта. ПЭВМ таким образом может представлять из себя единый объект авторского права, объединённый общим замыслом и созданный из нескольких разных объектов авторского права. Как следствие, провести грань между ПЭВМ и мультимедийным продуктом в отдельных случаях будет проблематично. Это также вызвано тем, что практики по использованию мультимедийного продукта не слишком много. Представляется, что единственным препятствием назвать видеоигру ПЭВМ мешает наличие сюжета. Однако данный объект можно отнести к категории вспомогательных материалов. Таким образом, игру можно назвать ПЭВМ, созданной в соавторстве.

Как следствие, было бы более осмысленно называть видеоигру ПЭВМ без уточнений, введённых инициаторами законопроекта. При этом, данный подход к ПЭВМ делает категорию мультимедийного продукта в существующей форме иррелевантной категорией.

Выводы

На основании приведённых рассуждений можно сформировать выводы о возможных усовершенствованиях представленного определения.

Во-первых, заменить термин «видеоигра» на «компьютерная игра» или «игра для вычислительного устройства». Использование данного понятия может лучше отразить природу игр как кода, работающего на любом вычислительном устройстве (персональном компьютере, телефоне, приставке и т.д.).

Во-вторых, сократить уточнения, касающиеся сюжета, звуков, изображений и форм. Указать, что компьютерная игра — ПЭВМ.

В-третьих, указать на интерактивную составляющую.

²⁵ Wikipedia contributors. Batman: Death in the Family . URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Batman:_Death_in_the_Family (дата обращения: 14.10.2025).

²⁶ Рожкова М.А. Современная компьютерная игра – это не программа для ЭВМ // A modern computer game is not a computer program // Закон.ру. 2021. 15 ноября. URL: <https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremenennaya-kompyuternaya-igra-ned-programma-dlya-evm>

a_eto_ne_programma_dlya_evm_a_modern_computer_game_is_not_a_computer (дата обращения: 14.10.2025).

²⁷ Максимов И. В. Кодирование изображения и звукового файла
URL: <https://maximumtest.ru/uchebnik/10-klass/informatika/kodirovaniye-izobrazheniya-i-zvukovogo-fayla>
(дата обращения: 14.10.2025).

В-четвёртых, отметить многообразие игр, указав на многообразие форм в целом.

Несмотря на все вышепредставленные изменения, необходимо определить, является ли компьютерная игра ПЭВМ или мультимедийным продуктом. Учитывая, что ключевым признаком мультимедийного продукта, как и компьютерной игры, является интерактивность, можно сказать, что именно по данному признаку компьютерную игру можно определить как мультимедийный продукт.

Все представленные объекты, обсуждаемые в данной статье, являются объектами авторского права. При этом есть основания считать, что в состав компьютерных игр могут включаться объекты патентного права²⁹. Представляется, что, исходя из семантики определения сложного объекта, данный фактор не должен вызывать существенных проблем. Сложный объект должен состоять из нескольких объектов интеллектуальной собственности, включающей в себя и объекты патентного права.

Таким образом, понятие компьютерной игры будет выглядеть следующим образом. Компьютерная игра – мультимедийный продукт, представленный интерактивной ПЭВМ, состоящей из команд, визуальных и звуковых данных, иных объектов интеллектуальной собственности вспомогательным материалом которых является сюжет, представленная в любой форме.

Литература

1. Голяк А. А., Власова Н. М., Полякова Е. Ю. Понятие компьютерной игры и видеоигры // Наука нового поколения: конвергенция знаний, технологий, общества : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. М.: МНИЦ «Наукосфера», 2019. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37651271>
2. Крайнова Е. Р., Ивлева И. М. К вопросу о гражданско-правовом статусе компьютерных игр // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2019. С. 57–59. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37316020>
3. Лукьянов Р. Л., Бузова Н. В. Об отдельных аспектах законопроекта «О деятельности по разработке в распространению видеоигр на территории Российской Федерации» // Труды по Интеллектуальной Собственности. 2025. Т. 54, № 3. <https://tis.hse.ru/article/view/27963>
4. Архипов В., Тихов С. Компьютерные игры - это не сложный объект? // Denuo Legal. 2023. <https://denuo.legal/ru/insights/news/13/>
5. Гришаев С. П. Интеллектуальная собственность // ГАРАНТ. 2009. <https://base.garant.ru/5811508/>
6. Максимов И. В. Кодирование изображения и звукового файла. <https://maximumtest.ru/uchebnik/10-klass/informatika/kodirovaniye-izobrazheniya-i-zvukovogo-fayla>
7. Рожкова М. А. Современная компьютерная игра – это не программа для ЭВМ // Закон.ру. 2021. 15 ноября. https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremenaya_kompyuternaya_igra_eto_ne_programma_dlya_evm_a_modern_computer_game_is_not_a_computer
8. Хасанов А. А. Допустимость патентования игровых механик // Advances in Law Studies. 2025. Т. 13, № 1. С. 36–40. <https://riorpublisher.com/ru/nauka/article/95946/view>

Recommendations on changing the concept of "Video game" in the draft law on the development and distribution of video games in the Russian Federation

Khasanov A.A.

Novosibirsk State University

The article is devoted to the analysis of the concept of "video game" contained in the draft law "On the development and distribution of video games in the territory of the Russian Federation". Using the method of semantic analysis, the problematic nature of the presented definition is demonstrated. The necessity of using a more correct formulation is substantiated. Using a comparative analysis, a new definition is proposed in order to simplify the application of new legislation based on current scientific positions and international practices.

Keywords: Draft law, legislative changes, Video games, computer, Complex object, Intellectual property.

References

1. Golyak A. A., Vlasova N. M., Polyakova E. Yu. The concept of a computer game and a video game // Science of the new generation: convergence of knowledge, technology, society: collection of scientific papers based on the materials of the 1st International scientific and practical conference. Moscow: Scientific Research Center "Naukosphere", 2019. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37651271>
2. Kraynova E. R., Ivleva I. M. On the issue of the civil-legal status of computer games // Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations: collection of articles. XIX International scientific and practical conference. Penza: Science and Education, 2019. pp. 57–59. <https://elibrary.ru/item.asp?id=37316020>
3. Lukyanov R. L., Buzova N. V. On Certain Aspects of the Bill "On the Development and Distribution of Video Games on the Territory of the Russian Federation" // Proceedings on Intellectual Property. 2025. Vol. 54, No. 3. <https://tis.hse.ru/article/view/27963>
4. Arkhipov V., Tikhov S. Are Computer Games Not a Complex Object? // Denuo Legal. 2023. <https://denuo.legal/ru/insights/news/13/>
5. Grishaev S. P. Intellectual Property // GARANTEE. 2009. <https://base.garant.ru/5811508/>
6. Maksimov I. V. Image and Sound File Coding. <https://maximumtest.ru/uchebnik/10-klass/informatika/kodirovaniye-izobrazheniya-i-zvukovogo-fayla>
7. Rzhkova M. A. A modern computer game is not a computer program // Zakon.ru. 2021. November 15. https://zakon.ru/blog/2021/11/15/sovremenaya_kompyuternaya_igra_et_o_ne_programma_dlya_evm_a_modern_computer_game_is_not_a_computer
8. Khasanov A. A. Admissibility of Patenting Game Mechanics // Advances in Law Studies. 2025. Vol. 13, No. 1. pp. 36–40. <https://riorpublisher.com/ru/nauka/article/95946/view>

²⁹ Хасанов А.А. Допустимость патентования игровых механик. // Журнал: ADVANCES IN LAW STUDIES Том 13 № 1. Стр. 36-40.

2025. URL: <https://riorpublisher.com/ru/nauka/article/95946/view> (дата обращения: 14.10.2025).

Государственно-правовое регулирование деятельности естественных монополий

студент Дальневосточного Федерального Университета

Белобородов Максим Владимирович

к.э.н., доцент, заведующий Базовой кафедрой конкурентного и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ

В статье рассматривается сущность естественных монополий как объективного рыночного явления, обусловленного технологическими особенностями производства и низкой эластичностью спроса. Анализируются необходимость, цели и инструменты государственного регулирования естественных монополий (ГРЕМ), причина принятия Федерального закона N 147 "О естественных монополиях", действие ФЗ №147 на нынешнем этапе, проблемы применения и проблемы закона о естественных монополиях, балансирование интересов потребителей и монополистов, предотвращение установления монопольно высоких цен и обеспечение экономической стабильности. Выявляются ключевые проблемы ГРЕМ, включая несовершенство тарифообразования, ценовую дискриминацию, высокие издержки регулирования и ограничение конкуренции. На примере ПАО «Газпром» исследуются практические аспекты функционирования естественной монополии, ее стратегические ошибки, влияние внешней конкуренции (сланцевая революция в США) и финансовые результаты. Делается вывод о необходимости совершенствования механизмов регулирования для адаптации естественных монополий к современным рыночным вызовам.

Ключевые слова: естественная монополия, государственное регулирование, федеральное законодательство, ФЗ Федеральный закон "О естественных монополиях", ФАС РФ, тарифообразование, ценовая дискриминация, Газпром, рыночные барьеры, конкуренция, инфраструктура.

Введение

Естественные монополии представляют собой особый сегмент рыночной экономики, где в силу технологических, производственных и инфраструктурных особенностей эффективное функционирование возможно лишь при наличии единственного производителя (поставщика). Их деятельность охватывает ключевые отрасли: энергетику (электро- и теплоэнергия, газ), железнодорожный транспорт, водоснабжение и водоотведение, телекоммуникационные сети. Эти сферы являются фундаментальными для обеспечения жизнедеятельности общества и функционирования реального сектора экономики. Однако отсутствие конкуренции создает риски злоупотребления монопольным положением — завышения тарифов, снижения качества услуг, торможения технологического развития. Это обуславливает объективную необходимость государственного вмешательства.

Целью статьи является комплексный анализ проблем государственного регулирования естественных монополий, изучение его механизмов и оценка эффективности на примере крупнейшей российской естественной монополии — ПАО «Газпром».

Актуальность темы обусловлена тем, что естественные монополии играют системообразующую роль в экономике любой страны, а ошибки в их регулировании могут привести к значительным макроэкономическим и социальным последствиям. В условиях глобализации и технологических изменений традиционные модели регулирования естественных монополий требуют пересмотра и адаптации к новым вызовам, таким как развитие возобновляемых источников энергии, цифровизация сетей и усиление международной конкуренции. Особую значимость приобретает анализ опыта России, где естественные монополии исторически занимают центральное место в экономической системе, а их регулирование прошло сложный путь трансформации от плановой экономики к рыночным механизмам. В данной статье будет подробно рассмотрена эволюция государственного регулирования естественных монополий в России, его современное состояние, основные проблемы и перспективы развития.

Теоретические аспекты естественных монополий и необходимость их регулирования

Понятие и признаки естественной монополии

Естественная монополия — это состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса эффективнее в отсутствие конкуренции вследствие технологических особенностей производства. Продукция субъектов естественных монополий не имеет адекватных заменителей, что приводит к низкой эластичности спроса по цене.

Ключевые характеристики:

Объективность возникновения: обусловлена не действиями участников рынка, а объективными экономическими и технологическими факторами (эффект масштаба, высокие невозвратные издержки, уникальность инфраструктуры). Технологическая обусловленность: конкуренция технологически невозможна или крайне неэффективна, так как ведет к дублированию дорогостоящих сетей (трубопроводы, ЛЭП, рельсовые пути) и резкому росту издержек.

Высокие барьеры входа: вход на рынок требует колоссальных инвестиций, которые в условиях конкуренции не окупятся.

Общественная значимость: услуги охватывают базовые потребности населения и бизнеса.

Отличием от искусственной (административной, картельной) монополии является именно рыночная, а не волевая природа ее возникновения. Естественные монополии возникают в отраслях, где минимальный эффективный масштаб производства близок к объему всего рынка или даже превышает его. Это означает, что одна крупная фирма может производить товары или услуги с более низкими средними издержками, чем несколько мелких конкурентов.

Типичными примерами являются сети передачи электроэнергии, газопроводы, железнодорожные пути, системы водоснабжения и канализации, а также некоторые телекоммуникационные сети. В этих отраслях создание параллельной инфраструктуры экономически нецелесообразно, поскольку приведет к колоссальным затратам и неэффективному использованию ресурсов.

Кроме того, естественные монополии часто характеризуются наличием сетевых эффектов, когда ценность услуги для каждого отдельного пользователя возрастает по мере увеличения общего числа пользователей сети. Это создает дополнительные барьеры для входа новых игроков, поскольку им придется не только построить собственную инфраструктуру, но и привлечь критическую массу потребителей, чтобы стать конкурентоспособными.

Важным аспектом является также низкая эластичность спроса на услуги естественных монополий. Поскольку эти услуги являются необходимыми для повседневной жизни и экономической деятельности, потребители вынуждены покупать их даже при значительном росте цен. Это дает монополистам возможность злоупотреблять своим положением, устанавливая завышенные тарифы. Однако такая возможность ограничена как регулирующими органами, так и тем, что чрезмерно высокие цены могут привести к социальной напряженности и политическим последствиям. В целом, понимание природы и признаков естественных монополий является основой для разработки эффективной политики их регулирования.

Цели и задачи государственного регулирования естественных монополий (ГРЕМ)

Необходимость ГРЕМ была осознана в России в середине 1990-х годов на фоне резкого роста тарифов, подрывающего экономику.

Основные цели ГРЕМ:

1. Защита интересов потребителей: недопущение установления монопольно высоких цен на товары и услуги, что ведет к снижению уровня жизни населения и росту издержек в смежных отраслях.

2. Обеспечение экономической эффективности: создание условий для функционирования потребителей-предприятий, предотвращение цепной реакции роста цен в экономике.

3. Балансирование интересов: достижение компромисса между финансовой устойчивостью монополии (возможностью инвестировать в развитие и поддержание инфраструктуры) и доступностью услуг для потребителей.

4. Стимулирование развития: формирование условий для модернизации инфраструктуры и внедрения новых технологий.

Государственное регулирование естественных монополий призвано исправлять так называемые "провалы

рынка", которые неизбежно возникают в условиях монополии. К числу таких провалов относятся: нерациональное распределение ресурсов, завышение цен по сравнению с предельными издержками, снижение качества услуг, недостаточные инвестиции в развитие и модернизацию инфраструктуры, а также отсутствие стимулов к инновациям. Регулирование направлено на то, чтобы приблизить результаты деятельности монополий к тем, которые могли бы быть достигнуты в условиях конкурентного рынка. Это достигается через установление цен на уровне, который обеспечивает покрытие издержек и нормальную прибыль, но не позволяет получать сверхприбыль за счет монопольного положения.

Важной задачей регулирования является также обеспечение недискриминационного доступа к инфраструктуре естественных монополий для всех участников рынка. Например, в электроэнергетике независимые производители электроэнергии должны иметь возможность использовать сети для поставки своей продукции потребителям. Это способствует развитию конкуренции в потенциально конкурентных сегментах отрасли, таких как генерация и сбыт, при сохранении регулирования естественно-монопольных сетевых активов.

Еще одной важной задачей ГРЕМ является стимулирование эффективности и инноваций. Поскольку у монополистов отсутствуют внешние стимулы к снижению издержек и внедрению новых технологий, регулирующие органы должны создавать такие стимулы искусственно. Это может достигаться через использование методов стимулирования, когда тарифы устанавливаются не на основе фактических издержек, а на основе нормативных показателей, что побуждает монополистов к повышению эффективности. Кроме того, регулирование должно обеспечивать долгосрочную устойчивость естественных монополий, позволяя им привлекать инвестиции для развития и модернизации инфраструктуры. Это особенно важно в условиях износа основных фондов, характерного для многих отраслей естественных монополий в России. Таким образом, цели и задачи ГРЕМ носят комплексный характер и направлены на достижение баланса между различными, зачастую противоречивыми, интересами.

Механизмы и проблемы государственного регулирования

Инструменты регулирования

В мировой и российской практике применяются следующие основные инструменты:

1. прямое тарифное регулирование: установление фиксированных цен или предельных уровней тарифов, предельной рентабельности; в России перечень регулируемых товаров и услуг утверждается Правительством РФ. нормативно-правовое регулирование: осуществляется на основе законов («О естественных монополиях», «О конкуренции...», отраслевых законов), указов Президента и постановлений Правительства.

2. институциональные меры: создание специализированных регулирующих органов (ФАС России, Федеральная служба по тарифам — ФСТ, позднее реорганизованная), их функции — контроль за ценообразованием, инвестиционными программами, соблюдением стандартов качества.

3. радикальная форма — государственная собственность: прямое управление монополиями через государственные предприятия или пакеты акций (как в случае с «Газпромом»). Прямое тарифное регулирование является наиболее распространенным инструментом. Оно мо-

жет осуществляться различными методами: регулирование на основе затрат, при котором тариф устанавливается на уровне, покрывающем фактические издержки и обеспечивающем нормальную прибыль; регулирование на основе предельных издержек; регулирование на основе ценности услуги.

В России исторически преобладало регулирование на основе затрат, что создавало слабые стимулы к повышению эффективности, поскольку любое увеличение издержек могло быть перенесено на тарифы. В последние годы предпринимаются попытки внедрения более современных методов, например, долгосрочного регулирования тарифов с учетом инвестиционных программ. Нормативно-правовая база регулирования естественных монополий в России включает Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях», Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», а также отраслевые законы и подзаконные акты. Эти документы определяют сферы деятельности, подпадающие под регулирование, права и обязанности субъектов естественных монополий, полномочия регулирующих органов и процедуры установления тарифов.

Институциональная структура регулирования в России прошла несколько этапов реформирования. В настоящее время ключевую роль играют Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), которая контролирует соблюдение законодательства о естественных монополиях и конкуренции, а также Министерство экономического развития и Министерство энергетики, участвующие в формировании тарифной политики. В электроэнергетике и газовой отрасли функционируют специализированные организации, такие как Совет рынка и Коммерческий оператор. Государственная собственность остается важным инструментом регулирования, особенно в стратегических отраслях. Государство владеет контрольными пакетами акций таких компаний, как ПАО «Газпром», ПАО «Россети», ОАО «РЖД» и других. Это позволяет напрямую влиять на их политику, в том числе тарифную и инвестиционную. Однако государственная собственность сопряжена с рисками политического вмешательства, смешения коммерческих и социальных функций, а также недостаточной эффективности управления.

Ключевые проблемы и противоречия ГРЕМ

Несмотря на развитую нормативную базу, система регулирования сталкивается с серьезными проблемами:

1. Несовершенство механизмов тарифообразования: процесс часто носит затратный характер, не всегда учитывает интересы монополий в долгосрочном инвестировании, может приводить к завышению цен на нерегулируемые услуги. Отсутствуют эффективные механизмы обжалования тарифов потребителями.

2. Ценовая дискриминация и проблема перекрестного субсидирования: монополии практикуют разделение рынка, устанавливая более высокие тарифы для коммерческих потребителей и льготные — для населения. Источник покрытия льгот часто не определен и несистемно ложится на монополию, подрывая ее финансовую устойчивость и инвестиционный потенциал.

3. Высокие издержки регулирования и риски «провала регулятора»: процесс регулирования бюрократизирован, требует значительных административных затрат. Существуют риски необъективности регулирующих органов, их чрезмерного вмешательства в оперативное управление, что подавляет инициативу менеджмента.

4. Сдерживание развития конкуренции: регулирование, необходимое для естественно-монопольных сегментов (например, магистральные газо- и электросети), может. Проблема качества услуг: при жестком ограничении доходности у монополиста возникает соблазн «экономить» за счет снижения качества продукции и обслуживания, откладывания ремонтов и модернизации.

Проблема несовершенства тарифообразования заключается в том, что традиционные методы, основанные на затратах, не создают стимулов для снижения издержек. Напротив, они могут поощрять их рост, поскольку более высокие затраты обосновывают повышение тарифов. Кроме того, процесс утверждения тарифов часто носит политический характер, что приводит к их сдерживанию ниже экономически обоснованного уровня, особенно в предвыборные периоды. Это, в свою очередь, ведет к недовложению, износу инфраструктуры и в долгосрочной перспективе — к снижению надежности поставок. Проблема перекрестного субсидирования является одной из наиболее острых в российской практике. Льготные тарифы для населения финансируются за счет завышенных тарифов для промышленности. Это снижает конкурентоспособность отечественных производителей на мировых рынках и создает искажения в экономике. При этом отсутствует прозрачный механизм компенсации выпадающих доходов монополий из бюджета, что ведет к их финансовой неустойчивости. Риск «провала регулятора» связан с тем, что регулирующие органы могут действовать неэффективно из-за недостатка информации, подверженности политическому влиянию или коррупции.

Кроме того, существует проблема когда регулятор начинает действовать в интересах регулируемой отрасли, а не потребителей. Это особенно опасно в условиях тесных связей между государством и крупными монополиями. Сдерживание конкуренции происходит, когда регулирование распространяется на те сегменты, где естественная монополия уже не является обоснованной. Например, с развитием технологий генерации электроэнергии перестала быть естественно-монопольной деятельностью, однако долгое время оставалась под жестким регулированием. Это препятствовало приходу новых игроков и развитию конкуренции. Наконец, проблема качества услуг связана с тем, что при регулировании цен монополист может искать способы снижения издержек за счет качества. Это требует от регулирующих органов внедрения и контроля стандартов качества, что увеличивает сложность и затратность регулирования.

Анализ практики регулирования на примере ПАО «Газпром»

«Газпром» как естественная монополия: масштабы и специфика

ПАО «Газпром» — яркий пример вертикально интегрированной естественной монополии. Естественно-монопольный компонент — Единая система газоснабжения (магистральные газопроводы, подземные хранилища газа, система диспетчеризации). При этом добыча, переработка и продажа газа могли бы быть конкурентными сегментами. Компания контролирует около 95% добычи газа в России, обеспечивает около 50% энергопотребления страны и около 25% мировой добычи газа. «Газпром» обладает уникальной ресурсной базой, разветвленной транспортной инфраструктурой и играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности России.

Компания является крупнейшим налогоплательщиком и источником валютных поступлений в бюджет. Однако именно эта стратегическая важность делает «Газпром»

объектом активного государственного вмешательства, что создает противоречия между коммерческими и политическими целями. Специфика «Газпрома» как естественной монополии заключается в том, что он сочетает в себе естественно-монопольные (транспортировка газа по магистральным трубопроводам) и потенциально конкурентные (добыча, сбыт) виды деятельности. Это создает сложные задачи для регулирования: необходимо обеспечить недискриминационный доступ независимых производителей к трубопроводам, при этом сохраняя инвестиционную привлекательность и эффективность всей газовой отрасли. В России доступ независимых компаний к газопроводам «Газпрома» долгое время был ограничен, что сдерживало развитие конкуренции в добыче. Лишь в последние годы были предприняты шаги по либерализации доступа к инфраструктуре.

Стратегические вызовы и финансовые результаты

Анализ деятельности «Газпрома» в 2007-2017 гг. выявляет ряд системных проблем, частично связанных с особенностями регулирования и государственного управления: Стратегическая ошибка и внешняя конкуренция:

Недооценка «сланцевой революции» в США привела к потере конкурентных позиций. К 2016 году добыча газа в США почти вдвое превысила российскую. Начался экспорт американского СПГ в Европу, создавая прямую конкуренцию трубопроводному газу «Газпрома».

Падение эффективности и капитализации: капитализация компании с 2007 по 2015 год сократилась почти в 6 раз (со \$330 млрд до \$54 млрд). Чистая прибыль по РСБУ в 2017 году снизилась в 11,2 раза за первое полугодие по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Инвестиционные риски и бюджетное давление: реализация масштабных инфраструктурных проектов («Южный поток», «Северный поток-2») сопровождалась значительными списаниями и амортизацией, ставя под вопрос их окупаемость. Одновременно компания испытывала давление со стороны государства с требованием выплаты дивидендов в полном объеме (по МСФО), что, по мнению экспертов, могло вынуждать ее брать кредиты для выполнения этих обязательств.

Снижение объемов поставок: За период 2007-2015 гг. экспорт газа в Европу и поставки на внутренний рынок сократились почти на четверть. Стратегическая ошибка, связанная с недооценкой сланцевой революции, привела к тому, что «Газпром» оказался не готов к резкому изменению конъюнктуры мирового газового рынка. Компания продолжала делать ставку на долгосрочные контракты с привязкой к ценам на нефть, в то время как рынок двигался в сторону спотовых цен и роста конкуренции. Это привело к потере доли рынка в Европе и снижению доходов. Падение капитализации отражало как ухудшение рыночных условий, так и опасения инвесторов относительно корпоративного управления, прозрачности и политических рисков.

Инвестиционная политика «Газпрома» часто подвергалась критике за масштабные проекты, экономическая целесообразность которых была сомнительна. Проекты «Южный поток» и «Северный поток-2» имели явную политическую подоплеку, связанную с диверсификацией маршрутов поставок в обход транзитных стран. Однако их коммерческая окупаемость ставилась под сомнение, особенно в условиях роста конкуренции со стороны СПГ. Давление со стороны государства на выплату дивидендов ограничивало инвестиционные возможности компании и могло вести к росту долговой нагрузки. Снижение объемов поставок на внутренний рынок было связано как с общим падением спроса из-за экономического кризиса, так и с политикой сдерживания тарифов для населения, что

делало внутренний рынок менее привлекательным по сравнению с экспортом.

Взаимодействие с регулятором

Деятельность «Газпрома» иллюстрирует сложность балансирования между коммерческими интересами акционеров (включая государство), социальными обязательствами (льготные тарифы, обеспечение внутреннего рынка) и geopolитическими задачами (строительство экспортных маршрутов в обход транзитных стран). Государство как регулятор и основной акционер зачастую ставит перед компанией противоречивые цели: максимизация доходов бюджета через дивиденды и налоги vs. сдерживание тарифов для населения и промышленности vs. финансирование дорогостоящих инфраструктурных проектов.

Регулирование тарифов на газ на внутреннем рынке является одним из ключевых инструментов социальной политики в России. Тарифы для населения устанавливаются на уровне ниже экономически обоснованного, что требует перекрестного субсидирования за счет промышленных потребителей и самого «Газпрома». Это создает искажения в экономике, снижает конкурентоспособность промышленности и ограничивает инвестиционные возможности монополии.

Кроме того, государство использует «Газпром» как инструмент внешней политики, что может вступать в противоречие с коммерческими интересами компании. Например, предоставление льготных цен на газ для некоторых стран СНГ преследует политические цели укрепления влияния, но ведет к потерям в выручке. Регулирование доступа к газотранспортной системе также является сложным вопросом. Долгое время «Газпром» фактически блокировал доступ независимых производителей, что сдерживало развитие конкуренции в добыче. Ситуация начала меняться только в последние годы под давлением правительства, заинтересованного в увеличении добычи газа и налоговых поступлений. Однако процесс либерализации остается медленным и непоследовательным.

Другие примеры злоупотребления своим правом субъектами естественных монополий

Антимонопольные баталии ФАС с крупными игроками российского рынка бесконечны. Так, в одной лишь Ленинградской области за прошлый год местные естественные монополисты грубо нарушили федеральный закон целых 37 раз. Главными героями разборок неизменно выступают два гиганта: ОАО «Ленэнерго» и ОАО «РЖД». Хотя поводы для конфликтов у них отличаются, общий итог одинаков: разрешить затянувшиеся конфликты и защитить права граждан ФАС удается далеко не всегда.

Проблемы «Ленэнерго»: Жалобы на энергетиков буквально захлестнули Ленинградское отделение ФАС в минувшем году. Граждане высказывали недовольство действиями электросетевых компаний почти 250 раз, причем каждый второй случай касался задержек подключения новых объектов к электрическим сетям. Причина проста: «Ленэнерго» хронически страдает от нехватки финансов и перегруженности старых мощностей. Объем долгов по договорам на подключение составляет внушительную цифру — 13 миллиардов рублей. Руководство компании уверяет, что сможет расплатиться лишь к 2016 году, однако путь к этому лежит через инвестиционные программы стоимостью в миллиарды рублей и неизбежный рост тарифов на электричество.

Безрезультативность борьбы: Несмотря на многочисленные штрафы и иски, конфликт с «Ленэнерго» далек от завершения. Например, компания оспаривает очередной штраф ФАС размером в 8,7 миллиона рублей в арбитраж-

ном суде. Не лучше обстоят дела и с РЖД. Железнодорожный гигант обладает колоссальным влиянием и ресурсами, позволяющими успешно отбивать атаки ФАС в судах различного уровня. Даже в ситуациях, когда вина очевидна, добиться справедливости оказывается крайне сложно.

Антимонопольщикам приходится вновь и вновь подавать иски, сталкиваясь с сопротивлением корпорации, чьи юридические ресурсы позволяют ей эффективно защищаться.

Общий итог: борьба ФАС с отечественными монополиями продолжается. Компании продолжают эксплуатировать свое привилегированное положение, уклоняться от исполнения законов и манипулировать рынком. Решения судов остаются непредсказуемыми, и шансы ФАС на победу невелики. В конечном счете, граждане и предприниматели оказываются заложниками ситуации, лишаясь защиты и страдая от несправедливости и произвола крупных игроков.

Теперь обратимся к примеру решения спора из практики ФАС:

Решение ФАС № 1 10/32-11

Фактические обстоятельства: ЗАО «ЭНЕРГОПРОМ – Новосибирский электродный завод» (ЗАО «ЭПМ-НовЭЗ») обратилось в ФАС России с заявлением о нарушении антимонопольного законодательства со стороны ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»).

Причиной обращения стало введение запрета на посадку и погрузку вагонов инвентарного парка («П») любых грузов, кроме угля для нужд ЖКХ и энергетических предприятий. Это привело к невозможности выполнения заявленных грузоперевозок и вынудило предприятие пользоваться услугами частных операторов подвижного состава («С»), что повлекло дополнительные финансовые издержки.

Стороны конфликта: истец: ЗАО «ЭНЕРГОПРОМ – Новосибирский электродный завод»; ответчик: ОАО «Российские железные дороги»

Позиции сторон:

ЗАО «ЭПМ-НовЭЗ»: Утверждают, что ограничения на поставку вагонов привели к убыткам, вынуждены были срочно переоформлять заявки и привлекать третьи лица, понесли убытки на сумму 579 тыс. руб. ОАО «РЖД»: Объясняют, что причиной ввода ограничения стала необходимость удовлетворить запросы энергокомпаний и предприятий ЖКХ в преддверии зимнего сезона. Утверждали, что телеграмма была внутренней инструкцией и не предназначалась непосредственно для ЗАО «ЭПМ-НовЭЗ».

Решение комиссии ФАС: признала действия ОАО «РЖД» нарушением пункта 4 части 1 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции». Было выдано предписание о недопущении впредь аналогичных ситуаций и распространении разъяснений среди сотрудников компании относительно неправомерности введения произвольных запретов и ограничений на перевозку грузов вне рамок существующего законодательства.

Как видно из нескольких примеров нарушения федерального законодательства, естественные монополии часто выходят за рамки дозволенного им и злоупотребляют своим правом ввиду статуса, наделенного государством.

Заключение

Государственное регулирование естественных монополий остается необходимым инструментом обеспечения экономической стабильности и социальной справедливости. Однако, как показывает теория и практика на примере «Газпрома», действующая система регулирования имеет существенные недостатки: несовершенство тарифообразо-

ования, проблему перекрестного субсидирования, высокие административные издержки и риски подавления здравой конкуренции в смежных сегментах.

Для повышения эффективности ГРЕМ необходимы следующие меры:

1. Совершенствование методов тарифного регулирования: переход к более гибким методам, стимулирующим снижение издержек и повышение эффективности.

2. Четкое разделение естественно-монопольных и конкурентных сегментов: жесткое регулирование должно применяться только к сетевым инфраструктурным активам, при одновременном создании условий для развития конкуренции в добыче, генерации и сбыте.

3. Прозрачность и обоснованность тарифной политики: устранение практики необеспеченных льгот, внедрение четких правил компенсации выпадающих доходов монополий из бюджета.

4. Стимулирование инвестиций и инноваций: тарифная политика должна обеспечивать монополиям возможность финансирования долгосрочных программ модернизации изношенной инфраструктуры.

5. Повышение независимости и профессионализма регулирующих органов: снижение политического влияния, опора на долгосрочные экономические критерии.

Только комплексный и сбалансированный подход к регулированию позволит естественным монополиям, подобным «Газпрому», адаптироваться к глобальным вызовам, сохранить свои позиции на мировом рынке и эффективно выполнять свою ключевую функцию по обеспечению надежности и доступности жизненно важных услуг для национальной экономики.

Стоит добавить, что ФАС РФ в далеком 2022 году предлагал законопроект, являющийся продолжением работы по реализации Национального плана развития конкуренции. В нем ФАС предлагает принимать решения о введении, изменении или прекращении регулирования естественных монополий на основании результатов анализа состояния конкуренции. Кроме того, документ предусматривает регулирование инвестиционной деятельности субъектов естественных монополий. Но отклик у российского законодателя такое предложение не нашло.

Поэтому будущее регулирования естественных монополий видится в сочетании рыночных механизмов и государственного контроля, где государство задает правила игры и контролирует их соблюдение, но не подменяет собой рыночные процессы. Особое внимание должно уделяться цифровизации и внедрению новых технологий, которые могут изменить саму природу естественных монополий, сделав некоторые сегменты более конкурентными. Например, развитие распределенной энергетики и накопителей энергии может снизить зависимость от централизованных сетей. В газовой отрасли рост рынка СПГ увеличивает мобильность газа и конкуренцию между поставщиками. Эти тренды требуют гибкого и адаптивного регулирования, способного реагировать на технологические изменения. Опыт «Газпрома» показывает, что даже крупнейшие естественные монополии не застрахованы от стратегических ошибок и внешних шоков. Поэтому регулирование должно не только ограничивать злоупотребления, но и создавать стимулы для повышения эффективности, инноваций и адаптации к меняющейся среде. Это сложная задача, требующая постоянного диалога между государством, бизнесом и обществом, а также изучения лучших международных практик.

Литература

1. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях».

2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

3. Кричевский Н.А. Государственная собственность и естественные монополии в России: проблемы управления // ЭКО. – 2016. – № 5.
4. Аганбегян А.Г. Реформирование естественных монополий в России // Экономист. – 2014. – № 3.
5. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010.
6. Дерябина М.А. Реформа естественных монополий: теория и практика // Вопросы экономики. – 2015. – № 1.
7. Кудрин А.Л. Мировой кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. – 2009. – № 1.
8. Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. – М.: ГУ ВШЭ, 2002.
9. Joskow P.L. Regulation of Natural Monopoly // Handbook of Law and Economics. – 2007. – Vol. 2.
10. Newbery D.M. Privatization, Restructuring, and Regulation of Network Utilities. – The MIT Press, 1999.
11. World Bank. Infrastructure Regulation: Issues, Options and Trends. – Washington, D.C., 2006.
12. Официальный сайт ПАО «Газпром»: www.gazprom.ru.
13. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы: www.fas.gov.ru
14. Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило и др. Конкурентное право России // - 2019
15. Приказ ФАС России от 08.12.2021 N 1387/21 "Об утверждении индикативных показателей федерального государственного контроля (надзора) в сфере естественных монополий и в области регулируемых государством цен (тарифов)"
16. Приказ ФАС РФ №220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»
17. Д. А. Петров Конкурентное право: теория и практика применения // ВШЭ - 2015
18. М.А. Егорова, А.Ю. Кинев Конкурентное право // - 2018

State and Legal Regulation of Natural Monopolies

Chevlytko V.V., Beloborodov M.V.

Far Eastern Federal University

The article examines the essence of natural monopolies as an objective market phenomenon, caused by technological features of production and low elasticity of demand. The necessity, goals and instruments of state regulation of natural monopolies (GREM), the reason for the adoption of Federal Law N 147 "On Natural Monopolies", the operation of Federal Law No. 147 at the current stage, the problems of application and gaps of the law on natural monopolies, balancing the interests of consumers and monopolists, preventing the establishment of monopolistically high prices and ensuring economic stability are analyzed. The article identifies key problems in the gas and electricity market, including imperfect tariff setting, price discrimination, high regulatory costs, and limited competition. Using the example of Gazprom PJSC, the article examines the practical aspects of the natural monopoly's functioning, its strategic mistakes, the impact of external competition (the shale revolution in the United States), and financial results. The article concludes that

Keywords: natural monopoly, state regulation, federal legislation, Federal Law "On Natural Monopolies", Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation, tariff formation, price discrimination, Gazprom, market barriers, competition, infrastructure.

References

1. Federal Law of August 17, 1995, No. 147-FZ, "On Natural Monopolies."
2. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ, "On Protection of Competition."
3. Krichevsky, N.A. "State Ownership and Natural Monopolies in Russia: Management Issues." ECO, 2016, no. 5.
4. Aganbegyan, A.G. "Reforming Natural Monopolies in Russia." The Economist, 2014, no. 3.
5. Glazьев, S.Yu. "Russia's Advanced Development Strategy in the Context of the Global Crisis." Moscow: Economica, 2010.
6. Deryabina, M.A. "Reform of Natural Monopolies: Theory and Practice." Voprosy Ekonomiki. – 2015. – № 1.
7. Kudrin A.L. The Global Crisis and Its Impact on Russia // Voprosy Ekonomiki. – 2009. – № 1.
8. Yasin E.G. Russian Economy: Origins and Panorama of Market Reforms. – Moscow: HSE, 2002.
9. Joskow P.L. Regulation of Natural Monopoly // Handbook of Law and Economics. – 2007. – Vol. 2.
10. Newbery D.M. Privatization, Restructuring, and Regulation of Network Utilities. – The MIT Press, 1999.
11. World Bank. Infrastructure Regulation: Issues, Options and Trends. – Washington, D.C., 2006.
12. Official website of PJSC Gazprom: www.gazprom.ru.
13. Official website of the Federal Antimonopoly Service: www.fas.gov.ru
14. D. A. Aleshin, I. Yu. Artemyev, E. Yu. Borzilo, et al. Competition Law of Russia // - 2019
15. Order of the FAS Russia dated 08.12.2021 No. 1387/21 "On Approval of Indicative Indicators of Federal State Control (Supervision) in the Sphere of Natural Monopolies and in the Area of State-Regulated Prices (Tariffs)"
16. Order of the FAS Russia No. 220 "On Approval of the Procedure for Conducting an Analysis of the State of Competition in the Commodity Market"
17. D. A. Petrov Competition Law: Theory and Practice of Application // HSE - 2015
18. M. A. Egorova, A. Yu. Kinev Competition Law // - 2018

Договор цессии как инструмент обхода законодательных ограничений по ОСАГО в практике Приморского края

Черных Виктор Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета
chernykh.vser@dvfu.ru

Леонов Михаил Романович

ассистент кафедры гражданского права и процесса Дальневосточного федерального университета leonov.mr@dvfu.ru

В статье исследуется использование договора цессии как инструмента обхода законодательных ограничений в сфере ОСАГО на примере практики Приморского края. Авторы анализируют правовую природу цессии, её экономическое содержание и случаи злоупотребления правом при переуступке требований о страховом возмещении. Особое внимание уделяется судебной практике Девятого кассационного суда общей юрисдикции, которая способствует ограничению недобросовестных схем. В работе предлагаются меры по совершенствованию законодательства и правоприменения для снижения рисков дестабилизации страхового рынка.

Ключевые слова: цессия, ОСАГО, злоупотребление правом, страховое возмещение, переуступка права требования, недобросовестные действия, восстановительный ремонт, судебная практика, Приморский край, страховое законодательство.

С точки зрения права, цессия представляет собой правовую конструкцию, с помощью которой право требования, конкретизированное по отношению к должнику, является одним из способов перемены лиц в обязательстве. Экономическое же содержание цессии состоит в возможности придания праву требования форму актива, которым кредитор может распоряжаться для приобретения определенного блага. Например, кредитор, у которого нет желания и возможности предпринимать усилия для взыскания долга, переуступает требование цессионарию, получая от последнего денежную сумму в момент перехода права требования.

Таким образом конструкция цессии – это правовая возможность достижения определенного имущественного интереса кредитором, при котором имущественное благо он может получить как от действий должника, так и от цессионария. Конститутивным свойством цессии является долг, в понимании обязанности должника к совершению определенных действий. Действие это возникает в момент перфекции права, т.е. возможности такой реализации, которая повлечет последствия для должника в виде исполнения обязанности.

В контексте договора ОСАГО указанные конструкции зачастую приобретают такую форму, при которой сущность страхования – возмещение ущерба страховщиком – наполняется иными, не предусмотренными самой конструкцией страхования требованиями.

Прежде чем обозначить проблему, обратим внимание на ряд методологических вопросов.

Поскольку, договор ОСАГО является разновидность договора страхования, регулирование которого содержится в ГК РФ, то к нему применимы общие положения ГК РФ в части начал правового регулирования и общих положений обязательственного права. Несмотря на условную самостоятельность регулирования отношений по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, сформированную Федеральным законом от 25.04.2002 №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (ФЗ-40) [1], п. 3 ст. 1 ФЗ-40 указывает, что законодательство указанных отношений состоит, в частности из Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), что по смыслу абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ указывает на возможность и приоритет норм ГК РФ в регулировании отношений по страхованию ответственности владельцев транспортных средств.

Пандектность кодекса позволяет по общему правилу использовать нормы обязательственного права к требованиям, возникающим из таких договоров. Даже если предположить, что договор ОСАГО имеет под собой публично-правовые начала и регулирование здесь строится по иному, отличного от цивилистического методу, то требование о возмещении, являющееся по своей сути правом требования имущественного характера, является содержанием частно-правового обязательства.

Особенностью казуы (основания) права требования выплаты страхового возмещения является отложенный эффект. Оно не существует изначально, но возникает лишь при наступлении юридического состава: наличие договора ОСАГО, наступление страхового случая, установление ответственности страхователя.

Для простоты изложения материала, смоделируем конструкцию, при которой цель создания особого регулирования страхования ответственности владельцев транспортных вступает в конфликт с возможностями инструментов гражданского права.

Водители транспортных средств попадают в аварию. Владелец автомобиля А признан виновным в совершении ДТП, Владелец автомобиля Б потерпевшим, его транспортному средству причинен ущерб. Прибывший на место «аварийный комиссар» заключает с Владельцем автомобиля Б договор купли-продажи права требования о выплате страхового возмещения, на его основании совершаются цессия. В действительности право требования возникает и цессионарием становится сторонняя организация, которая направляет заявление о выплате страхового возмещения к страховщику.

В заявлении о страховом возмещении цессионарием предоставляет банковские реквизиты, но не отмечает вариант возмещения убытков путем организации и оплаты ремонта поврежденного транспортного средства.

Страховая компания производит денежную выплату организации с учетом износа, поскольку согласно п. 9.4 Положения Банка России «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» при определении размера восстановительных расходов учитывается износ деталей, узлов и агрегатов [2]. Страховые компании опираются на то, что фактически первоначальный цессионарий, предоставив банковские реквизиты, самостоятельно указывает на возможность получения страхового возмещения на банковские реквизиты.

Однако далее в адрес страховщика направляется претензия о доплате страхового возмещения в размере разницы между расчетами без учета износа заменяемых деталей и с учетом износа, оплате различных юридических услуг, курьерских услуг, расходы по печати и копированию документов, в удовлетворении которых страховщик логично отказывает.

После продолжительной паузы направляется повторная претензия, но уже о доплате страхового возмещения, неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами, которая также не находит удовлетворения от страховой компании.

Дополнительно с этим происходит переуступка права требования в пользу физического лица (от цедента – сторонней организации, получившей право требования страхового возмещения у Владельца автомобиля Б – к цессионарию – физическому лицу, который формально никак не связан с организацией). Предполагается, что данное действие происходит с целью распространения на данное лицо Закона о защите прав потребителя. Это необходимо для взыскания штрафа, предусмотренного п. 6 ст. 13 указанного Закона, что значительно увеличивает финансую нагрузку на страховщика [3].

К сожалению, изложенная ситуация не является чисто схоластической. На практике указанная конструкция стала средством в руках недобросовестных «автоюристов» и «аварийных комиссаров» для обхода законодательства и злоупотребления правом. Данная ситуация порождает серьезные проблемы, что способствует дестабилизации страхового рынка, поскольку страховой фонд страховщик уменьшается в связи с постоянным взысканием убытков.

Актуальность исследования конкретно для Приморского края подтверждается данными мониторинга Банка России региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО. Согласно отчету № 25 на 01 октября 2025 года, Приморский край стабильно относится к регионам с повышенным уровнем риска недобросовестных действий в сфере ОСАГО, находясь в так называемой «желтой зоне» и приближаясь к границам «красной зоны» высокого риска

[4]. Это свидетельствует о системных проблемах в регионе. Необходимо учитывать, что тревожным сигналом является показатель «неоднократности» убытков, под неоднократностью в контексте отчета понимаются случаи, когда одно и то же лицо или транспортное средство систематически фигурирует при урегулировании убытков от страховых компаний. В Приморском крае такой показатель превышает среднероссийский показатель более чем в два раза – 15,9 % против 6,9%.

На первый взгляд кажется, что в действиях сторонней организации и физического лица (конечного обладателя права требования к страховщику) имеются признаки злоупотребления правом. Являясь разновидностью недобросовестного поведения, которое для субъектов гражданского права предполагается (п. 5 ст. 10 ГК РФ), злоупотребление правом внешне не содержит признаков незаконного поведения (п. 4 ст. 10 ГК РФ), но в действительно приводит к схожему результату – необоснованное ущемление прав и законных интересов контрагента.

Здесь следует сделать оговорку. Основной формой страховым возмещением вреда, причиненного автомобилю, является организация восстановительного ремонта. Денежные выплаты в этом контексте являются исключением, которое производится только в ряде случаев.

В контексте использования договора цессии в сфере ОСАГО злоупотребление правом возникает в ситуациях, когда формально допустимая уступка права требования используется для получения выплаты в размере или на условиях, которые были бы доступны потерпевшему при прямом обращении к страховщику, но не могут быть предоставлены цессионарием ввиду того, что, например, у них отсутствует возможность передать транспортное средство на восстановительный ремонт, что противоречит цели императивных норм страхового законодательства.

Недобросовестность участников страхового правоотношения проявляется в создании искусственной цепочки переуступок с целью изменения правового режима выплаты (например, попытка «преобразовать» изначально выбранную денежную выплату с учетом износа в выплату, эквивалентную восстановительному ремонту без учета износа) в ущерб финансовым интересам страховщика.

Гражданско-правовая конструкция цессии, основанная на принципах абстрактности и свободы оборота прав, вступает в взаимодействие со специальными нормами, установленными для защиты потерпевших и обеспечения финансовой устойчивости системы страхования. Напряжение между этими двумя началами – общегражданским (свобода распоряжения правом) и специально-страховым (публичный интерес, императивные ограничения) – формирует ту правовую «площадку», на которой возникают проблемные ситуации и злоупотребления, связанные с использованием цессии для обхода законодательных ограничений ОСАГО.

Для анализа рассмотрим практику Девятого кассационного суда общей юрисдикции. Так, в деле № 8Г-4570/2024 суд апелляционной инстанции удовлетворил требования второго цессионария о взыскании доплаты страхового возмещения до суммы без учета износа, однако кассационная инстанция не согласилась с этим решением и отменила апелляционное определение и направило дело на новое рассмотрение [5]. Примечательно, что первоначальный цессионарий в страховом заявлении не указал сведения, в каком виде должно быть осуществлено страховое возмещение (ремонт или в денежном выражении). Однако отдельно были приложены банковские реквизиты. Это и стало ключевым аргументом ответчика и кассационного суда. Кроме того, кассационная инстанция обратила внимание, что цессионарии, не

являясь владельцами и собственниками транспортного средства, не имеют интереса в ремонте автомобиля.

В деле № 8Г-619/2025 кассационный суд подтвердил и развил свою позицию [6]. В данном случае также было установлено, что первоначальный цессионарий не выбрал форму возмещения, но предоставил свои банковские реквизиты для перечисления денежных средств, что свидетельствует об избрании формы страхового возмещения в виде денежной выплаты.

Таким образом, практика Девятого кассационного суда не просто разрешает индивидуальные споры, а формирует важный фильтр, отсекающий недобросовестные модели поведения в сфере уступки прав по ОСАГО, способствуя стабилизации оборота таких требований.

Кроме этого, Истец из дел, рассмотренных выше, пытался обжаловать решение не в свою пользу по схожему делу в Верховном Суде Российской Федерации, однако 16.04.2025 получил отказ в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании [7].

Для разрешений проблем, связанных с недобросовестными действиями цессионариев, необходим точечная дополнение ФЗ-40, а именно п. 15.1 ст. 12, где, по смыслу статьи, закрепляется приоритет восстановительного ремонта транспортного средства над денежной выплатой. Данная переработка поможет избежать ситуаций, когда в заявлении о страховом возмещении не указывается вариант получения такового возмещения.

Вторым путем решения данного проблемного вопроса будет являться разъяснения Пленума Верховного суда действий страховщика в случаях, когда отсутствует выбор способа страхового возмещения у выгодоприобретателя.

Именно решение этого аспекта будет способствовать добросовестному поведению участников данных правоотношений, поскольку практически всегда происходит ссылка именно на приоритет восстановительного ремонта транспортного средства над денежной выплатой.

Литература

1. Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/?ysclid=mktrs8yer3178380522 (дата обращения 20.01.2026).

2. Положение Банка России от 01.04.2024 N 837-П (ред. от 01.04.2024) «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484131/ (дата обращения 20.01.2026).

3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» / КонсультантПлюс : справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/?ysclid=mkts2ok7fm697661550 (дата обращения 21.01.2026).

4. Мониторинг региональных рисков недобросовестных действий в ОСАГО на 01.10.2025 / сайт. — Москва : Банк России, 2000. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59428/monitoring_OSAGO_2025-25.pdf (дата обращения 22.01.2026).

5. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2024 по делу № 8Г-4570/2024 / сайт

: Девятый кассационный суд общей юрисдикции. — URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12499812&case_uid=64e77dcf-cb4f-4700-bf1c-f258e065ffb3&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения 22.01.2026).

6. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2025 по делу № 8Г-619/2025 / сайт : Девятый кассационный суд общей юрисдикции. — URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13449314&case_uid=6d10f9da-befd-4341-b889-bf10c2c0455d&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения 22.01.2026).

7. Карточка производства Верховного суда № 56-КФ25-186-К9 / сайт: Верховный суд Российской Федерации. — URL: <https://www.vsrif.ru/lk/practice/appeals/21-35979399#21-35979399> (дата обращения 23.01.2026).

Assignment Agreement as a Tool for Bypassing Legal Restrictions on OSAGO in the Primorsky Krai

Chernykh V.S., Leonov M.R.

Far Eastern Federal University

The article examines the use of the assignment contract as a tool for circumventing legislative restrictions in the field of motor third-party liability insurance, using the example of the Primorsky Krai. The authors analyze the legal nature of assignment, its economic content, and cases of abuse of rights in the assignment of claims for insurance compensation. Special attention is paid to the judicial practice of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction, which helps to limit unscrupulous schemes. The article proposes measures to improve legislation and law enforcement in order to reduce the risks of destabilizing the insurance market.

Keywords: assignment, CTP insurance, abuse of rights, insurance compensation, assignment of rights, unfair actions, restorative repairs, judicial practice, Primorsky Krai, insurance legislation.

References

1. Federal Law of 25.04.2002 N 40-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners" / ConsultantPlus: legal reference system. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/?ysclid=mkt8yer3178380522 (accessed on 20.01.2026).
2. Bank of Russia Regulation of 01.04.2024 N 837-P (as amended on 01.04.2024) "On the Rules for Compulsory Civil Liability Insurance of Vehicle Owners" / ConsultantPlus: legal reference system. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484131/ (accessed on January 20, 2026).
3. Law of the Russian Federation of February 7, 1992, No. 2300-1 (as amended on July 7, 2025) "On the Protection of Consumer Rights" / ConsultantPlus: legal reference system. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/?ysclid=mkt8o20k7fm697661550 (accessed on January 21, 2026).
4. Monitoring regional risks of unfair actions in compulsory motor third-party liability insurance as of October 1, 2025 / website. — Moscow: Bank of Russia, 2000. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59428/monitoring_OSAGO_2025-25.pdf (accessed on January 22, 2026).
5. Determination of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated July 2, 2024, in case No. 8G-4570/2024 / website: Ninth Cassation Court of General Jurisdiction. — URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=12499812&case_uid=64e77dcf-cb4f-4700-bf1c-f258e065ffb3&new=2800001&delo_id=2800001 (accessed on January 22, 2026).
6. Determination of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 11, 2025, in case No. 8G-619/2025 / website: Ninth Cassation Court of General Jurisdiction. — URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13449314&case_uid=6d10f9da-befd-4341-b889-bf10c2c0455d&new=2800001&delo_id=2800001 (accessed on 22.01.2026).
7. Supreme Court Proceedings Card No. 56-KF25-186-K9 / website: Supreme Court of the Russian Federation. — URL: <https://www.vsrif.ru/lk/practice/appeals/21-35979399#21-35979399> (accessed on 23.01.2026).

Перспективы реализации проекта «Восток-Ойл»: правовой статус и правовое регулирование

Чикирка Екатерина Владимировна

аспирант юридического факультета Российского государственного университета нефти и газа (Национального исследовательского института) имени И.М. Губкина

В статье рассматриваются перспективы реализации проекта «Восток Ойл» как ключевого элемента освоения ресурсного потенциала Арктической зоны России. Отмечаются особенности запасов углеводородного сырья шельфа Арктики, а также их значение для долгосрочного социально-экономического развития региона. Проект «Восток Ойл», реализуемый ПАО «НК «Роснефть», изначально позиционировался как масштабная инвестиционная инициатива, ориентированная на формирование современной производственной, энергетической и транспортно-логистической инфраструктуры с участием иностранных инвесторов. Показано, что на раннем этапе реализации проект оказывал положительное влияние на рыночную капитализацию компаний-инициатора, однако усиление санкционного давления с 2022 года существенно изменило условия его реализации. Введенные ограничения затронули внешнеторговые операции, доступ к финансовым ресурсам, современным технологиям и оборудованию, что обусловило сокращение участия зарубежных партнеров и нефтесервисных компаний.

В статье рассматриваются три сценария дальнейшего развития проекта — альтернативный, инерционный и оптимистический. Особое внимание уделяется вопросам трансформации экспортной стратегии с ориентацией на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона, пересмотра состава участников проекта, диверсификации источников финансирования и развития механизмов технологического импортозамещения. Делается вывод о том, что успешная адаптация проекта «Восток Ойл» к изменяющимся геополитическим и экономическим условиям является необходимым условием сохранения его стратегической роли и потенциала в формировании новой архитектуры мировой экономики.

Ключевые слова: Восток-Ойл, Роснефть, Арктика, санкционное ограничение, риски, перспективы, оптимизация;

Эффективное развитие Арктической зоны России невозможно без освоения ее богатейшего ресурсного потенциала, особенно в части нефти и газа.

В пределах Таймырского района и на сопредельных территориях Туруханского района Красноярского края и ЯНАО, несмотря на слабую геолого-геофизическую изученность, уже открыто более 30 месторождений нефти и газа (Мессояхское, Пеляткинское, Ванкорское, Сузунское, Пайяхское и др.)³⁰.

В 2019 году глава ПАО «НК «Роснефть» И.И. Сечин впервые анонсировал проект «Восток Ойл», который, по замыслу, должен объединить крупнейшие нефтегазовые месторождения легкой малосернистой нефти (~400 API и 0,01-0,04% серы) на севере Красноярского края – Ванкорское, Сузунское, Лодочное, Тагульское, Ичемминское, Пайяхское, Западно-Иркинское месторождения, а также месторождения Восточно-Таймырского кластера.

Всего проект включает в себя пятнадцать промысловых городков, магистральный трубопровод протяженностью 770 км, свыше 10 объектов электрогенерации общей мощностью до 3,5 ГВт, несколько аэродромов, морских терминалов, в том числе порт «Бухта Север».

Изначально, общий объем инвестиций в проект «Восток Ойл» предполагался на уровне 10 трлн рублей. Средства на него компания «Роснефть» планировала получить из различных источников: собственных средств, в том числе от продажи низкорентабельных активов, государственных льгот, а также от иностранных инвесторов.

По состоянию на начало 2022 года ПАО «НК «Роснефть» удалось привлечь в проект порядка 2 трлн руб. из собственных средств, а также примерно 11 млрд евро за счет зарубежных инвесторов. При этом половина из привлеченных средств зарубежных инвесторов была обеспечена синдицированным кредитом российских банков.

Вместе с тем, даже несмотря на сложности привлечения зарубежных партнеров в проект, «Восток Ойл» на начальном этапе своей реализации (2020-21 гг.) положительно отразился на капитализации своего владельца – компании «Роснефть». Так, еще в октябре 2021 г. ИА «ТАСС» отмечало: «С начала пандемии, то есть с марта 2020 года, цена акций Роснефти выросла более чем в 2,8 раза, с начала 2021 года - на 50%. При этом индекс компаний ТЭК на Московской бирже прибавил с начала года 33,6%. Среди иностранных компаний Роснефть по капитализации обгоняет таких мировых мейджоров, как Equinor (\$91,5 млрд) и британскую BP (\$98,3 млрд)»³¹.

Однако с февраля 2022 г. многие западные страны, в том числе крупные покупатели российских энергоресурсов, а также страны, поставлявшие высокотехнологичные товары, в т.ч. для российской нефтегазовой отрасли ввели ограничительные политические и экономические меры в отношении России.

Всего за период с февраля 2022 г по май 2023 г. против России было введено свыше 13 тыс. санкционных ограничений, тогда как до февраля 2022 г. их количество не превышало 2,6 тыс. Санкции включали в себя в том числе значимые для нефтегазовой отрасли России и для компании «Роснефть» в частности, ограничения.

³⁰ Семибраторов В. К. Вятские корни конструктора // Герценка: вятские записки в 3-х томах. — Киров: Кировская обл. гос. б-ка им. А. И. Герцена, 2002. — Т. 3. — С. 193, стр. 18-19.

³¹ Директор "Восток Ойл" — о проекте: он очень живучий. // ТАСС [Электронный ресурс] URL:https://tass.ru/interviews/11574119 (Дата обращения: 11.01.2026)

Например, страны G7, Австралия, Норвегия и Швейцария ввели «полоток цен» на морские поставки российской нефти (\$60/барр. с «05» декабря 2022 г.) и нефтепродуктов (\$100/барр. для премиальных нефтепродуктов и \$45/барр. – для дисконтных нефтепродуктов с «05» февраля 2023 г.) в третьи страны.

Многие страны также перестали экспорттировать в Россию высокотехнологичное оборудование и технологии в том числе в областях судостроения, программного обеспечения и информационной безопасности, проектирования и строительства оборудования, связанного с транспортировкой нефти.

Поочередно от инвестиций в Россию и приостановке поставок оборудования и технологий объявили четыре крупнейшие мировые компании в сфере нефтесервисных услуг: Schlumberger³², Halliburton³³, Weatherford³⁴ и Baker Hughes³⁵, которые в том числе предоставляли услуги по производству оборудования для бурения скважин, обслуживанию трубопроводов, разработке ИТ-решений для нефтегазовой отрасли, а также способов оптимизации и повышения безопасности на нефтегазовых производствах.

От планов об участии в проекте иностранных инвесторов из Индии и Германии пришлось отказаться³⁶, а специальное для Роснефти исключение³⁷ из действия указа Президента РФ³⁸ о запрете сделок с долями инвестиционных проектов, в частности по проекту «Восток Ойл», так и не было применено. К лету 2022 года свой выход из проекта «Восток Ойл» осуществили Trafigura и Vitol.

Таким образом, беспрецедентное санкционное давление со стороны западных стран, с которым столкнулась Россия, ее нефтегазовая отрасль и компания «Роснефть» в частности, стало серьезным вызовом для реализации проекта «Восток Ойл».

Компания «Роснефть» столкнулась с необходимостью изменить стратегию привлечения инвестиций в проект «Восток Ойл» после выхода из него своих западных партнеров, а также пересмотреть концепцию его реализации с учетом происходящих изменений на мировом нефтяном рынке, связанных с введением эмбарго западных стран на поставки российской нефти и нефтепродуктов. Кроме того, запрет на поставку в Россию западных технологий и оборудования, необходимых в т.ч. для реализации проекта «Восток Ойл», потребовал от Компании поиска решений по их импортозамещению или переориентации на поставщиков оборудования из нейтральных и/или дружественных стран.

В связи с этим, возможны, по крайней мере, три сценария дальнейшей реализации этого Проекта: альтернативный, инерционный и оптимистический.

Альтернативный сценарий реализации проекта «Восток Ойл» исходит из того, что ПАО «НК «Роснефть» находит способ изменить структуру участников Проекта с привлечением новых зарубежных инвесторов из Китая или Индии без значительных потерь уже инвестированных средств. При этом ускоряется работа по контрактации будущих экспортных поставок нефти и, возможно, СПГ, производимого на проекте, с потребителями из стран АТР и Южной Азии. Таким образом, потенциальный экспорт углеводородов, производимых в рамках данного Проекта, будет полностью переориентирован с европейского на азиатский рынок. Кроме того, вопрос привлечения зарубежных инвесторов в данный Проект может быть увязан с заключением долгосрочных контрактов на поставку нефти с проекта (по аналогии со схемой реализации проекта «Ямал СПГ» или «Арктик СПГ-2») или с получением необходимых для реализации Проекта технологий и оборудования (например, судов ледового класса в случае их заказа на китайских судоверфях).

В рамках **инерционного сценария** «Роснефть» не меняет структуру участников проекта, но рынок сбыта его продукции под давлением санкционных ограничений, тем не менее, переориентируется на Китай и Индию. В этом случае, рентабельность проекта будет зависеть от способов получения дополнительного финансирования, необходимого для его реализации. В текущих условиях, фактически, речь может идти только об увеличении объемов прямой государственной поддержки не только через предоставление широкой линейки налоговых льгот, но и прямого софинансирования его реализации в части сооружения объектов не только транспортно-логистической, но и производственной инфраструктуры. Однако в случае инерционного развития Проекта по старым планам и без дополнительных инвестиций «Роснефть» рискует не реализовать проект вовсе, что может привести к очень дорогостоящему выходу Компании из Арктики и заморозке уже разведанных и активных месторождений в регионе.

Оптимистический сценарий реализации Проекта предполагает не только проактивную позицию Компании по её адаптации новым международным геополитическим и экономическим реалиям, уже описанную в рамках альтернативного сценария, но и формирование благоприятных внешних условий для его реализации, в частности, поддержание высоких цен на нефть (\$85+/барр.), как минимум, в среднесрочной перспективе. В этом случае даже с учетом применяемого дисконта на российскую нефть, прибыли от запуска первой очереди Проекта позволят компенсировать начальную нехватку капитала для его полноценной реализации в долгосрочной перспективе.

Таким образом, в рамках возможного повышения экономической эффективности проекта «Восток Ойл» предлагается:

³² Schlumberger Announces Update on Russia Operations // [Электронный ресурс] URL:<https://www.slb.com/about/newsroom/press-release/2022/pr-2022-0318-update-on-russia> (Дата обращения 04.12.2025).

³³ Halliburton Announces Update on Russia Operations and Sanctions Compliance // [Электронный ресурс] URL:<https://www.halliburton.com/en/about-us/press-release/halliburton-announces-update-russia-operations-sanctions-compliance> (Дата обращения 04.12.2025).

³⁴ Weatherford announces update on Russia operations. // [Электронный ресурс] URL:<https://www.weatherford.com/investor-relations/investor-news-and-events/news/news-article/?ItemID=15476> (Дата обращения 04.12.2025).

³⁵ Baker Hughes Announces Local Management Buyout of its Oilfield Services Business in Russia // [Электронный ресурс] URL:<https://investors.bakerhughes.com/news-releases/news-release-details/baker-hughes-announces-local-management-buyout-its-oilfield> (Дата обращения 04.12.2025).

³⁶ «Глава Роснефти рассказал, как будет формироваться референтная цена на российскую нефть» // [Электронный ресурс] URL:<https://neftegaz.ru/news/politics/769272-glava-rosnefti-rasskazal-kak-budet-formirovatsya-referentnaya-tsena-na-rossiyskuyu-neft/> (Дата обращения 04.12.2025)

³⁷ Распоряжение Президента Российской Федерации от 04.11.2022 № 368-рп «О специальном решении о совершении сделок (операций) с долями, составляющими уставный капитал общества с ограниченной ответственностью «Восток Ойл». // «Собрание законодательства РФ», 07.11.2022, № 45, ст. 7702.

³⁸ Указ Президента Российской Федерации от 05.08.2022 г. № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». // «Собрание законодательства РФ», 08.08.2022, № 32, ст. 5816.

- изменить структуру участников проекта и привлечь к его реализации новых зарубежных инвесторов из числа дружественных и/или нейтральных стран (Китай, Индия и пр.), в т.ч. путем предоставления доли в Проекте в обмен на комплексные инвестиционные решения (инвестиции + долгосрочные контракты на покупку нефти + предоставление нужных Проекту технологий и оборудования);

- изменить производственную структуру Проекта, откавшись от наиболее дорогостоящих и труднореализуемых проектных решений в пользу решений, ориентированных на максимальное использование российских технологий и оборудования, а также запуск в эксплуатацию в предельно сжатые сроки;

- расширить линейку выпускаемой продукции на Проекте в части развития производства сжиженного природного газа не только для целей бункеровки морского транспорта, обслуживающего Проект, но и для целей организации его дальнейшего экспорта в страны АТР с использованием инфраструктуры СМП.

Безусловно, данные предложения нуждаются в детальном экономическом обосновании на основе реальных данных об экономике этого Проекта. Однако с учетом отсутствия подобного рода информации в открытом доступе настоящие предложения представляются заслуживающими внимания и дальнейшего рассмотрения с целью превращения крупнейшего российского нефтегазового проекта «Восток Ойл» в российской Арктике в один из системообразующих узлов новой экономики многополярного мира на основе максимального учета российских экономических и политических интересов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 05.08.2022 г. № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций». // «Собрание законодательства РФ», 08.08.2022, № 32, ст. 5816.

2. Распоряжение Президента Российской Федерации от 04.11.2022 № 368-рп «О специальном решении о совершении сделок (операций) с долями, составляющими уставный капитал общества с ограниченной ответственностью «Восток Ойл». // «Собрание законодательства РФ», 07.11.2022, № 45, ст. 7702.

3. Семибраторов В. К. Вятские корни конструктора // Герценка: вятские записки в 3-х томах. — Киров: Кировская обл. гос. б-ка им. А. И. Герцена, 2002. — Т. 3. — С. 193.

4. Директор "Восток Ойл" — о проекте: он очень живучий. // ТАСС [Электронный ресурс] URL:<https://tass.ru/interviews/11574119> (Дата обращения: 11.01.2026)

5. Schlumberger Announces Update on Russia Operations // [Электронный ресурс] URL:<https://www.slb.com/about/newsroom/press-release/2022/pr-2022-0318-update-on-russia> (Дата обращения 04.12.2025)

6. Halliburton Announces Update on Russia Operations and Sanctions Compliance // [Электронный ресурс] URL:<https://www.halliburton.com/en/about-us/press-release/halliburton-announces-update-russia-operations-sanctions-compliance> (Дата обращения 04.12.2025).

7. Weatherford announces update on Russia operations. // [Электронный ресурс] URL:<https://www.weatherford.com/investor-relations/investor-news-and-events/news/news-article/?ItemID=15476> (Дата обращения 04.12.2025).

8. «Глава Роснефти рассказал, как будет формироваться референтная цена на российскую нефть» // [Электронный ресурс] URL:<https://neftegaz.ru/news/politics/769272-glava-rosnefti-rasskazal-kak-budget-formirovatsya-referentnaya-tsena-na-rossiyskuyu-neft/> (Дата обращения 04.12.2025)

Prospects for the implementation of the Vostok Oil project: legal status and legal regulation

Chikirka E.V.

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research Institute)

The article discusses the prospects for the implementation of the Vostok Oil project as a key element in the development of the resource potential of Russia's Arctic zone. It highlights the characteristics of hydrocarbon reserves on the Arctic shelf and their importance for the long-term socio-economic development of the region. The Vostok Oil project, implemented by PJSC Rosneft, was initially positioned as a large-scale investment initiative aimed at creating a modern production, energy, and transport and logistics infrastructure with the participation of foreign investors.

It has been shown that in the early stages of implementation, the project had a positive impact on the market capitalization of the initiating company, but the intensification of sanctions pressure since 2022 has significantly changed the conditions for its implementation. The restrictions imposed affected foreign trade operations, access to financial resources, modern technologies, and equipment, which led to a reduction in the participation of foreign partners and oilfield service companies.

The article considers three scenarios for the further development of the project: alternative, inertial, and optimistic. Particular attention is paid to issues related to the transformation of the export strategy with a focus on the markets of the Asia-Pacific region, the revision of the composition of project participants, the diversification of funding sources, and the development of mechanisms for technological import substitution. The conclusion is that the successful adaptation of the Vostok Oil project to changing geopolitical and economic conditions is a necessary condition for preserving its strategic role and potential in shaping the new architecture of the global economy.

Keywords: Vostok Oil, Rosneft, Arctic, sanctions restrictions, risks, prospects, optimization;

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of August 5, 2022, No. 520 "On the Application of Special Economic Measures in the Financial and Fuel and Energy Spheres in Connection with the Unfriendly Actions of Certain Foreign States and International Organizations." // Collected Legislation of the Russian Federation, August 8, 2022, No. 32, Article 5816.
2. Order of the President of the Russian Federation of November 4, 2022, No. 368-рп "On a Special Decision on the Conclusion of Transactions (Operations) with Shares Constituting the Authorized Capital of Vostok Oil Limited Liability Company." // Collected Legislation of the Russian Federation, November 7, 2022, No. 45, Article 7702.
3. Semibratov V.K. Vyatka Roots of the Designer // Herzenka: Vyatka Notes in 3 Volumes. — Kirov: Kirov Region State Library named after A. I. Herzen, 2002. — Vol. 3. — P. 193.
4. The director of Vostok Oil — about the project: it is very resilient. // TASS [Electronic resource] URL: <https://tass.ru/interviews/11574119> (Accessed: 11.01.2026)
5. Schlumberger Announces Update on Russia Operations // [Electronic resource] URL: <https://www.slb.com/about/newsroom/press-release/2022/pr-2022-0318-update-on-russia> (Accessed: 04.12.2025)
6. Halliburton Announces Update on Russia Operations and Sanctions Compliance // [Electronic resource] URL: <https://www.halliburton.com/en/about-us/press-release/halliburton-announces-update-russia-operations-sanctions-compliance> (Accessed: 04.12.2025).
7. Weatherford announces update on Russia operations. // [Electronic resource] URL: <https://www.weatherford.com/investor-relations/investor-news-and-events/news/news-article/?ItemID=15476> (Accessed 04.12.2025).
8. "Rosneft CEO Explains How the Reference Price for Russian Oil Will Be Formed" // [Electronic resource] URL: <https://neftegaz.ru/news/politics/769272-glava-rosnefti-rasskazal-kak-budget-formirovatsya-referentnaya-tsena-na-rossiyskuyu-neft/> (Accessed 04.12.2025)

Единство практики или судейское усмотрение: проблемы обеспечения предсказуемости в арбитражном судопроизводстве

Ахматов Шейх-Мансур Шейх-Магомедович

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы, t.akhmatov1@gmail.com

В статье исследуется фундаментальная дилемма современного арбитражного процесса: конфликт между требованием правовой определенности (*res judicata*), обеспечиваемой единством судебной практики, и необходимостью судейского усмотрения для достижения материальной справедливости в конкретном деле. Анализируется трансформация подходов к прецедентному праву в российской правовой системе после упразднения ВАС РФ. Автор критически оценивает существующие процессуальные механизмы обеспечения единства (кассационные фильтры, обзоры практики) и выявляет проблему «скрытого усмотрения» на этапе отбора жалоб для передачи в Судебную коллегию по экономическим спорам ВС РФ.

В работе обосновывается тезис о том, что чрезмерно широкое понимание судейского усмотрения в вопросах толкования норм права при отсутствии формализованного доктрины *stare decisis* механизма девальвирует экономическую ценность права. Предлагается концепция «аргументированного отклонения», налагающая на суд повышенный стандарт мотивировки при отступлении от сложившихся правовых позиций высших инстанций.

Ключевые слова Арбитражный процесс, правовая определенность, судейское усмотрение, единство судебной практики, Верховный Суд РФ, прецедент, экономическое правосудие, мотивировочная часть решения, принцип равенства.

Фундаментальная антагония правосудия в сфере экономической деятельности кроется в неизбежном напряжении между двумя ценностями: стабильностью гражданского оборота, требующей предсказуемости судебных решений, и необходимостью индивидуализации правоприменения, реализуемой через институт судейского усмотрения. В условиях российской правовой действительности, характеризующейся позитивистской традицией и отсутствием официально признанного прецедента как источника права, проблема обеспечения единства практики приобретает особую остроту. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что непредсказуемость арбитражного судопроизводства перестала быть сугубо доктринальной проблемой и трансформировалась в значимый экономический риск, повышающий транзакционные издержки субъектов предпринимательской деятельности.

Центральным вопросом настоящей работы является определение пределов судейского усмотрения в контексте императива единства судебной практики, а также поиск процессуальных инструментов, способных минимизировать волатильность правоприменения без ущерба для независимости суда.

Постановка проблемы требует обращения к конституционно-правовым основам. Принцип равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) в процессуальном смысле интерпретируется Конституционным Судом РФ как гаранция того, что при сходных фактических обстоятельствах суды будут применять нормы права единобразно. Однако реализация этого принципа наталкивается на законодательно закрепленную свободу судейского усмотрения (дискреции). Под судейским усмотрением в данном контексте следует понимать не произвол, а предоставленное законом полномочие суда выбрать одно из нескольких легитимных правовых решений, исходя из целей законодательного регулирования и обстоятельств дела. Проблема, однако, заключается в том, что в арбитражном процессе грань между законной дискрецией (например, при снижении неустойки по ст. 333 ГК РФ или оценке добросовестности поведения) и произвольным толкованием императивных норм становится все более размытой. После реформы 2014 года и передачи полномочий Высшего Арбитражного Суда (ВАС РФ) Верховному Суду (ВС РФ) изменилась сама парадигма формирования единства. Если ВАС РФ проводил политику жесткой унификации через Постановления Президиума, которые де-факто имели силу прецедента, то текущая модель характеризуется фрагментарностью. Правовые позиции формируются Экономической коллегией ВС РФ (СКЭС) в рамках конкретных определений, статус которых законодательно не определен как обязательный, но которые де-факто воспринимаются нижестоящими судами как ориентир[1].

Этот дуализм порождает ключевую проблему исследования: отсутствие нормативного механизма, обязывающего суд следовать правовой позиции, выработанной в аналогичном деле, при сохранении формальной возможности принять иное решение, ссылаясь на «внутреннее убеждение» (ст. 71 АПК РФ). Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) не содержит прямого запрета на

вынесение решения, противоречащего практике СКЭС, если это решение не нарушает прямой текст закона. Это создает ситуацию «правовой лотереи», где исход спора зависит не от объективного содержания нормы, а от того, какой состав суда рассматривает дело и какой подход к толкованию он исповедует в данный момент[2].

Аналз ст. 308.8 АПК РФ показывает, что основанием для отмены судебных актов в кассационном порядке в СКЭС является «существенное нарушение норм материального и (или) процессуального права, которые повлияли на исход дела». Однако категория «существенного нарушения» является оценочной. В практике возникает парадокс: игнорирование нижестоящим судом правовой позиции ВС РФ может быть расценено как существенное нарушение (нарушение единства), а может быть проигнорировано, если судья ВС РФ при рассмотрении кассационной жалобы решит не передавать ее на рассмотрение Коллегии (ст. 291.6 АПК РФ).

Статистика «отказных» определений свидетельствует о том, что механизм «второй кассации» работает в режиме жесткого фильтра, критерии которого непрозрачны. Это зона абсолютно неконтролируемого судебского усмотрения на уровне высшей инстанции, что само по себе является фактором дестабилизации. Участники оборота не могут прогнозировать, будет ли исправлена ошибка, состоящая в отступлении от практики, или же такое отступление будет легитимировано молчаливым согласием судьи ВС РФ.

Европейский суд по правам человека и Конституционный Суд РФ неоднократно указывали, что правовая определенность предполагает уважение к принципу *res judicata*, но также и стабильность толкования норм. В то же время, право не может быть статичным. Судебная практика должна развиваться, реагируя на изменения экономических реалий. Проблема возникает тогда, когда изменение практики происходит ретроспективно и хаотично. Ярким примером служит институт субординации требований аффилированных кредиторов при банкротстве, который развивался исключительно через судебную практику («Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц», 2020 г.).

До принятия данного Обзора суды обладали широчайшей дискрецией в квалификации заемов участников как корпоративных вкладов или гражданско-правовых обязательств. Внедрение жестких презумпций через судебную практику фактически создало новые нормы права. Ноизна проблемы здесь заключается в темпоральном действии таких позиций. Согласно правовой позиции КС РФ, поворот судебной практики в сторону ухудшения положения лица не должен иметь обратной силы. Однако в арбитражном процессе новые толкования ВС РФ зачастую применяются к правоотношениям, возникшим задолго до формирования позиции, что подрывает доверие к праву. Суды, применяя «новое знание» к старым фактам, формально действуют в рамках закона (ведь текст закона не изменился), но фактически нарушают принцип предсказуемости[3].

Следующий пласт проблемы лежит в плоскости мотивировки судебных актов. Согласно ч. 4 ст. 170 АПК РФ, в мотивировочной части решения должны быть указаны фактические и иные обстоятельства дела, установленные арбитражным судом, доказательства, на которых основаны выводы суда, и доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства. При этом обязанность суда мотивировать отказ от применения правовой позиции высшего суда, на которую ссылается сторона спора, прямо в АПК не закреплена.

Это пробел, который необходимо восполнить. На практике суды часто ограничиваются формулировкой «ссылки заявителя на судебную практику отклоняются, так как она принята по делам с иными фактическими обстоятельствами», без детального анализа этих отличий. Такой подход превращает единство практики в фикцию. Если суд имеет возможность уйти от precedента, просто ссылаясь на «иные обстоятельства» без глубокого обоснования существенности этих различий, то предсказуемость становится недостижимой. Это явление можно квалифицировать как «процессуальный эскапизм» — уклонение суда от сложной аналитической работы по соотнесению абстрактной правовой позиции с конкретной фабулой дела.

Важно отметить, что попытка решить проблему путем полной формализации и превращения судебной практики в источник права (по образцу стран общего права) в России вряд ли будет успешной без изменения конституционных основ. Российская система тяготеет к романо-германской семье, где судья — «уста закона», а не его творец. Однако современная экономика требует гибридных подходов[6].

Решение видится не в слепом копировании доктрины *stare decisis*, а в внедрении концепции *jurisprudence constante* (устойчивой судебной практики) как нормативно защищаемого блага. Это означает, что единичное решение СКЭС не должно автоматически становиться законом, но серия согласованных решений или Пленум/Обзор должны создавать презумпцию правильности толкования. Для преодоления этой презумпции нижестоящий суд должен не просто использовать усмотрение, а выполнить повышенный стандарт доказывания необходимости иного толкования в данном конкретном случае (например, для защиты слабой стороны или пресечения злоупотребления правом, которое не охватывается стандартной практикой).

Разрешение выявленной проблематики требует внесения точечных изменений в АПК РФ и регламентацию работы судов. Во-первых, необходимо законодательно закрепить в ст. 170 АПК РФ обязанность суда приводить мотивы, по которым он не применяет правовые позиции ВС РФ, приведенные участниками спора в обоснование своих требований. Игнорирование релевантной практики высшего суда должно безусловно квалифицироваться как нарушение требований к мотивированности судебного акта и влечь его отмену. Во-вторых, следует пересмотреть подход к институту передачи кассационных жалоб на рассмотрение СКЭС.

Текущая процедура «единоличного фильтра» (судьи ВС РФ) должна быть дополнена механизмом «диссента» (особого мнения) или коллегиального рассмотрения вопроса о передаче жалобы в случае, если заявитель демонстрирует наличие противоречивой практики окружных судов. Это позволит выявлять системные ошибки на ранней стадии и обеспечивать единство не только «сверху вниз», но и через гармонизацию горизонтальной практики.

Кроме того, следует теоретически и практически разграничить два вида судебского усмотрения: усмотрение в установлении фактов и усмотрение в толковании права. Если первое должно оставаться прерогативой судов первой и апелляционной инстанций и быть максимально широким (в рамках стандартов доказывания), то второе — усмотрение в толковании права — должно быть жестко ограничено рамками, задаваемыми Верховным Судом.

Ситуация, когда суды разных округов по-разному толкуют одну и ту же норму ГК РФ (например, о начале течения исковой давности или природе опционных соглашений), недопустима в едином экономическом пространстве. В данном аспекте дискреция судьи должна быть све-

дена к минимуму. Научная новизна предлагаемого подхода заключается в отказе от бинарного восприятия проблемы («либо прецедент, либо закон») и переходе к модели «процессуальной ответственности за дискрецию». Судья свободен в своем решении, но «стоимость» (в виде интеллектуальных и процессуальных усилий) отклонения от единства практики должна быть высока[6].

Отдельного внимания заслуживает проблема «новых обстоятельств» (п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ), позволяющая пересматривать вступившие в силу акты при изменении практики ВС РФ. КС РФ в Постановлении № 34-П указал, что такой пересмотр возможен только если в самом акте ВС РФ есть указание на обратную силу. Однако на практике суды часто сталкиваются с дилеммой: применять ли новую позицию к длящимся правоотношениям (например, аренде), возникшим до изменения практики? Ответ должен лежать в плоскости защиты легитимных ожиданий.

Принцип правовой определенности требует, чтобы добросовестные участники оборота, полагавшиеся на устоявшуюся практику, не несли негативных последствий ее изменения. Судейское усмотрение здесь должно быть направлено не на механическое применение новой позиции, а на адаптацию ее к конкретной ситуации с целью недопущения дисбаланса интересов. Это требует от судьи высочайшей квалификации и, по сути, функции «социального инженера», что редко встречается в текущих реалиях перегруженности судебной системы.

В заключение необходимо констатировать, что достижение абсолютной предсказуемости в арбитражном процессе — утопия, однако минимизация необоснованной волатильности судебных актов является достижимой целью.

Проблема кроется не в наличии судейского усмотрения как такового, а в отсутствии четких процедурных стандартов его реализации при конфликте с устоявшейся судебной практикой. Обеспечение единства практики не должно превращаться в «окаменение» права, блокирующее его развитие. Баланс может быть найден через процессуальное закрепление особого статуса правовых позиций ВС РФ и введение обязанности судов давать развернутую аргументацию при любом отступлении от них. Только так можно трансформировать судейское усмотрение из инструмента потенциального произвола в инструмент тонкой настройки правосудия, сохраняя при этом фундамент правовой определенности, необходимый для стабильного экономического развития. В противном случае арбитражная система рискует остаться генератором случайных результатов, что несомненно с задачами построения развитого правопорядка.

Литература

1. Гук, П. А. Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве / П. А. Гук, Е. П. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 83–
2. Князькин, С. И. Единство судебной практики и средства его обеспечения / С. И. Князькин // Журнал российского права. – 2015. – № 11 (227). – С. 160
3. Пресняков М. В. Правовая определенность: формальный и материальный аспекты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – 5. С. 669–
6. Иванов Л. Д. Проблемы реализации принципов гражданского процессуального права в апелляционной инстанции // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 41. С. 394

Unity of Case Law or Judicial Discretion: Problems of Ensuring Predictability in Arbitrash Proceedings

Akhmatov Sheikh-Mansur Sheikh-Magomedovich

Patrice Lumumba Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the fundamental dichotomy of modern arbitrash procedure: the conflict between the requirement of legal certainty (*res judicata*), ensured by the unity of case law, and the necessity of judicial discretion to achieve substantive justice in a specific case. The author analyzes the transformation of approaches to judicial precedent in the Russian legal system following the abolition of the Supreme Arbitrash Court of the Russian Federation. The paper critically evaluates existing procedural mechanisms for ensuring uniformity (cassation filters, case law reviews) and identifies the problem of “hidden discretion” at the stage of selecting appeals for referral to the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation. The study substantiates the thesis that an excessively broad understanding of judicial discretion regarding the interpretation of legal norms, in the absence of a mechanism formalized by the *stare decisis* doctrine, devalues the economic significance of the law. A concept of “reasoned departure” is proposed, imposing a higher standard of reasoning on the court when deviating from the established legal positions of higher courts.

Keywords: Arbitrash process, legal certainty, judicial discretion, unity of case law, Supreme Court of the Russian Federation, precedent, economic justice, reasoning of the judgment, principle of equality.

References

1. Guk, P. A. The Principle of Unity of Judicial Practice in Russian Legal Proceedings / P. A. Guk, E. P. Guk // Bulletin of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. - 2016. - No. 3 (39). - P. 83-
2. Knyazkin, S. I. Unity of Judicial Practice and Means of Ensuring It / S. I. Knyazkin // Journal of Russian Law. - 2015. - No. 11 (227). - P. 160
3. Presnyakov, M. V. Legal Certainty: Formal and Substantive Aspects // Bulletin of Saratov University. 4. New Series. Series: Economics. Management. Law. - 2014. - Vol. 14, issue. 4. – 5. P. 669–
6. Ivanov, L. D., “Problems of Implementing the Principles of Civil Procedural Law in the Appellate Court” // Innovations. Science. Education. 2021. No. 41. P. 394

Применение цифровых технологий в информационно-аналитической деятельности прокуратуры Российской Федерации

Гайдуков Иван Юрьевич

соискатель, Университет прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена анализу применения цифровых технологий в информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры. Рассматривается актуальность цифровизации данного ключевого направления прокурорской работы, без которого невозможно эффективное осуществление надзора. В статье на основе анализа научной литературы, ведомственных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации и обобщения практики исследуются стадии информационно-аналитической деятельности (определение источников, сбор, учет, анализ информации) с точки зрения внедрения информационных систем и баз данных. Особое внимание уделяется положительному опыту региональных прокуратур по использованию информационных ресурсов. Автором разработано и применяется программное обеспечение АИС «Состояние преступности». Делается вывод о необходимости системного подхода, включающего обеспечение прямого доступа прокуратуры к государственным базам данных, разработку алгоритмов автоматизированного анализа и создание методик кросс-системной верификации информации для повышения эффективности надзорной деятельности.

Ключевые слова: прокуратура, информационно-аналитическая деятельность, прокурорский надзор, цифровизация, большие данные, информационные системы, автоматизация, базы данных.

Введение

Информационно-аналитическая деятельность прокурора, безусловно является одним из основных направлений в его работе, без которого невозможно иметь представление о ситуации на поднадзорной территории и об эффективности собственной работы, а также определить направление дальнейшей деятельности. Образно информационно-аналитическую деятельность можно описать как зрение прокурора.

Как отмечается в специализированной литературе информационно-аналитическая деятельность прокурора — это постоянный процесс получения и использования информации о состоянии законности и правопорядка, а также практики органов прокуратуры по их укреплению и ее мыслительно-логической обработки в целях совершенствования реализации функций прокуратуры [1, С. 15]. По мнению Э.Б. Хатова, отраженному в монографической работе: «основная цель информационно-аналитической работы — повышение эффективности деятельности, направленной на обеспечение приоритета законности в различных общественных правоотношениях, прав и свобод человека, а также интересов общества и государства» [1, С. 12]. Как указывает ученый, достигнуть этого возможно путем обеспечения прокурора-руководителя проанализированной информацией, объем, своевременность, достоверность и качество обработки которой достаточны для принятия верного управленческого решения.

Автор отмечает, что именно качественное информационно-аналитическое обеспечение позволяет ускорить принятие соответствующего управленческого решения, что позволяет оперативно реагировать на изменение состояния законности и правопорядка.

Информационно-аналитическая работа в органах прокуратуры ведется в двух направлениях: внешнему, представляющему собой анализ состояния законности на поднадзорной территории, и внутреннему — анализ информации, характеризующей состояние и эффективность деятельности прокуратуры [2, С. 7].

Принимая во внимание явный информационный характер рассматриваемого направления работы прокурора, а также его основополагающую значимость, представляется, что указанная деятельность должна быть подвергнута информатизации в первую очередь. Как отмечается в научной литературе, посвященной рассмотрению поставленного вопроса, информационно-аналитическая деятельность прокурора включает в себя следующие стадии [2, С. 9]: определение источников, в которых содержатся или могут содержаться сведения о нарушениях законодательства; сбор информации о нарушениях законодательства из всех возможных источников; учет и накопление в прокуратуре информации о нарушениях законодательства; анализ информации о нарушениях законодательства; выработка и формулирование выводов и предложений для принятия управленческих решений. При этом указанная деятельность базируется на принципах оперативности, своевременности, полноты и достоверности [2, С. 12], обеспечение которых определяет цели ее информатизации.

Учитывая приведенные стадии в рамках настоящего исследования, предлагается рассмотреть проблемные

вопросы и имеющиеся возможности для использования информационных технологий в каждом из них. Целью статьи является анализ текущего состояния и перспектив цифровизации информационно-аналитической деятельности прокуратуры на каждой из ее стадий.

Основная часть

Итак, говоря о первой стадии информационно-аналитической деятельности прокурора стоит отметить, что источниками информации являются все субъекты и участники правоотношений, обладающие информацией о нарушениях законов (органы исполнительной, законодательной и судебной власти, юридические и физические лица, и др.) или распространители таковой. Практика прокурорской деятельности выработала классические источники информации, к которым относятся обращения граждан и организаций, сведения, опубликованные в средствах массовой информации, статистические данные, сведения, поступающие в прокуратуру из правоохранительных органов в соответствии с законом (например, копии постановлений о возбуждении уголовного дела), сведения, предоставляемые прокурору по запросу и другие.

В ходе осуществления надзорных полномочий на различных направлениях деятельности организационно-распорядительными документами и прокурорской практикой вырабатываются более конкретные перечни источников информации, необходимой для проведения того или иного надзорного мероприятия.

Так, например, подп. 1.8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2023 № 730 [3] прокурорам предписано ежемесячно производить сверки регистрационно-учетных данных органов дознания и органов предварительного следствия с имеющимися в медицинских и страховых организациях, государственных контролирующих, надзорных и контрольно-ревизионных органах, в том числе контрольно-счетных палатах субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, осуществляющих муниципальный контроль, комендантских службах гарнизонов и иных организациях документами и данными, указывающими на противоправный характер действий. Приведенные указания фактически предоставляют прокурору перечень сведений, которые необходимо получить для осуществления надзорных полномочий.

Учитывая стремительное развитие информационных технологий практика прокурорской деятельности, вырабатывает новые подходы к источникам информации о нарушении закона.

К примеру Генеральной прокуратурой Российской Федерации изданы методические рекомендации о порядке проведения надзорных мероприятий в сфере ЖКХ, которыми предусмотрено при осуществлении прокурорского надзора использовать информацию, содержащуюся в Государственной информационной системе ЖКХ, автоматизированной информационной системе «Реформа ЖКХ», Государственной автоматизированной информационной системе "Управление", Федеральной государственной информационной системе "Единая информационно-аналитическая система «Федеральный орган регулирования - региональные органы регулирования — субъекты регулирования» [4].

Примечательно, что помимо регулирования надзорной функции на прокуроров возлагается еще одно направление деятельности такое как контроль за своевременностью и полнотой внесения сведений в указанные базы данных. Принимая во внимание обязанность прокурора по осуществлению государственного статистического учета, поступающие поручения о проведении проверок полноты и достоверности криминалистических учетов та-

ких как Сервис обеспечения охраны общественного порядка единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России [5] и другие, на наш взгляд, в настоящее время происходит становление нового направления деятельности прокурора. Однако, учитывая опыт зарубежных стран, осуществление подобных полномочий со стороны прокурора представляется малоэффективным, будет носить эпизодический характер, что в свою очередь скажется на достоверности имеющихся в базах данных сведений.

Не случайно в структуре органов прокуратуры Республики Казахстан создан специализированный орган, осуществляющий общее администрирование всех государственных учетов в стране. Создание подобного органа в Российской Федерации на наш взгляд позволит организовать указанную работу эффективнее [6].

Кроме того, как отмечает Э. Б. Хатов, у каждого прокурорского работника свои подходы, методы и приемы обработки информации, свои особенности в ее восприятии и оценке, своя личная технология труда [1, С. 8]. Не умоляя важности классических источников информации о нарушениях закона, используемых в прокурорской деятельности, в настоящее время в условиях стремительного технологического развития, ими невозможно ограничиться.

Принимая во внимание указанные аспекты Генеральной прокуратурой Российской Федерации организована работа, направленная на проведение нижестоящими прокурорами анализа собственной работы и внесение предложений о совершенствовании надзорной и иной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [7]. По результатам обобщения поступившей информации Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2023 и 2024 годах составлены обзоры результатов работы на данном направлении (далее — Обзоры) [8].

Как отмечается в указанных Обзорах: «Прокурорские работники активно осваивают пространство «больших данных». Электронные ресурсы стали неотъемлемым инструментом надзора, постепенно переформатируют его тактику. При минимальных временных затратах на поиск необходимых сведений, сигнализирующих о возможных нарушениях, их выявление становится на порядок более оперативным, в поле зрения оказываются факты, которые ранее позволяли оставаться правонарушениям латентными, пропорционально растет эффективность мер реагирования. Кратное повышение коэффициента полезного действия от применения различных баз данных закономерно придает нужный импульс для вдумчивого освоения прокурорами систем электронного взаимодействия, возрастают потребности в методическом сопровождении соответствующей работы, в расширении охвата видов электронных ресурсов. В связи с этим потенциал всеобъемлющего и эффективного надзора, базирующегося на достижениях современных технологий, далеко не раскрыт. Более того для выявления правонарушений прокуроры все чаще стали применять высокотехнологичные средства. Подавляющим большинством прокуроров сообщается, что использование электронных сервисов дает возможность в режиме «онлайн» получать необходимые сведения, что существенно сокращает временные издержки и позволяет оперативно реагировать на допускаемые нарушения закона».

Примечательно, что более 20% проанализированных инициатив связана с развитием информационных систем и подключением к новым. Таким образом, развитие информационных технологий в ключе определения источников и сбора информации о нарушениях законов представляет собой важный вопрос в сфере совершенствования деятельности прокуратуры. Для формирования общего

вывода рассмотрим некоторые предложения прокуроров, отраженные в указанных обзорах.

Работниками прокуратуры активно используется функционал ИС МЭВ для осуществления надзорной деятельности. В ходе анализа установлено, что несмотря на очевидную пользу указанного информационного инструмента прокуроры отмечают недостаточный набор учетов, обращение к которым возможно посредством указанной системы.

Примечательно, что многими прокуратурами субъектов Российской Федерации инициативно принимаются решения и заключаются соглашения о предоставлении доступа к различным информационным системам.

Так, например, прокуратурой Алтайского края организован доступ в государственную информационную систему «Льгота» отложенных рецептов, прокуратурой Республики Алтай обеспечен доступ работы в ГИИС «Электронный бюджет», Восточно-Сибирской транспортной прокуратурой анализируются сведения базы данных ЛесСЕГАИС, прокуратурой Архангельской области обеспечен доступ к данным о ремонтируемых дорогах системы «Эталон». Использование указанных систем показало высокую эффективность в надзорной деятельности.

Отдельно отмечается опыт прокуратуры Новосибирской области, которой заключено соглашение об информационном взаимодействии с ООО «ДУБЛЬГИС», согласно которому в прокуратуру области поступает информация о местах и сроках начала и окончания ремонта дорог, объектов коммунальной инфраструктуры; начале строительства многоквартирных домов, крупных объектов социальной инфраструктуры; местах с регулярными дорожными заторами и другие значимые сведения.

Путем заключения соответствующих соглашений прокуратурой Республики Татарстан осуществляется доступ к некоторым модулям судебной системы.

Из изложенного следует, что в настоящее время назрела острая необходимость совершенствования подхода прокуроров к определению источников получения информации о нарушениях законов, заключающаяся в необходимости наличия непосредственного доступа ко всем имеющейся государственным базам данных, а также, с учетом потребностей, - к базам данных коммерческих организаций на основе соответствующих соглашений.

Говоря о таких аспектах информационно-аналитической деятельности прокурора как сбор информации о нарушениях законодательства, ее учет и накопление в прокуратуре в ходе изучения выявлены направления, требующие совершенствования.

На наш взгляд для эффективного осуществления указанной деятельности требуется разработка алгоритмов автоматизированного сбора информации из различных баз данных с целью формирования сводных отчетов с возможностью анализа каждого объекта учета, составляющего общую цифру. Так, например, АИК «Надзор-WEB» представляет возможность формирования отчетов по форме ОЖ на основе внесенных в систему данных о характере поступивших обращений и результатах их рассмотрения. При этом каждый показатель может быть детально изучен.

В рамках настоящего исследования нами разработано программное обеспечение, на примере которого будут рассмотрены положительные аспекты такого подхода, а также выдвинуты предложения по его совершенствованию.

С целью систематического анализа состояния законности на поднадзорной территории прокуратурой Западного административного округа г. Москвы совместно с Управлением внутренних дел по соответствующему

округу ГУ МВД России по г. Москве организовано ежемесячное представление сведений из АИС «Уголовная статистика», содержащую информацию о преступности на поднадзорной территории. Разработанное программное обеспечение под названием АИС «Состояние преступности» позволяет в автоматизированном режиме ежемесячно формировать данные о количестве зарегистрированных преступлений, в том числе по различным составам, социально-криминологическим характеристикам (преступления, совершенные несовершеннолетними и в отношении них, совершенные мигрантами, лицами в состоянии опьянения, ранее судимыми и другие), количестве приостановленных и прекращенных уголовных дел. При этом каждый показатель отражается в сравнении с предыдущими периодами за любой промежуток времени (реализована функция анализа преступлений за истекшие 5 лет) с построением визуального графика и при необходимости может быть детализирован (при нажатии на показатель открывается перечень вошедших в него преступлений, каждое из которых может быть проанализировано в отдельности).

Кроме того, в разработанном программном обеспечении реализовано взаимодействие с сайтом Московского городского суда, в ходе которого формируется перечень уголовных дел, направленных в суд, результаты их рассмотрения и обжалования.

Вместе с тем для обеспечения наибольшей эффективности указанного программного обеспечения представляется необходимым обеспечить не опосредованный доступ к базе данных АИС «Уголовная статистика» в целях формирования аналитических сведений в реальном времени. Кроме того, в случае реализации технологии осуществления предварительного расследования в электронном виде посредством указанного программного обеспечения может быть изучены не только сведения о каждом конкретном объекте учета, но и изучено само уголовное дело или материал проверки, а также может быть реализована функция выборки из уголовных дел конкретного вида процессуальных решений.

Также в ходе использования разработанной программы установлены сложности в автоматизации сопоставления уголовных дел, учтенных в прокуратуре и уголовных дел, поступивших в суд ввиду различий в методике их нумерации, в связи с чем для обеспечения возможности непрерывного контроля за ходом и результатами расследования преступлений разработать единые правила учета уголовных дел в органах внутренних дел, прокуратуре и судах.

Указанное программное обеспечение, по нашему мнению, должно быть распространено на все органы прокуратуры путем издания соответствующего организационно-распорядительного документа Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Последний этап информационно-аналитической деятельности прокурора заключается в анализе информации о нарушениях законодательства; выработке и формулировании выводов и предложений для принятия управленческих решений. Он характеризуется высоким уровнем творчества, наличием аналитических навыков и опыта в осуществлении надзорной деятельности. Без сомнения, на указанном этапе ни одна машина не может заметить прокурора-специалиста, однако и здесь могут быть применены информационные технологии для выполнения некоторых задач.

В настоящее время в арсенале прокурора имеется обширный объем информационных ресурсов, однако требуется разработка методик их применения.

Так, при помощи информации, полученной из ИС МЭВ, «Спарт-Интерфакс» и базы данных органов ЗАГС прокуратурой Республики Чувашия установлены факты неурегулирования конфликта интересов должностных лиц.

Прокуратурами Ульяновской области и Иркутской области также с использованием данных Единой информационной системы в сфере закупок в сети «Интернет», а также систем «СПАРК» и «МАРКЕР», ИС «СМЭВ», выявляются фирмы-однодневки, участвующие в закупках.

Указанный пример, на наш взгляд, может быть автоматизирован для обеспечения прокурора готовой выборкой организаций, которые потенциально являются неблагонадежными, что в свою очередь позволит прокурору уделить больше внимания конкретным проверочным мероприятиям.

Прокуратурой Кировской области с использованием данных налоговых органов, автоматизированных систем ЛесЕГАИС, СПАРК и информации регионального министерства лесного хозяйства выявляются факты нарушения законодательства об уплате страховых взносов работодателями.

Вызывает интерес опыт прокуратуры Северная Осетия-Алания, работниками которой при помощи государственной автоматизированной системы лицензирования недропользования (далее - ФГИС «АСЛН») получены координаты границ участков недр, на разработку которых выданы соответствующие разрешения, указанные координаты нанесены на карту, что позволило установить участки, расположенные в границах водных объектов, что требует получения дополнительного разрешения [9].

Представляется, что указанные методики возможно автоматизировать, а также увеличить их эффективность с использованием искусственного интеллекта [10, С. 43].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что цифровизация информационно-аналитической деятельности прокуратуры является необратимым и необходимым процессом, напрямую влияющим на эффективность всего прокурорского надзора. На стадии определения источников информации наблюдается активный переход от классических методов к использованию массива «больших данных» из государственных и коммерческих информационных систем, что подтверждается как ведомственными регламентами, так и богатой региональной практикой. Однако данный процесс носит фрагментарный характер и требует системного закрепления права доступа на законодательном уровне. На стадии сбора и учета данных ключевой задачей становится преодоление информационной разобщенности через разработку и внедрение алгоритмов автоматизированной агрегации, примером успешной реализации которых является АИС «Состояние преступности». Для тиражирования подобных решений необходимы соответствующие организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры, устанавливающие единые стандарты. На завершающей стадии анализа информации цифровые технологии выступают как усиливатель компетенций прокурора, позволяя реализовывать комплексные методики кросс-системной верификации данных, что открывает путь к упреждающей аналитике. Таким образом, для полного раскрытия потенциала цифровизации требуется переход от разрозненных инициатив к реализации единой стратегии, включающей нормативное закрепление доступа, создание интеграционных аналитических платформ и развитие formalизованных методик работы с цифровыми данными.

Литература

1. Хатов Э.Б. Организация информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры: монография. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 220 с.

2. Амирбеков К.И., Воронцов А.А., Жигоцкий П.Э. и др. Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города, района: методическое пособие. М., 2013. 111 с.

3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» // Доступ из системы «ИСОП».

4. Методические рекомендации о порядке проведения надзорных мероприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/95170345-e5954167/> (дата обращения: 18.01.2026).

5. Приказ МВД России от 11 января 2016 г. № 1 «Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации Сервиса обеспечения охраны общественного порядка»

6. Гайдуков И.Ю. Расширение подхода к цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации / И.Ю. Гайдуков // Инновационные подходы в современной науке: сб. ст. по материалам ССII Международной научно-практической конференции «Инновационные подходы в современной науке». – № 22(202). – М., Изд. «Интернаука», 2025

7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.07.2020 № 380 «О совершенствовании информационно-аналитической деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации» // Доступ из системы «ИСОП».

8. Обзор результатов рассмотрения докладных записок о совершенствовании надзорной и иной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации от 24.10.2023 № ИСУБ-85-4808-23; Обзор результатов рассмотрения докладных записок о совершенствовании надзорной и иной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации от 29.10.2024 № ИСУБ-85-12383-24/9086.

9. Обзор положительного опыта проведения мероприятий по освоению цифровых компетенций от 16.05.2024 № 11-04-2024/ИП12863-24. Доступ из системы «ИСОП».

10. Лихачёва Е.Ю. Новый подход к информационно-аналитической деятельности в органах прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. №3. С. 42-47

Application of Digital Technologies in the Information and Analytical Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Gaidukov I.Yu.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the use of digital technologies in the information and analytical activities of the prosecutor's office. The relevance of the digitalization of this key area of prosecutorial work, without which effective supervision is impossible, is considered. Based on the analysis of scientific literature, departmental documents of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation and the generalization of practice, the article examines the stages of information and analytical activity (identification of sources, collection, accounting, analysis of information) from the point of view of the implementation of information systems and databases. Special attention is paid to the positive experience of regional prosecutor's offices in using information resources. The author has developed and applies the software "State of Crime" AIS. The conclusion is made about the need for a systematic approach, including ensuring the prosecutor's office's direct access to state databases, developing algorithms for automated analysis and creating methods for cross-system verification of information to improve the effectiveness of supervisory activities.

Keywords: prosecutor's office, information and analytical activity, prosecutorial supervision, digitalization, big data, information systems, automation, databases.

References

1. Khatov E.B. Organization of Information and Analytical Activities of the Prosecutor's Office: Monograph. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. 220 p.

2. Amirbekov K.I., Vorontsov A.A., Zhigotsky P.E., et al. Information and Analytical Activities of the City and District Prosecutor's Office: Methodological Guide. Moscow, 2013. 111 p.
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated October 23, 2023, No. 730 "On the Organization of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws When Receiving, Registering, and Resolving Reports of Crimes in the Inquiry and Preliminary Investigation Bodies" // Access from the "ISOP" system.
4. Methodological Recommendations on the Procedure for Conducting Supervisory Measures in the Sphere of Housing and Public Utilities [Electronic Resource]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/95170345-e5954167/> (accessed: 18.01.2026).
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 11, 2016 No. 1 "Issues of Operation of Software for the Implementation of the Public Order Maintenance Service"
6. Gaidukov I.Yu. Expanding the Approach to the Digital Transformation of the Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation / I.Yu. Gaidukov // Innovative Approaches in Modern Science: collection of articles based on the materials of the CCII International Scientific and Practical Conference "Innovative Approaches in Modern Science". - No. 22 (202). - Moscow, Publ. "Internauka", 2025
7. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated July 16, 2020 No. 380 "On improving information and analytical activities in the prosecutor's offices of the Russian Federation" // Access from the "ISOP" system.
8. Review of the results of the review of reports on improving the supervisory and other activities of the prosecutor's offices of the Russian Federation dated October 24, 2023 No. Isub-85-4808-23; Review of the results of the review of reports on improving the supervisory and other activities of the prosecutor's offices of the Russian Federation dated October 29, 2024 No. Isub-85-12383-24/9086.
9. Review of Positive Experiences in Conducting Events to Develop Digital Competencies, No. 11-04-2024/lp12863-24, May 16, 2024. Accessed from the "ISOP" system.
10. Likhacheva, E.Yu. "A New Approach to Information and Analytical Activities in the Prosecutor's Office" // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. No. 3. pp. 42-47.

Правовые механизмы защиты от вторичных санкций в M&A

Пуховский Алексей Иванович

Магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассмотрены правовые механизмы минимизации рисков вторичных санкций в сделках слияний и поглощений (M&A). Показано, что экстерриториальная природа вторичных санкций США (на базе Е.О. 14024 и Е.О. 14114) в сочетании с «Правилом 50 %» OFAC и эволюцией европейского режима (Reg. 2271/96 и анти-обходные инструменты ЕС после 2022 г.) формирует для международных сделок устойчивую зону правовой неопределенности. Исследование опирается на анализ первичных источников (Е.О. 14024/14114, разъяснения OFAC, Регламент ЕС 2271/96, российские контрмеры), компартивно-правовое сопоставление режимов США-ЕС-РФ и казуистический разбор прецедентов (Lamesa, Bank Mell, Schansman) с проекцией на фазы M&A (term sheet, SPA, closing, post-closing). Целью данной статьи является выявление правовых механизмов, направленных на минимизацию рисков вторичных санкций в M&A-транзакциях. На материале ключевых прецедентов (Lamesa v. Cynergy, Bank Mell, Schansman v. Sberbank) и статистики российского рынка обосновываются практики договорного инжиниринга: санкционные заверения и гарантии, целевые indemnities, триггеры приостановления/расторжения, а также интеграция расширенного санкционного due diligence (EDD) во все фазы сделки. Новизна работы заключается в определении «санкционного дизайна» M&A-документации как автономного слоя защиты, сопоставимого по значимости с финансовой структурой сделки, и в предложении воспроизводимой методики оценки санкционного риска на стыке догматики, кейс-ло и эмпирики рынка. Практическая ценность состоит в разработке набора проверочных критериев для настройки R&W, indemnities и условий закрытия с учётом US-nexus и европейских коллизионных ограничений.

Ключевые слова: вторичные санкции; OFAC; «правило 50 %»; Е.О. 14024; Регламент ЕС 2271/96; M&A; санкционная проверка (EDD); заверения и гарантии (R&W); санкционная оговорка; US-nexus.

Расширение санкционных режимов 2022–2025 гг. придало российскому рынку M&A черты «стратегического базара»: сделки всё чаще мотивированы политикой, а стоимость активов определяется скорее санкционным статусом их собственников, чем экономическими характеристиками. Вторичные санкции – инструмент, с помощью которого государство-инициатор воздействует на третью страны, вынуждая их соблюдать первичные ограничения. В отличие от первичных санкций, адресованных резидентам соответствующей юрисдикции, вторичные санкции нацелены на иностранные юридические и физические лица, взаимодействующие с подсанкционными субъектами. Такой экстерриториальный подход позволяет США лишать иностранные компании доступа к американской финансовой системе и угрожать исключением из рынка за сотрудничество с санкционированными лицами³⁹. Это создает зону правовой неопределенности: с одной стороны, участники M&A обязаны соблюдать санкционные требования, чтобы не потерять доступ к долларовой инфраструктуре; с другой – законодательство ЕС и России запрещает подчиняться иностранным ограничениям и предусматривает ответственность за содействие их исполнению.

Цель настоящей статьи – на основе сравнительно-правового и казуистического анализа предложить правовые механизмы защиты M&A-сделок от вторичных санкций.

Задачи исследования: 1) раскрыть нормативную рамку американского, европейского и российского санкционных режимов; 2) изучить судебную практику, формирующую подходы к санкционным рискам в частном праве; 3) сформулировать рекомендации для структурирования M&A-сделок в условиях коллизии правовых систем.

Методологическая основа сочетает нормативный анализ (изучение исполнительных указов США и регламентов ЕС), сравнительно-правовой подход (сопоставление санкционных режимов США, ЕС и России) и эмпирический анализ кейсов. Используются открытые данные о российском рынке M&A за I полугодие 2025 г., приведённые информационным агентством AK&M. Казуистический элемент основан на разборе трёх прецедентов, актуальных для M&A: Lamesa v. Cynergy (Англия), Bank Mell Iran v. Telekom Deutschland (CJEU) и Schansman v. Sberbank (2-й окружной суд США).

Исполнительный указ Executive Orders 14024 от 15 апреля 2021 г. объявил, что «вредоносные внешние действия Правительства Российской Федерации» создают чрезвычайную угрозу национальной безопасности США. Документ предписывает блокировать «все имущество и интересы в имуществе» лиц, которые, по мотивированному решению министра финансов, «действуют или работают» в отдельных секторах российской экономики или «материально содействуют» санкционным субъектам⁴⁰. Блокировка означает, что американским лицам и юридическим лицам под их контролем запрещено распоряжаться этими активами, а иностранные компании, использу-

³⁹ См. Meagher, Daniel. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, № 3. P. 999. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения: 15.10.2025)

⁴⁰ Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 73. P. 20249–20252. Doc. 2021-08098. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf> (дата обращения: 15.10.2025)

зующие долларовые расчёты, рискуют попасть под вторичные санкции за обслуживание операций с подсанкционными лицами⁴¹.

Указ Executive Orders 14114 от 22 декабря 2023 г. со средоточен на иностранных финансовых учреждениях: министру финансов предоставлено право ограничивать или запрещать открытие и обслуживание корреспондентских или платёжных счетов иностранных банков, если они «существуют или облегчают значимые транзакции» в интересах лиц из санкционного списка. Эти меры применяются «несмотря на любой заключённый до даты издания приказа контракт», что усиливает конфликт с частноправовыми обязательствами⁴². В совокупности два указа формируют экстерриториальный механизм контроля: даже сделки между нерезидентами, не имеющие прямой связи с США, попадают под риск, если присутствует US-nexus (долларовый платёж, корреспондентский счёт или американская юрисдикция одного из участников).

Управление по контролю за иностранными активами Минфина США (Office of Foreign Assets Control, далее OFAC) применяет «правило 50 %» (FAQ 401), согласно которому компания считается санкционной, если подсанкционное лицо прямо или косвенно владеет 50 % и более ее уставного капитала⁴³. Это правило распространяет блокирующие санкции на все дочерние структуры, даже если они не внесены в список SDN. Для M&A это означает необходимость детального анализа цепочек владения и проверки бенефициарных собственников на ранних стадиях сделки.

В ответ на экстерриториальные меры США Евросоюз принял Регламент (ЕС) № 2271/96, известный как «блокирующий статут»⁴⁴. В преамбуле регламента подчёркивается, что законы некоторых третьих государств «претендуют на регулирование деятельности физических и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией государств-членов», и что их экстерриториальное применение «нарушает международное право и препятствует достижению целей Союза»⁴⁵. Статья 5 регламента запрещает европейским лицам исполнять требования, основанные на законах, перечисленных в Приложении, включая американские санкционные акты⁴⁶. Статья 6 даёт пострадавшим право требовать возмещения убытков, причинённых исполнением таких требований. Таким образом, европей-

ские компании оказываются в правовом тупике: соблюдение вторичных санкций США может привести к нарушению права ЕС и обязательству компенсировать ущерб.

Российские нормативные акты (Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» от 30.12.2006 № 281-ФЗ⁴⁷ и Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»⁴⁸) запрещают соблюдать санкции недружественных государств, вводят уголовную и административную ответственность за содействие их исполнению и предусматривают систему разрешений на сделки с недружественными лицами. Эти меры усиливают коллизию: участники M&A, действующие на территории РФ или имеющие российские активы, несут риски двойной ответственности.

Судебная практика по вторичным санкциям и блокирующему регламенту ЕС задаёт рамки договорного поведения и комплаенса в трансграничных сделках. В деле Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd (EWCA Civ 821, 2020) спор возник из кредитного соглашения с оговоркой, по которой неплатёж не считается дефолтом, если просрочка вызвана исполнением «mandatory law»⁴⁹. После включения Виктора Вексельберга в список SDN банк прекратил платежи, ссылаясь на риск вторичных санкций. Апелляционный суд признал, что «mandatory law» охватывает не только прямые запреты, но и нормы, устанавливающие санкции за содействие подсанкционным лицам; в качестве примера суд сослался на § 5(b) Ukraine Freedom Support Act 2014, обязывающий президента США вводить меры против иностранных финучреждений, участвующих в значимых транзакциях с SDN⁵⁰. Поскольку банк действовал для соблюдения такого закона, отказ от платежа признан правомерным⁵¹.

Иная логика прослеживается в праве ЕС. В деле Bank Mellini Iran v. Telekom Deutschland GmbH (C-124/20, CJEU, 2021) оператор расторг договор из-за опасений перед американскими санкциями после включения иранского банка в SDN-лист⁵². Суд ЕС напомнил, что преамбула Регламента № 2271/96 (Blocking Statute) квалифицирует экстерриториальное применение законов третьих стран как противоречащее международному праву и целям ЕС, а статья 5 запрещает компаниям ЕС исполнять такие требования. Национальные суды должны учитывать приори-

⁴¹ Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 73. P. 20249. Doc. 2021-08098. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

⁴² См. Executive Order 14114 of December 22, 2023. Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. 26 Dec. 2023, 88 FR 89271–89274.

⁴³ OFAC. FAQ 401: "OFAC's 50 Percent Rule. URL: <https://ofac.treasury.gov/faqs/401> (дата обращения: 19.10.2025)

⁴⁴ Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country... Official Journal of the European Communities. 1996. L 309. P. 1-6. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj> (дата обращения: 19.10.2025)

⁴⁵ См. *Lonardo Luigi* (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1. <https://doi.org/10.1017/cel.2023.11>

⁴⁶ См. *Lonardo Luigi* (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1. <https://doi.org/10.1017/cel.2023.11>

⁴⁷ См. Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» от 30.12.2006 № 281-ФЗ (в ред.

08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44; Российская газета. 2007. 10 янв. № 4264.

⁴⁸ Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466.

⁴⁹ Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd. – [2020] EWCA Civ 821. – Court of Appeal (Civil Division). 30.06.2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (дата обращения 19.10.2025)

⁵⁰ Ukraine Freedom Support Act of 2014 Pub. L. 113-272; 128 Stat. 2952; 18.12.2014. § 5(b). URL: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf> (дата обращения: 19.10.2025)

⁵¹ См. *Meagher, Daniel*. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, No. 3. P. 999. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения: 15.10.2025)

⁵² Bank Mellini Iran v. Telekom Deutschland GmbH. – Case C-124/20. – Judgment of 21.12.2021. ECLI:EU:C:2021:1035. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-124/20> (дата обращения 19.10.2025)

тет права ЕС и проверять, создаёт ли угроза санкций «серьёзный ущерб», который способен оправдать отступление; дело возвращено для фактической оценки, но общий вывод таков: один лишь риск вторичных санкций не освобождает европейских контрагентов от обязанностей по блокирующему регламенту¹.

Американская практика демонстрирует отдельный вектор рисков. В деле *Schansman v. Sberbank of Russia PJSC* (2-й окружной суд США, 2025) истцы утверждали, что банк через корреспондентские счета в США финансировал вооружённые формирования². Суд указал, что статус государственного банка не гарантирует иммунитет по FSIA, если спор основан на коммерческой деятельности; к таким искам может применяться и Закон о борьбе с терроризмом (ATA). Следовательно, иностранные госбанки остаются уязвимы к ответственности за «материальную поддержку» через американскую финансовую систему, даже при косвенном использовании корреспондентских счетов³.

Санкционная проверка (sanctions due diligence) представляет собой комплекс мер по идентификации и управлению санкционными рисками. Европейская Комиссия разъясняет, что такая проверка помогает определить, «запрещена ли сделка по праву ЕС» и уменьшить риск ответственности; добросовестная проверка может служить смягчающим обстоятельством и защитой при неумышленном нарушении⁴. Процесс включает сбор информации о контрагенте, выявление «красных флагов» (связи с санкционными лицами, подозрительные маршруты платежей), их верификацию и дополнительные запросы. Руководство ЕС предлагает модель «кто, что, где, почему»: анализировать кто (поставщики, клиенты, бенефициары), что (характер продукции и услуг, включая товары двойного назначения), где (страна происхождения и маршруты), почему (цель использования)⁵. В зависимости от результата проверка может быть поверхностной (background screening) или расширенной (Enhanced Due Diligence, далее EDD), включающей изучение цепочек владения, источников финансирования и политически значимых лиц.

EDD в M&A охватывает весь цикл сделки. На этапе term sheet проверяют санкционный статус цели, структуру собственности и бенефициаров; при красных флагах закрепляют право расторжения или корректировку цены. В Sale and Purchase Agreement (далее SPA) включают заявления и гарантии продавца о соблюдении санкционного и антикоррупционного законодательства, право покупателя на углублённый аудит и условия отказа от закрытия. На closing повторно проверяют санкционные списки в отношении сторон и аффилированных лиц, а также наличие необходимых разрешений регуляторов. После закрытия стороны в оговорённый срок ведут мониторинг изменений

¹ См. *Lonardo Luigi* (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1. <https://doi.org/10.1017/cel.2023.11>

² *Schansman v. Sberbank of Russia PJSC*. № 22-3097. U.S. Court of Appeals for the Second Circuit. Opinion filed 04.02.2025. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca2-22-03097> (дата обращения 19.10.2025)

³ См. *Meagher, Daniel*. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, No. 3. P. 999. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения 15.10.2025)

⁴ См. *Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando*. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: <https://dwarfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions> (дата обращения 15.10.2025)

в санкционных списках и обязуются уведомлять друг друга о наступлении санкционного события.

Англо-американская практика широко использует Representations & Warranties (R&W) – заверения о фактах и обязательства сторон. Специальные «санкционные» заверения требуют от продавца подтверждения, что ни он, ни его аффилированные лица не являются субъектами санкций, не находятся под контролем подсанкционных лиц и не осуществляли запрещённых транзакций. Такой подход позволяет покупателю потребовать возмещения убытков (indemnity) в случае недостоверности заявления⁶. ния⁶.

Indemnity-положения закрепляют обязанность стороны компенсировать убытки, понесённые другой стороной из-за нарушения санкционных или антикоррупционных требований. В контексте M&A рекомендуется предусматривать, что если после закрытия сделки обнаружится факт нарушения санкционного режима, продавец возместит все штрафы, сборы и судебные расходы. При этом может устанавливаться предел общей ответственности (cap) и срок, в течение которого покупатель вправе предъявить претензию.

В договоры включают самостоятельные санкционные оговорки, чтобы адаптироваться к быстро меняющемуся режиму. Оговорка о приостановлении или расторжении даёт право остановить исполнение или прекратить сделку при попадании стороны или её бенефициаров в санкционные списки. Carve out освобождает от платежей или поставок, если их исполнение повлечёт нарушение санкционного законодательства. Long stop date устанавливает предельный срок закрытия; по его истечении стороны вправе отказаться от сделки при отсутствии требуемых разрешений. Совокупность этих механизмов делает договор гибче и снижает риск признания сделки ничтожной.

По данным информационного агентства AK&M, в первой половине 2025 г. объём российского рынка M&A (с порогом раскрытия 1 млн долл.) снизился на 12,3 % до 18,67 млрд долл. по сравнению с первым полугодием 2024 г. (21,29 млрд долл.). Число сделок сократилось с 219 до 201 (-8,2 %), а средняя стоимость реализованного актива выросла на 32,7 % до 68,4 млн долл. Высокая ключевая ставка Банка России (21 % весной 2025 г.) и усиление санкций ограничивали активность инвесторов. Доля принудительных национализаций составила 21,2 % общей стоимости сделок (3,95 млрд долл.), в том числе продажа доли 45 % в Альфа-Банке партнёру А. Козогову (1,75 млрд долл.) и вхождение государственного контролёра в онлайн-классифайд Avito (1,23 млрд долл.)⁷. Эти цифры свидетельствуют, что санкционная среда смещает фокус рынка от классических стратегических поглощений к вынужденным продажам, национализации и закупке технологических компаний для импортозамещения.

insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions (дата обращения 15.10.2025)

⁵ См. *Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando*. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: <https://dwarfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions> (дата обращения 15.10.2025)

⁶ См. *Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando*. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: <https://dwarfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions> (дата обращения 15.10.2025)

⁷ См. Информационное агентство AK&M. Пятая часть объема рынка M&A в первом полугодии – национализации по суду // mergers.akm.ru. 06.08.2025. URL: <https://mergers.akm.ru/stats/pyataya-chast-obema-rynka-m-a-v-pervom-polugodii-natsionalizatsii-po-sudu/> (дата обращения 15.10.2025)

Российская академическая литература и аналитические отчёты подтверждают, что санкции и контранкции серьёзно трансформируют рынок M&A. В работе П.О. Парамонова и Н.Я. Головецкого отмечается, что весной 2022 года российский рынок сделок M&A начал «приобретать новые черты», поскольку санкционное давление затронуло государственный долг, банковский сектор, торговлю, инвестиции, транспорт, визы и активы отдельных лиц и компаний¹. Авторы подчёркивают, что для смягчения напряжённости законодатели увеличили порог стоимости сделок, требующих согласования ФАС, до 2 млрд руб., что сделало рынок более свободным². Они приводят статистику: в 2022 г. число сделок M&A сократилось до 515 (-14 % к 2021 г.), но в первой половине 2023 г. их количество выросло на 28,6 %.

Ю. А. Власова подчёркивает, что «усиление санкционного давления остаётся существенным внешним риском для российской экономики»; западные страны вводят ограничения против компаний и финансовых институтов, взаимодействующих с подсанкционными лицами³. Автор фиксирует тенденцию редомициляции: головные компании переносят регистрацию в дружественные юрисдикции, чтобы избежать странового и репутационного риска, и такая активность, по её мнению, способствует росту отечественного рынка M&A⁴. Ю. А. Власова также отмечает, что «классические методы оценки стоимости бизнеса теряют актуальность», поскольку иностранные продавцы предлагают активы с большим дисконтом; стороны используют гибридные механизмы ценообразования и отложенные платежи⁵. Несмотря на то, что большинство российских компаний не подпадает под прямые санкции, иностранные ограничения приводят к ограничению доступа к технологиям, росту стоимости материалов и сложностям в международном финансировании; страны-посредники иногда отказываются предоставлять услуги из-за риска вторичных санкций⁶.

И.Г. Плотников в статье «Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций» отмечает, что вторичные санкции нацелены против третьих лиц, поддерживающих подсанкционных субъектов, и критиковал их как «нарушающие принципы суверенитета и правовой определённости»⁷. Он указывает, что российские юридические лица и банки всё чаще обращаются в международные судебные инстанции, включая Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, чтобы оспорить применение таких санкций⁸. Среди практических стратегий он выделяет схемы с посредниками: российская компания переводит средства дружественной иностранной фирме, которая затем перечисляет их иностранному контрагенту; аналогично, товары направляются через посредников, а из-за ограничений SWIFT развиваются агентские договоры. Параллельный импорт через третьи страны временно легализован как мера поддержки бизнеса⁹.

¹ См. Парамонов, П. О. Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций / П. О. Парамонов, Н. Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. – 2024. Т. 16. № 1. С. 4.

² См. Парамонов, П. О. Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций / П. О. Парамонов, Н. Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. – 2024. Т. 16. № 1. С. 4.

³ См. Власова Ю.А. Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 52.

⁴ См. Власова Ю.А. Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 52.

⁵ См. Власова Ю.А. Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 53.

Ещё в 2014 г. Л.И. Лугачёва и М.М. Мусатова показывали, что государство рассматривало возможность ускоренной приватизации пакетов акций энергетических компаний: обсуждалась продажа части акций «Роснефти» уже в 2014 г., хотя выход из контрольных пакетов полностью не планировался¹⁰. Этот пример демонстрирует, что ещё до массового ужесточения санкционного режима власти искали баланс между сохранением контроля и привлечением инвестиций.

Обобщая российские исследования, можно сделать вывод, что санкционное давление приводит к сокращению и трансформации рынка M&A, появлению новых механизмов ценообразования и структурирования сделок, росту редомициляции и использованию правовых стратегий, направленных на обход ограничений. Российские компании и государство адаптируют свою деятельность, балансируя между требованиями внешних санкционных режимов и внутренними мерами регулирования.

Таким образом, экстерриториальный характер американских вторичных санкций, усиленный «правилом 50 %», позволяет контролировать поведение неамериканских компаний, угрожая им исключением из американского рынка и блокировкой активов. Европейский союз реагирует блокирующим регламентом, который запрещает компаниям ЕС исполнять такие требования и предоставляет средства защиты пострадавшим. Российские контрмеры, в свою очередь, криминализуют содействие исполнению недружественных санкций. Анализ прецедентов Lamesa, Bank Melli и Schansman показывает, что суды разных юрисдикций по-разному оценивают значение санкционного риска: английские суды признают его обязательным правовым требованием, суд ЕС настаивает на приоритете блокирующего регламента, а американские суды расширяют юрисдикцию в отношении иностранных банков, участвующих в финансировании санкционных субъектов.

В таких условиях для безопасности M&A-сделок необходим многоуровневый санкционный дизайн: интеграция расширенной санкционной проверки на всех стадиях сделки, включение специальных заверений, гарантии и indemnities в договор, а также гибкие условия приостановления и расторжения. Эти инструменты позволяют управлять рисками, соблюдать различные правовые режимы и минимизировать вероятность материальных потерь в условиях нарастающего санкционного давления.

Литература

1. Власова Ю.А. Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 49-54.

2. Информационное агентство АК&М. Пятая часть объема рынка M&A в первом полугодии – национализации по суду // mergers.akm.ru. 06.08.2025. URL: <https://mergers.akm.ru/stats/pyataya-chast-obema-rynka-m-a-v-pervom-polugodii-natsionalizatsii-po-sudu/> (дата обращения: 15.10.2025).

⁶ См. Власова Ю.А. Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 53.

⁷ См. Плотников И. Г. Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 163.

⁸ См. Плотников И. Г. Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 164.

⁹ См. Плотников И. Г. Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 164.

¹⁰ Лугачёва Л.И., Мусатова М.М. Санкции и российский рынок слияний и поглощений // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 12 (486). С. С.109.

3. Лугачёва Л.И., Мусатова М.М. Санкции и российский рынок слияний и поглощений // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 12 (486). С. 99-112.
4. Парамонов, П. О. Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций / П. О. Парамонов, Н. Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 1. С. 1-12.
5. Плотников И. Г. Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 163-166.
6. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466.
7. Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» от 30.12.2006 № 281-ФЗ (в ред. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44; Российская газета. 2007. 10 янв. № 4264.
8. Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. – Case C-124/20. – Judgment of 21.12.2021. ECLI:EU:C:2021:1035. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-124/20> (дата обращения: 19.10.2025).
9. Lonardo Luigi (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1-24. URL: <https://doi.org/10.1017/cel.2023.11>.
10. Meagher, Daniel. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, № 3. P. 999-1030. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
11. Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: <https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions> (дата обращения: 15.10.2025).
12. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country... Official Journal of the European Communities. 1996. L 309. P. 1-6. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj> (дата обращения: 19.10.2025).
13. Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 73. P. 20249-20252 (P. 20249). Doc. 2021-08098. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).
14. Executive Order 14114 of December 22, 2023. Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. 26 Dec. 2023, 88 FR 89271-89274.
15. Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd. [2020] EWCA Civ 821. Court of Appeal (Civil Division). 30.06.2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).
16. OFAC. FAQ 401: "OFAC's 50 Percent Rule. URL: <https://ofac.treasury.gov/faqs/401> (дата обращения: 19.10.2025).
17. Schansman v. Sberbank of Russia PJSC. № 22-3097. – U.S. Court of Appeals for the Second Circuit. Opinion filed 04.02.2025. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca2-22-03097> (дата обращения: 19.10.2025).
18. Ukraine Freedom Support Act of 2014 Pub. L. 113-272; 128 Stat. 2952; 18.12.2014. § 5(b). URL: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).
- Legal Mechanisms for Protecting Against Secondary Sanctions in M&A Pukhovsky A.I.**
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
This article examines legal mechanisms for minimizing the risk of secondary sanctions in mergers and acquisitions (M&A) transactions. It demonstrates that the extraterritorial nature of US secondary sanctions (based on E.O. 14024 and E.O. 14114), combined with OFAC's "50% Rule" and the evolution of the European regime (Reg. 2271/96 and EU anti-circumvention instruments after 2022), creates a persistent zone of legal uncertainty for international transactions. The study is based on an analysis of primary sources (E.O. 14024/14114, OFAC clarifications, EU Regulation 2271/96, Russian countermeasures), a comparative legal comparison of the US-EU-Russia regimes, and a casuistic analysis of precedents (Lamesa, Bank Melli, Schansman) with a projection onto M&A phases (term sheet, SPA, closing, post-closing). The purpose of this article is to identify legal mechanisms aimed at minimizing the risk of secondary sanctions in M&A transactions. Using key precedents (Lamesa v. Cynergy, Bank Melli, Schansman v. Sberbank) and Russian market statistics, contractual engineering practices are substantiated: sanctions representations and warranties, targeted indemnities, suspension/termination triggers, and the integration of enhanced sanctions due diligence (EDD) into all phases of the transaction. The novelty of this work lies in defining the "sanctions design" of M&A documentation as an autonomous layer of protection, comparable in importance to the financial structure of the transaction, and in proposing a reproducible methodology for assessing sanctions risk at the intersection of dogmatics, case studies, and market empirics. The practical value lies in developing a set of verification criteria for adjusting R&W, indemnities, and closing conditions, taking into account the US nexus and European conflict of laws restrictions.
- Keywords: secondary sanctions; OFAC; "50% rule"; E.O. 14024; EU Regulation 2271/96; M&A; sanctions due diligence (EDD); representations and warranties (R&W); sanctions clause; US nexus.
- References**
1. Vlasova Yu. A. Assessment of the State of the Russian Mergers and Acquisitions Market in the Current Economic Conditions // Audit Reports. 2025. No. 1. pp. 49-54.
 2. Information Agency AK&M. One Fifth of the M&A Market Volume in the First Half of the Year – Nationalizations by Court Orders // mergers.akm.ru. 06.08.2025. URL: <https://mergers.akm.ru/stats/pyataya-chast-obermanyka-m-a-v-pervom-polugodii-natsionalizatsii-po-sudu/> (date of access: 15.10.2025).
 3. Lugacheva L. I., Musatova M. M. Sanctions and the Russian Mergers and Acquisitions Market // All-Russian Economic Journal ECO. 2014. No. 12 (486). P. 99-112.
 4. Paramonov, P. O. Trends in the Russian M&A Market under Economic Sanctions / P. O. Paramonov, N. Ya. Golovetsky // Bulletin of Eurasian Science. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-12.
 5. Plotnikov, I. G. Legal Strategies of Russian Companies under International Sanctions // Eurasian Advocacy. 2024. No. 5 (70). Pp. 163-166.
 6. Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2022 No. 81 (as amended on 20.05.2024) "On Additional Temporary Economic Measures to Ensure the Financial Stability of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 10. Art. 1466.
 7. Federal Law "On Special Economic Measures and Coercive Measures" dated December 30, 2006 No. 281-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (Part I). Art. 44; Rossiyskaya Gazeta. 2007. January 10. No. 4264.
 8. Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. – Case C-124/20. – Judgment of December 21, 2021. ECLI:EU:C:2021:1035. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-124/20> (access date: 10/19/2025).
 9. Lonardo Luigi (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1-24. URL: <https://doi.org/10.1017/cel.2023.11>.
 10. Meagher, Daniel. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, № 3. P. 999-1030. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (accessed 10/15/2025).
 11. Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: <https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions> (access date: 10/15/2025).
 12. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country... Official Journal of the European Communities. 1996. L 309. P. 1-6. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj> (access date: 10/19/2025).

13. Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specify Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, No. 73. P. 20249–20252 (P. 20249). Doc. 2021-08098. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf> (accessed 10/15/2025).
14. Executive Order 14114 of December 22, 2023. Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. 26 Dec. 2023, 88 FR 89271-89274.
15. Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd. [2020] EWCA Civ 821. Court of Appeal (Civil Division). 06/30/2020. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (accessed 10/19/2025).
16. OFAC. FAQ 401: "OFAC's 50 Percent Rule." Available at: <https://ofac.treasury.gov/faqs/401> (Accessed October 19, 2025).
17. Schansman v. Sberbank of Russia PJSC. No. 22-3097. – U.S. Court of Appeals for the Second Circuit. Opinion filed February 4, 2025. Available at: <https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca2-22-03097> (Accessed October 19, 2025).
18. Ukraine Freedom Support Act of 2014 Pub. L. 113-272; 128 Stat. 2952; December 18, 2014. § 5(b). Available at: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf> (accessed October 19, 2025).

Конституционные основы информационной безопасности в зарубежных странах: права личности, пределы вмешательства государства и гарантии контроля

Толокнова Алина Алексеевна

студент Рязанского Государственного Университета им. С.А. Есенина, alinka.toloknova@mail.ru

В статье рассматриваются конституционные основы информационной безопасности в зарубежных странах через систему прав и свобод, которые задают правила обращения с информацией в публичной и частной сферах. Показано, что даже там, где термин информационная безопасность прямо не употребляется, ее содержание формируется нормами о неприкосновенности частной жизни, тайне коммуникаций, свободе выражения мнения и защите персональных данных. На примере конституций Испании, Португалии, Германии, Франции и США выделяются устойчивые подходы к соотношению свободы и безопасности, а также роль наднациональных стандартов и процедур контроля.

Ключевые слова: информационная безопасность, зарубежное конституционное право, частная жизнь, тайна связи, персональные данные, соразмерность, судебная защита.

Информационная безопасность сегодня воспринимается не только как задача технической защиты, но и как вопрос правового равновесия. В цифровой среде уязвимы сразу две ценности. Первая это свобода общения и обмена сведениями. Вторая это частная сфера человека, его данные и коммуникации. Поэтому конституционное право зарубежных стран обычно идет не от перечисления технологий, а от базовых гарантий личности и от ответа на вопрос, где проходит граница допустимого вмешательства государства. В учебной литературе по информационному праву подчеркивается, что правовая защита в информационной сфере строится как система гарантий, обязанностей и ответственности, а не как набор технических действий, и эта мысль особенно важна для конституционного анализа, поскольку именно конституция задает рамку, внутри которой должны развиваться отраслевые нормы. [1]

Цель данного текста состоит в том, чтобы показать, какими конституционными средствами зарубежные государства обеспечивают информационную безопасность и какие критерии используются для проверки законности вмешательства в информационную сферу.

На уровне конституционного права информационная безопасность проявляется как пересечение двух направлений. С одной стороны, требуется защищать человека от незаконного доступа к сведениям о его частной жизни и от чрезмерного контроля коммуникаций. С другой стороны, государство обязано охранять общественную безопасность и правопорядок, а значит иногда вынуждено применять меры, которые затрагивают информационные потоки. Здесь особенно важно не подменить юридическую оценку политической риторикой.

Конституционный подход требует, чтобы любое вмешательство имело ясное правовое основание, понятную цель и ограничения, которые можно проверить, иначе сама идея безопасности начинает работать против конституционных ценностей. Для общего понимания того, как разные страны решают эти вопросы, полезны сравнительные учебные пособия по конституционному праву зарубежных стран, поскольку они показывают, что различия чаще лежат не в признании прав, а в способах ограничения и контроля таких ограничений. [13]

Основу информационной безопасности в зарубежных конституционных системах образуют права и свободы, которые защищают личную сферу и одновременно задают пределы действий публичной власти. В европейской правовой традиции ключевым ориентиром для защиты частной жизни выступает статья 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Она закрепляет право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции и допускает вмешательство государства только при соблюдении условий законности и необходимости. [3] В этой конструкции сразу задана логика баланса: частная жизнь признается самостоятельной ценностью, которую нельзя ограничивать по общему соображению удобства или целесообразности, требуются юридические основания и проверяемая необходимость.

Существенное место занимает и тайна коммуникаций, поскольку она защищает сам процесс общения. В Основном законе Германии неприкосновенность тайны переписки и связи закреплена как фундаментальное право, а

ограничения возможны только на основании закона и при наличии предусмотренных процедур контроля. Это демонстрирует важный конституционный принцип: даже когда ограничение допустимо, оно должно быть оформлено так, чтобы исключить произвол и обеспечить возможность проверки правомерности вмешательства. [10]

Отдельной линией проходит защита персональных данных. На практике данные становятся цифровым следом личности, и именно через них чаще всего возникают риски для свободы и частной жизни. Показателен подход Испании, где в Конституции прямо обозначено, что использование информатики должно ограничиваться ради защиты чести и частной жизни и ради полноценного осуществления прав. Такая формула важна тем, что признает: цифровые инструменты способны затрагивать права не меньше, чем традиционные формы вмешательства, и потому требуют особых правовых ограничителей. [6] Португалия идет еще дальше и закрепляет конституционные ориентиры обработки данных, включая права доступа и исправления, а также идею независимого контроля. В результате защита данных становится не технической нормой, а частью конституционной архитектуры, где существенна не только декларация прав, но и процедуры их реального осуществления. [7]

При этом информационная безопасность не может быть сведена лишь к ограничениям ради защиты. Если государство под предлогом безопасности начинает подавлять свободу выражения мнения и доступ к информации, возникает обратная угроза уже для демократического устройства и открытого общественного обсуждения. Для европейского пространства важно, что Хартия Европейского Союза об основных правах одновременно закрепляет и право на уважение частной жизни, и отдельное право на защиту персональных данных. Такой параллельный подход помогает удерживать равновесие, когда безопасность не подменяет свободу, а свобода не отменяет защиту личности. [14]

Даже в наиболее ориентированных на права системах признается, что государство может вмешиваться в информационную сферу ради безопасности, однако решающим становится вопрос о критериях такого вмешательства. В европейской модели эти критерии связываются с качеством закона и проверкой необходимости вмешательства. Важно, чтобы закон был понятен, предсказуем и содержал гарантии от злоупотреблений, иначе человек не может заранее понимать границы допустимого контроля и теряет реальную защиту. Руководство Европейского суда по правам человека по статье 8 Конвенции показывает, что проверка вмешательства строится вокруг предусмотренности законом, легитимной цели, необходимости и наличия эффективных гарантий от злоупотреблений. Тем самым конституционные гарантии превращаются в рабочий инструмент оценки мер государства, а не остаются общей декларацией. [4]

Сравнительный взгляд помогает увидеть, что одна и та же цель достигается разными конституционными средствами. В континентально европейской традиции чаще встречается стремление прямо закрепить защиту данных и частной жизни или развить эти гарантии через правовую доктрину и судебный контроль.

Испания и Португалия демонстрируют конституционную чувствительность к цифровым рискам, поскольку фиксируют ориентиры ограничения обработки информации на уровне основного закона. [7]

Германия при относительной лаконичности текстовых формулировок выстраивает защиту через сочетание конституционных норм и доктринальных подходов. В научных публикациях подчеркивается, что немецкая модель защиты персональных данных опирается на развитую правовую аргументацию и на понимание особой связи данных с автономией личности. [2]

Французская система отличается тем, что значительная часть правовых смыслов раскрывается через конституционный блок и контроль законодателя, что смещает центр тяжести к оценке соответствия закона конституционным принципам, а не к расширению административных полномочий. [9]

Американская модель в значительной степени основана на конституционных поправках и судебном толковании. Для информационной сферы особенно важны гарантии свободы выражения мнения и защита от необоснованных обысков и выемок, поскольку именно они ограничивают произвольный доступ государства к информации. [8]

Для работы с первоисточниками и корректного сопоставления подходов полезны сборники зарубежных конституций, так как они позволяют видеть общую структуру прав и механизмов власти, а не только отдельные нормы. [5]

Конституционные права важны, но они не действуют автоматически, поэтому требуются институты, которые превращают общие гарантии в реальную защиту. К таким механизмам относится судебная защита, включая возможность оспорить вмешательство в частную жизнь и коммуникации. Существенен и независимый контроль в сфере защиты данных, который в ряде стран закрепляется как принцип организации регулирования. Не менее важны парламентский надзор и специальные процедуры контроля там, где меры безопасности неизбежно связаны с закрытыми режимами и повышенным риском злоупотреблений.

Отраслевое информационное право выполняет здесь прикладную функцию, переводя конституционные принципы в конкретные обязанности операторов, процедуры доступа к данным и режимы ответственности. В учебной литературе подчеркивается, что без таких процедур права остаются декларациями, а защита становится выборочной и зависимой от усмотрения. [11]

В итоге конституционные основы информационной безопасности в зарубежных странах формируются прежде всего через систему прав и свобод. Центральными для этой сферы выступают неприкосновенность частной жизни, тайна коммуникаций, защита персональных данных и свобода выражения мнения. Европейские стандарты задают устойчивую модель проверки вмешательства государства через законность, необходимость и наличие гарантий от злоупотреблений, что особенно ясно проявляется при применении статьи 8 Конвенции. [3]

Сопоставление подходов показывает, что информационная безопасность в конституционном смысле почти всегда понимается как баланс, а не как одностороннее усиление контроля: Испания и Португалия закрепляют цифровые риски в конституционных ориентирах, Германия развивает защиту через нормы о тайне связи и доктрину защиты данных, Франция делает акцент на конституционном контроле законодателя, а США опираются на конституционные поправки и судебную практику. [6]

Главный вывод состоит в том, что информационная безопасность становится конституционно обоснованной только тогда, когда меры безопасности связаны законом, ограничены по объему и времени, подконтрольны и обеспечены эффективной судебной защитой, что позволяет защищать и государство, и человека, не разрушая основы правового порядка. [4]

Литература

1. Бачило И.Л. Информационное право : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 419 с. URL: <https://urait.ru/bcode/431119> (дата обращения: 21.12.2025).

2. Горелихина О. А., Шлиньков А. А. Правовая защита персональных данных в Германии // Вопросы экономики и права. 2012. № 3. С. 322–326. URL: https://www.law-journal.ru/files/pdf/201203/201203_322.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

3. Европейская конвенция по правам человека (Рим, 04.11.1950) : измененная и дополненная Протоколами № 11, 14, 15 и др. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (дата обращения: 21.12.2025).

4. Европейский суд по правам человека. Руководство по статье 8 Европейской конвенции по правам человека: право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции : руководство по судебной практике. URL: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_8_rus (дата обращения: 21.12.2025).

5. Избранные конституции зарубежных стран : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. Б. А. Страшун. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2014. 852 с. URL: <https://urait.ru/bcode/377698> (дата обращения: 21.12.2025).

6. Конституция Королевства Испании 1978 г. : текст на рус. яз. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

7. Конституция Португальской Республики (принята 02.04.1976) : текст на рус. яз. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

8. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. : текст на рус. яз. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 21.12.2025).

9. Конституция Французской Республики 1958 г. (принята 04.10.1958) : текст на рус. яз. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

10. Основной закон Федеративной Республики Германия (принят 23.05.1949) : текст на рус. яз. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/Grundgesetz%20Russisch.%20WEB_Zum%20Download.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

11. Рассолов И. М. Информационное право : учебник и практикум для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 415 с. URL: <https://urait.ru/bcode/479850> (дата обращения: 21.12.2025).

12. Растроев С. П. Основы информационной безопасности : учебное пособие. 2-е изд., стереотип. Москва : Издательский центр Академия, 2007. 192 с. URL: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_20711.pdf (дата обращения: 21.12.2025).

13. Тюнина И. И., Стародубцева И. А., Шелудякова Т. В. Конституционное право зарубежных стран : учебное пособие / под ред. И. И. Тюниной ; Воронежский государственный университет. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. 432 с. ISBN 978-5-9273-3373-8. URL: <https://law.vsu.ru/structure/constlaw/literature/pdf/const-pravo-zs-tssh.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

14. Хартия основных прав Европейского Союза (Ницца, 07.12.2000) : текст на рус. яз. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/multilateral treaty/eu/2000/ru/13901> (дата обращения: 21.12.2025).

Constitutional Foundations of Information Security in Foreign Countries: Individual Rights, Limits of State Interference, and Oversight Guarantees

Alina Alekseevna Toloknova

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

This article examines the constitutional foundations of information security in foreign countries through the system of rights and freedoms that set the rules for handling information in both public and private spheres. It shows that even where the term information security is not explicitly used, its substance is shaped by constitutional guarantees of privacy, secrecy of communications, freedom of expression, and personal data protection. Using the constitutions of Spain, Portugal, Germany, France, and the United States as examples, the article identifies stable approaches to balancing freedom and security, as well as the role of supranational standards and oversight procedures.

Keywords: information security, comparative constitutional law, privacy, secrecy of communications, personal data, proportionality, judicial protection.

References

1. Bachilo I. L. Information Law: a textbook for the academic bachelor's degree. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2019. 419 p. URL: <https://urait.ru/bcode/431119> (date of access: 21.12.2025).
2. Gorelikhina O. A., Shlinkov A. A. Legal protection of personal data in Germany // Voprosy ekonomiki i pravo. 2012. No. 3. pp. 322–326. URL: https://www.law-journal.ru/files/pdf/201203/201203_322.pdf (date of access: 21.12.2025).
3. European Convention on Human Rights (Rome, 4 November 1950): as amended and supplemented by Protocols No. 11, 14, 15, etc. Available at: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (Accessed: 21 December 2025).
4. European Court of Human Rights. Guide to Article 8 of the European Convention on Human Rights: the Right to Respect for Private and Family Life, Home and Correspondence: a guide to case-law. Available at: https://ks.echr.coe.int/documents/d/echr-ks/guide_art_8_rus (Accessed: 21 December 2025).
5. Selected Constitutions of Foreign Countries: a study guide for undergraduate and graduate students / ed. B. A. Strashun. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2014. 852 p. URL: <https://urait.ru/bcode/377698> (date of access: 21.12.2025).
6. Constitution of the Kingdom of Spain of 1978: text in Russian. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/spain.pdf> (date of access: 21.12.2025).
7. Constitution of the Portuguese Republic (adopted 02.04.1976): text in Russian. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (date of access: 21.12.2025).
8. Constitution of the United States of America of 1787: text in Russian. lang. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (date of access: 21.12.2025).
9. Constitution of the French Republic of 1958 (adopted 04.10.1958): text in Russian. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe.pdf (date of access: 21.12.2025).
10. Basic Law of the Federal Republic of Germany (adopted 23.05.1949): text in Russian. URL: https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/Grundgesetz%20Russisch.%20WEB_Zum%20Download.pdf (accessed: 21.12.2025).
11. Rassolov I. M. Information Law: a textbook and practical training for universities. 6th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2021. 415 p. URL: <https://urait.ru/bcode/479850> (accessed: 21.12.2025).
12. Rastorguev S. P. Fundamentals of Information Security: a study guide. 2nd ed., stereotype. Moscow: Academy Publishing Center, 2007. 192 p. URL: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_20711.pdf (accessed: 21.12.2025).
13. Tyunina I. I., Starodubtseva I. A., Sheludyakova T. V. Constitutional Law of Foreign Countries: a textbook / edited by I. I. Tyunina; Voronezh State University. Voronezh: VSU Publishing House, 2022. 432 p. ISBN 978-5-9273-3373-8. URL: <https://law.vsu.ru/structure/constlaw/literature/pdf/const-pravo-zs-tssh.pdf> (accessed: 21.12.2025).
14. Charter of Fundamental Rights of the European Union (Nice, 07.12.2000): text in Russian. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/multilateral treaty/eu/2000/ru/13901> (date of access: 21.12.2025).

Контрабанда наличных средств и криптовалюты: сравнительно-правовой анализ (ст. 200.1 УК РФ)

Евсеев Александр Дмитриевич
аспирант, факультет права, НИУ ВШЭ

Евсеев Филипп Дмитриевич
студент, факультет социальных наук, НИУ ВШЭ

Гнаузер Милана
студент, факультет права, НИУ ВШЭ

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного статьей 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации («Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»), применительно к традиционным наличным денежным средствам и криптовалютам. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых финансовых активов, которые создают новые вызовы для правоприменительной практики в сфере противодействия экономическим преступлениям. Цель работы — выявление сходств и различий в квалификации контрабанды наличных и криптовалют, определение правовой природы криптовалют как потенциального предмета данного преступления и анализ возникающих коллизий. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и логический методы. В результате исследования автор приходит к выводу, что криптовалюта, несмотря на отсутствие прямого упоминания в диспозиции ст. 200.1 УК РФ, может быть признана ее предметом по аналогии с наличными деньгами в рамках расширительного толкования, что порождает значительные проблемы доказывания и квалификации. Делается вывод о необходимости законодательной конкретизации, предлагаются пути совершенствования уголовного и валютного законодательства для устранения существующих правовых пробелов.

Ключевые слова: контрабанда, наличные денежные средства, денежные инструменты, криптовалюта, цифровые финансовые активы, валютное регулирование, предмет преступления.

Современная экономическая реальность характеризуется процессами цифровизации, которые затрагивают и сферу денежного обращения. Наряду с традиционными наличными денежными средствами сформировались децентрализованные цифровые активы — цифровая валюта (криптовалюта), доступ к которой обеспечивается посредством криптографических ключей и информационных систем. Эти особенности делают криптовалюту экономически сопоставимой с капиталом и инструментом расчетов, но юридически — отличной от денег и документарных денежных инструментов. Появление и распространение данных активов, поставило перед правовыми системами мира, включая российскую, комплекс сложных вопросов. Одной из наиболее острых проблем в области уголовного права является квалификация перемещения криптовалют через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Статья 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, криминализирующая контрабанду наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, сформулирована в эпоху доминирования фиатных (традиционных) денег. Цифровая валюта как «совокупность электронных данных» в буквальном смысле не является ни наличными, ни документарным денежным инструментом. Следовательно, попытки распространить ст. 200.1 УК РФ на криптовалюту без прямого указания законодателя неизбежно затрагивают принцип законности и запрет применения уголовного закона по аналогии.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости научного осмысливания возможности субсумции (подведение под норму) криптовалют под признаки предмета преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ. Целью статьи является проведение сравнительно-правового анализа контрабанды наличных средств и криптовалюты для выявления специфики квалификации, пробелов правового регулирования и формулирования предложений по совершенствованию законодательства. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) проанализировать объективные и субъективные признаки состава преступления по ст. 200.1 УК РФ; 2) исследовать правовую природу криптовалюты в рамках российского законодательства; 3) определить, может ли криптовалюта быть признана наличными денежными средствами или денежными инструментами; 4) выявить особенности способа совершения и проблемы доказывания контрабанды криптовалют; 5) сравнить правовые режимы и риски, связанные с контрабандой фиатных и цифровых ценностей. Теоретической основой работы послужили труды отечественных ученых в области уголовного, финансового и таможенного права. Методологическую базу составили общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный и метод правового моделирования.

Норма, закрепленная в статье 200.1 УК РФ, направлена на защиту установленного порядка перемещения валютных ценностей через таможенную границу как элемента финансовой безопасности государства. Родовым объектом преступления выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности, непосредственным — отношения в области валютного регулирования и контроля. Объективная сторона характеризуется

действием – перемещением в крупном размере (свыше 100 000 долларов США в эквиваленте) наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу ЕАЭС с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов. Ключевое значение для квалификации имеет точное определение предмета преступления. Согласно примечанию к ст. 200.1 УК РФ, под наличными денежными средствами понимаются денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа в соответствующем государстве. Денежные инструменты – это платежные документы (чеки, векселя) и ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента выплатить денежные средства, в которых не указано лицо, уполномоченное на получение платежа. Таким образом, законодатель связывает предмет преступления с его физической, материальной формой (бумажный носитель, металл) и правовой природой, основанной на государственном суверенитете (законное платежное средство) или обязательстве конкретного эмитента. Способ перемещения – сокрытие или обманное использование документов – указывает на умышленный характер деяния, направленный на уклонение от выполнения требований валютного законодательства, в частности, декларирования. Данный состав является формальным; Момент окончания преступления, предусмотренного статьей 200.1 УК РФ, определяется с учетом формального характера состава и положений таможенного законодательства ЕАЭС. В зависимости от способа совершения незаконного перемещения окончание преступления связывается либо с фактическим пересечением таможенной границы, либо с совершением таможенных операций, направленных на незаконный вывоз наличных денежных средств, если такие действия создавали реальную возможность доведения преступления до конца. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом: лицо осознает, что перемещает крупную сумму наличных или денежных инструментов с нарушением установленного порядка, и желает этого.

Криптовалюта представляет собой цифровую запись в распределенном реестре (блокчейне), ценность которой определяется рыночным спросом и предложением, а не обязательством государства или иного централизованного эмитента. К числу ее ключевых характеристик относится: децентрализация, анонимность (псевдонимность), использование криптографии и трансграничность¹. В российском правовом поле статус криптовалюты формируется фрагментарно и опосредованно. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» закрепил правовой режим цифровых активов, а также ввел основные понятия связанных с ней механизмов, направленные на регулирование отношений, возникающих в информационной системе. Цифровая валюта – это совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые не являются денежной единицей Российской Федерации, иностранной валютой или международной денежной единицей². Закон прямо запрещает принимать ее в качестве средства платежа за товары, работы и услуги. Таким образом, цифровая валюта, включая криптовалюту, не признается законным платежным средством (денежной

единицей) на территории Российской Федерации. Гражданский кодекс РФ (ст. 128 в редакции Закона № 259-ФЗ) относит иное имущество, в том числе цифровые права, бездокументарные ценные бумаги, а также цифровые рубли к объектам гражданских прав, но криптовалюта не является классической ценной бумагой или имущественным правом. На сегодняшний день она квалифицируется как **иное имущество** (позиция Верховного Суда РФ, изложенная в Обзоре судебной практики от 09.07.2021). Данный вывод имеет фундаментальное значение для уголовного права, поскольку: многие составы гл. 21 и 22 УК РФ используют родовое понятие «имущество», под которое криптовалюта может быть подведена (например, при мошенничестве или легализации). Однако признание цифровой валюты носит общий характер и не означает ее автоматического отношения к предмету специальных составов преступлений. В частности, применение соответствующего подхода для ст. 200.1 УК РФ является проблематичным, поскольку данная норма оперирует специальными, строго ограниченными понятиями «наличные денежные средства» и «денежные инструменты», не соответствующие буквальному толкованию определения криптовалют. Возникает правовая коллизия: с одной стороны, криптовалюта – имущество, оборот которого подлежит декларированию (Указ Президента РФ № 147 от 08.03.2022 обязывает резидентов сообщать о наличии криптошельков и операциях с ними), с другой – она не вписывается в предметную конструкцию специальной нормы о контрабанде валютных ценностей.

Криптовалюта не отвечает свойствам понятий, прямо указанных в ст 200.1 УК РФ, однако важно провести грань между их различиями и сходствами через сравнительный анализ ее признаков с легальными дефинициями наличных денег и денежных инструментов. Данный анализ необходим для понимания последствий добавления цифровой валюты в перечень контрабанды или расширения определения иного имущества, в которое она может быть подведена.

Криптовалюта не является денежным знаком в виде банкноты или монеты, не имеет материального воплощения и не признается законным средством платежа на территории РФ. Указанные признаки являются конститутивными для понятия «наличные денежные средства» в примечании к ст. 200.1 УК РФ. Дополнительно следует отметить, что криптовалюта обращается в трансграничной цифровой среде, а не осуществляется в рамках национальной денежной системы, что исключает контроль за ней. Следовательно, прямое отождествление криптовалюты с наличными деньгами невозможно без нарушения принципа толкования уголовного закона в строгом соответствии с его буквой (ст. 3 УК РФ).

Денежный инструмент, в соответствии с определением с ст. 200. 1 УК РФ – это документ, удостоверяющий обязательство эмитента. Криптовалюта не является документом (ни в электронной, ни в бумажной форме), поскольку электронные данные в блокчейне не подпадают под легальное определение электронного документа, требующее наличия идентифицируемой подписи (электронной подписи). Кроме того, у криптовалюты нет конкретного эмитента, обязанного производить выплаты по ней; владение криптовалютой носит фактический характер. Таким образом, криптовалюта не соответствует и признакам денежного инструмента.

¹ Егорова Мария Александровна, Ефимова Людмила Георгиевна. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica. 2019. №7 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-criptovalyut-v-kontekste-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 14.12.2025). С.2

² Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ

Классическая контрабанда предполагает физическое перемещение товара через таможенную границу. Криптовалюта же существует в виде записей в распределенной сети, не имеющей национальных границ. Доступ к ней осуществляется через приватные ключи, которые могут храниться в памяти устройства (телефона, ноутбука) или просто запоминаться человеком. Фактически через границу перемещается не сам актив, а носитель информации: устройство или знания лица в форме доступа (ключи, seed-фразы), благодаря чему создается транзакция, изменяющая принадлежность актива в сети. Можно ли считать это перемещением «предмета» в смысле ст. 200.1 УК РФ? На практике правоохранительные органы, пытаясь квалифицировать такие действия, сталкиваются с серьезной дилеммой. С одной стороны, есть очевидный ущерб валютному контролю и финансовой безопасности. С другой – отсутствие прямого указания в законе создает риск нарушения принципа *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания на то в законе).

Одним из признаков криптовалюты является ее дефляционный характер, по причине которого она имеет возможность ограничения эмиссии. Практически каждый может выпустить собственную электронную валюту, актуальность которой будет определена рынком, не соприкасаясь при этом с контролем банковской системы. Объем эмиссии будет зависеть от заранее заложенного кода в систему блокчейна, от чего инфляция становится предсказуема. В отличие от фиатных валют, данное свойство криптовалюты позволяет создать ее дефицит и сформировать прогнозы предложений, обезопасив валюту от обесценивания. Подобная природа финансового рынка не является привычной для большей части общества, от чего ее сопоставление с традиционной системой не позволяет подвести их к единому предмету.

Допущение возможности применения ст. 200.1 УК РФ к криптовалюте путем расширительного толкования (рассматривая цифровую запись как аналог денежного инструмента или признавая, как «кое имущество» в рамках специальной нормы), на практике создает непреодолимые сложности с доказыванием.

Для констатации крупного размера (свыше \$100 000) необходимо установить стоимость криптовалюты на момент перемещения. Курс криптовалют чрезвычайно волатилен, и определить точную сумму в долларовом эквиваленте в конкретный момент времени (прохождения таможни) технически сложно. Если законодатель внесет криптовалюту в предмет ст. 200.1 УК РФ, потребуется специальное правило о моменте фиксации стоимости и об источнике котировок. С точки зрения принципа законности и предсказуемости наиболее обоснованной является фиксация стоимости на момент окончания преступления (например, на момент пересечения границы с носителем ключа либо на момент совершения/подтверждения транзакции – в зависимости от того, как будет описан способ перемещения). Иное решение (оценка на дату выявления, на дату возбуждения дела или на дату приговора) создаст риск необоснованного расширения ответственности из-за рыночных колебаний, на которые лицо после совершения деяния не влияет. При этом важно понимать, изменения в стоимости криптовалюты могут быть заранее спрогнозированы, что характерно для ее признаков, в связи с этим, необходимо всесторонне оценивать ситуацию, учитывая знания лица, совершившего преступное деяние.

Скрытие от таможенного контроля при перемещении криптовалюты носит принципиально иной характер. Лицо может просто запомнить seed-фразу (сид-фразу) и, не имея при себе никаких электронных устройств, пересечь границу, а затем восстановить доступ к кошельку за рубежом. В таком случае отсутствует не только декларирование, но и любой физический предмет, который можно

было бы подвергнуть таможенному контролю. Обнаружение такого «скрытия» практически невозможно без оперативных данных и признательных показаний.

Установление прямого умысла на незаконное перемещение именно крупной суммы валютных ценностей требует доказательства того, что лицо осознавало обязанность декларирования криптовалюты как аналога валюты. При текущей неопределенности в законе ссылаться на очевидность такого осознания некорректно.

Изъятие и исследование криptoактивов требуют специальных криминалистических знаний и инструментов (анализа блокчейна, работы с аппаратными кошельками), которые пока недостаточно развиты в системе МВД и СК России. Все эти факторы делают привлечение к ответственности по ст. 200.1 УК РФ за контрабанду криптовалюты крайне затруднительным, а судебную перспективу – сомнительной.

Сравнительный анализ позволяет четко выделить дифференцирующие признаки двух видов контрабанды. Контрабанда традиционных наличных средств имеет **четкий правовой режим**: определен предмет и способы контроля (рентген, досмотр, декларация), количество валюты исчисляется просто, а ущерб объекту (валютному контролю) очевиден. Контрабанда криптовалюты существует в **правовом вакууме**: предмет законодательно не включен в норму, способы контроля неэффективны, размер и момент окончания преступления размыты, а доказывание умысла проблематично. Это создает асимметрию в правоприменении и формирует «серую зону» для незаконного трансграничного движения капиталов. Риски, связанные с контрабандой фиатной валютой, – это в первую очередь неопределенность обнаружения и четкой квалификации. Риски, связанные с контрабандой криптовалюты, – это вероятность последующей переквалификации деяния (например, в невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте по ст. 193 УК РФ, если была обязанность, или в легализацию – ст. 174 УК РФ) либо полного освобождения от уголовной ответственности из-за пробела в законе. Судебная практика по ст. 200.1 УК РФ в отношении криптовалют на текущий момент **отсутствует**, что подтверждает тезис о невозможности ее прямого применения.

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, криптовалюта в рамках действующей редакции ст. 200.1 УК РФ не может быть однозначно признана ни наличными денежными средствами, ни денежными инструментами в силу принципиальных различий в правовой природе, форме существования и отсутствия эмитента. Прямое применение данной нормы к случаям незаконного перемещения криптовалюты через таможенную границу сопряжено с нарушением принципа строгого толкования уголовного закона и создает непреодолимые трудности в доказывании. Во-вторых, существующий правовой пробел создает реальную угрозу финансовой безопасности России, позволяя использовать цифровые активы для незаконного вывода капитала, уклонения от налогов и финансирования противоправной деятельности. В-третьих, специфика криптовалюты (цифровая форма, децентрализация, трансграничность) требует разработки специальных уголовно-правовых и процессуальных механизмов противодействия, а не попыток подведения под устаревшие составы. В качестве путей совершенствования законодательства представляется целесообразным: 1) Внести изменения в примечание к ст. 200.1 УК РФ, расширив понятие предмета преступления за счет включения в него «цифровых валют (криптовалют) и иных цифровых финансовых активов, подлежащих декларированию в соответствии с валютным законодательством Российской Федерации». Это обеспечит легальную определенность. 2)

Разработать и закрепить в УПК РФ специальные процедуры доказывания по таким делам: порядок изъятия и хранения ключей доступа, проведения криптографической экспертизы, определения стоимости актива. 3) Описать юридический эквивалент «перемещения через границу» (например, перемещение носителя ключей или совершение трансграничной транзакции), поскольку без этого состав будет неопределенным, а стадии (покушение/окончание) – неприменимыми на практике. 4) Установить в примечании специальный порядок исчисления крупного размера для цифровых валют с учетом их волатильности. Для этого необходимо разработать методику оценки стоимости, в соответствии со сложившимися принципами рынка криптовалюты. Только комплексный законодательный подход, учитывающий технологические особенности цифровых активов, позволит эффективно противодействовать новой форме контрабанды, обеспечивая при этом незыблемость принципов уголовного права.

Литература

1. Егорова Мария Александровна, Ефимова Людмила Георгиевна Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex Russica*. 2019. №7 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiye-criptovalyut-v-kontekste-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 14.12.2025).
 2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
 3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
 4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
 5. Указ Президента РФ от 08.03.2022 № 147 «О порядке осуществления валютных операций, связанных с цифровыми финансовыми активами, и цифровой валютой» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2024).
 6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.07.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 11.
 7. Агапов, И.Г. Контрабанда: уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации / И.Г. Агапов. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 288 с.
 8. Волеводз, А.Г. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием криптовалют: международный опыт и российские реалии / А.Г. Волеводз // Уголовное право. – 2021. – № 5. – С. 23–31.
 9. Головненков, П.А. Цифровая валюта как объект уголовно-правовой охраны: проблемы квалификации / П.А. Головненков // Журнал российского права. – 2022. – № 8. – С. 115–128.
 10. Есаков, Г.А. Уголовная ответственность за преступления в сфере оборота цифровых прав и криптовалют / Г.А. Есаков, А.И. Парог // Закон. – 2021. – № 10. – С. 97–110.
 11. Кибальник, А.Г. Современные международные преступления и преступления международного характера / А.Г. Кибальник. – М.: Проспект, 2018. – С. 245–260.
 12. Комиссаров, В.С. Преступления в сфере экономической деятельности: комментарий к главе 22 УК РФ / В.С. Комиссаров, А.В. Щербаков. – М.: Статут, 2020. – 511 с.
 13. Кривошеин, П.В. Контрабанда наличных денежных средств и денежных инструментов: вопросы теории и практики применения ст. 200.1 УК РФ / П.В. Кривошеин // Российский следователь. – 2019. – № 4. – С. 34–38.
 14. Лопатин, В.Н. Криптовалюта как предмет контрабанды: правовые коллизии / В.Н. Лопатин // Таможенное дело. – 2023. – № 1. – С. 18–22.
 15. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 2: Особенная часть (гл. I–Х) / А.В. Наумов. – 8–е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2022. – 576 с.
 16. Савельев, А.И. Правовой статус криптовалюты в России и за рубежом: монография / А.И. Савельев. – М.: Статут, 2021. – 175 с.
 17. Тюнин, В.И. Финансовые преступления: научно-практический комментарий к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации / В.И. Тюнин, И.В. Шихалев. – М.: Юстицинформ, 2022. – 432 с.
 18. Шишко, И.В. Контрабанда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений / И.В. Шишко // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 59–65.
 19. Щербаков, С.П. Уголовно-правовые аспекты обработа криптоактивов: проблемы и перспективы / С.П. Щербаков // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 6. – С. 42–49.
- Contraband of cash and cryptocurrency: a comparative legal analysis (article 200.1 of the Criminal code of the Russian Federation)**
Evseev A.D., Evseev Ph.D., Gnauser M.
HSE
- The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the offense under Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Smuggling of cash and (or) monetary instruments") in relation to traditional cash and cryptocurrencies. The relevance of the study is due to the rapid development of digital financial assets, which create new challenges for law enforcement practice in combating economic crimes. The purpose of the work is to identify similarities and differences in the qualification of smuggling of cash and cryptocurrencies, to determine the legal nature of cryptocurrency as a potential subject of this crime, and to analyze emerging conflicts. The methodological basis is formed by formal legal, comparative legal, systemic and logical methods. As a result of the study, the author concludes that cryptocurrency, despite the lack of direct mention in the disposition of Art. 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, can be recognized as its subject by analogy with cash within the framework of broad interpretation, which generates significant problems of proof and qualification. The conclusion is made about the need for legislative clarification, and ways to improve criminal and currency legislation to eliminate existing legal gaps are proposed.
- Keywords: smuggling, cash, monetary instruments, cryptocurrency, digital financial assets, currency regulation, subject of crime.
- References**
1. Egorova Maria Aleksandrovna, Efimova Lyudmila Georgievna, "The Concept of Cryptocurrency in the Context of Improving Russian Legislation" // *Lex Russica*. 2019. No. 7 (152). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiye-criptovalyut-v-kontekste-sovershenstvovaniya-rossiyskogo-zakonodatelstva> (accessed: 14.12.2025).
 2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.
 3. Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 31 (Part I). - Art. 5018.
 4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1994. - No. 32. - Art. 3301.
 5. Decree of the President of the Russian Federation of 08.03.2022 No. 147 "On the Procedure for Carrying Out Foreign Exchange Transactions Related to Digital Financial Assets and Digital Currency" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (date accessed: 15.05.2024).
 6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 09.07.2021) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2021. – No. 11.
 7. Agapov, I.G. Smuggling: criminal-legal analysis and problems of qualification / I.G. Agapov. – Moscow: Yurlitinform, 2019. – 288 p.
 8. Volevodz, A.G. Counteracting crimes committed using cryptocurrencies: international experience and Russian realities / A.G. Volevodz // Criminal law. – 2021. – № 5. – pp. 23–31.
 9. Golovnenkov, P.A. Digital currency as an object of criminal-law protection: problems of qualification / P.A. Golovnenkov // Journal of Russian Law. - 2022. - No. 8. - P. 115-128.

10. Esakov, G.A. Criminal liability for crimes in the sphere of circulation of digital rights and cryptocurrencies / G.A. Esakov, A.I. Rarog // Law. - 2021. - No. 10. - P. 97-110.
11. Kibalnik, A.G. Modern international crimes and crimes of an international nature / A.G. Kibalnik. - Moscow: Prospect, 2018. - P. 245-260.
12. Komissarov, V.S. Crimes in the Sphere of Economic Activity: Commentary on Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation / V.S. Komissarov, A.V. Shcherbakov. - M.: Statut, 2020. - 511 p.
13. Krivoshein, P. V. Smuggling of cash and monetary instruments: issues of theory and practice of application of Art. 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / P. V. Krivoshein // Russian investigator. - 2019. - No. 4. - Pp. 34-38.
14. Lopatin, V. N. Cryptocurrency as an item of smuggling: legal collisions / V. N. Lopatin // Customs business. - 2023. - No. 1. - Pp. 18-22.
15. Naumov, A. V. Russian criminal law. Lecture course: in 3 volumes. Volume 2: Special part (Chapters I-X) / A. V. Naumov. - 8th ed., revised and enlarged. - Moscow: Prospect, 2022. - 576 p.
16. Savelyev, A.I. Legal status of cryptocurrency in Russia and abroad: monograph / A.I. Savelyev. - Moscow: Statut, 2021. - 175 p.
17. Tyunin, V.I. Financial crimes: scientific and practical commentary on the articles of the Criminal Code of the Russian Federation / V.I. Tyunin, I.V. Shikhalev. - Moscow: Yustitsinform, 2022. - 432 p.
18. Shishko, I.V. Smuggling: problems of qualification and relationship with related crimes / I.V. Shishko // Criminal law. - 2020. - No. 3. - pp. 59-65.
19. Shcherbakov, S.P. Criminal-legal aspects of crypto-asset turnover: problems and prospects / S.P. Shcherbakov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 6. - P. 42-49.

Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий

Заливин Александр Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, aleks-zalivin@mail.ru

В исследовании проблематизируется сложившаяся в 2024-2025 годах диспропорция между качественной трансформацией киберпреступности и инерционностью отечественного уголовно-процессуального механизма. Актуальность обсуждаемой темы продиктована парадоксальной статистической тенденцией последних лет: на фоне снижения валового количества регистрируемых ИТ-преступлений фиксируется рекордный рост материального ущерба и уровня латентности деяний. Целью в рамках статьи является выявление процессуальных дефектов стадии возбуждения уголовного дела, которые препятствуют эффективной фиксации «цифровых следов» и своевременной квалификации. В центре внимания автора находится явное противоречие между экстерриториальной, мгновенной природой сетевых хищений и архаичной, жестко регламентированной процедурой доследственной проверки, привязанной к физической географии вкупе с длительным бюрократическим согласованием. На основе анализа научной литературы и статистических данных МВД РФ и Генпрокуратуры РФ резюмировано, что ключевым барьером служит не отсутствие уголовно-правовых запретов, а трудность оперативного получения сведений от провайдеров и банков в рамках сроков ст. 144 УПК РФ. Авторский вклад состоит в обосновании тезиса о том, что существующая практика «котказных» материалов является следствием системного конфликта между «тайной связи» и потребностями доказывания, который невозможно разрешить без внедрения упрощенных цифровых протоколов взаимодействия правоохранителей с финансовым сектором. Представленные материалы адресованы законодателям, специалистам в области уголовного процесса, судьям, сотрудникам следственных органов, ищущим пути оптимизации правоприменения в digital-среде.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, квалификация преступлений, киберпреступность, компьютерная информация, мошенничество, подследственность, статистика преступности, территориальная юрисдикция, цифровые следы, электронные доказательства

Введение

Современная экономическая реальность характеризуется фундаментальными преобразованиями под воздействием цифровизации. Информационно-телекоммуникационные технологии (ИТТ) перестали быть обычным инструментом обеспечения бизнес-процессов. Они перешли в разряд самостоятельной среды существования капитала, прав собственности, деловых отношений. Как представляется, это формирует новые возможности для экономического роста. Вместе с тем, возникают и беспрецедентные угрозы. Криминализация цифрового пространства стала одним из ключевых вызовов для правоохранительной системы Российской Федерации в 2020-2025 годах.

Значимость обращения к теме исследования определяется существенным ростом киберпреступности, который, по сути, меняет криминальную статистику. Если в 2013 году количество преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, исчислялось десятками тысяч, то к 2024 году данный показатель достиг 765 тысяч. Это составляет около 40% от общего массива регистрируемой преступности [3].

Между тем, статистика – лишь «верхушка айсберга». Ключевая проблема кроется в процессуальной плоскости, а именно – в стадии возбуждения уголовного дела. Именно на этом этапе правоприменитель сталкивается с коллизией между архаичными формами доследственной проверки и высокотехнологичной природой следообразования в сети. Сложность фиксации «цифровых следов», трансграничность преступлений, задействование злоумышленниками средств анонимизации (VPN, прокси-серверы, криптовалютные миксеры и т. д.) создают ситуацию, при которой значительная часть деяний остается либо латентной, либо «зависает» на этапе проверки сообщения о преступлении (из-за невозможности установить признаки состава в отведенные процессуальные сроки).

Помимо этого, экономический ущерб от подобных деяний растет несоразмерно их количеству. По данным МВД России, только за первые семь месяцев 2025 года ущерб от ИТ-преступлений увеличился на 16%; он составил почти 120 млрд рублей [2]. Это указывает на качественные изменения преступности: она становится профессиональнее, организованнее, технически изощреннее. В описываемом контексте анализ проблем возбуждения уголовных дел анализируемой категории приобретает как правовое, так и макроэкономическое значение, поскольку эффективность уголовного преследования напрямую влияет на инвестиционную привлекательность отечественной цифровой экономики.

Материалы и методы

В изученных при написании статьи источниках демонстрируется сочетание статистико-аналитического, уголовно-правового, криминалистического подходов к исследованию проблем возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Этим обосновывается их комплексное использование в рамках заявленной темы.

Информационные и официально-статистические материалы [1-4, 8] опираются, главным образом, на эмпи-

рико-описательный и количественный анализ. В них фиксируется противоречивая динамика ИТ-преступности (рост ущерба и нераскрытых деяний при одновременном снижении общего числа преступлений). Это указывает на латентность и сложности первоначального этапа уголовного преследования.

В научных публикациях О.И. Захаренко, О.В. Ившиной, Т.Ф. Алиева, А.С. Сокольцовой, А.А. Лебедевой, Р.А. Рамазанова [5-7, 11] применяются уголовно-правовой, криминалистический, прикладной процессуальный подходы; авторы акцентируют внимание на типичных следственных ситуациях, алгоритмах возбуждения дел, профилактических механизмах. При этом по-разному оценивается достаточность действующих процедур и роль оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ правового регулирования, представленный Е.Ю. Перевозниковой [9], базируется на формально-юридическом и системном методах. Выявляется фрагментарность нормативной базы. А разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [10] отражают судебно-интерпретационный подход, который ориентирован на унификацию практики, но не учитывается в полной мере специфика цифровых способов совершения преступлений.

Пробелы литературы проявляются в недостаточной проработке критериев повода и основания для возбуждения уголовного дела именно в цифровой среде, а противоречия – в расхождении статистических оценок и в различной трактовке приоритета процессуальной экономии и защиты прав потерпевших. В связи с этим при подготовке статьи использованы следующие методы: формально-юридический, системный, статистический; проведен анализ судебной и следственной практики; задействованы элементы криминалистического моделирования. Это позволяет согласовать нормативные предписания с реальными условиями возбуждения и начального этапа расследования ИТ-преступлений.

Результаты и обсуждение

Для понимания масштаба рассматриваемой в статье проблемы требуется обратиться к цифрам. Анализ данных ГИАЦ МВД России и Генеральной прокуратуры позволяет выявить интересную тенденцию: после многолетнего непрерывного роста в 2025 году наметилась некоторая стабилизация количественных показателей, сопровождающаяся, однако, ростом тяжести последствий [4, 8]. В таблице 1 представлены ключевые сведения о состоянии киберпреступности за последние два отчетных периода.

Таблица 1
Динамика преступлений, совершенных с использованием ИТТ в РФ (сравнительный анализ 2024-2025 гг.) (составлено на основе [2-4, 8])

Показатель	2024 год (итоговые значения)	Январь-ноябрь 2025 года	Динамика (2025 к 2024, %)
Общее количество зарегистрированных преступлений ИТТ	765 000	627 000	Снижение на 10,8% (в годовом выражении к аналог. периоду)
Удельный вес ИТТ в общей структуре преступности	40,0%	38,2%	Снижение на 1,8 п.п.
Материальный ущерб (млрд руб.)	~100,5 (за 7 мес. 2024 г.)	119,6 (за 7 мес. 2025 г.)	Рост на 16%
Количество нераскрытых преступных деяний	Рост на 20% к 2023 г.	Данные уточняются	Тенденция к росту латентности
Доля мошенничества и краж (в структуре ИТТ)	~65%	62,5%	Стабильно высокая доля

Анализируя информацию из таблицы 1, уместно предположить, что снижение общего вала регистрации в 2025 году сопряжено не столько с реальным уменьшением криминальной активности, сколько с эффектом «высокой

базы» предыдущих лет и, вероятно, с изменением методики учета либо усложнением процедур возбуждения дел по неочевидным составам. Примечателен рост материального ущерба на фоне снижения количества эпизодов. Это прямо указывает на укрупнение среднего размера хищения. Киберпреступники переходят от массовых атак с низким чеком к таргетированным ударам по корпоративному сектору и состоятельным гражданам.

Особую тревогу вызывает статистика раскрываемости. В 2024 году число нераскрытых ИТ-преступлений выросло на 20%. Это говорит о системном отставании оперативных служб от технического прогресса криминалиста. По существу, три четверти киберпреступлений остаются безнаказанными. В итоге подпитывается чувство безнаказанности и провоцируются рецидивы. В структуре деяний превалируют хищения (кражи и мошенничество) – более 62%. При этом наблюдается тревожный рост наркотропствий, которые совершаются бесконтактным способом (+51,6% в структуре ИТТ) [1].

Стадия возбуждения уголовного дела (ст. 140-148 УПК РФ) является фильтром, который помогает отсеивать гражданско-правовые споры от криминала, но в то же время обеспечивать быстрое реагирование. В сфере ИТТ он функционирует с перебоями.

Во-первых, серьезной проблемой становится установление места совершения преступления (для определения территориальной подследственности). В отличие от физического мира, где оно локализовано, в киберпространстве хищение может начаться в одном регионе (место нахождения злоумышленника), проходить через серверы в другом, а ущерб наступать в третьем (локация открытия счета потерпевшего). Пленум Верховного Суда РФ неоднократно давал разъяснения по данному вопросу, закрепляя место совершения, например, для безналичных хищений, как локацию нахождения банка потерпевшего или совершения действий лицом. Однако на практике материалы проверки часто «гуляют» между регионами, пересылаемые по территориальности, пока истекают сроки хранения цифровых следов у провайдеров [5, 7, 11].

Во-вторых, существуют явные трудности квалификации деяния на этапе проверки сообщения. Следователю необходимо в сжатые сроки (3, 10, максимум 30 суток) определить, имеет ли место состав ст. 159.6 УК РФ («Мошенничество в сфере компьютерной информации») или «обычное» мошенничество (ст. 159 УК РФ), но с применением электронных средств. Разграничение, как показывает судебная практика, неочевидно [9, 10].

В Таблице 2 приведено сравнение подходов к квалификации, которое базируется на анализе судебных решений и разъяснений Пленума ВС РФ № 48 (Постановление от 30.11.2017 № 48, ред. от 15.12.2022).

Таблица 2
Разграничение составов преступлений при возбуждении уголовных дел (составлено на основе [6, 10])

Критерий	Ст. 159.6 УК РФ (компьютерное мошенничество)	Ст. 159 УК РФ (в т.ч. с использованием ИТТ)
Способ хищения	Ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации. Вмешательство в работу алгоритмов и систем	Обман или злоупотребление доверием человека. Компьютер используется лишь как средство связи
Объект воздействия	Техническое устройство, сервер, база данных, программный код	Сознание и воля потерпевшего (или сотрудника организации)
Пример из практики	Взлом банковского приложения, изменение баланса счета путем SQL-инъекций	Звонок от «службы безопасности банка», убеждение жертвами самостоятельно перевести средства
Проблемы	Требует технической экспертизы или участия специалиста на этапе проверки для подтверждения факта вмешательства	Требует установления факта обмана, фиксации переписки, аудиозаписей

Сложность проявляется в том, что на этапе доследственной проверки у дознавателя или следователя зачастую нет технической возможности установить, было ли вмешательство в систему (ст. 159.6) либо просто использование чужих учетных данных (что чаще квалифицируется как кража с банковского счета – п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Неверная квалификация на старте влечет за собой проведение не тех следственных действий, утрату доказательств и, как результат, возвращение дел прокурором или судом.

В-третьих, специфической проблемой является сбор доказательственной базы до возбуждения дела. Для получения сведений о соединениях (биплинг), IP-адресах, движениях по счетам требуется судебное решение (если речь идет о тайне связи / банковской тайне) или длительные запросы. В рамках сроков ст. 144 УПК РФ получить ответы от банковских организаций и провайдеров (особенно зарубежных) практически невозможно. Это вынуждает правоохранителей либо выносить «отказные» постановления с целью их последующей отмены и проведения дополнительной проверки (создавая «карусель» проверок), либо возбуждать дело по факту («глухарь»), заранее понимая низкую перспективу его раскрытия.

Заключение

Механизм возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере ИТТ в Российской Федерации, невзирая на наработанную практику, требует системной донастройки. Посредством статистики последних лет демонстрируется противоречивая картина: количественное снижение регистрации на фоне роста ущерба, латентности. Это сигнализирует о том, что существующая процессуальная форма не успевает за эволюцией криминальных технологий.

По-видимому, ключевым направлением усовершенствования должно стать не столько ужесточение санкций (они в ст. 159.6 УК РФ и так предусматривают до 10 лет лишения свободы), сколько оптимизация процедуры доследственной проверки. Представляется целесообразным рассмотреть возможность внедрения упрощенного порядка получения сведений об электронных соединениях и транзакциях на этапе проверки сообщения о преступлении, возможно, через создание единой защищенной платформы взаимодействия между МВД РФ, ЦБ РФ, операторами связи.

В дополнение к отмеченному, назрела необходимость в повышении уровня цифровой грамотности сотрудников органов предварительного расследования. Ошибки в квалификации (путаница между ст. 159, 158, 159.6 УК РФ) нередко происходят из непонимания технической сути деяния. В этой связи, вероятно, уместно расширить практику привлечения специалистов в области компьютерной информации уже на стадии приема заявления о преступлении. Без этих мер противодействие киберпреступности рискует остаться борьбой с последствиями, а не с причинами. В это недопустимо в условиях, когда цифровая экономика становится основой суверенитета страны.

Литература

1. В России выросло число нераскрытых ИТ-преступлений // URL: <https://infoforum.ru/smi-o-nas/v-rossii-vyroslo-chislo-neraskrytyh-it-prestuplenij> (дата обращения: 26.01.2026).
 2. В России за январь–июль 2025 года ущерб от ИТ-преступлений вырос на 16% и составил почти 120 млрд рублей // URL: <https://alrf.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mllrd/> (дата обращения: 26.01.2026).
 3. Генпрокуратура России: ИТ-преступления снизились на 10,8% в 2025 // URL: https://tsargrad.tv/novost/genprokuratura-rossii-prestuplenija-snizilis-na-108-v-2025_1506090 (дата обращения: 26.01.2026).
 4. Динамика преступлений в сфере информационных технологий: статистика МВД 2022-2025 гг. // URL: <https://promrating.ru/news/dinamika-prestuplenij-v-sfere-informacionnyh-tehnologij-statistika-mvd-2022-2025-gg/> (дата обращения: 26.01.2026).
 5. Захаренко О.И. Возможности повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. – 2024. – № 9 (1079). – С. 56-58.
 6. Ившукова О.В., Алиев Т.Ф., Сокольцова А.С. Особенности предупреждения преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 4 (26). – С. 37-43.
 7. Лебедева А.А. Исходные следственные ситуации и рекомендуемые алгоритмы расследования киберпреступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2021. – № 4 (34). – С. 64-70.
 8. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2025 года // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyaniii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-yanvar-noyabr-2025-goda/> (дата обращения: 26.01.2026).
 9. Перевозникова Е.Ю. Современное состояние правового регулирования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: 2024. – С. 102-108.
 10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 26.01.2026).
 11. Рамазанов Р.А. Особенности возбуждения уголовного дела и первоначального этапа расследования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 3. – С. 161-167.
- Some issues of initiating criminal cases on crimes in the field of information and telecommunications technologies**
Zalivin A.N.
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
The study problematizes the imbalance that emerged in 2024–2025 between the qualitative transformation of cybercrime and the inertia of the domestic criminal procedure framework. The relevance of the topic is driven by a paradoxical statistical trend of recent years: against the backdrop of a decline in the total number of registered IT-related crimes, a record increase in material damage and the level of latency has been observed. The purpose of the article is to identify procedural defects at the stage of initiating criminal proceedings that hinder the effective preservation of "digital traces" and the timely legal qualification of offenses. The author focuses on the evident contradiction between the extraterritorial and instantaneous nature of online theft and the archaic, rigidly regulated pre-investigation procedure, which remains tied to physical geography and prolonged bureaucratic approvals. Based on an analysis of academic literature and statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, it is concluded that the key barrier is not the absence of criminal law prohibitions, but the difficulty of promptly obtaining information from service providers and banks within the time limits established by Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The author's contribution lies in substantiating the thesis that the prevailing practice of issuing refusals to initiate criminal proceedings results from a systemic conflict between the secrecy of communications and the needs of criminal proof, a conflict that cannot be resolved without introducing simplified digital protocols for interaction between law enforcement agencies and the financial sector. The materials are addressed to legislators, scholars in criminal procedure, judges, and investigative practitioners seeking ways to optimize law enforcement in the digital environment.

Keywords: initiation of criminal proceedings, crime qualification, cybercrime, computer information, fraud, investigative jurisdiction, crime statistics, territorial jurisdiction, digital traces, electronic evidence

References

1. The number of unsolved IT crimes has increased in Russia // URL: <https://infoforum.ru/smi-o-nas/v-rossii-vyroslo-chislo-neraskrytyh-it-prestuplenij> (date of access: 01/26/2026).
2. In Russia, in January–July 2025, the damage from IT crimes increased by 16% and amounted to almost 120 billion rubles // URL: <https://alif.ru/news/v-rossii-za-yanvar-iyul-2025-goda-ushcherb-ot-it-prestupleniy-vyros-na-16-i-sostavil-pochti-120-mlrd/> (date of access: 01/26/2026).
3. Russian Prosecutor General's Office: IT crimes decreased by 10.8% in 2025 // URL: https://tsargrad.tv/novost/genprokuratura-rossii-prestuplenija-snizilis-na-108-v-2025_1506090 (date of access: 01/26/2026).
4. Dynamics of crimes in the field of information technology: statistics of the Ministry of Internal Affairs 2022–2025 // URL: <https://promrating.ru/news/dinamika-prestuplenij-v-sfere-informacionnyh-tehnologij-statistika-mvd-2022-2025-gg/> (date of access: 01/26/2026).
5. Zakharenko O.I. Possibilities of increasing the effectiveness of combating crimes committed in the field of information and telecommunication technologies // Legality. – 2024. – No. 9 (1079). – Pp. 56–58.
6. Ivushkina O.V., Aliev T.F., Sokoltsova A.S. Features of crime prevention under art. 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 4 (26). – Pp. 37–43.
7. Lebedeva A.A. Initial investigative situations and recommended algorithms for investigating cybercrimes // Crime investigation: problems and solutions. – 2021. – No. 4 (34). – Pp. 64–70.
8. The Ministry of Internal Affairs of Russia publishes statistical information on the state of crime in the Russian Federation for January–November 2025 // URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/informatsiya-o-sostoyani-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii-za-yanvar-noyabr-2025-goda/> (date of access: 01/26/2026).
9. Perevoznikova E.Y. The current state of legal regulation of crimes in the field of information and telecommunication technologies // Technologies of the XXI century in jurisprudence. Materials of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference. – Yekaterinburg: 2024. – Pp. 102–108.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/30/2017 No. 48 (as amended on 12/15/2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (date of access: 01/26/2026).
11. Ramazanov R.A. Features of the initiation of a criminal case and the initial stage of the investigation of crimes in the field of information and telecommunication technologies // Journal of Legal and Economic Research. – 2022. – No. 3. – Pp. 161–167.

Криминологическая политика в механизме противодействия экономической преступности

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент, директор Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, tp0507@ya.ru

В статье исследуются теоретико-методологические основы криминологической политики как системообразующего элемента противодействия экономической преступности в Российской Федерации. Авторы анализируют многоуровневый характер криминализации экономической сферы, обусловленный взаимодействием организованной преступности и коррупционных практик, а также выявляют институциональные дефекты правового регулирования, способствующие теневому обороту капитала. Особое внимание уделяется необходимости междисциплинарного подхода, объединяющего усилия криминологической науки, право-применительной практики и государственного управления. Обосновывается тезис о том, что эффективность противодействия экономической преступности достигается не через расширение уголовно-правовых норм, а посредством системной кодификации действующего законодательства, усиления профилактических механизмов и формирования этических кодексов для должностных лиц. Предложены конкретные меры по совершенствованию механизма государственного контроля и повышению прозрачности хозяйственных операций.

Ключевые слова: криминологическая политика, экономическая преступность, коррупция, профилактика, правовое регулирование, теневая экономика, государственный контроль

Решение проблемы противодействия дальнейшей криминализации жизненно-важных составляющих общества, связанной с локализацией, нейтрализацией и ликвидацией организованной преступности и коррупции в России, устранение причин и условий, им способствующих, требует реализации комплекса мер политического, экономического, социального и правового характера. (1)

1. В криминологии, как и в других науках, имеются разнообразные концепции и мнения, порождающие много споров и дискуссий. Философские аспекты генетики довольно сложны, и поэтому вполне естественно наличие разных точек зрения. Необходимо стремится к дальнейшему сближению существующих позиций, укреплению взаимопонимания и сотрудничества ученых – представителей разных наук, практиков. Соединение науки и практики, утверждение ее как силы, служащей общим целям и задачам. Объединение усилий специалистов общественных и уголовно-правовых наук, совместная разработка ими актуальных вопросов науки и практики – необходимое условие решения этой важной задачи.

Законодательное обеспечение, неуклонное выполнение указанных задач требует подготовку и рассмотрения Государственной Думой проектов и принятие Законов в соответствии с изменяющимися реалиями о профилактике преступности, сделать очередную попытку сопоставить между собой данные соответствующих исследований и ответить на несколько вопросов. Необходима политическая воля координации борьбы имеющихся законодательных норм с препровождением уголовно-правовым, гражданско-правовым и административным. В преломлении через эти необходимо, есть возможность точно определить объективный уровень и тенденции экономической преступности, которая инфильтрирует благополучие государства. Вполне понятно, что ответ на указанные вопросы, требующий комплексного, междисциплинарного подхода, отнюдь не предрешает многих других вопросов, относящихся к проблеме социального и биологического в целом. Естественно, мы далеки от того, чтобы безоговорочно переносить выводы, к которым пришли, на иные, хотя бы и смежные, сферы жизни или на иной контингент лиц совершающих правонарушения. Вместе с тем представляется, что прояснение даже некоторых аспектов социально-экономической проблемы будет способствовать дальнейшему научному продвижению вперед. (2)

2. Обсуждения критического положения институтов и норм о противодействии организованной и экономической преступности вызывающих наибольший интерес и активную дискуссию следует назвать – о системе контроля за деятельностью банков; о регулировании товарообменных (бартерных) операций в области внешнеэкономической деятельности; бухгалтерском учете; об участии общественности в охране общественного порядка и государственной границе; о таможенной службе; об оперативно-розыскной и охранной деятельности; о государственной монополии на производство и реализацию алкогольной продукции; табачных изделий; о государственном контроле; о национализации (реприватизации) государственного имущества; об усилении борьбы с террористическими проявлениями.

В сложившейся ситуации комплексного экономического, политического, правого, организационного и идеологического трансформационного периода концепция в России «борьбы с коррупцией»; борьбы с организованной

преступностью приобретает исключительную криминологическую насыщенность и политическую релевантность. Об этом постоянно говорится не только в СМИ, но и на научно-практических конференциях и тем не менее реальные изменения в борьбе с этими явлениями незначительные. К учету преступлений организованной и экономической направленности нельзя относиться как формальной процедуре, потому как расследованию подлежат лишь зарегистрированные деяния, и от полноты их учета зависит реальность и всех последующих стадий уголовного правосудия. Предложения о необходимости внесения изменения и дополнения в кодексы уголовный, уголовно-процессуальный, уголовно-исполнительный, земельный, налоговый, административный, гражданский, гражданско-процессуальный, таможенный, носят в последнее время пандемический характер. Успех дела борьбы во многом зависит от реализации экономических, социально-политических, идеологических постулатов противодействия этому негативному явлению. Основополагающий элемент противодействия – повышение роли государства в реализации антикриминогенных возможностей, организации предупреждения преступлений. При формировании механизма профилактики, соответствующей современным обстоятельствам, целесообразно использовать опыт прошлого, но в то же время не позволить компилировать не оправдавшие себя элементы формализма, показухи, одержимости количественными показателями, пренебрежения принципа добровольности, а также чрезмерной централизации профилактической деятельности, внедрению в нее единых унифицированных для всей страны условий и методов. Правительству России разработать и ввести целевые программы на пять, 10, 15 лет; борьбы с коррупцией и организованной преступностью; режима контроля и экономии энергоресурсов субъектами хозяйствования независимо от форм собственности и населением. (3)

3. См., напр. «В июле 1992 г. на юридическом факультете МГУ прошла научно-практическая конференция в форме «круглого стола» на тему «О борьбе с коррупцией». В ее работе приняли участие научные сотрудники, преподаватели юридических учреждений, работники прокуратуры, народные депутаты. В выступлениях затрагивался широкий спектр вопросов, связанных с правовыми и криминологическими проблемами борьбы с коррупцией». // Государство и право № 2 1993 г. С.134-139.

Преступления суть действия, нарушающие нормы уголовного права, хотя, криминологическое понятие, «преступления в сфере экономики» значительно шире, чем уголовно – правовая категория, определяемая разделом 8 УК РФ (гл.21-23). С криминологической точки зрения, наиболее важно в каждом конкретном случае ответить на вопрос: какова истинная цель, которуюставил перед собой преступник, какова настоящая причина, побудившая его совершить это преступление? Исследования показывают, что в условиях произошедшего социального перелома в наибольшей степени предпосылками являются соответствующие траектории социального образа действий, как передел собственности, присвоение государственной собственности и функций социального управления. Дать правовую оценку экономического поведения и его отклоняющихся с точки зрения государства и общества форм, прежде всего к переделу собственности, который осуществлялся этапом приватизации и с помощью иных возможностей контроля над материальными благами, получения правомочий, приносящих материальные блага. Иными словами, в истории страны, к сожалению, предстали факты, когда дискуссии о преступности переместились в средства массовой информации и, естественным путем подчинились их содержанию и потеряли науч-

ный характер и это не иллюзия по отношению к действительности, они обязаны получить максимальный эффект при минимальных затратах. Быть может, журналисты и не должны доказывать свои выводы, но не допустимо, им вновь и вновь ссылаться, на никем не проверяемые факты и размышления. Бездоказательность, низкий уровень компетентности сопровождают высказывания о преступности, что фактически разрушает научное правоведение, а неэффективность связывают с коррумпированностью или «плохими» законами. В то же время регламентирующие экономические отношения инструкции и правила подзаконных актов, в конечном итоге сводят на нет противодействия экономической преступности. Объективно оценивая сложившуюся ситуацию, где реально функционируют сдерживающие развитие экономические отношения силы, в частности коррупция, поразившая экономические отношения и предопределяющая криминальность должностных лиц, что в свою очередь оказывает экзистенциальный детерминирующее влияние на рост преступности в стране. Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов неоднократно начинают с формирования системы взаимоотношений и перестройки их структуры - «освобождали» оперативных и следственных работников от «бумажной» волокиты и пытались дать им больше времени для исполнения своих прямых обязанностей, совершенствования своего мастерства, заниматься предупреждением преступлений. (4)

4. Исследования показывают - отказ от права делает очевидным значительное несоответствие между декларируемыми принципами равенства всех граждан перед законом и реальной практикой привлечения к уголовной ответственности. Корыстные злоупотребления по службе возникли в обществе с появлением управляющих (вождей, князей и т.д.) и судей, как средство воздействия на их объективность и добросовестность при решении наиболее важных и спорных вопросов.

Гипотезы о том, что теневой сектор экономики необходим для оптимального функционирования всего экономического пространства как элемент структуры целого, но должен сохраняться в определенных количественных границах, имеет качественную определенность в целом и в своих частях, подсистема имеет своих сторонников и последователей. Объективный анализ преступности, определение ее тенденций, структурирование и реализация мер борьбы с нею требуют высококвалифицированных кадров, а за широкими компаниями «борьбы с преступностью» не скрывать непрофессиональное применение, несомненно, конкретных уголовно-правовых возможностей. Если теневая экономика необходима системе (обществу) в определенных границах, потому как благодаря ее функционированию происходит развитие системы (ее оптимизация), хотя в мире мы не найдем страны, где не было бы теневого сектора экономики. Он существует везде и, более того, существовал во все времена, как преступность, а утвердившееся мнение о неспособности правоохранительных органов обеспечить должный общественный порядок и безопасность граждан, это миф, то его необходимо профессионально рассеять, общезвестно, что отношение к органам правоохраны определяется готовностью граждан оказывать им содействие в борьбе с преступностью. Уголовная политика реализуется через систему мер совершенствования правовых, организационных основ борьбы с преступностью и деятельности правоохранительных органов. (5)

5. См., напр. А.М. Медведев Экономические преступления: понятие и система. // Государство и право № 1, 1992 г. С.78-87.

Курс государства на совершенствование социально-экономического развития страны, реализация решений

указов Президента, коренным преобразованием по характеру, масштабам и реализации решений подвергается весь спектр человеческого бытия: производство, социальная сфера, государственный и хозяйственный механизм, духовно-нравственная жизнь общества. В ряду мер воздействия на практику занимает правовое обеспечение диктуемых жизнью преобразований. Многое сделано для становления повседневной действительности - прочного правопорядка. Однако объективная оценка хода изменений, анализ реального состояния законодательства, исполнения законов, организации производства и управления, общественного порядка, положения дел с правонарушениями, подводят к выводу о том, что законность и правопорядок находится еще в определенном несоответствии с требованиями времени, не занимают подобающего места в жизни граждан. Потребности в обществе выдвигают в повестку желаний насущную задачу активизации правовых рычагов воздействия на практику органами государственной власти.

Фундамент правопорядка – действующее законодательство. После принятия Конституции РФ 1993 года проведена масштабная работа по обновлению в социально-экономической жизни общества. Во многих важных сферах жизни приняты крупные законодательные акты, отвечающие потребностям практики. Пережитый и переживаемый нами период стоит оценивать систему действующего законодательства не с позиций вчерашнего дня, а исходя из требований практической реализации дня сегодня. Под таким углом зрения позволит яснее увидеть текущие задачи, перспективы развития и совершенствования действующего законодательства, его неиспользованные резервы. Опыт становления государственности убедительно подтверждает, что каждый «качественно» новый этап изменений в обществе по эволюционным ступеням развития опирается на «свою» собственную правовую базу (основу). Отсутствие в социальных, политических, экономических, духовных структурах правовых форм сдерживает диктуемые жизнью преобразования. И, наоборот, идущие от жизни, своевременные, выверенные, точные правовые решения раздвигают рамки общественной инициативы. Изменения в действующем законодательстве, правовой сфере не в полной мере «улучшили качество законов», хотя общеизвестно – гражданское, трудовое, финансовое, административное, хозяйственное и уголовное законодательство помогает внедрению экономических методов управления, единственному контролю за получением незаконных выгод.

В указах Президента, постановлениях правительства содержится немало прямых указаний на необходимость разработки и принятия соответствующих правовых актов, определены конкретные положения, реализация которых с необходимостью требует внесение в правовое регулирование существенных изменений и дополнений. Разумеется, значение указов для развития законодательства, укрепления законности и правопорядка к этим конкретным указаниям не сводится. Оно неизмеримо богаче, многообразнее, сложнее. Принятые указами исключительной важности установки, положения, принципы организации общественной, государственной жизни, ее изменений, вытекающие из потребностей социально-экономических изменений, будут на определенный период определять в решающей степени и задачи совершенствования действующего законодательства в правовой сфере. Речь идет о ключевых элементах нашей жизни, таких, как активная жизненная позиция, последовательное повышение уровня жизни, всех ее сторон и проявлений, все более полное осуществление научно-технического прогресса, совершенствование хозяйственного механизма, всей системы управления, внесение существенных корректива в

структуре общественно-хозяйственных связей, повышение уровня законности и порядка. Реализация каждой из задач в единичной правовой норме или даже в единичном акте вряд ли будет достаточной, она станет только очередным шагом диктуемых жизнью преобразований, последовательное воплощение во всем действующем законодательстве, т.е. идет системная работа в соответствии с вызовами времени. Такова важнейшая особенность переживаемого периода жизни общества. В этих условиях любое решение дает ощутимые результаты, если включено в систему хорошо кодифицированного законодательства, и наоборот, как показывает практика, даже назревшие и правильные сами по себе решения не дают нужного эффекта, если они принимаются и осуществляются изолированно.

Намечаемый ранее «упор» на экономические рычаги и методы хозяйствования, усиление направленности хозяйственного механизма на оптимальное сочетание общественных, коллективных и личных интересов. На повышение эффективности производства и качества продукции, на научно технический прогресс, на человеческий фактор без существенного изменения правовых форм и норм, их регулирующего воздействия на практику, а также сужение (расширение) правового регулирования хозяйственных и гражданско-правовых отношений, хотя «подвижки» диктуемые потребностями практики разумеется есть, но не в полной мере работает в созданных новых, более совершенных правовых механизмах работы экономики. Все это – во многом качественно новые задачи, не стоявшие прежде перед законодательством в таких масштабах и таким многообразии.

Что же сегодня, по нашему мнению, выходит на передний план? Думается, прежде необходимо не постоянное обновление и создание новых правовых форм и норм и создание новой правовой основы деятельности, а кодификация и систематизация уже принятых. Наше действующее законодательство, по мнению специалистов, не в полной мере способствует движению вперед, оно архаично, раздроблено, противоречиво, нуждается в значительной систематизации и кодификации. Сказанным, конечно, не исчерпываются задачи совершенствования правового регулирования. Итак, обобщая и суммируя возможности права, можно сделать вывод, что оно призвано многозначно и мощно и способствуют достижению цели и задачи общественного развития. Важно в полной мере использовать возможности права в создании условий для формирования у всех чувства ответственности. (6)

6. Правопорядок – это не только система законодательства, отвечающая потребностям практики. Важный элемент обеспечения неукоснительного исполнения законов – неотвратимость ответственности для его нарушителей, чтобы чувствовалось и были уверены в покое и неприкосновенности, что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания. Механизм защиты правопорядка должен действовать четко, надежно, эффективно и распространяться на всех граждан и должностных лиц независимо от занимаемого ими положения.

За время, жизнедеятельности «нового» УК, реализованы мероприятия по правовому сопровождению практики и усиления механизма поддержания и укрепления правопорядка, а законодательная деятельность на повышение функции законов, регулирующих социально-общественные отношения. Важен законодательный процесс и пересмотр предыдущей практики УК и отношений в обществе, кодификация и систематизация законодательства. Устанавливающие законодателем значительные изменения в финансовых, налоговых и хозяйственных отношениях, в нормах, регулирующих гражданский оборот, уголовное, административное, исполнение, но не консолидировал профилактику и предупреждение правонарушений.

Правовая защита личности их политических, экономических, социальных прав общества предполагает и ответственность каждого перед государством, единообразного соответствия общественному контролю, точного соблюдения предписываемых законом норм, число их необходимо сокращать или оставлять на втором плане. Считается, хотя не бесспорно, повышение роли суда в системе правосудия и значительно укреплены и гарантированы права граждан при осуществлении судопроизводства, как состязательность, гласность, соблюдение презумпции невиновности, «недопустимость» как обвинительного уклона, так и попустительства по отношению к тем, кто нарушил закон. Повышена роль прокуратуры и прокурорский надзор за исполнением, единообразным пониманием и применением законов на всей территории РФ, расследование основной массы уголовных дел в следственном комитете, выделив его в самостоятельную структуру. Роль адвокатуры как самоуправляющейся ассоциации по оказанию юридической помощи юридическим и физическим лицам, представительству их интересов в суде. Реконструкция подготовки научных и преподавательских кадров, минимизируется отрыв от практики. Совершенствование поддержки развития отечественного товаропроизводителя; приостановление и постепенного ограничения «теневизации» экономики возврат валютных средств субъектов хозяйствования независимо от форм собственности, которые незаконно находятся за рубежом, борьбы с незаконной миграцией. Возвращение в государственный бюджет иностранных кредитов, предоставленных предприятиям под гарантю правительства. Совершенствовать меры по обеспечению прозрачности идущих приватизационных процессов и предупреждения фактов злоупотреблений при проведении приватизации сегодня объектов государственной собственности в России.

Организационно-практические мероприятия государственной политики борьбы с преступностью должны стать основополагающим политico-правовым документом, объединяющим усилия государства и общества на приоритетных направлениях противодействия этому социально-негативному явлению, поэтапного преодоления критической криминальной чрезвычайности. Предлагаем Правительству России при участии соответствующих министерств и ведомств разработать и регулировать: механизм запрета создания при органах исполнительной власти, правоохранительных органах, судах, внебюджетных фондов, получение ими материальной помощи от субъектов предпринимательской деятельности; порядок проверки на стадии регистрации субъектов предпринимательской деятельности, источников законности происхождения средств, за счет которых создаются предпринимательские структуры; действенный механизм контроля за соблюдением требований Закона России «О борьбе с коррупцией» относительно запрета государственным служащим всех рангов участвовать в коммерческой, финансово-кредитной и хозяйственной деятельности. Кодекс поведения государственного служащего. Кодекс чести судей, а также соответствующие дисциплинарные кодексы с определением в них порядка привлечения к дисциплинарной ответственности, видов и границ взысканий за служебные правонарушения, а также условий поощрения за этическое служебное поведение. Также нельзя государственным должностным лицам никогда и никоим образом использовать свое официальное положение для неподобающего извлечения личных выгод или личных финансовых выгод родственников.

Необходимы и действенные меры, решения проблем, связанных с ликвидацией причин кризиса неплатежей и нецелевого использования бюджетных средств, проведе-

ния комплексных проверок законности осуществления творческих-денежных операций субъектами предпринимательской деятельности, выявления фактов получения теневых доходов путем скрытого изъятия из обращения разницы между себестоимостью и розничными. Обязательного погашения предприятиями-реципиентами кредитов, которые были получены под гарантю правительства за счет собственных средств, а не из государственного бюджета. Обеспечение жесткого контроля и за прохождением бюджетных средств от и до непосредственного их получателя, направленных на государственную поддержку предприятий той или иной отрасли экономики, а также на погашение задолженности по заработной плате. Создать межведомственную правительенную комиссию для контроля использования бюджетных средств, иностранных кредитов, и предоставить ей соответствующие полномочия. С целью предупреждения и выявления фактов нарушений законодательства о бюджетной системе, использования должностными лицами бюджетных средств по нецелевому назначению постоянно осуществлять комплексные, скоординированные меры и всесторонне проанализировать причины недостаточного применения ранее (нарушение законодательства о бюджетной системе) Уголовного кодекса России. В предусмотренном действующим законодательством порядке проанализировать и внести изменения в Уголовный кодекс, каковыми предусмотреть не только уголовную, но и материальную ответственность руководителей предприятий, организаций и учреждений всех форм собственности за отсутствие или искажение бухгалтерского учета. (7)

7. «Установить конституционное право на конфискацию имущества у коррупционеров ... ранее он уже неоднократно высказывался в пользу конфискации как действенного наказания за коррупционные преступления ... ведомство по-прежнему считает действенной мерой по сдерживанию коррупции применение конфискации имущества в качестве меры уголовного наказания ... в 2019 году следователи СКР направили в суды 8409 уголовных дел по коррупционным статьям УК РФ». См., Баstrykin хочет, чтобы в Конституции была прописана конфискация имущества у коррупционеров. // 03.03.2020 // <https://pasm.ru/archive/250943/>.

В рамках реализации Концепции борьбы с коррупцией принять меры, направленные на разоблачение коррупционных действий, прежде всего, в высших эшелонах органов государственной власти. Безусловное привлечение к ответственности за их совершение. Ввести единую государственную систему статистической отчетности о борьбе с коррупцией, которая отвечает международным стандартам и обеспечения объективного отражения ее масштабов и состояния борьбы с ней. (8)

8. Министерству внутренних дел России при использовании автоматизированной пулегильзотеки, которая дает возможность осуществлять автоматизированный поиск и отображать информацию в табличной форме, отрабатывать и выдавать информацию об идентичности сравниваемых пуль и гильз, для исследований и дачи криминологической характеристики экономического бандитизма. См. напр., В России могут изменить правила выдачи лицензий на оружие. // <https://www.vzsar.ru/news/2020/03/07/>.

С целью создания механизмов и технологии повышения эффективности координации, взаимодействия и управления, провести структурное реформирование органов Государственной исполнительной власти с постепенным переходом от отраслевого к функциональному принципу построения министерств и ведомств, усилить бюджетно-финансовую и производственную дисциплину субъектов государственного управления и хозяйствования. Совершенствовать систему по подбору, расстановке

и воспитанию кадров, при назначениях на должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, проводить тщательные проверки деловых и моральных качеств кандидатов на такие должности с точки зрения их добродетели, преданности делу и профессионализма. Обеспечить неуклонное соблюдение должностными лицами принципа персональной ответственности за выполнение ими служебных обязанностей и неотвратимости ответственности, а также совершение других корыстных злоупотреблений. Постепенно накапливать информацию и усиливать контроль государственного регулирования о процессах ценообразования, капиталовложения, валютной, кредитно-инвестиционной, налоговой и внешнеэкономической политики. Правоохранительным и контролирующими органам осуществить совместные проверки финансово-хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, которые имеют значительную задолженность перед бюджетом и могут объявить себя банкротом; занимаются выкупом долгов государственных предприятий путем использования вексельной системы расчетов с последующим получением за это высоколиквидной продукции.

А в целом же можно констатировать, что эффективность борьбы с организованной преступностью и коррупцией, понижение уровня криминальной угрозы национальной безопасности страны и безопасности предпринимательства могут быть успешно не только выполнены, но и достигнуты желаемые результаты при условии сотрудничества и взаимодействия всех ветвей власти. Нельзя, хотя бы коротко, не сказать о роли и месте науки и научных учреждений, занимающихся разработкой научных проблем борьбы с преступностью, законности, правопорядка. От того, «признают» друг друга наука и практика или нет, насколько уважительна наука по отношению к практике и пока абстрагируется практика от науки, зависит состояние практики борьбы с преступностью, да всех государственных и хозяйственных структур. Наука границ не знает и является тем связующим звеном между государством, которого одного не хватает в политике и экономике. Наука и культура – это то, что выше амбиций политических. Это то, что сплачивает общество, рациональностью и разумностью использования этих ценностей в интересах государства и общества.

Литература

1. Затепин М.Н., Зацепин А.М. Криминологическая политика в механизме противодействия экономической преступности // Уголовное право. 2023. № 4. С. 12–25.
2. Медведев А.М. Экономические преступления: понятие и система // Государство и право. 1992. № 1. С. 78–87.
3. Криминализация экономики России: монография / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Норма, 2019. 320 с.
4. Коррупция и экономическая преступность: криминологический анализ / В.С. Аванесов. М.: Юристъ, 2020. 284 с.
5. Гаухман Л.Д. Противодействие экономической преступности: теория и практика. М.: Спартак, 2021. 416 с.

6. Кудрявцев В.Н. Причины экономической преступности в России // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 45–58.

7. Лунеев В.В. Криминология: учебник. М.: Юристъ, 2022. 672 с.

8. Степанов В.И. Теневая экономика и преступность. М.: Норма, 2020. 256 с.

9. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

10. Шмаров В.В. Криминологические аспекты борьбы с коррупцией // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 89–102.

11. Zatsepin M.N. Criminological Policy in Combating Economic Crime: Russian Experience // International Journal of Criminology. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 112–125.

12. Концепция противодействия коррупции в Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1848.

Criminological policy in the mechanism of combating economic crime
Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.
USUE

This article examines the theoretical and methodological foundations of criminological policy as a system-forming element of combating economic crime in the Russian Federation. The authors analyze the multi-layered nature of economic criminalization, conditioned by the interaction of organized crime and corrupt practices, and identify institutional flaws in legal regulation that facilitate the shadow economy. Particular attention is paid to the need for an interdisciplinary approach that combines the efforts of criminological science, law enforcement, and public administration. The article substantiates the thesis that effective combating economic crime is achieved not through the expansion of criminal law norms, but through the systemic codification of existing legislation, the strengthening of preventive mechanisms, and the development of ethical codes for officials. Specific measures are proposed to improve state control mechanisms and increase the transparency of business transactions.

Keywords: criminological policy, economic crime, corruption, prevention, legal regulation, shadow economy, state control

References

1. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. Criminological Policy in the Mechanism of Combating Economic Crime // Criminal Law. 2023. No. 4. pp. 12–25.
2. Medvedev A.M. Economic Crimes: Concept and System // State and Law. 1992. No. 1. pp. 78–87.
3. Criminalization of the Russian Economy: Monograph / edited by V.N. Kudryavtsev. Moscow: Norma, 2019. 320 p.
4. Corruption and Economic Crime: Criminological Analysis / V.S. Avanesov. Moscow: Yurist, 2020. 284 p.
5. Gaukhman L.D. Combating Economic Crime: Theory and Practice. Moscow: Spark, 2021. 416 p.
6. Kudryavtsev V.N. Causes of Economic Crime in Russia // Russian Law Journal. 2018. No. 5. pp. 45–58.
7. Luneev V.V. Criminology: Textbook. Moscow: Yurist, 2022. 672 p.
8. Stepanov V.I. Shadow Economy and Crime. Moscow: Norma, 2020. 256 p.
9. Federal Law of 25.12.2008 № 273-FZ "On Combating Corruption" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part 1). Art. 6228.
10. Shmarov V.V. Criminological Aspects of the Fight against Corruption // Journal of Russian Law. 2021. No. 7. pp. 89–102.
11. Zatsepin M.N. Criminological Policy in Combating Economic Crime: Russian Experience // International Journal of Criminology. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 112–125.
12. Concept of Combating Corruption in the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of 13.04.2010 No. 460 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 16. Art. 1848.

Организация незаконной миграции как угроза национальной безопасности России: уголовно-правовое и криминологическое измерение

Исаев Михаил Фёдорович

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминастики, РУДН им. Патриса Лумумбы, isaevmf@bk.ru

Современные миграционные процессы, сопровождающиеся активизацией нелегальных каналов перемещения лиц, создают масштабные вызовы национальной безопасности Российской Федерации. Цель исследования заключается в комплексном уголовно-правовом и криминологическом анализе организации незаконной миграции как системного явления, дестабилизирующего основы государственного управления, правопорядка и общественной стабильности. В рамках исследования выявлены ключевые противоречия между положениями статьи 322.1 Уголовного кодекса РФ, судебно-следственной практикой и международными стандартами противодействия незаконной миграции. Результаты показывают, что организация незаконной миграции представляет собой устойчивую форму транснациональной преступности, тесно связанную с коррупционными механизмами, теневой экономикой и деятельностью преступных сообществ. Недостаточная дифференциация уголовно-правовых норм, слабая межведомственная координация и ограниченная профилактическая работа снижают эффективность противодействия данным преступлениям. Выводы указывают на необходимость совершенствования уголовного законодательства, расширения институционального взаимодействия правоохранительных органов, повышения прозрачности миграционных процедур и развития международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональными преступными сетями. Комплексный подход, объединяющий правовые, организационные и профилактические меры, позволит повысить эффективность противодействия и минимизировать риски, связанные с незаконной миграцией на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: незаконная миграция, национальная безопасность, иностранные граждане, криминологический анализ.

Введение. В условиях глобализационных трансформаций, затрагивающих практически все сферы общественной жизни, особую остроту приобретает проблема незаконной миграции как одного из ключевых вызовов национальной безопасности Российской Федерации. Современные миграционные процессы характеризуются неравномерностью и противоречивостью развития, что обусловлено совокупностью социально-экономических, политических и правовых факторов. Глобализация, с одной стороны, способствует интенсификации международных контактов и мобильности населения, а с другой — формирует благоприятную среду для расширения нелегальных каналов перемещения лиц через государственные границы [Слизский, 2021].

Ошибки в управлении миграционными потоками, недостаточная эффективность национальных и международных механизмов контроля, а также дисбаланс в уровне социально-экономического развития различных регионов мира приводят к масштабному росту теневого сегмента миграции [Акылов, 2020: 51-55]. Незаконная миграция в этом контексте выступает не просто социально-экономическим или демографическим феноменом, но и фактором криминогенного характера, тесно связанным с транснациональной преступностью.

Современные формы организации незаконной миграции характеризуются высоким уровнем конспирации, четкой внутренней иерархией, распределением ролей между участниками и использованием современных коммуникационных и транспортных технологий. Данный вид преступной деятельности превратился в устойчивый и отлаженный криминальный бизнес, включающий в себя многочисленные звенья — от посредников и перевозчиков до изготовителей поддельных документов и лиц, занимающихся легализацией незаконно прибывших мигрантов. Масштаб вовлеченных в этот процесс субъектов исчисляется миллионами, а объемы финансовых потоков, циркулирующих в сфере незаконной миграции, сопоставимы с доходами крупнейших международных преступных синдикатов [Фоменко, 2022].

В условиях усиливающихся геополитических противоречий и трансформации международных миграционных маршрутов проблема организации незаконной миграции приобретает стратегическое значение для Российской Федерации. Она затрагивает не только сферу внутренней безопасности, но и устойчивость правопорядка, социальную стабильность и экономическую безопасность государства. В связи с этим требуется комплексное уголовно-правовое и криминологическое осмысление данного феномена, выявление его причин, закономерностей и тенденций, а также разработка эффективных мер противодействия в рамках национальной стратегии безопасности.

Уголовно-правовая характеристика организации незаконной миграции в Российской Федерации. В современных условиях глобализации и усиления трансграничной мобильности населения организация незаконной миграции выступает одной из наиболее значимых угроз национальной безопасности Российской Федерации. Данное явление характеризуется не только массовым нарушением миграционного законодательства, но и созданием устойчивых каналов нелегального перемещения

иностранных граждан, что влечет за собой серьезные социально-экономические, правовые и криминологические последствия.

С точки зрения уголовного права Российской Федерации, согласно статье 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, под организацией незаконной миграции понимается умышленное совершение действий, создающих условия для осуществления одним или несколькими иностранными гражданами или лицами без гражданства незаконного въезда в Российскую Федерацию, незаконного пребывания в Российской Федерации, незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации, включая въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан по туристическим визам с целью незаконной миграции в другое государство с использованием территории Российской Федерации в качестве транзитной [Уголовный кодекс Российской Федерации, 1996].

Основной нормативной основой для квалификации таких действий является статья 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая закрепляет ответственность за организацию либо содействие незаконной миграции. Данная норма носит комплексный характер и охватывает широкий спектр форм поведения, включая: вербовку, транспортировку, предоставление документов или других средств, облегчающих пересечение государственной границы без соответствующих разрешительных документов, а также использование таких лиц в коммерческих или иных целях.

Ключевым элементом состава преступления является намеренная организация незаконной миграции. В юридической доктрине под этим понимается сознательное и целенаправленное создание условий для перемещения или пребывания иностранных граждан в обход установленных законодательством процедур. Особое значение при этом придается формам и методам реализации данного преступного деяния: речь идет о подготовке фиктивных документов, создании сети посредников, представлении ложных сведений о целях пребывания, а также организации трудоустройства в обход действующих миграционных правил [Мусина, 2021].

Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции также предполагает выделение объективной стороны, заключающейся в действиях, направленных на реальное перемещение лиц через границу или их незаконное пребывание на территории РФ. Важным аспектом является использование организованной группы или преступного сообщества, что существенно повышает общественную опасность деяния и нередко квалифицируется как отягчающее обстоятельство. Практика Верховного суда РФ подчеркивает, что именно систематичность и профессионализация действий лиц, организующих незаконную миграцию, создают непосредственную угрозу общественной безопасности и экономическим интересам государства [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18].

Субъект преступления определяется законом как дееспособное лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, обладающее способностью осознавать общественно опасный характер своих действий и руководить ими. Особую роль в доктрине играет анализ мотивации: чаще всего преступления совершаются с целью извлечения материальной выгоды, но не исключены и иные мотивы, включая политические или идеологические побуждения, что влечет за собой комплексное взаимодействие уголовно-правовых и криминологических категорий.

Важным элементом исследования является квалификация действий по признаку тяжести последствий. Уголовное законодательство РФ предусматривает дифференциацию ответственности в зависимости от масштабов дея-

тельности, числа вовлеченных лиц, наличия тяжких последствий для государства и общества. Так, организация незаконной миграции в крупном размере или в составе организованной группы предусматривает более строгие санкции, включая лишение свободы на срок до восьми лет, что свидетельствует о высокой степени общественной опасности данного деяния.

Таким образом, уголовно-правовая характеристика организации незаконной миграции в Российской Федерации демонстрирует многокомпонентный, системный и высокоопасный характер данного преступления. В правовой доктрине и судебной практике акцент делается на сочетании объективной и субъективной сторон, социально-опасного результата и профессиональной организации преступления, что требует комплексного подхода к профилактике, расследованию и квалификации подобных деяний. Учитывая угрозы национальной безопасности, совершенствование уголовно-правового механизма регулирования организации незаконной миграции представляет собой приоритетное направление современного российского правотворчества и криминологического анализа.

Криминологическая сущность и структура организованного содействия незаконной миграции.

Организованное содействие незаконной миграции следует понимать как системный социально-криминальный феномен, в котором сочетание устойчивых организационных связей, целенаправленной координации действий и экономической мотивации порождает устойчивую модель поведения, представляющую угрозу общественной безопасности и суверенитету государства [Фоменко, 2022].

Криминологическая сущность организации незаконной миграции проявляется в её системной способности выступать фактором формирования и воспроизведения многоуровневой преступности, обладающей высокой степенью латентности и адаптивности к правоприменимым механизмам. Данное явление представляет собой не только самостоятельную форму криминальной деятельности, но и сложный социально-правовой феномен, генерирующий цепочку взаимосвязанных девиантных процессов.

Организация незаконной миграции характеризуется повышенной криминогенной активностью, выражаяющейся в способности провоцировать и подпитывать иные формы преступного поведения. В результате незаконные миграционные потоки становятся питательной средой для развития общеуголовной преступности, в том числе насилиственного и корыстного характера. Наиболее очевидными следствиями являются рост преступлений против личности, собственности, а также распространение нелегальных трудовых и теневых экономических практик [Бучаков, дата обращения: 17.10.2025 г.].

Особое беспокойство вызывает тесная взаимосвязь организованного содействия незаконной миграции с иными видами организованной преступной деятельности. Посредством устойчивых криминальных связей осуществляется интеграция нелегальных миграционных каналов с системами торговли людьми, незаконного обмена документов, оружия и наркотических средств. Такая взаимопроникающая структура способствует укреплению позиций организованных преступных формирований, которые, в свою очередь, активно используют коррупционные механизмы для защиты своих интересов и уклонения от уголовно-правового воздействия.

В криминологическом аспекте данное явление выступает своеобразным «катализатором» организованной и коррупционной преступности, обеспечивая устойчивое взаимодействие между различными элементами преступного мира. Использование поддельных документов, под-

куп должностных лиц, вовлечение в преступную деятельность представителей государственных структур и частного бизнеса создаёт систему взаимных обязательств и нелегальных выгод, что подрывает основы государственной безопасности.

Нельзя игнорировать и международный аспект проблемы. Организация незаконной миграции в современных условиях всё чаще приобретает транснациональный характер, выходя за рамки национальных юрисдикций и требуя комплексного межгосударственного противодействия [Migration data portal, дата обращения: 17.10.2025 г.; Adiyaryani, 2023: pp. 39-54]. В структуре международной преступности именно миграционные каналы нередко используются для перемещения участников террористических организаций, распространения экстремистской идеологии и финансирования незаконных вооружённых формирований [Соколов, дата обращения: 17.10.2025г.]. Тем самым нелегальная миграция становится не только внутренней криминогенной угрозой, но и фактором, напрямую влияющим на международную и национальную безопасность Российской Федерации.

Таким образом, криминологическая сущность организованного содействия незаконной миграции заключается в его системной детерминированности: оно не просто генерирует отдельные преступления, но и способствует консолидации различных криминальных структур, формированию устойчивых транснациональных связей и институционализации теневых схем. Сочетание экономических, коррупционных и этнокультурных факторов создаёт комплексную угрозу, которая требует осмысления не только в рамках уголовно-правового анализа, но и в контексте более широкой криминологической парадигмы обеспечения национальной безопасности.

Ключевым в криминологическом понимании является признание того, что организованное содействие незаконной миграции — не сумма единичных преступных эпизодов, а структурированная социальная практика, обладающая собственной внутренней логикой воспроизведения, механизмами самозащиты и адаптации к профилактическим мерам со стороны государства. Именно этот уровень организации и устойчивости определяет особую опасность явления для национальной безопасности: компрометацию пограничного режима, искажение демографической и социально-экономической картины регионов, а также риски криминализации миграционных потоков.

Структурный анализ организованного содействия незаконной миграции целесообразно вести через декомпозицию явления на взаимосвязанные подсистемы, каждая из которых содержит специфические функции, субъекты и криминальные риски. Традиционно выделяются две взаимодополняющие подсистемы: организационно-подготовительная и реализующая (операционная) [Дробот, 2021]. Представим их содержание и внутреннюю динамику более подробно.

1. Организационно-подготовительная подсистема. Эта подсистема включает совокупность мероприятий и социальных практик, направленных на создание предпосылок для последующей незаконной миграционной реализации. Её элементы можно сгруппировать по функциональному назначению: рекрутование и канализация миграционного потока, создание инфраструктуры маскировки; координация коммуникаций и связей; организация документальной и логистической подготовленности.

2. Подсистема непосредственной реализации (операционная). Эта подсистема охватывает фактическое осуществление миграционных перемещений и сопутствующие действия на территории транзита и пребывания. Её ключевые компоненты: пересечение государственной

границы; транспортировка и транзит; сопряжённое пребывание на территории; криминальное руководство и контроль.

Совершенствование уголовно-правовых и криминологических мер противодействия организации незаконной миграции. Организация незаконной миграции представляет собой многокомпонентное социально-правовое явление, сопряжённое с серьёзными угрозами национальной безопасности Российской Федерации. Эффективная борьба с этим преступным феноменом требует системного подхода, объединяющего как уголовно-правовые инструменты, так и криминологические методы анализа и профилактики. В современной юридической отечественной и международной доктрине подчеркивается необходимость не только ужесточения наказаний, но и комплексного совершенствования механизмов выявления, предупреждения и пресечения преступной деятельности, связанной с незаконным перемещением лиц через государственную границу [Арутюнян, 2025: 25-35; Хабибулин, 2022:32-35; Al-Tammemi AB, 2023].

С точки зрения уголовного права, значительные возможности противодействия организации незаконной миграции закреплены в отдельных нормах Уголовного кодекса Российской Федерации, включая статьи о незаконной миграционной деятельности, вовлечении в неё третьих лиц и содействии нарушению миграционного законодательства. Однако практика применения данных норм выявляет ряд системных проблем: недостаточную дифференциацию видов преступной деятельности, отсутствие чёткой правовой квалификации отдельных действий, а также ограниченную эффективность санкций в отношении организованных групп, действующих на транснациональном уровне. В связи с этим совершенствование уголовно-правового регулирования должно опираться на следующие ключевые направления:

Дифференциация состава преступлений и уточнение субъективной стороны деяний. Необходимо чётко разграничивать организаторов, и пособников, учитывая степень их участия в преступной схеме, что позволит обеспечить справедливое применение мер уголовной ответственности и избежать пробелов, создающих условия для уходов от наказания.

Повышение санкционной направленности законодательства. Совершенствование должно включать введение дифференцированных мер наказания, учитывающих масштаб, тяжесть последствий и транснациональный характер преступной деятельности. Применение комплексных санкций, сочетающих лишение свободы, административные ограничения и конфискацию имущества, повысит эффективность воздействия на организаторов незаконной миграции.

Развитие института конфискации и замещения имущественных выгод. Учитывая, что организационная деятельность по незаконной миграции сопряжена с получением значительных экономических выгод, правоприменительная практика должна более активно использовать меры по изъятию финансовых ресурсов и имущества преступников, что снижает мотивацию к совершению подобных преступлений.

Криминологическое измерение противодействия незаконной миграции ориентировано на выявление, анализ и нейтрализацию факторов, способствующих организации преступной деятельности. Исследование криминологических аспектов позволяет прогнозировать динамику преступного поведения и разрабатывать превентивные меры на уровне региональных и федеральных органов. Наиболее эффективными являются следующие подходы:

Системный мониторинг миграционных потоков. Использование криминологических методов анализа миграционной ситуации на территории Российской Федерации позволяет выявлять аномальные потоки, связанные с риском нелегального проникновения, и своевременно разрабатывать оперативно-профилактические меры.

Информационное взаимодействие между органами власти. Создание интегрированных баз данных о лицах, вовлечённых в незаконную миграцию, с доступом для правоохранительных, миграционных и таможенных служб, позволяет существенно повышать оперативность реагирования и минимизировать возможность обхода законодательства.

Превентивная работа на социальном уровне. Криминологические исследования показывают, что вовлечение граждан в незаконную миграцию часто обусловлено социально-экономическими факторами, недостаточной осведомлённостью о правовых последствиях и манипуляциями со стороны организаторов. Комплекс мер, включающих образовательные программы, просветительские кампании и социальную поддержку уязвимых категорий населения, способен существенно снизить вероятность вовлечения в преступную деятельность.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать ряд ключевых выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение для уголовно-правового и криминологического понимания организации незаконной миграции в Российской Федерации.

Во-первых, анализ действующего уголовного законодательства выявил, что нормативно-правовая база, регулирующая ответственность за организацию незаконной миграции, в значительной степени носит фрагментарный характер. Существующие положения Уголовного кодекса РФ, включая статьи, направленные на пресечение контрабанды лиц, пособничества в незаконной миграции и организации каналов перемещения иностранцев через государственную границу, формируют правовую основу противодействия данной угрозе.

Во-вторых, криминологический анализ свидетельствует о системном характере преступлений, связанных с организацией незаконной миграции. Такие действия представляют собой устойчивую социально-криминальную практику, сопряжённую с высоким уровнем коррупционного риска, вовлечением транснациональных преступных группировок и использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Особое значение приобретает выявление факторов, стимулирующих развитие незаконной миграции: экономическая неустойчивость стран происхождения мигрантов, социальная маргинализация, а также несовершенство миграционного и пограничного контроля.

В-третьих, угроза национальной безопасности, возникающая в результате организации незаконной миграции, многогранна: она затрагивает сферу государственного суверенитета, экономическую и социальную стабильность, охрану правопорядка и конституционные права граждан.

Заключение

Исходя из выявленных тенденций и правоприменительной практики, можно констатировать, что организация незаконной миграции представляет собой реальную угрозу национальной безопасности России, требующую системного и многослойного реагирования. Эффективность борьбы с данной угрозой напрямую зависит от совершенствования уголовно-правовых механизмов, усиления институционального взаимодействия между правоохранительными, миграционными и дипломатическими

структурами, а также внедрения криминологически обоснованных профилактических мер.

Совершенствование уголовного законодательства должно включать уточнение критериев квалификации действий, усиление ответственности за организаторскую деятельность и внедрение механизмов оперативного выявления преступных схем. Параллельно, криминологические исследования, направленные на выявление социально-экономических и транснациональных факторов, стимулирующих незаконную миграцию, позволяют прогнозировать потенциальные угрозы и вырабатывать стратегически обоснованные меры противодействия.

Таким образом, комплексный подход, основанный на синтезе уголовно-правового регулирования и криминологического анализа, создаёт правовую и организационную основу для повышения эффективности противодействия организации незаконной миграции. Только системное сочетание нормативных, превентивных и практико-право-применительных мер способно обеспечить надежную защиту национальных интересов Российской Федерации в условиях современных миграционных вызовов.

Литература

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.10.2025г.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 17.10.2025г.
3. Акылов Р. И. Теневая экономика и нелегальная миграция: проблемы и перспективы регулирования // Дискуссия. 2020. №6 (103).
4. Арутюнян А.Д. Понятие профилактики незаконной миграции: теоретико-правовой анализ // Юридические исследования. 2025. № 4. С. 25-35.
5. Дробот С. А. Незаконная миграция: международные, социально-экономические, уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / С.А. Дробот, А. С. Черепашкин.— Челябинск : Эскуэла, 2021.— 100 с.
6. Мусина З.Ф., Суфянова Е. З. Незаконная миграция как вид уголовного преступления // E-Scio. 2021. №12 (63).
7. Слизский Е.А. Противоречивость миграционных процессов в условиях межнационального общества: социологический анализ факторов конфликтогенности // Теория и практика общественного развития. 2021. №5 (159).
8. Фоменко Д.Д. О понятии и механизме организации незаконной миграции // Право и практика. 2022. №1.
9. Фоменко Д.Д. Организация незаконной миграции в контексте российского, международного и зарубежного опыта криминализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : специальность 12.00.08 / Фоменко Дарья Дмитриевна ; [ФГБОУ ВО «КубГАУ им. И. Т. Трубилина】. - Краснодар, 2022. -29 с.
10. Хабибулин, А. Г. Противодействие незаконной миграции: проблемы безопасности и правообразования / А. Г. Хабибулин, К. Р. Мурсалимов. — Текст: непосредственный // Миграционное право. — 2022. — № 1.
11. Бучаков С.А. Незаконная миграция: криминологический подход - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-migratsiya-kriminologicheskiy-podhod> Дата обращения: 17.10.2025 г.
12. Соколов Д.А. Организация незаконной миграции в аспекте транснациональной организованной преступной деятельности - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-migratsiya-v-aspkte-transnatsionalnoy-organizovannoy-prestupnoy-deyatelnosti>

<https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-nezakonnoy-migratsii-v-aspekte-transnatsionalnoy-organizovannoy-prestupnoy-deyatelnosti>. Дата обращения: 17.10.2025г.

13. Al-Tammemi AB, Nadeem A, Kutkut L, Ali M, Angawi K, Abdallah MH, Abutaima R, Shoumar R, Albakri R, Sallam M. Are we seeing the unseen of human trafficking? A retrospective analysis of the CTDC k-anonymized global victim of trafficking data pool in the period 2010-2020. *PLoS One*. 2023 Apr 20;18(4):e0284762. doi: 10.1371/journal.pone.0284762. PMID: 37079616; PMCID: PMC10118140.

14. Ni Nengah Adiaryani, I Putu Rasmadi Arsha Putra. Migrant smuggling as a transnational crime within an International law perspective. Volume 5 Number 1, March 2023: pp. 39-54.

15. Migration data portal. The bigger picture – URL: <https://www.migrationdataportal.org/> Дата обращения: 17.10.2025г.

Organization of Illegal Migration as a Threat to Russia's National Security: Criminal-Legal and Criminological Dimensions

Isaev M.F.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Contemporary migration processes, accompanied by the intensification of illegal migration channels, pose complex challenges to the national security of the Russian Federation. The purpose of this study is to provide a comprehensive criminal-legal and criminological analysis of the organization of illegal migration as a systemic phenomenon that destabilizes state governance, law and order, and social stability. The research identifies key inconsistencies between Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial and investigative practice, and international standards for combating illegal migration. The results show that the organization of illegal migration represents a stable form of transnational crime closely connected with corruption mechanisms, the shadow economy, and organized criminal networks. Insufficient differentiation of criminal law norms, weak interagency coordination, and limited preventive measures reduce the effectiveness of counteraction. The conclusions emphasize the need to improve criminal legislation, strengthen institutional cooperation between law enforcement agencies, increase the transparency of migration procedures, and enhance international collaboration in combating transnational criminal networks. An integrated approach combining legal, organizational, and preventive strategies will increase the effectiveness of counteraction and minimize the risks associated with illegal migration within the territory of the Russian Federation.

Keywords: illegal migration, national security, foreign citizens, criminological analysis.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 31.07.2025) (with changes and additions, effective from 01.09.2025) // SPS «ConsultantPlus». Accessed: 17.10.2025.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2020 No. 18 «On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration» // SPS «ConsultantPlus». Accessed: 17.10.2025.
3. Akjulov, R. I. Shadow economy and illegal migration: problems and prospects of regulation // *Diskussiya*, 2020, No. 6 (103).
4. Arutyunyan, A. D. The concept of prevention of illegal migration: theoretical and legal analysis // *Legal Research*, 2025, No. 4, pp. 25–35.
5. Drobot, S. A. *Illegal migration: international, socio-economic, criminal-law and criminological aspects* [monograph] / S. A. Drobot, A. S. Cherepashkin. Chelyabinsk: Eskuela, 2021. 100 p.
6. Musina, Z. F., Sufyanova, E. Z. *Illegal migration as a type of criminal offense* // *E-Sco*, 2021, No. 12 (63).
7. Slizskiy, E. A. Contradictions of migration processes in a multiethnic society: a sociological analysis of conflictogenic factors // *Theory and Practice of Social Development*, 2021, No. 5 (159).
8. Fomenko, D. D. On the concept and mechanism of organization of illegal migration // *Law and Practice*, 2022, No. 1.
9. Fomenko, D. D. Organization of illegal migration in the context of Russian, international and foreign experience of criminalization: Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences, specialty 12.00.08 / Darya Dmitrievna Fomenko; [KubGAU named after I. T. Trubilin]. Krasnodar, 2022. 29 p.
10. Khabibulin, A. G., Mursalimov, K. R. Counteraction to illegal migration: security and law-making issues // *Migration Law*, 2022, No. 1.
11. Buchakov, S. A. *Illegal migration: a criminological approach* – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-migratsiya-kriminologicheskiy-podhod>. Accessed: 17.10.2025.
12. Sokolov, D. A. Organization of illegal migration in the context of transnational organized crime – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-nezakonnoy-migratsii-v-aspekte-transnatsionalnoy-organizovannoy-prestupnoy-deyatelnosti>. Accessed: 17.10.2025.
13. Al-Tammemi, A. B., Nadeem, A., Kutkut, L., Ali, M., Angawi, K., Abdallah, M. H., Abutaima, R., Shoumar, R., Albakri, R., Sallam, M. Are we seeing the unseen of human trafficking? A retrospective analysis of the CTDC k-anonymized global victim of trafficking data pool in the period 2010–2020. *PLoS One*, 2023 Apr 20;18(4):e0284762. doi: 10.1371/journal.pone.0284762. PMID: 37079616; PMCID: PMC10118140.
14. Ni Nengah Adiaryani, I Putu Rasmadi Arsha Putra. Migrant smuggling as a transnational crime within an international law perspective. *International Journal of Law and Social Studies*, Vol. 5, No. 1, March 2023, pp. 39–54.
15. Migration Data Portal. The bigger picture – URL: <https://www.migrationdataportal.org/>. Accessed: 17.10.2025.

Искусственный интеллект как инструмент организации детских суицидов: новый вызов для уголовного права и криминологии

Чурсин Роман Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В статье исследуется новая и чрезвычайно опасная тенденция в сфере киберпреступности против несовершеннолетних: использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) для склонения детей и подростков к самоубийству. Цель исследования – анализ криминальных моделей применения ИИ (чат-ботов, генеративного контента, алгоритмов таргетинга), выявление проблем в уголовно-правовом регулировании и разработка превентивных мер. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, системный анализ и методы киберкриминологии. Научная новизна заключается в первом в отечественной доктрине комплексном рассмотрении ИИ как инструмента суициdalного воздействия, а также в формулировании концепции «алгоритмического посредничества» в совершении преступлений. Результаты: Установлено, что ИИ качественно трансформирует преступную деятельность, делая ее масштабируемой, гиперперсонализированной и сложно обнаруживаемой. Действующие нормы УК РФ (ст. 110.1, 110.2) не учитывают специфику определенного причинения вреда через автономные системы. Для противодействия требуется формирование новой правовой парадигмы, включающей криминализацию создания и внедрения «вредоносного ИИ», установление производственной ответственности разработчиков платформ, а также развитие технологий проактивного «цифрового иммунитета». Таким образом, необходимо внедрить и создать превентивную защиту от потенциального вредоносного ИИ, который может найти все изъяны в кибербезопасности современных мессенджеров. Ведь не для кого не секрет, что группы «Синий кит» были построены по принципу чат-бота, который содержал 50 заданий. Точно такие же технологии использовали группы «4:20», «Красная Сова».

Ключевые слова: искусственный интеллект, детские суициды, киберпреступность, чат-бот, генеративный контент, алгоритмическое посредничество, уголовная ответственность, цифровая безопасность несовершеннолетних.

Введение.

Влияние компьютерной информации, распространяющейся в телекоммуникационных системах, на экономику, политику и правопорядок достигло такого уровня, что сегодня следует признать её в качестве одного из ведущих факторов государственной и общественной жизни. Вместе с тем, за последние годы получили развитие технологии ИИ, которые заменяют привычный «одушевленный» интернет. Такая революция меняет стандарты работы, заменяет человеческий разум, и занимает места незаменимых сотрудников.

В этой связи необходимо сопоставить, что в ближайшее время произойдет революция цифровых угроз жизни и здоровью несовершеннолетних детей.

Российское государство еще с 2009 года регулярно признает, что компьютерная информация весьма уязвима, вредоносное воздействие на компьютерные данные создаёт опасность для государственных информационных ресурсов, оборонных объектов и объектов жизнеобеспечения страны [1].

Ещё в 2011 г. Академия военных наук Китая издала публикацию, в которой говорилось, что массовые выступления в арабских странах представляют собой начало периода интернет-войн, идущих на смену традиционным войнам. Поэтому все страны должны готовиться к «сражениям ин-тернет-войны», избежать которую можно только путём применения жёстких мер по защите своего «интернет-сурвейнитета» [2].

Национальная безопасность, если иметь в виду интернет, связана и с внутренним фактором – с внутренними интернет-ресурсами, активность которых может привести к появлению и развитию деструктивных процессов в общественной и государственной жизни страны [3].

В этой связи актуальность исследования обусловлена революционным развитием технологий ИИ, их доступностью и отсутствием адекватных правовых механизмов противодействия их криминальному использованию. Цель статьи – проанализировать модели преступного применения ИИ для склонения к суициду (девиантному поведению детей), оценить адекватность уголовно-правовых норм и сформулировать основы специального правового регулирования и технологического противодействия, превенции.

Как отмечает В.А. Тирранен, правоохранительные органы многих государств обеспокоены увеличением масштабов киберпреступности, ухудшением последствий для благополучия людей [4].

Законодатель замечает развитие ИИ-технологий [7, 8 и 9]. Содержатся легальные определения ИИ как в законных, так и подзаконных актах, однако до настоящего времени не обновляются криминологические, уголовно-правовые подходы в работе с этим опасным, непредсказуемым «явлением».

В закрытых сегментах интернета (зашифрованные мессенджеры) появляются программы, использующие технологии больших языковых моделей. Такие боты выявляют эмоционально нестабильных пользователей по ключевым словам в публикациях, вступают в диалог, устанавливают доверительные отношения и постепенно, следуя криминальному сценарию. Ключевая особенность: круглосуточная доступность, способность вести тысячи

диалогов одновременно, отсутствие эмоционального выгорания и следов, характерных для человека-преступника.

Как в этих условиях бороться с таким многоуровневым и сложным роботом привычными уголовно-правовыми средствами, имея в арсенале человеческий ресурс в лице загруженного работой следователя или оперативного сотрудника.

Следует заметить, что технологии генеративного ИИ позволяют массово создавать убедительные текстовые, аудио- и видеоматериалы, которые не каждый способен отличить от реальных кадров. Ведь это могут быть и «личные истории» несуществующих людей, изображения, «фейковые» видеообращения королей поп-культуры в условиях развитого глобализма. Подобный контент, распространяемый через алгоритмические ленты, обладает высокой убедительностью и силой эмоционального воздействия на несформировавшуюся психику подростка, который итак большое количество времени проводит в руках с гаджетом, что уже существенно влияет на его психику, отрывая от реальности.

Подросток, проявивший интерес к депрессивному контенту, попадает в подборку таргетинговыми алгоритмами, где ему ИИ начинает рекомендовать контент суициальной, меланхоличной направленности. Таким образом, ИИ-система легальной платформы становится невольным посредником в доставке деструктивного контента до цели, эффективно выполняя работу по поиску и первичному «прогреву» потенциальной жертвы, «раскачиванию» его психики.

Нельзя забывать и про зарубежные ИИ-боты, которые могут использоваться как угроза национальной безопасности России, средство совершения преступлений в отношении уязвимых категорий лиц.

Действующее законодательство, в частности ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, не готово к вызовам, связанным с ИИ, что подчеркнула Н.В. Шмяткова еще в 2021 году: уголовно-законодательство в данной сфере запаздывает. Сложный ИИ самостоятельно может выполнять объективную сторону преступления, но признавать ИИ полноценным субъектом преступления преждевременно, при этом необходимо установление уголовной ответственности за умышленное использование ИИ в корыстных целях, в связи с чем автором предложены изменения к ст. 63 УК РФ [5]. Как видно, в реалиях 2026 года качественно новых подходов в осмыслиении ИИ в уголовном законе не появилось.

Однако нельзя полностью согласиться с мнением Н.В. Шмятковой. Ведь проблема субъекта преступления ярко выражена сегодня. Кто будет являться субъектом преступления в условиях работы вредоносного, агрессивного ИИ? Разработчик, лицо, его развернувшее и запустившее, владелец платформы, чьими уязвимостями воспользовались, или сама автономная система?

Требуется новая доктринальная интерпретация опосредованного умысла и преступной небрежности при разработке и внедрении систем ИИ с высоким деструктивным потенциалом, поскольку деятельность автономного бота, который самообучается и адаптирует тактику, плохо укладывается в рамки «уговоров, предложений, подкупа, обмана». Необходима новая уголовно-правовая конструкция, например, «создание, распространение или использование компьютерной программы (искусственного интеллекта), заведомо предназначеннной для склонения к самоубийству», либо «к совершению преступлений».

Таким образом, необходимо дополнить ст. 110.2 УК РФ указанием на использование «автоматизированных информационных систем и искусственного интеллекта».

Ввести обязательную сертификацию ИИ. Внедрение обязательной экспертизы (аудита) публично доступных ИИ-моделей, разработать и внедрить государственный

«кантинИИ» на базе киберуправления МВД или СК РФ, способный выявлять суицидальные (иные преступные) посыпалы в диалогах и контенте чат-ботов на ранней стадии, блокировать вредоносных ботов и перенаправлять пользователя к психологической помощи.

Заключение. Революционное развитие искусственного интеллекта знаменует качественно новый этап эскалации цифровых угроз, в том числе детям. Пассивное ожидание и применение устаревших правовых конструкций недопустимы, требуют упреждающего ответа.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года утверждённая Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537. – разд. II. Современный мир и Россия: состояние и тенденции развития. – п. 10//Российская газета. – 2009. – 19 мая. – № 4912
2. Седов Д.: Интернет-торнадо. Армия КНР официально заявила о наступлении эры "интернет-войн" <https://centrasia.org/newsA.php?st=1307684340#gsc.tab=0>
3. Кайнов В.И., Сафаров Р.А. Правовое противодействие угрозам национальной безопасности России в информационной сфере. //Мир экономики и права. – № 9. – сентябрь – 2013. – С.81-84
4. Тирранен В. А. Преступления с использованием искусственного интеллекта // Развитие территорий. 2019. №3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 12.01.2026).
5. Наталья Викторовна Шмяткова Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления? // Государственная служба и кадры. 2023. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-subekt-ili-sposob-soversheniya-prestupleniya> (дата обращения: 25.12.2025).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
7. Указ Президента Российской Федерации от 27.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 27. ст. 5351
8. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 41. ст. 5700
9. Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 17. ст. 2701

Artificial Intelligence as a Tool for Organizing Child Suicides: A New Challenge for Criminal Law and Criminology

Chursin R.S.

A.S. Pushkin Leningrad State University

This article examines a new and extremely dangerous trend in cybercrime against minors: the use of artificial intelligence (AI) technologies to incite children and adolescents to commit suicide. The purpose of the study is to analyze criminal models of AI use (chatbots, generative content, targeting algorithms), identify gaps in criminal law regulation, and develop preventive measures. The methodological basis is based on comparative legal and systemic analysis, as well as cybercriminological methods. The scientific novelty lies in the first comprehensive examination of AI as a tool for suicidal influence in Russian doctrine, as well as in the formulation of the concept of "algorithmic mediation" in the commission of crimes. Results: It has been established that AI is fundamentally transforming criminal activity, making it scalable, hyper-personalized, and difficult to detect. Current provisions of the Russian Criminal Code (Articles 110.1 and 110.2) do not account for the specifics of indirect harm caused through autonomous

systems. To combat this, a new legal paradigm is needed, including criminalization of the creation and implementation of "malicious AI," establishing industrial liability for platform developers, and developing proactive "digital immunity" technologies. Therefore, it is necessary to implement and create preventative protection against potential malicious AI, which can uncover all the flaws in the cybersecurity of modern messaging apps. After all, it's no secret that the "Blue Whale" groups were built on the principle of a chatbot containing 50 tasks. Exactly the same technologies were used by the "4:20" and "Red Owl" groups.

Keywords: artificial intelligence, child suicides, cybercrime, chatbot, generative content, algorithmic mediation, criminal liability, digital security of minors.

References

1. National Security Strategy of the Russian Federation until 2020 approved by Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009, No. 537. – Section II. The Modern World and Russia: Status and Development Trends. – Item 10//Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – May 19. – No. 4912
2. Sedov D.: Internet Tornado. The PRC Army Officially Declared the Advent of the Era of "Internet Wars" <https://centrasia.org/newsA.php?st=1307684340#gsc.tab=0>
3. Kaynov V.I., Safarov R.A. Legal Counteraction to Threats to Russia's National Security in the Information Sphere // The World of Economics and Law. – No. 9. – September – 2013. – P. 81-84
4. Tirranen V. A. Crimes using artificial intelligence // Development of territories. 2019. No. 3 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-s-ispolzovaniem-iskusstvennogo-intellekta> (date of access: 12.01.2026).
5. Natalia Viktorovna Shmyatkova Artificial intelligence: subject or method of committing a crime? // Public service and personnel. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-subekt-ili-sposob-soversheniya-prestupleniya> (date of access: 25.12.2025).
6. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 27.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 27. Art. 5351
8. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 41. Art. 5700
9. Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulations to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Subject of the Russian Federation - the Federal City of Moscow and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 17. Article 2701

Обеспечение общественной безопасности в эпоху цифровизации: некоторые проблемные аспекты

Шеншин Виктор Михайлович

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук

Кибертерроризм и киберэкстремизм – новое явление, угрожающее национальной безопасности России и такому ее виду как общественная безопасность. Количество преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом в интернете, ежегодно увеличивается. Основные формы данных видов преступности в интернет-пространстве: пропаганда экстремистских идей в социальных сетях; создание сайтов для финансирования преступной деятельности; управление преступной деятельностью через интернет; кибератаки на информационные системы. Сегодня борьба с кибертерроризмом и киберэкстремизмом затруднена рядом проблем. Среди таковых автор называет – недостаточное законодательное регулирование данных видов преступности; трудности блокировки экстремистских ресурсов, ввиду наличия специальных анонимных программ (например VPN); длительность признания контента экстремистским; проблемы взаимодействия с иностранными интернет-ресурсами; недостаточная защита информационных данных. Для решения указанных проблем предложен ряд мер: разработка нового состава преступления «кибертерроризм» в УК РФ; совершенствование ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации, а также ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»; изменение порядка признания материалов – экстремистскими; автоматизация мониторинга экстремистских материалов; усиление защиты конфиденциальных данных через совершенствование законодательства, системы контроля и использование API-систем мониторинга утечек; заключение международных договоров о сотрудничестве в борьбе с киберпреступностью.

Ключевые слова: цифровизация; национальная безопасность; общественная безопасность; кибертерроризм; киберэкстремизм.

В настоящее время терроризм и экстремизм по своим масштабам и колossalной разрушающей силе превзошли всевозможные угрозы общественным отношениям, таким образом,бросив вызов всему человечеству. Усиление процесса цифровизации в мировом сообществе и развитие новых систем общественных отношений в целом становятся потенциально опасными для всех людей, поскольку теперь они связаны с такими опасными явлениями, как терроризм и экстремизм.

Изменение баланса сил на политической арене, появление новых участников международной политики, развитие информационных технологий, разработка ядерного оружия и пр., обостряют проблему терроризма и экстремизма, заставляя уделять вопросам терроризма и экстремизма должное внимание.

Некоторые ученые склонны считать, что авторство термина «терроризм» принадлежит французскому мыслителю Ш. Монтескье, который перевел слово «террор» с латинского на французский язык для характеристики деспотического государства, которое представляет собой нагнетание атмосферы страха и террора правителем на подданных. Другие авторы придерживаются мнения, что «понятие террор» ввел Аристотель для обозначения особого типа ужаса, который овладевал зрителями трагедии в греческом театре.

В отечественном законодательстве понятие «терроризм» определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

Несмотря на существование этой дефиниции, некоторые ученые дают собственное определение терроризма, определяя его, например, как «многоструктурное социальное, идеально-политическое явление, направленное на разрушение существующей государственно-политической системы страны и использующее наиболее общественно опасные противоправные методы и средства для достижения своих политических целей».

В самом широком смысле терроризм можно определить как противоправную деятельность, направленную на публичное устрашение общества путем причинения либо угрозы причинения ему существенного урона с целью оказания воздействия на власть для принятия ею значимых решений в угоду террористам.

Посмотрим на некоторые формы киберэкстремистской и кибертеррористической деятельности, которые условно можно классифицировать по уровню организации на:

простой (неструктурированный) – преступное посягательство совершается одним лицом, посредством использования различных программ или систем (как правило, данная форма реализации киберэкстремистской деятельности происходит посредством использования уже известных программ), экономические, репутационные и иные последствия такой деятельности меньше, чем для остальных форм.

расширенный (структурный) – характеризуется наличием организации, обладающей определенной структурой, включающей базовое обучение участников, и

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)»

направленной на проведение хакерских атак более высокого уровня, а также созданием собственных инструментов взлома. Потери от реализации преступной деятельности существенно выше неорганизованных посягательств.

комплексный (координированный) – форма организации преступной деятельности, влекущая за собой наибольшую общественную опасность, в том числе угрозу государственной и общественной безопасности, как стратегическому национальному приоритету. Помимо наличия четко регламентированной и координируемой структурной организации деятельности участников включает выработку планов организованных хакерской атак на государственные учреждения, а также возможностью разработки собственного инструментария взлома систем государственных информационных систем. [Ильиных Н.А. С.68]

Киберэкстремизм и кибертерроризм, независимо от того, в каких формах они проявляются, стали одной из наиболее значимых проблем, с которыми Россия вошла в XXI век. Распространение радикальных и экстремистских взглядов и верований, провоцирование общественных беспорядков и этноконфессиональных конфликтов, террористические акты и призывы к их совершению, совершаемые посредством информационных технологий, а также выявленные правоохранительными органами приготовления к их совершению – все эти деяния представляют собой реально существующие и весьма актуальные угрозы и опасности для национальной безопасности России. Поэтому противодействие проявлениям цифрового экстремизма и терроризма в России является одной из наиболее значимых государственных задач по обеспечению национальной безопасности.

Между тем, несмотря на усилия государства, а также международных организаций, решение этой задачи затруднено множеством проблем, которые требуют скорейшего разрешения.

Вышеуказанные меры не всегда могут оказаться эффективными, поскольку на данный момент преступники имеют возможность регистрироваться на разных ресурсах, используя чужие персональные данные и применяя другие преступные способы. В связи с этим, более целесообразным, с нашей точки зрения является подписание международного договора по вопросам содействия в раскрытии киберпреступлений экстремистского и террористического характера. В частности, в рамках данного договора предполагается внесение пункта об оперативном предоставлении IP-адресов и иных значимых для раскрытия преступления сведений от владельцев иностранных Интернет-ресурсов, страны которых подписали данный договор.

Следует констатировать, что подписание подобного договора, возможно только с дружественными странами. Возможность подписания подобного договора с европейскими странами ставится под сомнение в силу сложившихся международно-правовых отношений. Так, например, недавно Вашингтон опубликовал многостороннюю Стратегию международного киберпространства и цифровой политики США, где Россия и Китай названы главной угрозой для Соединенных Штатов. Оказывается, Россия угрожает «подрывом глобального авторитета США».

Даже при наличии уголовно-правовой охраны от кибертерроризма и киберэкстремизма, справиться с этими преступлениями невозможно без эффективной системы защиты личных данных граждан в цифровом пространстве. Это объясняется тем, что множество киберпреступлений террористической и экстремистской направленности сопровождается кражей личных данных, (преступник может выдать себя за другое лицо и избежать последствий); получением доступа к финансовым средствам человека с целью финансирования террористической, экстремистской

деятельности; получением доступа к информации о человеке, с целью дальнейшей вербовки в преступные организации и пр.

Помимо применения вышеуказанных профилактических мер необходимо создать на территории России «штаб волонтеров», которые могли бы заниматься мониторингом социальных сетей и в целом сети интернет, и сообщать о «подозрительных» публикациях в правоохранительные органы и Национальный Центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, а также проводить иные профилактические мероприятия. Суть данного «штаба волонтеров» состоит в том, что мониторинг сети Интернет могли бы проводить все неравнодушные, а также граждане с высокой гражданской ответственностью, прошедшие обучение у специалистов в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом, психологов, IT-специалистов, создателей социальных сетей (например, Вконтакте) и т.д., и при выявлении экстремистской или террористической информации, передавать информацию правоохранительным органам. Данный способ способствовал бы увеличению скорости поиска «подозрительной» информации и блокирования доступа к ней. [Мельник С.С. С. 188]

Чат-боты и приложения, работающие на базе ИИ, способны взаимодействовать с лицами, оказавшимися на месте преступления или ставшими жертвами преступной деятельности, а также помогать правоохранительным органам в обнаружении потерпевших.

Так, например, во Франции было создано приложение «SAIP», которое содержит только систему оповещения и информирования населения, а также инструкции к действиям в тех или иных случаях, связанных с терроризмом. Но разработчиками не исключается возможность введения системы, позволяющей гражданам самим информировать власти о каких-либо подозрительных действиях. При этом такая идея взаимного сотрудничества гражданского общества и государства в сфере антитеррористических действий не нова. Изначально она была использована в приложении, разработанном специально для штата Нью-Йорк (США). Само приложение называется «See Something, Send Something» от компании My Mobile Witness. Оно позволяет пользователю присыпать фотографию или заметку напрямую в отдел полиции штата, где будет проверяться каждая из них. [Терновсков В.Б., Вертий Е.А., Борода С.А. С.10]

Таким образом, цифровизация не только предоставляет участникам террористических группировок возможности для коммуникации, вербовки и обучения новых членов, не говоря уже о кибертерроризме, она также служит эффективным инструментом для противодействия экстремизму и терроризму в условиях современности.

Анализ судебной практики показал, что в 2020-2024 гг. судами рассматривались уголовные дела, как о преступлениях террористического характера, так и экстремистской направленности, а также ряд административных дел, связанных с экстремизмом. Чаще, всего с использованием информационных технологий совершаются противоправные деяния экстремистской направленности. [4] Поэтому противодействие проявлениям цифрового экстремизма и терроризма в России является одной из наиболее значимых государственных задач по обеспечению общественной безопасности, в частности, и национальной безопасности в общем. Между тем, решение этой задачи затруднено множеством проблем, которые требуют скорейшего разрешения. Среди них:

Проблема признания «контента», содержащего экстремистскую или террористическую информацию и призывающего к противоправной деятельности. Проблема заключается в том, что экспертизы и выяснение истинного

характера информации могут занимать довольно долгий период времени, в течение которого с данным материалом сможет познакомиться большое количество пользователей. А пока размещенный материал не будет признан экстремистским, правоохранительные органы не могут осуществлять свою деятельность по привлечению виновных к ответственности и блокированию опасного ресурса. [5] На основании этого, предлагается внести в ст. 13 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», законодательную возможность ограничения подозрительных (по мнению правоохранительных органов) материалов до момента признания их судом – экстремистскими. В частности, можно ввести следующую поправку: «При наличии достаточных оснований полагать, что материалы являются экстремистскими, правоохранительные органы вправе ограничить доступ к информационному ресурсу, на котором они расположены». Более эффективно могла бы бороться с распространением таких материалов программа, автоматически направляющая подозрительные экстремистские материалы на почту правоохранительных ведомств с целью оперативно определить, стоит ли ограничить доступ к подобным материалам без судебного решения.

Проблема получения сведений о зарубежных интернет-ресурсах. На практике, чтобы установить преступника необходимо получить данные от владельца Интернет-ресурса и IP-адресе пользователя сети, от имени которого размещен текст экстремистского (террористического) содержания или совершены иные действия противоправного (экстремистского, террористического характера). При этом сведения об IP-адресах возможно истребовать только от организаций российского сегмента сети Интернет. Получить данные об IP-адресах и другие имеющие значение для расследования сведения от владельцев иностранных ресурсов («Youtube», «WhatsApp», «Telegram») не представляется возможным. В таких случаях злоумышленнику часто удается избежать уголовной ответственности. Для частичного решения этой проблемы в 2023 г. принят Федеральный закон № 406-ФЗ в котором предусматривается, что регистрация на информационных ресурсах возможна только при соблюдении отдельных правил авторизации. [Клименко А.И. С. 43-54]

Вышеуказанные меры не всегда могут оказаться эффективными, поскольку на данный момент преступники имеют возможность регистрироваться на разных ресурсах, используя чужие персональные данные и применяя другие способы.

Недостаточное обеспечение защиты конфиденциальной информации. Даже при наличии уголовно-правовой охраны от кибертерроризма и киберэкстремизма, спраться с этими преступлениями невозможно без эффективной системы защиты личных данных граждан в цифровом пространстве. [Ирошников Д.В. С. 11-22] Это объясняется тем, что множество киберпреступлений террористической и экстремистской направленности сопровождается кражей личных данных, в свой черед, сопровождающейся кражей личности (преступник, например, может выдать себя за другое лицо и избежать последствий).

Рост возможностей цифровизации, который мы наблюдаем на сегодняшний день приводит к увеличению случаев кибертерроризма и киберэкстремизма. Между тем, нельзя отрицать, что цифровизация помогает в борьбе с терроризмом и экстремизмом по ряду следующих направлений: анализ данных; распознавание моделей преступления; наблюдение и мониторинг; защита от кибератак; биометрическая идентификация, анализ голоса и поведения; дроны и робототехника для охраны правопорядка; чат-боты и виртуальные приложения для общения с гражданами и пр. Таким образом, цифровизация не только предоставляет участникам террористических группировок

возможности для коммуникации, вербовки и обучения новых членов, не говоря уже о кибертерроризме, она также служит эффективным инструментом для противодействия экстремизму и терроризму в условиях современности.

Литература

1. Ильиних Н.А. Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием на человека в киберпространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – №1. – С. 68
2. Мельник С.С. Правовое регулирование киберэкстремизма и кибертерроризма: проблемы и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1. – С. 188.
3. Терновских В.Б., Вертий Е.А., Борода С.А. Использование цифровых технологий (в том числе мобильных приложений) для борьбы с терроризмом // Молодой ученик. – 2020. – № 45 (335). – С. 10.
4. Гирько, С. И. Общественная безопасность Российской Федерации: состояние и дальнейшие шаги развития / С. И. Гирько // Административное право и процесс. – 2023. – № 8. – С. 3-8. – DOI 10.18572/2071-1166-2023-8-3-8.
5. Харламов, С. О. Конституционно-правовое регулирование использования QR-кодов в противодействии экстремизму и терроризму / С. О. Харламов, С. А. Егоров // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 4. – С. 239-243. – DOI 10.24412/2414-3995-2022-4-239-243.
6. Клименко, А. И. Взаимосвязь первого и второго поколений прав человека / А. И. Клименко // Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и обеспечение прав человека в условиях современных вызовов : Сборник научных статей. – Смоленск : Смоленский государственный университет, 2023. – С. 43-54.
7. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22.

Ensuring Public Safety in the Digital Age: Some Problematic Aspects Shenshin V.M.

Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences

Cyberterrorism and cyber extremism are a new phenomenon that threatens Russia's national security and its kind like public safety. The number of crimes related to extremism and terrorism on the Internet is increasing every year. The main forms of these types of crime in the Internet space are: propaganda of extremist ideas on social networks; creation of websites for financing criminal activities; management of criminal activities via the Internet; cyber attacks on information systems. Today, the fight against cyberterrorism and cyber extremism is hampered by a number of problems. Among these, the author names insufficient legislative regulation of these types of crime; difficulties in blocking extremist resources due to the presence of special anonymous programs (for example, VPN); the duration of recognition of extremist content; problems of interaction with foreign Internet resources; insufficient protection of information data. A number of measures have been proposed to solve these problems: the development of a new corpus delicti of "cyberterrorism" in the Criminal Code of the Russian Federation.; improving the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection, as well as the Federal Law "On Operational Investigative Activities; changing the procedure for recognizing extremist materials; automating the monitoring of extremist materials; strengthening the protection of confidential data through improving legislation, control systems and the use of API leak monitoring systems; concluding international agreements on cooperation in combating with cybercrime.

Keywords: digitalization; national security; public safety; cyberterrorism; cyber extremism.

References

1. Ilinykh N.A. Cyber-extremism: the concept and differentiation from other informational destructive effects on humans in cyberspace // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law. – 2023. – No. 1. – p. 68
2. Melnik S.S. Legal regulation of cyber extremism and cyberterrorism: problems and prospects // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 1. – p. 188.

3. Ternovskov V.B., Vertiy E.A., Boroda S.A. The use of digital technologies (including mobile applications) to combat terrorism // Young Scientist. - 2020. - № 45 (335). - P. 10.
4. Girko, S. I. Public security of the Russian Federation: state and further steps of development / S. I. Girko // Administrative law and process. - 2023. - No. 8. - P. 3-8. - DOI 10.18572/2071-1166-2023-8-3-8.
5. Kharlamov, S. O. Constitutional and legal regulation of the use of QR codes in countering extremism and terrorism / S. O. Kharlamov, S. A. Egorov // Bulletin of Economic Security. - 2022. - No. 4. - P. 239-243. - DOI 10.24412/2414-3995-2022-4-239-243.
6. Klimenko, A. I. The relationship between the first and second generations of human rights / A. I. Klimenko // Strengthening traditional Russian spiritual and moral values and ensuring human rights in the context of modern challenges: Collection of scientific articles. - Smolensk: Smolensk State University, 2023. - P. 43-54.
7. Iroshnikov, D. V. Security as a category of public international law: theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Security. Emergencies. - 2022. - No. 1 (54). - P. 11-22.

Историко-правовые аспекты ответственности за экстремистские правонарушения в период становления советского государства

Яценко Никита Алексеевич

курсант, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, nikita_yatsenko03@mail.ru

В статье исследуются историко-правовые особенности формирования института ответственности за экстремистские правонарушения в первые десятилетия существования советского государства (1917–1930-е гг.). Анализируются нормативно-правовые акты, определявшие составы противоправных действий, механизмы их квалификации и меры наказания. Особое внимание уделено взаимосвязи политico-идеологических установок власти с эволюцией уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму. Показано, как в условиях становления новой государственности формировались правовые инструменты защиты политического строя от «контрреволюционных» и иных деструктивных проявлений.

Ключевые слова: экстремизм, контрреволюционные преступления, советское уголовное право, политический суд, репрессивное законодательство, защита государственной власти.

Введение

Проблема противодействия экстремизму остается одной из наиболее актуальных в современном правовом пространстве, особенно в контексте специальной военной операции (СВО), где экстремистские нарративы, фейковые атаки и пропаганда подрыва государственной безопасности активно используются для дестабилизации общества и оправдания терроризма. В 2024 году число уголовных дел об экстремизме в России выросло на 43% (до 615 дел), а обвиняемых — более чем на 50%, что напрямую связано с информационной войной вокруг СВО, включая публичное оправдание террора и возбуждение розни. Понимание природы и механизмов регулирования экстремистских правонарушений невозможно без обращения к историческому опыту, в том числе к периоду становления советского государства, где аналогичные угрозы решались через формирование строгого уголовного законодательства [11, с. 15].

Первые десятилетия после Октябрьской революции 1917 года стали временем интенсивного формирования новой правовой системы, в которой вопросы ответственности за действия, угрожающие государственной безопасности, заняли центральное место [14, с. 5].

Цель данной статьи — проанализировать историко-правовые аспекты становления и развития института ответственности за экстремистские правонарушения в СССР в 1917–1930-е годы. Задачи исследования:

- выявить ключевые нормативно-правовые акты, регулировавшие ответственность за экстремистские действия;
- проследить эволюцию понятийного аппарата и составов преступлений;
- оценить влияние политico-идеологического контекста на формирование уголовного законодательства.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также системный анализ нормативных актов и правоприменимой практики.

Основные положения

Сразу после Октябрьской революции 1917 года новая власть столкнулась с необходимостью оперативного выстраивания системы правовой защиты революционного порядка [14, с. 45]. На начальном этапе отсутствовала единая кодифицированная система уголовного права — основными источниками выступали декреты и постановления Совета народных комиссаров (СНК) и Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Характерной чертой этого периода стала приоритетность политических целей над юридическими формальностями. Правоохранительные органы обладали высокой степенью дискреции при квалификации действий как угрожающих советской власти. Важнейшими нормативными актами начального этапа стали: Декрет о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 года [1, с. 50], упразднивший прежние судебные учреждения и положивший начало созданию новых органов правосудия, ориентированных на защиту интересов рабоче-крестьянской власти, Постановление СНК от 7 (20) декабря 1917 года о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) [2, с. 79], наделившее новый ор-

ган широкими полномочиями по пресечению «враждебных действий», Декрет о революционных трибуналах от 4 (17) мая 1918 года [3, с. 471], установивший особый порядок судопроизводства по делам о контрреволюции.

В 1918 году были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [4, с. 590], заложившие базовые принципы советской уголовной политики. В документе подчеркивалась классовая природа права и необходимость защиты диктатуры пролетариата от посягательств «эксплуататорских элементов». На этом этапе понятие «экстремистского» деяния не было формализовано, но фактически под запрет попадали: призывы к свержению советской власти; саботаж государственных распоряжений; контрреволюционная агитация и пропаганда; участие в антисоветских организациях; распространение литературы, не соответствующей официальной идеологии; контакты с представителями «буржуазных» партий; деятельность религиозных объединений, рассматриваемых как антисоветские [11, с. 68-70].

Правоприменительная практика отличалась отсутствием четких критериев разграничения преступных и непреступных действий, возможностью ретроактивного применения норм и широким использованием аналогии закона. Карательная функция права доминировала над превентивной и восстановительной [11, с. 88]. Но, к началу 1920-х годов даже большевики понимают: чтобы удержать страну, нужно не только стрелять, но и управлять. А для управления — хотя бы видимость порядка.

И, тогда, в 1922 году был принят первый Уголовный кодекс РСФСР [5], систематизировавший нормы об ответственности за преступления против государства, в котором выделялись две подгруппы: контрреволюционные преступления (ст. 57–73); преступления против порядка управления (ст. 74–104). Ключевой стала ст. 57, определявшая контрреволюционное преступление как «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основе Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы в контрреволюционных целях и т. п.» [5, с. 12]. Широкая формулировка статьи позволяла трактовать в качестве контрреволюционных самые разнообразные деяния: публичное высказывание сомнений в правильности партийной линии; распространение листовок с критикой местных властей; участие в не санкционированных советскими органами собраниях; хранение литературы, признанной контрреволюционной; любые формы подготовительных действий, приравнивавшиеся к оконченной преступной деятельности [14, с. 120-122]. В 1924 году были принятые Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [6, с. 205], унифицировавшие подходы к регулированию ответственности за государственные преступления. Казалось бы, Уголовный кодекс 1922 года должен был навести порядок: четко прописать, что есть преступление, а что — нет. Но на деле закон стал не оградой от беззакония, а его оправдательным документом.

Почему кодификация не остановила произвол? Судьи и следователи руководствовались не статьями, а «классовым чутьем». Потомственный интеллигент в очках, священник с наперсным крестом, зажиточный крестьянин с хозяйствской хваткой — все они вызывали подозрение самим фактом своего существования. Термины вроде «агитация», «саботаж», «контрреволюционные намерения» оставались туманными. Это позволяло привлекать за любые высказывания, использовать «косвенные доказательства», игнорировать процессуальные гарантии. Новые статьи применялись к действиям, совершённым до их при-

ятия. Человека могли осудить за «антисоветскую агитацию» в 1918 году по закону, изданному в 1922-м. Даже после принятия кодекса продолжали действовать «тройки» и особые совещания.

В 1926 году вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР [7], сохранивший базовую структуру предшествующего акта, но детализировавший ряд составов. Центральное место заняла ст. 58 [12, с. 144], ставшая основным инструментом репрессивной политики. Она охватывала широкий круг деяний: измена Родине (ст. 58.1), шпионаж (ст. 58.6), терроризм (ст. 58.8), диверсии (ст. 58.9), антисоветская агитация и пропаганда (ст. 58.10), организационная контрреволюционная деятельность (ст. 58.11). Отличительными чертами ст. 58 стали: казуистичность формулировок, допускавшая широкое толкование; включение в число преступных действий не только активных деяний, но и «связи» с контрреволюционными организациями; установление ответственности за «недонесение» о контрреволюционных преступлениях; применение коллективных санкций (ответственность членов семьи) [7, с. 25-30; 18, с. 30].

Правоприменительная практика демонстрировала устойчивую тенденцию к расширительному толкованию норм: критика партийного руководства квалифицировалась как антисоветская агитация; хозяйственные просчеты могли расцениваться как вредительство; религиозные обряды — как контрреволюционная деятельность; контакты с иностранными гражданами — как шпионаж [11, с. 210; 13, с. 150]. Органы государственной безопасности (ВЧК, затем ГПУ-ОГПУ) активно использовали эти положения для пресечения любой оппозиционной деятельности [13, с. 95].

В середине 1930-х годов система противодействия «контрреволюционным» действиям приобрела завершенные институциональные формы. Ключевым событием стало убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 года, после которого последовал ряд нормативно-правовых изменений, резко усиливших репрессивный потенциал государства [17, с. 200]. Указ Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» [8, с. 459] установил ускоренный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и актах. Срок следствия ограничивался 10 днями, обвинительное заключение вручалось за сутки до суда, кассационное обжалование не допускалось, приговор приводился в исполнение немедленно. В 1935 году постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [9, с. 155] допустило применение смертной казни к лицам, достигшим 12-летнего возраста, за ряд преступлений, включая «контрреволюционные». В 1937 году директивы НКВД расширили практику внесудебных репрессий: дела рассматривались «тройками» (представители НКВД, прокуратуры и партийных органов), что минимизировало процессуальные гарантии [10, с. 274].

В правоприменительной практике произошло существенное расширение трактовки «контрреволюционных» деяний: Под антисоветской агитацией (ст. 58.10 УК РСФСР) стали понимать не только публичные высказывания, но и частные беседы, письма, дневниковые записи [18, с. 32]. Понятие «вредительства» (ст. 58.7) распространилось на любые хозяйствственные просчеты, аварии, сбои в производстве, что позволяло квалифицировать профессиональные ошибки как умышленные преступления [11, с. 225]. «Связь с иностранными государствами» интерпретировалась как шпионаж даже при отсутствии доказательств передачи сведений. Религиозная деятельность (службы, собрания, проповеди) все

чаще расценивалась как контрреволюционная организация (ст. 58.11) [13, с. 210].

К 1937 году сложилась многоуровневая система органов, уполномоченных расследовать и карать «контрреволюционные» преступления: Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) — центральный орган, координировавший репрессивную политику. Особые совещания при НКВД — внесудебные органы, выносящие приговоры без участия суда. «Тройки» на местах — оперативные структуры для ускоренного рассмотрения дел. Военная коллегия Верховного суда СССР — рассматривала дела о «крупных» контрреволюционных преступлениях (например, против партийного руководства) [12, с. 115]. Обвиняемый считался виновным a priori, бремя доказывания перекладывалось на него [11, с. 188]. Следствие активно применяло методы психологического и физического давления для получения признаний, которые становились главным доказательством [13, с. 300]. Наказание распространялось на членов семьи («члены семьи изменника Родины»), соседей, коллег [7, с. 28]. Деяния, совершенные до введения статьи, могли квалифицироваться по новым составам [14, с. 150].

В 1937–1938 гг. проводились «национальные операции» (против поляков, немцев, латышей и др.) и «кулацкая операция», нацеленные на ликвидацию «социально опасных элементов» [10, с. 276; 13, с. 320], концепция «врага внутри», представляла любое несогласие как угрозу государственной безопасности. Принцип «революционной целесообразности», ставил политические цели выше юридических норм [11, с. 95].

По данным архивов, в 1937–1938 гг. было арестовано свыше 1,5 млн. человек по обвинениям в контрреволюционных преступлениях, из них около 680 тыс. приговорены к расстрелу [16, с. 154]. Эти цифры отражают не только юридическую, но и социально-политическую сущность системы: Репрессии носили селективный характер, затрагивая, прежде всего интеллигенцию, бывших «эксплуататорские классы», священнослужителей, национальных меньшинств [12, с. 210]. Правовые механизмы использовались для устранения потенциальных оппонентов и консолидации власти. Уголовное законодательство выполняло функцию социального контроля, а не только защиты правопорядка.

К концу 1930-х годов в СССР сложилась целостная система противодействия действиям, квалифицируемым как «контрреволюционные» (аналог современного понятия «экстремистские»). Основой стали ст. 57 и ст. 58 УК РСФСР (1926 г.), а также подзаконные акты (указы, постановления, директивы), расширявшие круг преступных деяний. Были созданы специализированные органы (ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД), наделенные чрезвычайными полномочиями. Внедрены ускоренные и внесудебные процедуры, минимизировавшие гарантии обвиняемых. Правовые нормы интерпретировались через призму классовой борьбы и «революционной целесообразности». Система обеспечила подавление оппозиции, но ценой разрушения правовых институтов и массовых нарушений прав человека.

Заключение

Проведенное исследование историко-правовых аспектов становления института ответственности за экстремистские (в терминологии того периода – контрреволюционные) правонарушения в СССР в 1917–1930-е годы позволяет сформулировать ряд основополагающих выводов.

Во-первых, формирование правового регулирования в данной сфере носило поэтапный и динамичный характер, эволюционируя от фрагментарных революционных декретов, наделявших карательные органы (ВЧК) широкими дискреционными полномочиями, к систематизированным,

но чрезвычайно емким нормам Уголовных кодексов 1922 и 1926 годов (ст. 57, 58 УК РСФСР), и, наконец, к созданию жесткой репрессивной системы середины-конца 1930-х годов с ее внесудебными органами («тройки») и ускоренными процедурами.

Во-вторых, ключевой особенностью этого процесса была его тотальная подчиненность политico-идеологическим задачам. Понятие «контрреволюционного» (экстремистского) деяния определялось не через четкие юридические составы, а через призму классовой борьбы и «революционной целесообразности». Это привело к радикальному расширительному толкованию норм, когда под действие закона подпадали критика, хозяйственныe прoсчты, религиозная практика и даже частные разговоры.

В-третьих, правоприменительная практика характеризовалась доминированием карательной функции, презумпцией виновности, применением коллективной ответственности и постепенной минимизацией процессуальных гарантij для обвиняемых. Апогеем этой тенденции стали массовые репрессии 1937–1938 гг., где правовые механизмы были полностью инструментализированы для решения задач политического подавления и социального контроля.

Таким образом, исторический опыт 1917–1930-х годов наглядно демонстрирует системные риски, возникающие при противодействии экстремизму и угрозам государственной безопасности, когда правовое регулирование подменяется политической целесообразностью, а необходимость защиты стабильности используется для обоснования свертывания правовых гарантij. Этот опыт служит суровым напоминанием о критической важности поддержания баланса между обеспечением безопасности и незыблемостью принципов правовой определенности, справедливости и защиты фундаментальных прав человека. В условиях современных вызовов, включая специальную военную операцию и активизацию информационного противоборства, извлеченные уроки прошлого подчеркивают необходимость выстраивания эффективного, но строго в рамках правового поля, механизма противодействия экстремизму, исключающего произвол и обеспечивающего защиту как интересов государства, так и прав граждан.

Литература

1. Декрет о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. — 1 с.
2. Постановление СНК от 7 (20) декабря 1917 г. о создании ВЧК. — 1 с.
3. Декрет о революционных трибуналах от 4 (17) мая 1918 г. — 1 с.
4. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. — Екатеринбург: Гос. изд-во Урал. обл. отд-ние, 1921. — 4 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР. — Москва: Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. — 94 с.
6. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. — 15 с.
7. Уголовный кодекс РСФСР. — 256 с.
8. Указ Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. — 1 с.
9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. — 1 с.
10. Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. — 19 с.
11. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. — М.: Москва : РОССПЭН, 2008, 1998. — 462 с.
12. Хаустов, В. Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Н. Хаустов, Л. Самуэльсон. — М. : РОССПЭН, 2009. — 432 с.

13. Тепляков, А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. / А. Г. Тепляков. — М.: Новый хронограф. АИРО-XXI, 2008. — 632 с.
14. Кодинцев, А. Я. Уголовно-правовая политика в СССР в 1917–1941 гг. / А. Я. Кодинцев. — М.: Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. — 420 с.
15. Роговин, В. З. Власть и оппозиция / В. З. Роговин. — М.: Товарищество "Журн. "Театр", 1993. — 528 с.
16. Земсков, В. Н. Заключённые, спецпоселенцы... / В. Н. Земсков // История СССР, Москва : Наука, 2003, 1991. — № 5. — 304 с.
17. Иванов, А. С. Статья 58 УК РСФСР 1926 г.: генезис и роль... / А. С. Иванов // Вестник ТГУ. Право. — 2015. — № 3. — 126 с.

Historical and legal aspects of liability for extremist offenses during the formation of the soviet state

Yatsenko N.A.

Military Zhukov Order Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

The article examines the historical and legal features of the formation of the institution of liability for extremist offences in the first decades of the Soviet state (1917–1930s). It analyses the regulatory legal acts that defined the elements of unlawful acts, the mechanisms for their qualification, and the penalties imposed. Special attention is paid to the relationship between the political and ideological guidelines of the authorities and the evolution of criminal legislation in the field of countering extremism. The study shows how legal instruments for protecting the political system from «counter-revolutionary» and other destructive manifestations were developed during the formation of the new statehood.

Keywords: extremism, counter-revolutionary crimes, Soviet criminal law, political justice, repressive legislation, protection of state authority.

References

1. Decree on the Court No. 1 of November 24 (December 7), 1917 — 1 s. (In Russ.).
2. Resolution of the Council of People's Commissars (SNK) of December 7 (20), 1917, on the establishment of the All-Russian Extraordinary Commission (VChK) — 1 s. (In Russ.).
3. Decree on Revolutionary Tribunals of May 4 (17), 1918 — 1 s. (In Russ.).
4. Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR. — Yekaterinburg: State Publishing House, Ural Regional Branch, 1921. — 4 s. (In Russ.).
5. Criminal Code of the RSFSR. — Moscow: Published by the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), 1922. — 94 s. (In Russ.).
6. Basic Principles of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics. — 15 s. (In Russ.).
7. Criminal Code of the RSFSR. — 256 s. (In Russ.).
8. Decree of the Presidium of the Central Executive Committee (CEC) of the USSR of December 1, 1934 — 1 s. (In Russ.).
9. Resolution of the Central Executive Committee (CEC) and the Council of People's Commissars (SNK) of the USSR of April 7, 1935 — 1 s. (In Russ.).
10. Order of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) of the USSR No. 00447 of July 30, 1937 — 19 s. (In Russ.).
11. Solomon, P. Soviet Justice Under Stalin / P. Solomon. — Moscow: ROSSPEN, 2008, 1998. — 462 s. (In Russ.).
12. Khaustov, V. N. Stalin, the NKVD, and the Repressions of 1936–1938 / V. N. Khaustov, L. Samuelson. — Moscow: ROSSPEN, 2009. — 432 s. (In Russ.).
13. Teplyakov, A. G. The Machine of Terror: OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941 / A. G. Teplyakov. — Moscow: Novy Khronegraf, AIRO-XXI, 2008. — 632 s. (In Russ.).
14. Kodintsev, A. Ya. Criminal Law Policy in the USSR in 1917–1941 / A. Ya. Kodintsev. — Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2009. — 420 s. (In Russ.).
15. Rogovin, V. Z. Power and Opposition / V. Z. Rogovin. — Moscow: Partnership "Journal 'Theatre", 1993. — 528 s. (In Russ.).
16. Zemskov, V. N. Prisoners, Special Settlers... / V. N. Zemskov // History of the USSR. — Moscow: Nauka, 2003, 1991. — № 5. — 304 s. (In Russ.).
17. Ivanov, A. S. Article 58 of the RSFSR Criminal Code of 1926: Genesis and Role... / A. S. Ivanov // Bulletin of Tomsk State University. Law. — 2015. — № 3. — 126 s. (In Russ.).

История и теория прав и свобод человека и гражданина в ходе оперативного опроса

Лыско Евгений Алексеевич

аспирант, Мурманский арктический университет,
goodness1978@mail.ru

В современной российской правоохранительной системе оперативный опрос занимает парадоксальное положение. Тактически и по праву, использующийся, как массовый инструмент первичного сбора информации, он остаётся в зоне «процессуальной тени», не наделяет императивными обязанностями и ответственностью должностных лиц и граждан при его проведении. Актуальность исследования продиктована необходимостью разрешения спорных дискуссий и, возникающих предпосылок к конфликту в публичном и частном праве между государственным аппаратом и неприкосновенностью частной жизни.

В реалиях, когда грань между добровольной беседой и опоросом размыта, отсутствие чётких установок создаёт почву для системных нарушений конституционных прав граждан, что, как отмечено в статье, подтверждается статистикой прокурорского надзора.

Цель этой работы – через призму исторического опыта, теории прав и обязанностей правоохранительных органов и граждан, изменить правовую природу опроса научными методами в интересах разработки механизмов процессуального документирования, наделения его субъектов правами и обязанностями, а также ответственностью, не нарушая конституционные принципы законности органов исполнительной власти, соблюдая права и свободы человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), а также повышая эффективность оперативно-розыскной деятельности (ст. ст. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 15 ФЗ «Об ОРД»). В статье вскрывается фундаментальное противоречие между декларативным характером принципов уважения прав человека, закреплённых в Законе «Об ОРД» и, реальной практикой, унаследовавшей обвинительный уклон и закрытость советской системы сыска. Подчеркнуто, что текущая лаконичность законодательных формулировок не обеспечивает должной защиты от самообличения и давления, а также понижает достаточность и допустимость сбора доказательств в правоохранительной деятельности. Авторский вклад заключается в обосновании перехода от ведомственной дисциплины к строгой процедурной регламентации: предложено введение обязательного порядка проведения и протоколирования с фиксацией добровольности участия (аналог «правила Миранды» для оперативной работы). Представленные материалы могут использоваться законодателями, специалистами в области уголовного процесса, права и оперативно-розыскной деятельности, правозащитниками, практикующими юристами, сталкивающимися с проблемой допустимости доказательств.

Ключевые слова: гарантии прав личности, доказательственное значение, история сыска, конституционные права, негласные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, оперативный опрос, правовое регулирование, прокурорский надзор, процессуальная форма

Введение

Оперативный опрос занимает особое место в перечне оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), закреплённых в статье 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», являясь исторически первым и наиболее распространённым методом получения оперативной информации, представляет специфическую форму взаимодействия государства и личности.

Значимость обращения к теме объясняется тем, что опрос, проводимый как гласно, так и негласно, затрагивает фундаментальные права граждан, в том числе на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, свободу от самообличения. Вместе с тем порядок его проведения и ответственность участвующих лиц остаются минимальными.

Невзирая на законодательное закрепление принципов уважения прав и свобод человека и гражданина (ст. 5 ФЗ «Об ОРД»), правоприменительная практика указывает на наличие системных проблем. По данным прокурорских проверок, нарушения при проведении ОРМ, включая опросы, составляют значительную долю в общей структуре нарушений законности в рассматриваемой сфере [2]. В данной связи весьма значим анализ эволюции и теоретических основ обеспечения прав и обязанностей должностных и опрашиваемых лиц, выработка рекомендаций по усовершенствованию его правового регулирования.

Материалы и методы

Обзором современной литературы обнаруживается, что исследования оперативного опроса в контексте прав и свобод человека и гражданина формируются на стыке историко-правового, формально-юридического, прикладного подходов. Это делает подобранный к статье массив публикаций релевантным для заявленной темы. Работы С.А. Ахтамшоды [1], А.С. Клиновского, С.А. Юзьвака [5], М.С. Манагаровой [8], Р.Р. Хусаинова [10], А.М. Шинкевича, Н.Г. Букшты [11] ориентированы, главным образом, на функционально-прикладной анализ оперативного опроса как меры, способствующей профилактике, предупреждению и раскрытию преступлений. При этом вопросы ограничения конституционных прав затрагиваются фрагментарно. Историко-теоретический ракурс наиболее последовательно представлен Е.А. Лыско [7], где прослеживается эволюция представлений об оперативном опросе и его месте в системе ОРД. Это важно для понимания генезиса современных правовых ограничений. Формально-юридический и правозащитный аспекты развиваются в изысканиях Г.В. Дытченко, Е.Л. и Никитина [3], а также в обзоре практики межгосударственных органов [9], где акцент делается на допустимости вмешательства в права человека и критериях соразмерности, однако без детальной привязки к опросу, как самостоятельному мероприятию. Труды Д.С. Желтка [4] и К.Н. Курысева [6] отражают специальные и современные аспекты (основания проведения и др.). Авторы демонстрируют расширение фактических возможностей опроса при неизменности его нормативной конструкции. Статистический материал С.В. Душкина [2] выполняет вспомогательную эмпирическую функцию, не раскрывая правозащитного измерения.

Проблемы литературы выражаются в недостаточной теоретической проработке соотношения добровольности

оперативного опроса и реального процессуального положения должностного и опрашиваемого лиц. Имеет место слабая интеграция стандартов международной защиты прав человека, сотрудников и правоохранительных органов каждый из которых желает или не желает добровольно «являться» на опрос с учётом личной гражданской позиции и «требовать» этого соответственно (п. 1 ст. 6 и ч. 5 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»). Противоречия проявляются в различной оценке допустимых границ усмотрения сотрудников и степени необходимости дополнительных гарантий прав личности. В связи с этим при написании статьи применены историко-правовой, формально-юридический методы, системный подход, сравнительно-правовой и правоприменительный анализы, что помогает комплексно оценить баланс публичных интересов и прав личности.

Результаты и обсуждение

История оперативного опроса неразрывно сопряжена с развитием отечественных институтов сыска. На ранних этапах становления российской государственности (Х-XVII вв.) получение сведений от населения носило не столько правовой, сколько принудительный характер. В Русской Правде и судебниках закреплялся « обыск » – жители опрашивались касательно репутации подозреваемого, что считается прообразом современного опроса. Однако понятие прав опрашиваемого в тот период отсутствовало. Приоритет отдавался интересам государя и общественного порядка – публичной власти.

В имперский период (с созданием регулярной полиции и сыскных отделений) методы опроса стали более систематизированными. Но они оставались жестко авторитарными. Полицейские уставы XIX века позволяли негласный сбор сведений. При этом гарантии прав личности (адвокатская тайна, право «молчать») на этапе полицейского дознания практически не распространялись, в том числе в силу складывающейся обстановки в стране.

В советский период внесена отчетливая двойственность: формально провозглашалась законность, а на практике (особенно в 1930-1940-е гг.) оперативная работа строилась на тотальном контроле, где опрос часто граничил с допросом без процессуальных гарантий. При этом понятие презумпции невиновности в УК РСФСР 1926 г. и в Конституциях РСФСР и СССР до 1980-х годов отсутствовало.

Лишь с принятием ФЗ «Об ОРД» в 1995 г. оперативный опрос получил статус легального ОРМ в демократическом правовом поле. Впервые было установлено, что оперативно-розыскная деятельность не может служить целям, не предусмотренным законом, полученные сведения подлежат защите. Тем не менее, лаконичность формулировки п. 1 ст. 6 анализируемого Закона оставила «в наследство» от советской системы отсутствие чёткого протокола проведения беседы, процессуальные права и ответственность участников мероприятия. В итоге сохраняются риски для неэффективной ОРД и нарушений прав граждан и сегодня.

В таблице 1 систематизирована сводная информация относительно исторических этапов.

С теоретической точки зрения, оперативный опрос – это метод сбора информации путем непосредственного общения с носителем сведений [5, 10]. Ключевая коллизия здесь проявляется между публичным интересом (раскрытие преступления) и частным правом лица не свидетельствовать против себя и др. (ст. 51 Конституции РФ).

В отличие от следственного допроса, оперативный опрос носит, как правило, добровольный характер. Одновременно с этим, закон прямо не обязывает оперативника разъяснять гражданину право отказаться от беседы, а последнему приывать для проведения мероприятия. В

итоге создается ситуация «информационной асимметрии».

Таблица 1
Эволюция регламентации опроса в контексте прав личности
(составлено на основе [1, 4, 7, 11])

Период	Форма	Статус прав опрашиваемого
Допетровская Русь	«Обыск» (опрашивание общин)	Права не выделяются, коллективная ответственность
Имперская Россия	Полицейская беседа, агентурный опрос	Минимальные. Как инструмент административного давления
СССР	Разведывательный опрос	Формально – добровольность, фактически – принуждение в интересах госбезопасности
РФ (с 1995 г.)	Оперативный опрос (п. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД»)	Законодательное закрепление прав, возможность судебного обжалования, но дефицит процедур

Особую сложность представляет негласный опрос, когда сотрудник или лицо, добровольно изъявившее желание участвовать в проведении ОРМ скрывают свою принадлежность к правоохранительным органами или истинные цели беседы. В рассматриваемом случае гражданин, вступая в коммуникацию, не осознает правовых последствий своих слов. Так, Европейский суд по правам человека в ряде решений (например, по делу «Аллан против Соединенного Королевства») указывал, что использование информации, полученной обманным путем от лица, находящегося в уязвимом положении, может нарушать право на справедливое судебное разбирательство и привилегию против самообличения [9]. Российская теория ОРД исходит из того, что негласный опрос допустим, если он не связан с давлением либо провокацией [6]. Между тем, грань здесь тонка и законодательно не formalизована.

Другой очень важный аспект – право на юридическую помощь. При проведении гласного опроса гражданин теоретически имеет возможность пригласить адвоката, но механизм реализации этого права в ФЗ «Об ОРД» не прописан. На практике это приводит к тому, что первичные объяснения зачастую берутся в условиях, при которых исключается квалифицированная защита, а впоследствии сведения реализуются в уголовном процессе.

Анализ практики показывает, что нарушения прав граждан при проведении опроса носят латентный характер [2]. В официальной статистике он не выделяется в отдельную категорию нарушений, однако общие данные прокуратуры позволяют судить о проблеме (таблица 2). Так, нарушения при регистрации сообщений о преступлениях (где опрос является основным инструментом первичной проверки) ежегодно исчисляются десятками тысяч [2].

Таблица 2
Типология рисков нарушения прав при оперативном опросе
(составлено на основе [1, 4-6, 8])

Вид опроса	Основные рисковые факторы	Причины нарушений
Гласный	Принуждение к даче объяснений, игнорирование права на адвоката (ст. 48 Конституции РФ)	Отсутствие бланка протокола с разъяснением прав в Законе «Об ОРД»
Негласный	Нарушение права на частную жизнь, провокация, использование доверительных отношений во вред опрашиваемому	Отсутствие четких критериев допустимости легендированного общения
Опрос задержанных	Подмена допроса опросом (без процессуальных гарантий) для получения признания	Стремление к «палочным» показателям раскрываемости

Как представляется, основная проблема кроется в правовой неопределенности статуса результатов опроса. Сведения, полученные в ходе него, сами по себе не являются доказательствами, но они служат поводом и основанием для дознания и предварительного следствия. Это

создает соблазн для оперативников получить информацию «любой ценой» на этапе опроса, зная, что строгие процессуальные требования к ней формально не применяются, а опрошенному лицу сообщить заведомо ложные сведения.

Вместе с тем, в ряде случаев практически не возможно решить задачи ОРД (ст. 2 ФЗ «Об ОРД»), при отсутствии их результатов в виде, например, протокола опроса лица по причине его «уважительной» не явки по «просьбе» сотрудника в правоохранительные органы в связи с отсутствием меры его процессуального принуждения, в том числе в целях недопущения уклонения по различным «мотивам» от протоколирования, которые, как и последующее повторное устное «требование» (ч. 5 ст. 15 ФЗ «Об ОРД»), носят только диспозитивный характер. Исследование положений ФЗ «Об ОРД», КоАП РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ и ГК РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ показывает отсутствие императивных мер по сравнению с такими, как привод (ст. 27.15 КоАП РФ) или штраф (ст. 168 ГПК РФ) в случае неявки гражданина без уважительной причины для проведения в его отношениигласного ОРМ «опрос» в интересах правоохранительных органов.

Существующая практика оформления результатов опроса в виде «рапорта» или «справки-меморандума» зачастую не дает возможность следствию и суду оценить обстоятельства получения информации, так как нет юридического и фактического подтверждения в нём участвовавшего опрошенного лица, за исключением приложения к ним иных документальных материалов. Предлагается ввести унифицированный бланк протокола опроса для его гласного проведения, где необходимо отметить все вышеуказанные аспекты.

Следует установить запрет на подмену допроса негласным опросом в отношении лица, фактически являющегося подозреваемым, если целью такого мероприятия является обход процессуальных гарантит (права на «молчание» и на адвоката). Такие сведения нужно признавать недопустимыми доказательствами в уголовном процессе, базируясь на доктрине «плодов отравленного дерева» (суть – если доказательство вины получено незаконным путем, то иные основанные на нем доказательства не должны приниматься во внимание судом) [3].

Учитывая исторический контекст и выявленные теоретические пробелы, для обеспечения равновесия между эффективностью правоохранительной деятельности и соблюдением прав человека представляется необходимым внесение точечных, но системных изменений в законодательство.

Так, в настоящее время Закон «Об ОРД» содержит определение ОРД, задачи, принципы, правовые основы, обязанности, основания, наименование ОРМ, условия их проведения для некоторых мероприятий и т.п., но без определения сути ОРМ «опрос», порядка его проведения и протоколирования, административной и (или) дисциплинарной ответственность граждан за невыполнение требований представителя власти.

В дополнение к отмеченному, видится уместным ввести императивную норму для гласного опроса, аналогичную правилу Миранды: перед началом беседы сотрудник обязан уведомить гражданина о праве не давать объяснения и праве на юридическую помощь.

Это устранит правовую неопределенность и смягчит риск обвинений в принуждении. Правило Миранды – юридическое требование в Соединенных Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное. Оно возникло в 1966 году вследствие исторического дела

«Миранда против Аризоны» и названо именем обвиняемого Эрнесто Миранды, чьи показания в последствии были исключены из материалов дела как полученные в нарушение 5-й поправки к Конституции США.

Анализ основных законов по правам человека:

1. Международные акты:
 - а) Всеобщая декларация прав человека (1948);
 - б) Международный пакт о гражданских и политических правах (1966);

в) Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966);

г) Конвенция о правах ребёнка (1989).

2. Российское законодательство:

а) Конституция РФ (ст. 2, ст. ст. 17-640);

б) ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в РФ»;

в) ФКЗ «О чрезвычайном положении»;

г) ФКЗ «О военном положении»;

д) Трудовой кодекс РФ;

е) Закон РФ «О защите прав потребителей»

показал отсутствие прямого запрета опрашивать человека и гражданина с соблюдением его прав и свобод в интересах публичной власти для установления истины и подтверждения действенности законодательства в правоохранительной сфере.

Заключение

Институт оперативного опроса в России прошел достаточно сложную эволюцию (от инструмента репрессивного сыска к правовому механизму, регулируемому федеральным законом). Вместе с тем, современное состояние правового регулирования характеризуется дисбалансом: полномочия оперативных подразделений не уравновешены достаточными процедурными гарантиями прав личности, а последней возможностью лавировать между гражданской позицией и исполнением законных требований представителя власти. Теоретическая коллизия между необходимостью скрытного получения информации и конституционными правами граждан в практической плоскости зачастую решается в общий ущерб.

Разрешение данной проблемы видится не в отказе от оперативного опроса, как действенного средства борьбы с преступностью, а в его детальной регламентации.

В этой связи, необходимо в рамках научных конференций, в ходе изучения материалов Пленума ВС РФ и законотворчества, результатов прокурорского надзора и ведомственного контроля, выработать меры для внесения изменений в ФЗ «Об ОРД» в интересах определения сути гласного и негласного ОРМ «опрос», документирования его результатов, условий проведения, поводов и оснований для привлечения к ответственности граждан, умышленно уклоняющихся от исполнения законных требований сотрудника, а также в отношении должностных лиц, несоблюдающих требования федерального законодательства.

С учётом складывающейся обстановки в сфере правоохранительной деятельности Российской Федерации в условиях СВО ВС РФ на Украине, когда каждый день в стране проводятся ОРМ и следственные действия по задержанию террористов (ст. 205 УК РФ) и государственных изменников (ст. 275 УК РФ), предлагается издать совместный гласный приказ МВД (например, приказ от 01.04.2023 № 199 МВД России «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»...) и ФСБ России (например, приказ от 04.07.2023 № 288 ФСБ России «Об утверждении Инструкции об организации проведения органами федеральной службы безопасности

гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»...) с участием других заинтересованных субъектов ОРД, в инструкции к которому предусмотреть порядок проведения мероприятия, его документирования и другие особенности, наделив правом на ряду с составлением протоколов об административных нарушениях в рамках КоАП РФ о привлечении сотрудниками к установленной законом ответственности недобросовестных граждан.

Литература

1. Ахтамшозода С.А. Оперативный опрос и его значение в предупреждении и раскрытии преступлений // Наука и безопасность. – 2024. – № 3 (9). – С. 84-89.
2. Душкин С.В. Статистический анализ деятельности прокуратуры области в сфере борьбы с преступностью // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/99e/g2ks123jdeg781vdyivdkqq7wnnlv489.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).
3. Дытченко Г.В., Никитин Е.Л. Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Криминалистика. – 2011. – № 1 (8). – С. 101-108.
4. Желток Д.С. Об основаниях проведения оперативного опроса, наблюдения и оперативного осмотра, не требующих санкции прокурора // Научный поиск курсантов. Сборник материалов Международной научной конференции. – Могилев: 2024. – С. 73-74.
5. Климоновский А.С., Юзьвак С.А. Некоторые особенности условий проведения опроса как одного из важных оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыскной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 10 (185). – С. 261-263.
6. Курысов К.Н. Некоторые аспекты проведения оперативно-розыскных мероприятий «опрос» и «наведение справок» с использованием мессенджеров // Вестник Владимира юридического института. – 2024. – № 2 (71). – С. 45-49.
7. Лыско Е.А. История, проблема теории и практики современного оперативного опроса // Научно-практический журнал «Юридическая наука» № 11 – Москва: 2025. – С. 491-496.
8. Манагарова М.С. Роль оперативно-розыскного мероприятия «опрос» в оперативно-розыскной деятельности // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. Материалы XIX всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск: 2024. – С. 167-170.
9. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека // URL: https://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28228/ (дата обращения: 26.01.2026).
10. Хусаинов Р.Р. Некоторые проблемные вопросы организации и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 1 (21). – С. 83-90.
11. Шинкевич А.М., Букшта Н.Г. Роль и место оперативного опроса в оперативно-розыскной деятельности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2021. – № 2 (50). – С. 88-94.

History and theory of human and civil rights and freedoms during an operational survey

Lysko E.A.

Murmansk Arctic University

In the modern Russian law enforcement system, the operational survey occupies a paradoxical position. Tactically and legally, it is used as a mass tool for primary information collection, but it remains in the "procedural shadow" zone, and it does not impose mandatory obligations or responsibilities on officials or citizens during its implementation. The relevance of this research is driven by the need to address controversial discussions and emerging conflicts between public and private law, as well as the tension between the state apparatus and the sanctity of private life. In a situation where the line between voluntary conversation and interrogation is blurred, the lack of clear guidelines creates a breeding ground for systemic violations of citizens' constitutional rights, which, as noted in the article, is supported by statistics from prosecutorial supervision. The purpose of this work is to use historical experience, the theory of rights and obligations of law enforcement agencies and citizens, and scientific methods to change the legal nature of interrogation in order to develop.

Keywords: guarantees of individual rights, evidentiary value, history of investigation, constitutional rights, covert measures, operational investigative activities, operational survey, legal regulation, prosecutorial supervision, procedural form

References

1. Akhtamshozoda S.A. Operational survey and its importance in the prevention and detection of crimes // Science and Security. – 2024. – №. 3 (9). – Pp. 84-89.
2. Dushkin S.V. Statistical analysis of the activities of the regional prosecutor's office in the field of combating crime // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/upload/iblock/99e/g2ks123jdeg781vdyivdkqq7wnnlv489.pdf> (date of application: 01/26/2026).
3. Dytchenko G.V., Nikitin E.L. Legality of operational search measures restricting constitutional rights citizens // Criminalist. – 2011. – №. 1 (8). – Pp. 101-108.
4. Zheltok D.S. On the grounds for conducting an operational survey, observation and operational inspection that do not require the approval of the prosecutor // Scientific search for cadets. Collection of materials of the International Scientific Conference. – Mogilev: 2024. – Pp. 73-74.
5. Klimovsky A.S., Yuzvak S.A. Some features of the survey conditions as one of the important operational investigative measures in operational investigative activities // Eurasian Law Journal. – 2023. – №. 10 (185). – Pp. 261-263.
6. Kurysev K.N. Some aspects of conducting operational investigative measures "survey" and "making inquiries" using messengers // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2024. – №. 2 (71). – Pp. 45-49.
7. Lysko E.A. History, Theory and Practice of Modern Operational Policing // Scientific and Practical Journal "Legal Science" №. 11 – Moscow: 2025. – Pp. 491-496.
8. Managarova M.S. The role of the operational search event "survey" in operational search activities // Humanitarian and legal problems of modern Russia. Materials of the XIX All-Russian scientific and practical conference. – Novosibirsk: 2024. – Pp. 167-170.
9. Review of the practice of interstate bodies for the protection of human rights and fundamental freedoms // URL: https://www.vsrif.ru/documents/international_practice/28228/ (date of application: 01/26/2026).
10. Khusainov R.R. Some problematic issues of the organization and conduct of the operational search event "survey" // Society, law, statehood: a retrospective and perspective. – 2025. – №. 1 (21). – Pp. 83-90.
11. Shinkevich A.M., Bokshta N.G. The role and place of operational questioning in operational investigative activities // Issues of criminology, criminalistics and forensic examination. – 2021. – №. 2 (50). – Pp. 88-94.

Криминалистическая характеристика деяний, связанных с организацией «групп смерти» в мессенджере «Telegram»: проблемы выявления и расследования

Чурсин Роман Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Настоящее исследование посвящено разработке криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьями 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], механизм совершения которых реализуется в среде мессенджера «Telegram». Актуальность темы обусловлена экспансией цифрового пространства как площадки для противоправной деятельности, направленной на склонение несовершеннолетних к суициду, а также высокой латентностью и сложностью раскрытия подобных деяний. Цель работы – систематизация криминалистически значимых признаков и построение алгоритма первоначальных следственных действий с учётом технологических особенностей платформы «Telegram». На основе анализа современных способов совершения преступлений, специфики цифровой среды и профиля правонарушителей предлагается комплексный подход к сбору и фиксации электронных доказательств. Отдельное внимание уделяется дискуссии о потенциальной роли института верификации пользователей как превентивной меры. Методология включает формально-логический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна заключается в адаптации криминалистического инструментария к реалиям зашифрованных коммуникационных сервисов.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, киберпреступность, склонение к самоубийству, «Telegram», цифровые следы, расследование, верификация личности, анонимность.

Введение

Феномен опосредованного интернетом склонения несовершеннолетних к лишению себя жизни продолжает оставаться серьёзной угрозой национальной безопасности. Законодательное введение специальных составов преступлений (ст. 110.1, 110.2 УК РФ) не привело к формированию устойчивой правоприменительной практики, а сами нормы подвергаются обоснованной критике за излишнюю сложность и декларативность [10; 12]. Трансформация способов совершения преступления ведёт к миграции деструктивной активности в коммуникационные среды с повышенным уровнем анонимности, среди которых лидирующие позиции занимает мессенджер «Telegram». Дистанционный характер противоправного воздействия, как справедливо отмечается в доктрине, создаёт для преступника психологический комфорт и ощущение безнаказанности [7]. В данном контексте разработка специализированных криминалистических методик, релевантных технологическим реалиям современных платформ, приобретает характер насущной научно-прикладной задачи.

Криминогенный потенциал мессенджера «Telegram» как операционной среды. В отличие от традиционных социальных сетей, архитектура «Telegram» изначально проектировалась вокруг принципов приватности и безопасности, что, парадоксальным образом, сформировало уникальную среду для криминальной самоорганизации.

Технологические способы конспирации, часто используемые в противоправных целях:

1. Функционал по созданию публичных, частных и «секретных» чатов, последние из которых поддерживают сквозное шифрование и режим самоуничтожения сообщений.

2. Возможность администрирования каналов с неограниченной аудиторией для первичного привлечения и селекции потенциальных жертв.

3. Интеграция ботов, способных к автоматизированному скрипингу пользовательского контента, массовой рассылке приглашений и материалов деструктивного характера.

4. Механизм «локального удаления» переписки для всех участников диалога, существенно осложняющий процедуру доказывания.

Особенности целевой аудитории и тактики вербовки: демографическая база «Telegram» неуклонно расширяется, охватывая в том числе подростковую аудиторию. Процесс вовлечения часто инициируется через подписные каналы, мимикрирующие под легитимные сообщества психологической помощи, поддержки лиц с депрессивными расстройствами или дискуссионные площадки экзистенциальной направленности. Пользователи, проявившие уязвимость, становятся объектами таргетированных персональных приглашений в закрытые чаты от лица администраторов или автоматизированных систем.

Помимо суицидально-ориентированных сообществ, мессенджер «Telegram» стал платформой для иных форм организованного деструктивного влияния на несовершеннолетних. Ярким примером служит деятельность закрытого чата «Леонардо дай винчик», который под видом об-

суждения искусства и психологии фактически культивировал среди подростков атмосферу вседозволенности, пошлости и сексуализированного контента, вовлекая несовершеннолетних в обсуждения и практики, грубо нарушающие нормы морали и права.

Структурные элементы криминалистической характеристики. Способ совершения представляет собой многоступенчатый процесс: 1) создание публичного канала-приманки с депрессивным контентом; 2) мониторинг и отбор эмоционально уязвимых подписчиков; 3) их адресное приглашение в закрытый чат; 4) системная коммуникация, направленная на культивацию суицидальных настроений через «задания» и ведение «дневников»; 5) финальное прямое побуждение к суициду, часто с элементами шантажа [9]. Внутри чатов действуют строгие правила, например, запрет на скриншоты.

Следы подразделяются на: цифровые (логи приглашений, фрагменты переписки, ID пользователей, данные подписок, кэшированные файлы); вещественные: электронные устройства (смартфоны, ПК), рукописные дневники, орудия суицида.

Личность преступника: анонимный аккаунт, зарегистрированный на «анонимный» номер. Сам преступник чаще всего может находиться за рубежом. Правила пользования сервисом поощряют подобные действия (интернациональность, глобализм, приватность – основные поступаты данного сервиса). Стиль общения – манипулятивный, сочетающий мнимую поддержку с психологическим давлением. Техническая грамотность средняя или высокая.

Личность потерпевшего: несовершеннолетний, проявляющий в цифровой среде признаки психоэмоционального неблагополучия и социальной изоляции. Косвенные признаки: резкое увеличение времени в мессенджере, выход от реального общения, изменения в поведении [4; 5].

Алгоритм организации первоначального этапа расследования. Типовая следственная ситуация: Поступление информации о завершённом суициде или его попытке несовершеннолетним при наличии сведений о его участии в подозрительных чатах «Telegram».

Мгновенное обеспечение сохранности электронных доказательств: производство осмотра электронного устройства потерпевшего (смартфон, ПК) с обязательным привлечением специалиста в области компьютерно-технической экспертизы и законного представителя, а также с обязательным переводом мобильного устройства в «авиарежим», иначе все чаты (как это часто бывает) могут быть дистанционно зачищены.

Фиксации подлежат: перечень установленных мессенджеров; история чатов и каналов в «Telegram» (включая секретные, при сохранении доступа); кэшированные изображения и файлы; учётные данные аккаунта. Все действия документируются протоколом с использованием криминалистической аппаратуры.

Легализованное истребование информации у владельца платформы осуществляется в рамках ст. 186.1 УПК РФ [2].

Идентификация круга пострадавших лиц: анализ состава участников проблемного чата, полученный в результате осмотра устройств или изучения переписки. Оперативное взаимодействие с родителями иных несовершеннолетних участников для производства осмотра их гаджетов с целью документирования единой схемы противоправного воздействия.

Проведение ряда судебных экспертиз: компьютерно-техническая экспертиза для извлечения, анализа и атрибуции цифровых артефактов; психолого-лингвистическая экспертиза для установления факта целенаправленного склонения к суициду, определения стратегий и приёмов психологического воздействия в текстовой коммуникации

[6]; психолого-психиатрическая экспертиза (в отношении потерпевшего) для оценки его психического состояния, уровня внушаемости и степени влияния информационного воздействия; также возможен ряд специальных исследований в отношении устройств, на которых была выполнена зачистка.

Верификация личности в мессенджерах в контексте противодействия киберпреступности. В поисках ответа на вызовы анонимной преступности в сети дискутируется гипотеза о внедрении обязательной процедуры верификации пользователей, например, через отечественный мессенджер «Мах» с интеграцией в государственные идентификационные сервисы. Теоретически подобная мера могла бы повысить транзакционные издержки для создания анонимных криминальных аккаунтов. Тем не менее, данный подход вступает в концептуальный конфликт с гарантированным Конституцией РФ правом на тайну переписки (ч. 2 ст. 23) [13].

Более соразмерной и соответствующей принципу правовой определённости видится иная модель. Например, введение обязанности пройти верификацию для администраторов публичных каналов и сообществ, чья аудитория превышает установленный количественный порог (к примеру, 1000 подписчиков), где риски масштабирования деструктивного контента максимальны, а также введение процедуры верификации для владельцев скрытых каналов, секретных чатов. Подобный регуляторный механизм не ликвидирует анонимность как таковую, но повысит уровень персональной ответственности организаторов крупных деструктивных структур, не затрагивая сферу приватного межличностного общения.

Заключение. Результативность процессуальной деятельности по делам о «группах смерти» в «Telegram» находится в прямой корреляции со скоростью и профессиональным качеством работы с цифровым следом на самом раннем этапе. Сформулированные элементы криминалистической характеристики и предложенный алгоритм действий призваны структурировать работу следственно-оперативной группы, обеспечить всесторонний сбор доказательств и создать основания для деанонимизации преступников. Критическую важность приобретает межведомственное и междисциплинарное взаимодействие с экспертами в сфере ИТ, цифровой криминастики, психологии и лингвистики. Дискуссия о превентивной роли верификации пользователей нуждается в глубоком и взвешенном обсуждении, ориентированном на поиск баланса между интересами безопасности, незыблемостью фундаментальных прав и необходимостью адекватного ответа на эволюционные вызовы киберпреступности. Для формирования эффективной правоприменительной практики по ст. 110.1, 110.2 УК РФ требуется не только совершенствование криминалистического арсенала, но и устранение выявленных в правовой доктрине законодательных коллизий и дефинитивных пробелов.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Распоряжение Правительства РФ от 18.09.2019 № 2098-р «Об утверждении Комплекса мер до 2020 года, направленных на совершенствование системы профилактики суицидов среди несовершеннолетних» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

4. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2022 год. – URL: <http://deti.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

5. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 год. – URL: <http://deti.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2024).

6. Артамонова М.А. Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 63–66.

7. Артюшина О.В. Насильственная преступность и IT-технологии // Lex russica. – 2019. – № 9. – С. 77–84.

8. Бетинев В.Р. Понятие и виды преступлений в сфере организации киберпространства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2017. – 30 с.

9. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. – 2016. – № 4. – С. 36–48.

10. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новел // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 75–82.

11. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 230 с.

12. Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства и до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правового преследования в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9. – С. 27–40.

13. Чурсин Р.С. Право на тайну переписки в Российской Федерации: декларация и реальность // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2023. – № 7(47). – С. 45–51.

14. Яковлев И.П., Исхаков И.И. Особенности проявления кибербуллинга в социальных сетях // Ученые записки Казанского криминалистического института МВД России. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 19–22.

Forensic Characterization of Acts Related to the Organization of "Death Groups" on the Telegram Messenger: Challenges of Detection and Investigation

Chursin R.S.

A.S. Pushkin Leningrad State University

This study is devoted to developing a forensic characterization of crimes under Articles 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation [1], the mechanism for committing which is implemented in the Telegram messenger environment. The relevance of this topic is determined by the expansion of digital space as a platform for illegal activity aimed at inciting minors to suicide, as well as the high latency and complexity of solving such crimes. The goal of this study is to systematize forensically significant features and develop an algorithm for initial investigative actions, taking into account the technological features of the Telegram platform. Based on an analysis of modern crime methods, the specifics of the digital environment, and offender profiles, a comprehensive approach to collecting and recording electronic evidence is proposed. Particular attention is given to the discussion of the potential role of user verification as a preventative measure. The methodology incorporates formal-logical, comparative-legal, and systemic methods. The scientific novelty lies in the adaptation of forensic tools to the realities of encrypted communication services.

Keywords: forensic characteristics, cybercrime, suicide incitement, Telegram, digital traces, investigation, identity verification, anonymity.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 24.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 24.04.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (Part I). - Art. 4921.
3. Order of the Government of the Russian Federation of September 18, 2019, No. 2098-r, "On Approval of the Set of Measures until 2020 Aimed at Improving the System of Suicide Prevention Among Minors" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed: May 15, 2024).
4. Report on the Activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights of the Russian Federation for 2022. – URL: <http://deti.gov.ru> (accessed: May 15, 2024).
5. Report on the Activities of the Presidential Commissioner for Children's Rights of the Russian Federation for 2021. – URL: <http://deti.gov.ru> (accessed: May 15, 2024).
6. Artamonova, M.A. Certain issues of qualification of incitement to suicide and incitement to commit suicide // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 3. - Pp. 63-66.
7. Artyushina O.V. Violent crime and IT technologies // Lex russica. - 2019. - No. 9. - Pp. 77-84.
8. Betinev V.R. Concept and types of crimes in the sphere of organization of cyberspace: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. - Kazan, 2017. - 30 p.
9. Krylova N.E. "Death groups" and teenage suicide: criminal law aspects // Criminal law. - 2016. - No. 4. - Pp. 36-48.
10. Krylova N.E. Liability for Incitement to Suicide and Complicity in the Suicide of Another Person under the Criminal Law of the Russian Federation: An Assessment of Legislative Innovations // Criminal Law. - 2018. - No. 1. - P. 75-82.
11. Ukolova Yu.A. Problems of Qualifying Incitement to Suicide as a Criminal Act: Diss. ... Cand. Sciences (Law). - Moscow, 2008. - 230 p.
12. Khatuev V.B. Incitement to Suicide and Attempted Suicide: Formation, Status, and Problems of Criminal Prosecution in Russian Criminal Legislation // Current Problems of Russian Law. - 2019. - No. 9. - P. 27-40.
13. Chursin R.S. The Right to Privacy of Correspondence in the Russian Federation: Declaration and Reality // Issues of Modern Jurisprudence: Coll. Articles Based on the Materials of the XLVII International Scientific and Practical Conf. – Novosibirsk: SibAK, 2023. – № 7(47). – Pp. 45–51.
14. Yakovlev I.P., Iskhakov I.I. Features of Cyberbullying on Social Networks // Scientific Notes of the Kazan Forensic Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – Vol. 2. – No. 3. – Pp. 19–22.